

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 1 2019 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

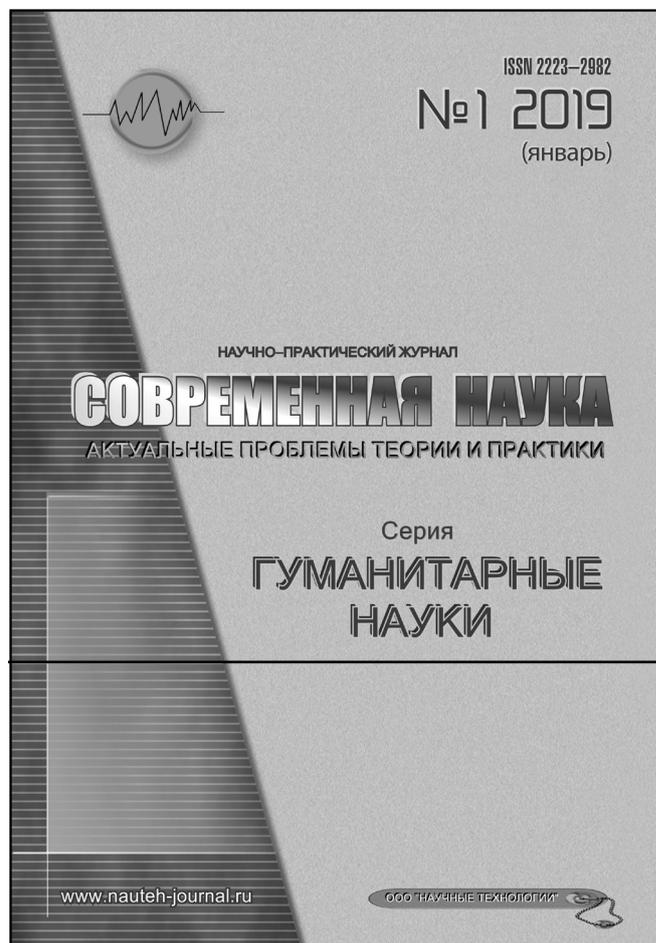
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 1 январь 2019 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 27.12.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им.
М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО), г.н.с.

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ, ректор

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

- Байрамуков А. С.** — Ракетные технологии Третьего Рейха – обратный инжиниринг в СССР
Bayratukov A. — Missile technology of the Third Reich-reverse engineering in the USSR. 6
- Байрамуков А. С.** — Военно-техническое сотрудничество СССР и союзников в период Второй мировой войны
Bayratukov A. — Military-technical cooperation of the USSR and the union employees during the second World War. 10
- Ковалев С. С.** — Борьба патрициев и плебеев, ее влияние на формирование политической системы Рима
Kovalev S. — The struggle of patricians and plebeians, its influence on the formation of the political system of Rome 14
- Лебедева О. В.** — Обеспечение информационной безопасности в системе МИД и загранучреждениях в эпоху цифровой дипломатии в России
Lebedeva O. — Information security in the foreign ministry and the diplomatic missions in the age of digital diplomacy in Russia 18
- Лукманова А. Ф.** — Деятельность масонской русской эмиграционной ложи «Северная Звезда»: историография проблемы
Lukmanova A. — The activities of the Masonic Russian émigré lodge “North Star”: the historiography of the problem. 22
- Письменная Т. Г., Рябиков А. Н., Погорелов С. С.** — К вопросу об особенностях развития государственно-конфессиональных отношений на Кубани в конце XVIII- первой четверти XIX вв
Pismennaya T., Ryabikov A., Pogorelov S. — To the question about the peculiarities of the development of church-state relations in the Kuban region in late XVIII – first quarter of XIX centuries 26

- Письменная Т. Г., Рябиков А. Н., Погорелов С. С.** — К вопросу об историографии изучения государственно-конфессиональных отношений на Кубани
Pismennaya T., Ryabikov A., Pogorelov S. — To the question about the historiography of the study of church-state relations in the Kuban 31
- Пустовойт Г. А.** — Основные этапы геологических исследований на Северо-Востоке России в 1926–1960 гг
Pustovoyt G. — The main stages of geological investigations in the North-East of Russia in the period of 1926–1960. 35
- Топал Н. М.** — Популяризация регионального молодежного градозащитного движения в условиях информатизации общества
Topal N. — Popularization of the regional youth protection movement in the conditions of information society. 41
- Харсиев Б. М.-Г.** — К вопросу об эволюции религиозных практик горцев Кавказа: Мят-Лоам священная гора ингушей
Kharsiyev B. — To the question of the evolution of religious practices of the mountaineers of the Caucasus: Mints-Loam sacred mountain Ingush 44
- Шкарубо С. Н.** — Основные направления в политике Николая I по решению крестьянского вопроса: (историография проблемы)
Shkarubo S. — The main directions in policy of Nikolay I on the solution of the peasant question: (historiography of the problem) 48
- Щеглов Н. В.** — Переустройство окружного церковного управления в трудах Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г
Shcheglov N. — Reorganization of the county Church governance in the decisions of the all-Russian Congress of clergy and laity 1917 52

Педагогика

Азизханова А. Э. — Уровень словообразовательных знаний, умений и навыков учащихся лезгинской школы по английскому, русскому языкам
Azizkhanova A. — Level of word-building knowledge, skills and abilities of students of the Lezgin school in English, Russian 55

Бикбаев В. М. — Иноязычные коммуникации в военно-профессиональной деятельности офицера Сухопутных войск Российской Федерации
Bikbaev V. — Foreign language communications in military-professional activity of the officer of Land forces of the Russian Federation 59

Гам В. И., Михайлова В. Е. — Дополнительное профессиональное образование: современный контекст
Gam V., Mikhailova V. — Continuing professional education: contemporary context 65

Глоткина А. А. — О некоторых недостатках использования модульной объектно-ориентированной дистанционной учебной среды при изучении иностранных языков
Glotkina A. — Modular object-oriented dynamic learning environment and its soft spots as a tool to teach foreign languages 69

Глоткина А. А. — Производственный роман как педагогическое средство подготовки к профессиональной коммуникации менеджеров авиационной индустрии в процессе обучения иностранному языку
Glotkina A. — Occupational fiction as a training tool to prepare would-be managers in aviation industry for professional communication in foreign languages 73

Ли Миншу — Языковой портфель как средство контроля при обучении чтению на русском языке как иностранном китайских студентов-филологов
Li Mingshu — Language portfolio as means of leaning control when teaching Chinese Philologists reading in Russian as a foreign language 77

Обухова Л. Ю. — Особенности образования для устойчивого развития
Obukhova L. — Features of education for sustainable development 81

Осипян Т. Г. — Влияния исторических факторов на развитие орфографической системы английского языка
Osipyayn T. — The influence of historical factors on the development of English spelling. 85

Ошкина Е. С., Киркина Е. Н., Крымова И. П. — Приобщение дошкольников-билингвов к фольклору (на материале пословиц и поговорок)
Oshkina E., Kirkina E., Krymova I. — Introduction preschoolers-bilinguals to folklore (on the material of proverbs and sayings) 90

Тараторин Е. В. — Разновидность сценариев современных корпоративных программ: специфика реализации на практике
Taratorin E. — The variety of scenarios of contemporary corporate programs: the specifics of the implementation 96

Шлангман М. К. — Культурологический аспект в грамматических структурах английского и русского языков
Shlangman M. — Cultural aspect in grammar structures of English and Russian languages 102

Филология

Быкова Г. И., Петрова Е. Э., Никулина Е. Ф. — Языковая ситуация в Германии. Опыт социокультурного анализа
Bykova G., Petrova E., Nikulina E. — Language situation in Germany. The experience of socio-cultural analysis 106

Ведута О. В. — Символика цветообозначения «white» в идиоматической картине мира английского языка
Veduta O. — Symbolism of the colour term “white” in the idiomatic worldview of the English language 113

Гафатуллина Н. Р., Артамонова А. А. — Сходство значений пословиц разных народов на примере английского, русского и татарского языков
Gafatullina N., Artamonova A. — Similarity of the proverbs in different nationalities by the example of the English, Russian and Tatar languages. 117

Дин Нин — Культурно обусловленные трудности перевода романов И. С. Тургенева на китайский язык (на материале переводов романов «Рудин» и «Отцы и дети»)	Сахроков В. А. — Отрицательная и положительная полярности в информационном поле английского предложения
<i>Ding Ning</i> — Culturally conditioned difficulties in translating the novels by Ivan S. Turgenev into Chinese (based on the translations of the novels «Rudin» and «Fathers and sons») 121	<i>Sakhrokov V.</i> — Negative and positive polarity in the information field of an English sentence 150
Долгополова М. В. — Когнитивное пространство «добро – зло» в поговорках русского языка	Сяо Цзинъюй — О текущем состоянии исследований “соборности” в русской классической литературе в Китае
<i>Dolgopolova M.</i> — Cognitive space “good – evil” in the proverbs of the Russian language 126	<i>Xiao Jingyu</i> — On the Current Research Status of the Concept “Cobornost” in Russian Classical Literature in China 156
Ким Ю. В. — Политическая тема в академическом романе «Наставники» Ч. П. Сноу	Тан Цзин — Рецепция книги «Федор Сологуб» Марии Савельевы
<i>Kim Yu.</i> — Political theme in C. P. Snow’s academic novel <i>The Masters</i> 129	<i>Tang Jing</i> — The reception of the book “Fedor Sologub” by Maria Savelieva 161
Костенко Д. Е. — Трансформация экзистенциальной категории свободы в литературной и политической публицистике З. Н. Гиппиус 1924–1938 гг	Тан Цзин — Система символов в рассказах Ф. Сологуба
<i>Kostenko D.</i> — The transformation of an existential kind of freedom in literary and political journalism, Z. N. Gippius 1924–1938 gg. 132	<i>Tang Jing</i> — The system of characters in the stories of F. Sologub 164
Куновски М. Н., Диневиц И. А., Майерс Г. Н. — К вопросу о функционировании слов категории состояния в публицистических текстах русского языка	Хусиханов Ш. А. — Трактовка понятия идиомы и идиоматичности в работах отечественных и зарубежных исследователей
<i>Kunovski M., Dinevich I., Myers G.</i> — To the question of the words of the category of state in the Russian publicistic text 137	<i>Khusikhanov Sh.</i> — Interpretation of the concept of the idiom and idiomaticity in works domestic and foreign researchers. 169
Курченкова М. В. — Отражение спортивных событий в новостных заметках европейских СМИ	Чалая Ю. П. — Колониальные мотивы в русских переводах рассказов У. С. Моэма
<i>Kurchenkova M.</i> — The reflection of sport events in the news articles of European media 141	<i>Chalaya Ju.</i> — Colonial motives in Russian translations of stories by W. S. Maugham 172
Рустамханлы Т. — Роль поэта и драматурга М. Ф. Ахундова и основоположника национальной печати Г. М. Зардаби в развитии азербайджанской литературы и публицистики	Чезыбаева Н. В. — Цветовая концептуализация мира: страх и бесстрашие в английском языковом сознании
<i>Rustamkhanli T.</i> — The role of the poet and playwright M. F. Akhundov and the founder of the national press G. M. Zardabi in the development of Azerbaijan literature and journalisme 146	<i>Chezybaeva N.</i> — Color conceptualization: fear and courage in the English linguistic consciousness. 175
	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 181
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 183

РАКЕТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА — ОБРАТНЫЙ ИНЖИНИРИНГ В СССР

MISSILE TECHNOLOGY OF THE THIRD REICH-REVERSE ENGINEERING IN THE USSR

A. Bayramukov

Summary. This paper examines the state of German rocket technologies, the policy of the Soviet Union regarding German technologies and highly skilled rocket engineers, how reverse engineering took place, and in which areas of the Third Reich's rocket technologies, analyzes the significance of reverse engineering for the development of high technologies in the Soviet Union and the sphere of defense.

Keywords: Versailles Peace, restrictions in traditional weapons, Peenemünde, Hitler, innovative missile weapons, reverse engineering, the Berlin and Nordhausen institutes, and innovative weapons.

Байрамуков Арасул Сосланбекович

*К.и.н., доцент, Карачаево-Черкесский Государственный
Университет
rasulba@yandex.ru*

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются состояние германских ракетных технологий, политика Советского Союза в отношении германских технологий и высококлассных специалистов ракетчиков, каким образом происходил обратный инжиниринг и по каким направлениям ракетных технологий Третьего Рейха, анализируется значение обратного инжиниринга для развития высоких технологий в Советском Союзе и в сфере обороноспособности.

Ключевые слова: Версальский мир, ограничения в традиционных вооружениях, Пенемюнде, Гитлер, инновационное ракетное оружие, обратный инжиниринг, институты «Берлин» и «Нордхаузен», и инновационное оружие.

В период Второй мировой войны происходило противоборство не только армий и военачальников, но и грандиозное противоборство мысли конструкторов и инженеров военной техники. Вторая мировая война была справедливо названа «войной моторов», именно в ее период исключительно возросла роль новейших инновационных военных технологий и техники. А одним из инновационных и революционных видов оружия, массово применяемых в период этой войны, стало ракетное оружие. Лидерство в этой сфере вооружения добились немецкие инженеры, благодаря таланту немецких конструкторов Германия получила прорывные инновационные ракетные технологии, которые позволили ей создать весьма мощные виды вооружения. Немецким инженерам конструкторам удалось создать столь продвинутые ракетные технологии, что германская промышленность стала массово выпускать — баллистические ракеты дальнего радиуса действия, управляемые планирующие бомбы с ракетным двигателем, ракеты класса «воздух — воздух» и «воздух — земля», реактивные противотанковые гранатометы и реактивной артиллерии.

Интенсивному развитию ракетных технологий Германии способствовали условия Версальского договора, которые наложили жесткие ограничения на Берлин по развитию традиционных видов вооружения, при этом статьи договора не содержали каких-либо ограничений для развития ракетных технологий. Следует отдать должное немецким политикам, военным, промышленникам сумевшим по достоинству определить потенциал

в будущем ракетной техники. Благодаря таланту немецких ученых конструкторов и инженеров Германия смогла добиться в этой сфере колоссальных результатов.

В 1929 году министр рейхсвера отдал приказ начальнику отдела баллистики и боеприпасов начать опытные научно — конструкторские работы по применению ракетных технологий в военной сфере. В 1932 года научно-конструкторские исследования в сфере баллистических ракет проводились в экспериментальной лаборатории Вольтера Дорнбергера, в которой уже работал, в будущем известный на весь мир, ракетчик Вернер фон Браун.

В 1933 году германским ученым и конструкторам удалось создать первую баллистическую ракету жидкостного ракетного двигателя которая получила обозначение А1. В декабре 1934 года были проведены успешные испытания на острове Боркум в Северном море.

Генерал Фрич, исходя из итогов испытаний ракет на острове Боркум, отдал распоряжение начать работы по созданию баллистической ракеты с дальностью полета 275 км с боевой частью в 1000 кг.

Позднее, стремясь сохранить высокий уровень секретности и безопасности при проектировании ракетных техники и технологий, был создан мощный научно-исследовательский центр на острове Узедом близ побережья Балтийского моря вблизи деревни Пенемюнде. Ракетный центр Пенемюнде, стал первым в мире вы-

сококлассным научно-исследовательским центром, способным проектировать и создавать ракетные комплексы всех классов.

В марте 1939 года в Куммерсдорфе при присутствии Адольфа Гитлера проходят стендовые испытания реактивного двигателя ракеты опять. На фюрера они произвели весьма сильное впечатление, и Гитлер обещал Вернеру фон Брауну всяческое содействие.

Фюрер потребовал от фон Брауна создать боевую баллистическую ракету большого радиуса полета на базе опять. В Пенемюнде начинают научные конструкторские работы, которые привели к прорыву в военной технологии и в военном деле. Козывка разрабатываемая ракета получила индекс А4. Вскоре ракетный комплекс получил название фау-2, это был серьезный инновационный прорыв в военных технологиях. Ракета фау-2 состояла более чем из 30000 деталей, протяженность электрических кабелей в ракете превышала общей длиной 35 км. Тяга ракетного двигателя фау-2 достигла 27250 кг и сама ракета достигла максимальной скорости 1500 м в секунду. Непосредственно мощность реактивного двигателя ракеты составила более 600000 лошадиных сил. На испытаниях фау-2 показала радиус действия от 290 до 300 км а некоторые экземпляры ракет достигли дистанции 335 км, что являлось колоссальным достижением аэрокосмических технологий.

Фюрер надеялся, что массированные ракетные удары фау-2 вынудят англичан выйти из войны. Соответственно с 8 сентября 1944 года и по 23 марта 1945 года вооруженные силы Третьего Рейха стали систематически подвергать обстрелу ракетами фау 2 территории Голландии и Великобритании.

За весь период по Великобритании были нанесены удары 1269 фау-2, а по целям на континенте 1739 ракет. Массированное применение ракет позволило в определенной мере нивелировать их большое отклонение, на испытаниях ракеты показали отклонения от цели при пуске на 190 км в 4 км. Ни ПВО Великобритании, ни ПВО союзников не имели средств противодействия фау-2 и уже после войны Уинстон Черчилль признавал отрицательное психологическое воздействие на граждан Англии ракетных атак.

Осознав уровень ракетных технологий нацистской Германии, союзники особенно Советский Союз и США предприняли исключительные усилия по поиску и сбору германских новейших ракетных технологий и специалистов для отправки США и Советский Союз.

Соответственно спецслужбы Соединенных Штатов Америки провели две масштабные специальные опера-

ции «Скрепки» и «Сплошная облачность», в ходе которых произошел тщательный поиск и сбор высококлассных немецких специалистов, технологий, образцов вооружений и научно-технической документации. В итоге концу 1947 года по завершении этих операций в Соединенные Штаты Америки были вывезены 1800 инженеров-конструкторов и учёных и свыше 3700 членов их семей.

11 апреля 1945 года американские танки пехотинцы захватили завод «Миттельверк» где обнаружили 89 ракет фау-2. Спецгруппам американской разведки удалось найти Вернера фон Брауна и свыше 300 ведущих немецких специалистов в области ракетной техники и доставить их в США. Позднее техническая документация, ракеты и другое оборудование на 16 транспортных судах были доставлены Соединённые Штаты. Немецкая ракетная техника и технология стали для американских специалистов настоящим откровением, позднее совместно германские и американские специалисты под руководством Вернера фон Брауна разработали и создали первое поколение американских баллистических ракет и ракет носителей искусственных спутников Земли. Можно уверенно сказать, что германские ракетные технологии стали фундаментом и основой для американской космонавтики и ракетной техники.

Руководство Советского Союза также адекватно оценило потенциал и возможности ракетных технологий Третьего Рейха и предприняло энергичные меры по добытию германских ноу-хау. Ракетчики были репрессированы, а сами работы по ракетной проблематике были свернуты. Соответственно создавать новое поколение советского ракетного оружия пришлось практически с чистого листа, на основе германских ракетных технологий. Исключительно в короткие сроки советская разведка смогла собрать конструкторскую документацию, детали ракет, найденное оборудование, немецких специалистов ракетчиков оказавшихся в советской зоне оккупации. Они стали базой для созданных институтов «Берлин» и «Нордхаузен» где стали трудиться немецкие ракетчики, воссоздавая утерянные чертежи и технологии по ракете фау-2.

13 мая 1946 года решением партии и правительства создаётся НИИ — 88 в Подлипках, в наше время ЦНИИ машиностроения, этот научно-исследовательский институт превратился в ведущий центр советского ракетостроения. Соответственно советских инженеров вернули работать в столицу и в НИИ в Подлипках, а германских специалистов поселили на острове Городомля на озере Селигер, для работы в филиале № 1 НИИ-88. В филиале стали работать свыше 150 специалистов-ракетчиков, среди германских ракетчиков имелось 13 профессоров, 32 доктора-инженера, 85 дипломированных инженеров и 21 инженер-практик.

Освоение технологии ФАУ-2 шло очень высокими темпами, данную проблематику вели свыше 30 специализированных научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро по своим НИОКР. Промышленность Советского Союза в кратчайшие сроки осваивала выпуск новых материалов, для копирования ФАУ-2 от оборонной промышленности потребовалось освоить выпуск свыше 200 видов сплавов стали, резинотехнических изделий и тканей, промышленность Советского Союза выпускала только порядка половины требуемых материалов. Однако потенциал советских специалистов, порыв работников оборонной промышленности Советского Союза, успешная совместная работа советских и немецких конструкторов позволила к октябрю 1947 года, наладить выпуск ракет ФАУ-2 и провести на полигоне Капустин Яр запуск 11 баллистических ракет собранных из немецких деталей, из которых 6 ракет ФАУ-2 были собраны конструкторами и рабочими НИИ — 88. А 8 октября 1948 года стартовые позиции полигона заняла ракета 8А11 или объект «Волга», которая представляла собой также копию фау-2, но уже полностью собранная из деталей советского производства. Сама ракета была модернизирована с учетом новейших разработок в ракетной технике и пройдя цикл жестких государственных испытаний в 1951 году была принята на вооружение советских Вооруженных сил под индексом Р1. Полученные знания, технологии и опыт позволил Советскому Союзу создавать в дальнейшем более мощные, более дальнобойные ракетные комплексы.

Советский военно-промышленный комплекс экспериментировал с самолётом снарядом ФАУ-1. С конца 1944 года на авиазаводе номер 51 Наркомата авиационной промышленности Советского Союза начали создавать копию фау-1, источником для этих инженерных работ стал самолет снаряд ФАУ-1 предоставленный СССР Великобританией и ряд деталей конструкции ракеты обнаруженных в Польше. В августе 1944 года копии ФАУ-1 обозначенные в Советском Союзе как «10Х» подвергли испытаниям: 63 самолёта — снаряда были запущены с бомбардировщиков ПЕ 8. Испытания показали низкие результаты по точности поражения целей, лишь только 30% выпущенных самолетов — снарядов показали требуемый результат, аналогичный процент точности показывали и образцы немецкого производства.

Модернизацией самолета — снаряда 10Х занимался коллектив конструкторов под руководством В.Н. Челомея, в ходе их работ вскоре появились модификации крылатой ракеты 10ХН и 16Х, которые обладали требуемой высокой эксплуатационной надежностью, лучшими показателями по точности поражения, но тем не менее характеристики точности крылатых ракет советских военных не устроили. В августе 1952 года с бортов бомбардировщиков ТУ 4 были произведены испытательные

пуски модификации 16х, которые показали точность попадания в прямоугольник со сторонами 7,6х10,7 км. Данные показатели кучности стрельбы военные специалисты Советской армии сочли неприемлемым. В дальнейшем приказом Сталина в конце 1952 года работы по модернизации ФАУ-1 были прекращены.

В ходе боевых действий Советская армия высоко оценила боевые возможности реактивного гранатомета «фаустпатрон» и «панцерфауст», соответственно после войны, осознав потенциал данного вида оружия, существенные усилия были затрачены на изучение и модернизацию данного типа оружия. Лейпцигский филиал института «Берлин» получил задание доработать «панцерфауст 150» и «панцерфауст 250» с учетом возможностей советской оборонной промышленности для их массового выпуска и оснащения Советской Армии. Конструкторское бюро «Нордхаузен» подготовило техническую документацию на выпуск взрывателей гранатометов обоих типов. Однако в ходе испытаний советских военных специалистов больше заинтересовал гранатомет «панцерфауст 150», в тоже время как «панцерфауст 250» не выдержал испытаний. Для дальнейшей модернизации этого оружия в конце октября 1946 года германские специалисты были перевезены из Германии в Советский Союз, в поселок Красноармейский расположенный в Московской области, где стали сотрудничать с советскими военными инженерами в рамках конструкторского бюро КБ 3 Министерства сельскохозяйственного машиностроения.

Впоследствии научно-конструкторские заделы полученные в ходе работ по «панцерфауст 150» и «панцерфауст 250» были успешно применены при создании ручного противотанкового гранатомета который был разработан ГСКБ 30 Министерства сельскохозяйственного машиностроения и после испытаний поступил на вооружение сухопутных войск Советского Союза в 1949 году.

Значительный вклад в развитие ракетных технологий Советского Союза внесло глубокое изучение зенитных управляемых ракет Германии: «Вассерфаль», «Шметтерлинг», «Рейнтохтер», «Энциан», «Тафун», «Люфтфауст». Зенитная управляемая ракета «Вассерфаль» для ПВО Третьего Рейха создавалась специалистами ракетного центра в Пенемюнде с конца 1942 года под непосредственным руководством вернера фон Брауна, «Водопад» должен был уничтожать самолёты противника на высотах от 5000 до 15000 м. Ракета «Вассерфаль» считается лучшей зенитной ракетой Второй Мировой войны, Германия не смогла наладить массовый выпуск, но испытания продемонстрировали крайне высокую эффективность. По признанию крупного советского специалиста в области космонавтики и ракетостроения Исаева благодаря изучению ракеты «Вассерфаль» была создана безо-

пасная система возвращения космонавтов из космоса. К тому же на основе ракеты «Вассерфаль» была создана советская ракета — аналог Р101, предназначенная для защиты сухопутных войск, важных административных центров и кораблей советских ВМС. На базе ракеты «Шметтерлинг» была создана ракета Р102, что позволило советским ученым и оборонной промышленности накопить уникальный опыт по разработке и выпуску высокоманевренных ракетных комплексов.

Согласно сведениям историка А. Б. Широкограда, изучение советскими учеными и конструкторами системы ПВО «Тайфун» Германии способствовало созданию легендарной системы залпового огня «Град».

Учитывая всё более возрастающую угрозу для германских вооружённых сил с воздуха, в 1944 году фирма HASAG предложила вермахту переносной зенитный ракетный комплекс «Люфтфауст», который мог обеспечить сухопутные войска эффективной защитой от штурмовой авиации СССР, США и Великобритании при условии массированного применения мобильных комплексов ПВО. После войны Советский Союз были

доставлены образцы переносного зенитного комплекса и техническая документация. В 1966 году перед советскими инженерами закрытого конструкторского бюро или «закрытого ящика» Климовска поставили задачу: на базе «Люфтфауста» создать мобильный переносной зенитно-ракетный комплекс для партизан Вьетнама. К апрелю 1967 года мобильный комплекс ПВО приобрел практические очертания и был представлен на государственные испытания. ПЗРК «Колос» испытывался в период с июня 1967 по май 1968 года и показал достаточно высокие результаты, с его помощью можно было поражать летательные аппараты на высотах до 500 м и уничтожать лёгкую бронетехнику на дальности до 2 км. Соответственно залп семи неуправляемых ракет по огневой мощи сравнивали с огнём 37-мм автоматической зенитной пушки.

Полагаем, что обратный инжиниринг германских ракетных технологий позволил Советскому Союзу существенно поднять уровень свой научно-технологический уровень ракетостроения, повысило обороноспособность, сэкономило значительные средства и время в условиях нарастающей «холодной» войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбине В. Городомля. Немецкие исследователи ракет в России. СПб.: Европейский дом, 2005.
2. Альперович К. С. Так рождалось новое оружие. — М.: Унисерв, 1999.
3. Евтифьев М. Д. Из истории создания зенитно-ракетного щита России. М.: Вузовская книга, 2000.
4. Кисунько Г. В. Секретная зона: исповедь генерального конструктора. М.: Современник, 1996.
5. Носовицкий Г. Е. Продолжение «катюши». М.: Вузовская книга, 2005. Петухов С., Шестов И. История создания и развития вооружения и военной техники ПВО сухопутных войск России. М.: ВПК, 1998.
6. Широкоград А. Б. Энциклопедия отечественного ракетного оружия. 1817–2002. — М.: АСТ; Минск: Харвест, 2003.
7. Широкоград А. Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества / А. Б. Широкоград. — М.: Вече, 2007.
8. Широкоград А. Б. Энциклопедия отечественного ракетного оружия 1817–2002. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2003.
9. Черток Б. Е. Ракеты и люди. — М.: Машиностроение, 1994.
10. Черток Б. Е. Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. М.: Машиностроение, 1997.

© Байрамуков Арасул Сосланбекович (rasulba@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И СОЮЗНИКОВ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE USSR AND THE UNION EMPLOYEES DURING THE SECOND WORLD WAR

A. Bayramukov

Summary. this work is devoted to the comprehensive analysis of various aspects of the military-technical cooperation of the Soviet Union with the countries of the anti-Hitler coalition in the field of aviation armored vehicles and others. The priorities and interests of the anti-Hitler coalition states are considered. In conclusion, conclusions are made on the significance of military-technical cooperation for the USSR.

Keywords: USSR, World War II, Lend-Lease, USSR PZK, Soviet military representatives, Lend-Lease logistics, strategic importance of equipment and materials, exchange of military technical information and military equipment.

Байрамуков Арасул Сосланбекович

К.и.н., доцент, Карачаево-Черкесский Государственный Университет
rasulba@yandex.ru

Аннотация. данная работа посвящена комплексному анализу разнообразных аспектов военно-технического сотрудничества Советского Союза со странами антигитлеровской коалиции в сфере бронетехники авиации и других. Рассматриваются приоритеты и интересы государств антигитлеровской коалиции. В заключении даются выводы о значении военно-технического сотрудничества для СССР.

Ключевые слова: СССР, ВОВ, ленд-лиз, ПЗК СССР, советские военные представители, логистика ленд-лиза, стратегическое значение оборудования и материалов, обмен военно-технической информацией и военной техникой.

Со вступлением Советского Союза во Вторую мировую войну Вашингтон и Лондон предприняли ряд энергичных мер с целью повысить обороноспособность СССР. В период июля-августа 1941 года Лондон подписывает с Москвой два межправительственных соглашения: «О совместных действиях в войне против Германии» и «О товарообороте, кредите и клиринге». 11 марта 1941 года конгресс США утвердил закон о ленд-лизе, первоначально который был ориентирован на всемерную поддержку Великобритании в ее борьбе с нацизмом, однако впоследствии юрисдикция закона о ленд-лизе коснулась и Советского Союза.

7 ноября 1941 год президент США Ф. Рузвельт признал, что оборона Советского Союза является жизненно важной для Соединенных Штатов. В период с 22 сентября по 1-е октября 1941 года в Москве прошли совещания представителей СССР возглавляемой В. М. Молотовым и США под руководством советника президента А. Гарримана, Великобритании, представленной лордом У. Бивербруком. В совещаниях принимал участие председатель Совнаркома СССР И. Сталин. Итогом переговоров стало решение о поставке Советскому Союзу 400 самолетов, 500 танков в месяц. В СССР также должны были прибывать зенитные и противотанковые орудия, боеприпасы и стратегические материалы. Соглашение предусматривало, что вооружение и боевая техника, уничтоженные в ходе боевых действий, стратегические

материалы, использованные в военной промышленности, оплате не подлежат. Годные к эксплуатации снаряжение, вооружения и техника после войны должны быть возвращены США. Уцелевшие после войны материалы, сырье, автотранспорт, железнодорожные локомотивы, морские суда, пригодные к применению в народном хозяйстве, должны быть оплачены полностью или частично на основе долгосрочных американских кредитов.

Вашингтонский от 6-го октября 1942 года, Лондонский от 19-го октября 1943 года и Оттавский от 17-го апреля 1945 года протоколы определяли объемы поставок.

Таким образом, сформировалась четкая государственная система учета и контроля военно-технического сотрудничества. Организация этой системы находилась в ведении Наркомата внешней торговли СССР, возглавляемой А. И. Микояном. Данная задача находилась в компетенции Инженерного отдела, а с 27-го апреля 1942 года Инженерного управления (ИУ) ИКВТ СССР.

За поставки вооружения и материалов отвечала Правительственная закупочная комиссия (ПЗК) СССР в США, созданная в начале 1942 года.

ПЗК отвечал за заключение контрактов по ленд-лизу с США, ведение переговоров по поставкам вооружений

и материалов, транспортировку грузов из США в СССР. Специалисты ПЗК посещали предприятия американских фирм и порты, где они контролировали качество техники и ее отправку в Советский Союз. Советские военные представители были на заводах фирм «Дуглас», «Белл», «Норд-Америкен», «Форд» и других.

Для транспортировки использовались порты США и Канады. В сентябре 1942 года в Фербенксе на Аляске стала функционировать советская авиабаза, где советские летчики принимали американскую авиатехнику и перегоняли ее по воздушной трассе «АЛСИБ» (Аляска-Камчатка-Сибирь-Урал-фронт) методом эстафеты.

В Великобритании вопросами ленд-лиза занимались специалисты Инженерного управления торгпредства СССР. В Канаде аналогичные задачи решал аппарат советника по торговым делам Посольства СССР.

Для оптимизации доставки в СССР военной техники, вооружений и материалов, прибывавших из Великобритании и США Южным маршрутом в Иране, была создана в январе 1942 года структура советских коммуникационно-транспортных организаций. В нее входили учреждения Посольства СССР и Торгпредства, объединения «Ирансовнефть», «Ирансовтранс», аппарат уполномоченного НКВТ. Безопасность транспортировки обеспечивали оккупационные британские и советские войска. Перевозку грузов автомобильным и железнодорожным транспортом по северной зоне Ирана осуществляло Советское Транспортное Управление (СТУ). В Иране также производилась сборка автомобилей и самолетов, которые в виде комплектов доставлялись транспортами. После сборки авиационная и автомобильная техника отправлялись в СССР своим ходом. Через Иран в СССР было доставлено 31% самолетов и 50% автомобилей.

В ленд-лизе большую роль играли порты Мурманск и Архангельск, через них шло большинство поставок морским путем. Грузы также шли через порты Северодвинска (Молотовска), Петропавловка-Камчатского, Магадана, Николаевска-на-Амуре, Хабаровска, Находки, Владивостока, Баку и Одессы.

Объем поставок по ленд-лизу из США в годы войны составил 9,8 млрд. долларов США или 4% от производства советской промышленной продукции. Но нельзя недооценивать данный объем поставок, т.к. по ряду образцов она имела значительную составляющую: по автомобилям — около 70%, по бронетранспортерам — 10%, по морской авиации — 29%.

В итоге в период 1941–1945 годов Советский Союз получил 18782 самолета, 678 боевых кораблей и судов, 10760 танков, 6185 бронемашин, бронетранспортеров

и бронированных вездеходов, 3326 походных ремонтных мастерских, 11816 орудий разных калибров и назначения, 8983 зенитные и морские универсальные пушки, 123897 единиц стрелкового оружия, 43298 радиостанций, 2626 РЛС, 388 радиопеленгаторов, 8739 авиадвигателей, 10396 судовых дизельных и бензиновых двигателей, 440 гидроакустических станций, 11000 тонн минно-стрелкового вооружения, 225200 тонн боеприпасов, 163800 тонн порохов различных марок, 1860 паровозов, 11300 железнодорожных вагонов и платформ, 517500 тонн цветных металлов, 2800000 тонн ГСМ, из них 1163463 тонны высокооктанового авиационного бензина. В СССР прибыло 477785 автомобилей, из них 400000 «первоклассных машин» Студебекер Форд» и Вияллис. Из США поставлялись автомашины фирм «ГМС», «Шевроле», «Интернэшнл», «Уойт» и «Даймонд». Из Великобритании Советский Союз получал машины фирмы «Остин», «Бедфорд», АЕС, «Альбион».

Автомобильные поставки сыграли большую роль в годы войны и после нее в ходе восстановления народного хозяйства.

Корабли и суда по ленд-лизу СССР получил преимущественно со второй половины 1944 года. Лишь 12 английских тральщиков вошли в состав советских ВМС в период 1942–1943 годов.

В целом Советский флот получил 77 тральщиков, 103 противолодочных корабля, 199 торпедных катеров, 62 десантных корабля, 29 танкеров, 102 сухогруза, 23 буксира и ледокола. Тральщики в основном использовались после войны при очистке от мин акваторий Балтийского и Черного морей.

Исключительно важную роль играли поставки оборудования и материалов для тяжелой, химической, радиоэлектронной и медицинской промышленности, медикаментов (в особенности — пенициллина) и госпитального оборудования.

Большое значение имела продовольственная помощь тушенкой (второй фронт), зерно, растительные и животные жиры, сахар и др. По современным данным многие продукты из-за плохих условий хранения портились, хотя получаемого на один год питания хватило бы на 4 года обеспечения Красной Армии по нормативам того времени.

Из бронетехники из США поставлялись: легкие танки МЗА1 «Стюарт», средние танки МЗА3 и МЗА5 «Ли», М4А2 «Шерман». Из Великобритании Красная Армия получала пехотные танки МК11 «Матильда», МIII «Валентайн», МКIV «Черчилль» в пушечном и огнеметном вариантах, 20 легких танков МКVII «Тетрарх». Наиболее массовыми

танками, полученными по ленд-лизу были «Шерманы» различных модификаций 4063 единицы. Следует отметить, что Шерманы», особенно его модификация Шерман М4А2(76) по своим тактико-техническим характеристикам были сопоставимы с Т-34 и пользовались хорошей репутацией у советских танкистов. Английская бронетехника в Советской армии не пользовалась популярностью в виду слабого вооружения и малой скорости хода. Тем не менее 35 «Черчиллей» в составе 5-й гвардейской танковой армии приняли участие в битве под Прохоровкой.

Более важную роль играла поставка бронетранспортеров английского и американского производства, поскольку советская оборонная промышленность подобной бронетехники не выпускала. Больше всего в Советской Армии было английских гусеничных БТР «Юниверсал» и американских колесных (4ч4) М3А1 соответственно 2560 и 3340 единиц. Необходимо пояснить, что «Юниверсалы» поставлялись из Великобритании и Канады. В Советский Союз поставлялись и полугусеничные американские бронетранспортеры М2~<1176 единиц.

Из авиатехники поставлялись английские и американские истребители: «Спитфайр» МКIXE (анг.), «Харрикейн» МКII (анг.), Р-39D «Аэрокобра» (США), Р-63А «Кингкобра» (США), Р-40Е «Киттихаук» (США).

Из них у летчиков были популярные «Спитфайр», «Аэрокобра» и «Кингкобра». В частности, знаменитый ас, трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин большинство своих воздушных побед одержал летая на Р-39 «Аэрокобра» и Р-63А «Кингкобра».

Из бомбардировщиков ВВС Советского Союза получили самолеты А-20 «Бостон» и В-29 «Митчелл» 2771 и 861 машины соответственно.

Полагаем, необходимо отметить, что ленд-лиз не был односторонним явлением. СССР помогал союзникам в проведении челночных операций. Для этого на территории СССР под Полтавой, в Миргороде и Пирятине были созданы аэродромы, рассчитанные на прием стратегических бомбардировщиков В-17 «Летающая крепость». Американские бомбардировщики, взлетев с баз в Северной Африке и Западной Европе, бомбили любую цель в Германии, затем садились на советские аэродро-

мы, где самолеты получали техническое обслуживание советских техников, экипажи отдыхали и вылетали в обратный рейс. В ходе второго полета они наносили удар по территории противника и возвращались на свои базы. Шел обмен военно-технической информацией и совместная работа специалистов по совершенствованию военной техники. Например, специалисты фирмы «Бели» изучали опыт эксплуатации истребителей Р-39 и Р-63 в советской авиации, а советские авиационные инженеры и летчики командировались в США, где на заводах и полигонах фирмы помогали модернизировать самолеты. В этих работах принимало участие и ЦАГИ.

Союзники обменивались новыми образцами вооружений и военной техники для изучения. В конце 1941 года Советский Союз передал танки Т-34 и КВ США для испытаний на американских полигонах. Американской и английской стороной для испытаний в СССР передали новые образцы бронетехники: танки М5, М24 «Чаффи», М26 «Першинг», «Кромвель», САУ М 18.

Стороны обменивались образцами трофейного вооружения и боевой техники, методами борьбы с ней. Например, СССР передал союзникам накануне их высадки в Нормандии образцы новейшего артиллерийского и минного оружия; сведения в полевых укреплениях вермахта, танках-торпедах немцев; методы восстановления уничтоженных немцами объектов при отступлении, советские технологии форсирования рек в ходе крупных наступательных операций.

Необходимо подчеркнуть, что при обмене информацией и трофейным оружием, стороны не были открыты друг с другом до конца, старались дезавуировать источники, давали неполную информацию и т.п.

Считаем, что военно-техническое сотрудничество СССР с иностранными государствами в период 1941–1945 годов укрепило обороноспособность Советского Союза, повысило боеспособность Советской Армии, обогатила советскую науку и промышленность новыми идеями и технологиями, помогло добиться победы с меньшими потерями.

Хочется верить, что мировое сообщество научится эффективно сотрудничать друг с другом не в ходе экстремальной ситуации, а в планомерном желании сохранить мир, биосферу и культуру для своих потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военно-исторический журнал, 1993. — № 6.
2. Барятинский М. «Матильда», «Валентин» и другие. Армейский сборник, 1998. — № 12.
3. Лебедев И. Ленд-лиз: Авиация //Техника и вооружение, 1994. — № 12.

4. Федосеев С. Военно-техническое сотрудничество в 1941–1945 гг. // Техника и вооружение, 2004. — № 9.
5. Драгозов И. Танковый меч Страны Советов. — М.: АСТ, 2003.
6. Барятинский М. Танки ленд-лиза в бою. — М.: Эксмо, 2009.
7. Бережной С. С. Корабли и суда ленд-лиза. Справочник. — СПб., 1994
8. Бутенина Н. В. Ленд-лиз. Сделка века. — М.: Издательство Высшей Школы Экономики, 2004. — 312 с.
9. Джонс Р. Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй Мировой войне. 1941–1945. — М.: Центрполиграф, 2015. — 252 с.
10. Кащеев Л. Б., Реминский В. А. Автомобили ленд-лиза. — Харьков, 1998.
11. Комаров М. П. Ленд-лиз для Военно-морского флота СССР. — СПб.: Морское наследие, 2014. — 364 с.
12. Косторниченко В. Н. Нефть в системе ленд-лиза: нефтяной союз СССР и США в годы Второй мировой войны // Экономическая история. Обзорение. Вып. 11. — М., 2005. — С. 142–147.
13. Котельников В. Р. Авиационный ленд-лиз. — М.: Русские витязи, 2015. — 368 с. — 1000 экз.
14. Рыжков Н. И. Великая Отечественная. Ленд-лиз. — М.: Экономическая газета, 2012. — 440 с.

© Байрамуков Арасул Сосланбекович (rasulba@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Карачаево-Черкесский Государственный Университет

БОРЬБА ПАТРИЦИЕВ И ПЛЕБЕЕВ, ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РИМА

THE STRUGGLE OF PATRICIANS AND PLEBEIANS, ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM OF ROME

S. Kovalev

Summary. The article is devoted to the study of the peculiarities of class confrontation between patricians and plebeians and its influence on the development of the political system of Rome. Special attention is paid to the root causes of the struggle, the positions of individual researchers and authors are also analyzed in the context of the development and formation of the political system of Rome. Particular emphasis is placed on the Laws of the XII tables, the Laws of Valeria and Horace, the Laws of Kanulia, which are the source of the Roman plan, allowing a civilized way to resolve the class struggle between patricians and plebeians. Also examined are the rights that the plebeians received in the results of the struggle, and their influence on the socio-political unification of the Roman community, as well as the state organization of the policy.

Keywords: Rome, plebeians, patricians, power, struggle, institute.

Ковалев Станислав Сергеевич

Санкт-Петербургский Государственный Университет
stas.covalev2014@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей сословного противостояния патрициев и плебеев и его влиянию на развитие политической системы Рима. Отдельное внимание уделено первопричинам борьбы, также проанализированы позиции отдельных исследователей и авторов в контексте развития и становления политической системы Рима. Особый акцент сделан на Законах XII таблиц, Законах Валерия и Горация, Законах Канулея, которые являются источником римского права, позволяющим цивилизованным способом разрешить классовую борьбу между патрициями и плебеями. Также исследованы права, которые получили плебеи в результате борьбы, и их влияние на социально-политическую унификацию римской общины, а также государственную организацию полиса.

Ключевые слова: Рим, плебеи, патриции, власть, борьба, институт.

История Древнего Рима охватывает большой промежуток исторического времени: с 753 г. до н.э. до 476 г.н.э., т.е. более 1200 лет, в течение которых государственный строй эволюционировал, начиная от управления царской власти к Республике и, заканчивая Империей. В то же время, следует отметить, что процесс формирования классов и государства в Древнем Риме в результате целого комплекса причин замедлялся, в результате переходный период длился на протяжении веков.

Причины такого положения некоторые авторы считают в том, что римляне во время создания и развития своей политической системы чаще всего довольствовались копированием, а также заимствованием мыслей и идей Востока и Греции. Исходя из этого, появилась достаточно устойчивая тенденция в научной мысли считать, что римская политическая культура не имела ничего оригинального. В литературе по истории развития политической мысли, начиная с работ К. Каутского, Г. Адлера, К. Форлендера, А. Кирхенгейма и других некоторых современных исследователей, делается переход от Платона и Аристотеля сразу же к раннему христианству. В лучшем случае о политическом идеале римлян говорят, как о неразвитом и неоригинальном, в худшем — вообще не упоминают о его существовании.

Можно привести в пример несколько характерных высказываний. Так, Г. Адлер, говоря о становлении политической системы Рима, отмечал, что «в истории Рима, в отличие от Греции, невозможно обнаружить ни одного зачатка социализма ... Помимо трезвого и расчетливого ума римлянина, его четко сформированный хозяйственный дух наживы мешали ему воспринимать идеи коммунизма» [1].

Подобные оценки также можно встретить и в историографии. «Политическая теория в Риме, — отмечал А. D. Lee, — в большинстве своем является не только аналогией, но и имитацией греческих идеалов, а в некоторых случаях прямым их копированием» [2].

Наконец, в двухтомнике «Культура Древнего Рима» также делается акцент на том, что для римлян в качестве эталона выступал сам Рим, в связи с этим они не знакомы с утопией. Даже в период острых социальных волнений Рим не сталкивался с утопиями, столь характерными для эллинистического и эллинского политического мышления, соответственно все связанное с ними было вне поля зрения римлян» [3].

Однако можно не согласиться с позицией вышеприведенных исследователей. Так, начиная с 146 г. до н.э.

Греция находилась в подчинении у Рима, и мощное интеллектуальное наследие Эллады полностью использовалось Римской Республикой, но политическая мысль в Древнем Риме формировалась и укреплялась самостоятельно, находясь под сильным влиянием религиозных течений и противостояния плебеев и патрициев.

Кроме того, мы считаем, что было бы неправильно отождествлять политический идеал только с проектами идеальных государственных устройств: существовали и идеалы безгосударственных общественных отношений (например, тот же идеал «золотого века», или анархический образ будущего общества).

Наконец, также неправильно говорить об идеалах, переносимых только в грядущие эпохи: в действительности те или иные формы политических систем и их трансформации могут с одинаковым успехом находиться и в действительности, и в давно минувших временах, а также могут быть вневременными, т.е. не связанными с конкретным моментом исторического времени.

Учитывая указанное, представляется целесообразным проанализировать особенности становления политической системы Рима в результате борьбы патрициев и плебеев, поскольку именно их борьба стала движущей силой развития в Древнем Риме гражданского общества и государства, при этом особого типа античного полиса — *civitas*.

Таким образом, исследование борьбы патрициев и плебеев следует начать с переворота 510/509 г. до н.э., когда представители родовой аристократии устранили Тарквиния Гордого от власти и утвердили республиканскую форму правления, где изначально ведущее положение заняли патриции.

Происхождение в делении населения Рима на патрициев и плебеев исторически не ясно. Однако следует отметить, что у них были различные права в имущественной сфере, их причисляли к жителям различных категорий, семейные союзы патрициев и плебеев не ощущались и зачастую были невозможны, и, самое главное, они обладали разными возможностями оказывать влияние на власть в Риме — т.е. это были различные слои социума в середине римского народа.

На ранних этапах римской истории аристократия играла положительную роль, потому что в начале ее составляли действительно лучшие люди; аристократизм дает развиваться высшим потребностям, формирует определенное благородство; в аристократии начинается созревание личности. Со временем патриции узурпировали государственную власть, сенат был средством управления и обогащения аристократии. Необходимо

отметить, что в то время в руках патрицианских родов были сосредоточены все материальные богатства, прежде всего, земля.

Полисная идеология гражданских ценностей, политической свободы и преданности отечеству преимущественно ограничивалась патрициями и богатыми плебеями, тогда как большинство плебеев и провинциалы фактически находились в полурабском положении и имели низкий уровень политического сознания. Так, М.В. Алферова писала, что «значительное количество римлян были до конца республики глубоко невежественны, с исключительно сельским мировоззрением, в котором преобладали различные суеверия» [4].

В результате характерной чертой внутренней политики республики в ранний период, было противостояние между патрициями и плебеями. Одна из причин противостояния плебеев и патрициев заключалась в неясности действующего законодательства. Кроме того, в то время применение права полностью было сосредоточено в руках патрицианских магистратов и такая его неопределенность создавала благоприятную почву для всяких злоупотреблений с их стороны. Кризис полисной идеологии, развитие индивидуализма привели к борьбе аристократических группировок за власть, манипулирование демагогами низкой политической культуры населения, стало первой причиной падения республики.

Как точно отмечает Nick McCarty, в период, который характеризуется классовой борьбой, плебеи подозревали, что речи священнослужителей (исключительно патрициев), касающиеся действия определенных юридических актов не всегда могут быть полностью бескорыстными и незаинтересованными, особенно когда вопросы касались конфликта интересов между патрициями и плебеями [5]. В данном контексте считаем вполне целесообразным и логичным согласиться с высказыванием ученого-исследователя М.Е. Сергеенко, которая отмечала, что государственный строй и политическая система Рима во времена царей и в период властвования патрициев не претерпели кардинальных изменений: «изгнание царей не являлось реформой в конституции Рима, сенат начал самостоятельно ведать теми делами, в которых до этого ему было отведена только совещательная функция, и на замену одному пожизненному царю пришло двое ежегодных» [6].

Итак, поскольку «древнеримский республиканский строй сложился путем завоевания», то проблема уравнивания в правах римских граждан и покоренных народов со временем вышла на первое место. Именно нежелание римской аристократии решить этот вопрос законодательным путем стало важной причиной гражданских войн и установления принципата, что позволи-

ло насильственными методами достигнуть признания прав провинциалов на участие в политической жизни Рима.

Указанные противоречия в отношениях между патрициями и плебеями закончились так называемым исходом на Священную гору Анио (*prima secession*), который состоялся в 494 г. до н.э. Результатом первого исхода плебеев было заключение соглашения с патрициями по ослаблению долговых обязательств и получению права избирать своих сословных представителей — плебейских трибунов, которые первым делом пытались ускорить доступ плебеев к пользованию общественной землей путем введения земельных законов [7].

Впоследствии в результате настойчивости и требований трибунов плебеев (возможно, предполагают некоторые исследователи, и восстаний [8]) в 451 г. до н.э. была назначена коллегия исключительно из 10 децемвиров-патрициев, которая должна была изложить, а точнее — зафиксировать римские законы в письменном виде. Через год избрали ее новый состав, в который вошло по 5 патрициев и плебеев. Результатом работы был первый письменный кодекс законов Рима, известный в истории, как Законы XII таблиц (по количеству бронзовых или, по другой версии, медных досок, на которых высечены нормы права) [9]. Законы сразу же были опубликованы и выставлены для всеобщего обозрения. Как сообщает Дионисий, патриции вынуждены были теперь «... жить согласно писанным законам, одновременно предоставляя права вам (плебеям) и получать их от вас, вместо того, чтобы обращаться с бедными, как с приобретенными рабами ...» (Dionys., IV, 11, 2).

Положительное значение этого источника римского права состоит в том, что с помощью него цивилизованным способом появилась возможность разрешить классовую борьбу между патрициями и плебеями благодаря предоставленной возможности защитить плебеев от произвола патрициев в судебном порядке. Эти законы сделали важный шаг в правовых отношениях патрициев и плебеев и положили начало реформированию политической системы Древнего Рима.

После опубликования Законов XII таблиц высшая исполнительная власть в Риме несколько десятилетий находилась в состоянии нестабильности. Один из возможных путей разрешения нарастающих противоречий заключался в принятии нового законодательства, которым бы утверждалось относительное политическое равенство внутри римской общины. Законы Горация и Валерия (консулы 449–448 гг. до н.э.) послужили базой для формирования в будущем республиканского строя, они закрепили следующие моменты:

- ◆ решения плебеев, которые были приняты ими на трибутных собраниях, для патрициев носили обязательный характер;
- ◆ любой гражданин, который обвиняется магистратом, имел право обратиться к народу для решения своей участи;
- ◆ личность народного трибуна была священна и неприкосновенна.

В последствие, согласно законам Канулея (445/444 гг. до н.э.), отменялся запрет на союзы между плебеями и патрициями, а на замену консулам были созданы особые трибуны, обладающие консульской властью, участвовать в которых могли также плебеи.

Некоторые исследователи считают, что создание трибуната, уравнивание в правах плебеев и патрициев существенно не изменили положение дел в политической системе Рима, поскольку власть все равно оставалась в руках аристократии. По мнению автора, такой подход является очевидным упрощением политической эволюции римской государственности в течение семисот лет.

Борьба плебеев против патрициев за власть стимулировала разложение родоплеменного строя и способствовала образованию государства. В борьбе патрициев и плебеев можно видеть движущую силу общественного развития [10].

Кроме того, благодаря сословной борьбе патрициев и плебеев в Древнем Риме возник институт референдума, который рассматривался как постановление, принятое собранием плебеев. Таким образом, выборы и референдум можно считать первыми полноценными формами непосредственной демократии, которые на данный момент, пройдя значительный путь развития и реформирования, стали наиболее распространенными формами прямого народовластия, которые гарантированы большинством конституций мира.

Итак, подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

Борьба патрициев с плебеями повлекла за собой весьма ощутимую эволюцию республиканского строя, которая позволила сформировать новую политическую систему Рима.

Плебеи добились увеличения своих прав: была введена должность народного трибуна для отстаивания интересов и прав плебеев, разрешены браки лиц из аристократических и плебейских семей, что впоследствии позволило плебеям занимать любые должности. Кроме того, земельные наделы ограничили верхней границей, была отменена долговая кабала (за долги можно

было потерять имущество, но не свободу), уравниены полномочия трибунного и центуриального собрания.

Указанные трансформации и подвижки привели к слиянию около 290 г. до н.э. плебейской и патрицианской верхушки нобилитет, который завладел политической властью в Риме.

Органом государственного управления стал Сенат, в который входили сначала только представители аристократии, а впоследствии и известные, богатые плебеи. Также была внедрена система патроната: патроны (образованные, состоятельные, влиятельные благотворители) были заинтересованы иметь не только рабов, но и зависимых от себя малоимущих граждан — клиентов (лиц, которые требовали их защиты или помощи). Для принятия решения, в котором заинтересован патрон, он приводил своих многочисленных клиентов на народное собрание, что позволяло количественно влиять на исход голосования.

Помимо этого, в Риме была создана система стимулирования граждан и лиц без гражданства развивать экономику и служить государству. Рабы получили воз-

можность выкупить себя из рабства путем труда на арендованной земле или в ремесленной мастерской. Иностранцы также могли получить гражданство за заслуги перед государством, например, продавая в Риме пшеницу по более низким ценам, чем в провинциях, привезенную на собственном корабле.

Такая система управления дала положительные результаты: попыток со стороны аристократии установить тиранию не было, а к середине III в. до н.э. среди даже состоятельных римлян доминировал скромный, аскетический образ жизни (по сравнению с Карфагеном), коррупция не имела существенного значения.

В результате можно констатировать тот факт, что благодаря противостоянию патрициев и плебеев к концу IV — началу III в. до н.э. социально-политическая унификация римской общины в целом была окончена, в политике сформировалась цивилизованная государственная организация, включающая в себя систему размытых институтов исполнительной, законодательной и контролирующей власти, которая основывалась на комбинировании аристократического представительства с прямым народовластием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер Г. История социализма и коммунизма. СПб., 1907. 60 с.
2. From Rome to Byzantium AD363 to 565: the transformation of ancient Rome / A. D. Lee. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 287p.
3. Культура древнего Рима в двух томах / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985.
4. Алферова М. В. История Древнего Рима. СПб., 2002. 549 с.
5. All about history: book of Ancient Rome / Nick McCarty. Bournemouth: Imagine Publishing Ltd, 2016. 159 p.
6. Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. СПб., 2016. 445 с.
7. Фролов Э.Д., Пантелеев А. Д. Культ властителя в античном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 2013, № 4. С. 206–209.
8. Древний Рим [кто погубил величайшую империю] / Под ред. Д. Кручинина, СПб., 2018. 159 с.
9. History of Ancient Rome / Jean Defrasne; edited and translated from the French by Barbara Whelpton. London: Burke, 1983. 191 p.
10. Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III — I вв. до н.э.). М., 1977. 387 с.

© Ковалев Станислав Сергеевич (stas.covalev2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ МИД И ЗАГРАНУЧРЕЖДЕНИЯХ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В РОССИИ

INFORMATION SECURITY IN THE FOREIGN MINISTRY AND THE DIPLOMATIC MISSIONS IN THE AGE OF DIGITAL DIPLOMACY IN RUSSIA

O. Lebedeva

Summary. The article is devoted to the need to ensure information security within the system of the Ministry of foreign Affairs of Russia and its foreign institutions, as well as the importance of solving information security problems at the international level. The role of the Russian foreign Ministry and its participation in various international treaties and conventions is also highlighted.

Keywords: Russian foreign Ministry, international security, digital diplomacy, global communications.

Лебедева Ольга Владимировна

*К.с.н., доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
o.lebedeva13@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена необходимости обеспечения информационной безопасности в рамках системы Министерства иностранных дел России и его заграничных учреждений, а также важности решения проблем информационной безопасности на международном уровне. Также освещена роль МИД России и его участие в различных международных договорах и конвенциях.

Ключевые слова: МИД России, международная безопасность, цифровая дипломатия, глобальные коммуникации.

Дипломатические и консульские представители всегда стремились представить свою страну в наиболее выгодном свете перед мировой общественностью. С возникновением интернет-технологий возможностей для этого стало значительно больше. Сегодня наша дипломатия стала успешно внедрять в свою деятельность новейшие технологии, используя их для реализации единой внешнеполитической линии.

Об обязательном использовании достижений цифровых технологий в работе дипведомства России неоднократно в своих выступлениях подчеркивал президент РФ В. Путин, настаивающий на обязательном использовании этих рычагов в пропаганде российских принципов построения международной политики государства [1].

В 2012 году в мировом рейтинге использования цифровой дипломатии в распространении принципов проведения международной политической деятельности и формировании мнения международного сообщества первое место из почти 150 стран заняло дипломатическое ведомство Соединенных Штатов. Далее — турецкое министерство иностранных дел, затем — Саудовской Аравии и Англии. МИД России оказался на 14-й позиции. Однако уже в 2017 году отечественная дипслужба поднялась на 4-е место, пропустив вперед американское, английское и французское иностранные ведомства [2].

Проанализировав внедрение российским иностранным ведомством возможностей цифровых технологий в свою внешнеполитическую деятельность, можно объяснить его значительный успех в этой области. Например, в твиттер-аккаунте представительства России в Великобритании стала традиционной регулярная выкладка поэтических цитат, остроумной, иронической, регулярно распространяемой в сети интернет информации в связи с происходящими актуальными событиями, на темы актуальных проблем [3]. Это способствовало значительному увеличению количества читателей в твиттере российского посольства, которое превысило их численность в аналогичных структурах Америки и Израиля [4].

Однако придавать первостепенное значение «компьютерной цифре» в дипломатической работе не стоит, так как сам дипломатический институт, претерпевая изменения в процессе реорганизации, остается функционально значимым во внешнеполитической деятельности.

Все-таки основным фактором для такой значительной структуры как иностранное ведомство является его мобильность, готовность к адаптации к современным IT-коммуникациям, а не внешняя форма используемых связей [5].

Значение информационного пространства в современном мире

В настоящее время человек регулярно возвращается в информационную среду, являясь постоянным участником общественных отношений в окружающем его социуме. С ее помощью осуществляется общение с другими людьми, связь с внешним миром, его познание, удовлетворение насущных духовных и физиологических потребностей. Данная составляющая имеет большое значение при образовании социальных, общественных групп и объединений, разного уровня государственных структур. На ее основе строится законодательная и исполнительная деятельность государства, осуществляются функции госуправления и пр.

Научно-технический прогресс внес принципиальные коррективы и открыл большие возможности для развития информационной сферы. Появление компьютеров, новых видов связи, устройств по получению, передаче информации на огромные расстояния, ее обработке с помощью электронных, компьютерных, сетевых и других технологических видов резко изменило возможности как отдельного человека, так и целых предприятий, госучреждений, организаций, учебных, научных, культурных и прочих структур.

С помощью современных IT-средств стало возможным объединение в единый информационный банк национального достояния отдельных народов и наций, что обеспечило всем желающим свободный доступ к интересующей информации и свободному общению. Человечество стоит на пороге построения единой мировой информационной структуры, создание которой диктуются следующими причинами:

- ◆ Реализация прав граждан в соответствии с Конституцией требует расширения информационного поля для общения между гражданами как внутри государства, так и за его пределами, с целью получения дополнительных сведений.
- ◆ Стремительное развитие информационных технологий, установка на информатизацию практически всех сфер деятельности человека вызвало прямую зависимость между уровнем информатизации и эффективной деятельностью органов госуправления и власти, общественных образований, прочих госструктур и обществом.
- ◆ Информационные технологии занимают все более важное место в экономике всего мира. Их эффективное применение обеспечивает такую доходность, которая может сравниться с такими отраслями, как автомобильная, сельскохозяйственная, ТЭК.
- ◆ Уровень развития информационных технологий определяет статус государства на международном уровне, его способность отстаивать свои политические позиции, защиту собственных интересов.

Гарантия информационной защищенности Министерства иностранных дел РФ и способы ее обеспечения

Защита информационного поля дипломатического ведомства необходима для обеспечения деятельности по подбору достоверных, актуальных, исчерпывающих материалов и предоставления их в высшие госорганы для принятия правильных решений на международном уровне. Также это дает гарантию сохранности секретной информации, хранящейся в МИД.

Для решения этих задач необходимо выполнить следующие процедуры:

- ◆ предсказание, раскрытие и определение степени важности угроз;
- ◆ обозначение круга информации, требующей охраны;
- ◆ разработка мер по усовершенствованию правовой базы защиты информационных ресурсов РФ в процессе международных взаимоотношений;
- ◆ согласование мероприятий по информационной защищенности между главным управлением иностранного ведомства и его подразделениями в других государствах;
- ◆ проведение активной деятельности на международном уровне по вопросам охраны информационной системы каждого государства;
- ◆ проведение результативного надзора.

Информационная защита в сфере внешнеполитической деятельности является составной частью защиты общегосударственной информационной базы.

Риски информационной безопасности внешнеполитического ведомства России

Риски разделяют на внешние и внутренние.

Внешние угрозы:

- ◆ деятельность зарубежных разведывательных служб с целью получения сведений о планах и намерениях российского руководства в сфере внешнеполитической деятельности;
- ◆ формирование искаженного, ложного представления о международной деятельности России в других странах путем разглашения неправдоподобных фактов и сведений;
- ◆ подрыв политических и экономических интересов РФ в результате воздействия иностранных служб;
- ◆ создание форс-мажорных обстоятельств природного характера.

Внутренние риски:

- ◆ невыполнение служащими МИД установленных требований по соблюдению гарантий защиты информации;
- ◆ упущения организационного характера в системе информационной безопасности;
- ◆ ошибочные действия служащих, непосредственно работающих в информационной сфере ведомства;
- ◆ незаконные действия российских политических или экономических группировок, пользующихся услугами соучастников — служащих министерства;
- ◆ проникновение в МИД или российские зарубежные представительства служащих иностранной разведки или вербование российских служащих;
- ◆ нарушений правил работы с информационными материалами;
- ◆ технические неполадки и ошибки в работе операционных систем компьютеров, телекоммуникационных средств связи и прочего оборудования.

Перечень подлежащих охране объектов защищаемой информации во внешнеполитическом ведомстве РФ:

- ◆ документы, содержащие сведения о государственных или служебных тайнах;
- ◆ программные системы, техустройства, средства связи и другие элементы, работающие непосредственно с защищаемой информацией, а также сооружения и здания, в которых происходит процесс передачи, получения, обработки секретных сведений;
- ◆ помещения, в которых проходят международные переговорные процессы, оборудование и программные системы, которые не работают с секретной информацией, но располагаются в местах нахождения и обработки таких данных;
- ◆ защитные средства, которые используются в информационных устройствах и средствах связи дипломатического министерства;
- ◆ технические устройства, в которых содержатся сведения, имеющие статус государственной или служебной тайны;

Осуществление деятельности по защите информационной сферы Министерства иностранных дел РФ

Вопрос защиты информационных материалов ведомства является важным и обязательным пунктом для каждого структурного подразделения МИД. Возглавляет эту работу по всему министерству заместитель главы дипломатического ведомства.

Основные функции по обеспечению защиты информации и контроля над соблюдением охранных меропри-

ятий возложены на Департамент безопасности. Соблюдение охранных требований и мер при строительстве, реорганизации помещений, установке новых техустройств и оборудования в подразделениях дипслужбы закреплено за заказчиками этих услуг.

За обеспечение безопасности информации в каждой подчиненной МИД структуре как на российской территории, так и в загранучреждениях, несут ответственность руководители подразделений, которые работают в соответствии с нормативными государственными и ведомственными актами.

Особая, индивидуальная ответственность за сохранение информационных данных лежит на служащих, непосредственно работающих с техническими устройствами, которые обеспечивают обработку секретных материалов.

В обязанности каждой структурной единицы ведомства входит условие четкого исполнения нормативно-правовых требований при работе с конфиденциальной информацией, неразглашение ее в ходе подготовки и проведения переговорных процессов представителям других государств. С момента получения такой техники ответственность за информационную сохранность материалов возлагается на служащих, ответственных за безопасную работу информационных систем, и потребителей этих материалов.

В МИД активно вводится в эксплуатацию Информационная система по внешнеполитическим вопросам, первый участок которой запущен в работу. Этот проект включает в себя самые современные подходы, научные разработки, достижения в информационной сфере, новейшие способы защиты информационных каналов от любых посягательств извне.

Параллельно с разработкой методов и средств защиты разрабатывается программа осуществления организационных мер, гарантирующих обеспечение безопасности звукозаписывающих и звукоусиливающих устройств, оборудования для проведения переговорных процессов, изготовления и копирования официальных дипломатических бумаг, средств связи, телекоммуникаций.

Пристального внимания требует проблема обеспечения информационной безопасности в учреждениях МИД, работающих в представительствах Министерства в иностранных государствах. На сегодняшний день необходим более тщательный и разумный подход всех причастных к решению этого вопроса структур. Применяемое в настоящее время устройство экранированных зон в загранучреждениях обеспечивает выполнение по-

ставленной задачи, однако создает некоторые неудобства для служащих и отражается на их здоровье. Крайне неудобно переходить от своего рабочего места в защитные зоны для того, чтобы обработать подготовленную ранее информацию. Также эти помещения отрицательно влияют на психику человека, находящегося внутри ограниченной экранированной зоны, вызывают быструю усталость. Поэтому поставлена задача создания таких способов защиты, которые могли бы обеспечить информационную безопасность непосредственно на рабочих местах служащих.

Сегодня вопрос обеспечения информационной защиты должен рассматриваться на государственном уровне. Работу необходимо проводить по нескольким направлениям: модернизация системы массового ин-

формирования, создание современных методик, направленных на укрепление психики человека при воздействии на него отрицательной информации извне, усовершенствование учебного процесса в учреждениях образования. Особенно актуальным это является для тех людей, которые имеют непосредственное отношение к государственным и служебным тайнам. Также это напрямую касается служащих Министерства иностранных дел России.

Выполнение мероприятий в соответствии с Руководством по обеспечению информационной безопасности [6] в МИД России не только гарантирует его результативную и стабильную деятельность, но также способствует повышению престижа нашей страны на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия направляет посольства в Twitter. МИД РФ начнет применять «мягкую силу» // Газета «Коммерсантъ». — 16.07.2012. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1981536>.
2. Digital Diplomacy Review 2017 #DDR17 Global Ranking. — mode of access: <http://digital.diplomacy.live/ddr17/>.
3. Посольство России в Лондоне (Твиттер). Режим доступа: <https://twitter.com/RussianEmbassy>.
4. Financial Times: Москва преуспела в «цифровой дипломатии» благодаря мемам и троллингу // Оригинал новости ИноТВ. — 10.06.2017. Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2017-06-10/Financial-Times-Moskva-preuspela-v>.
5. Шакиров О. Будущее цифровой дипломатии // Центр стратегических разработок. — 12.01.2018. Режим доступа: <https://www.csr.ru/news/budushheestifrovoj-diplomatii/>.
6. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Официальный сайт МИД России. — 22.09.2011. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk8B6Z29/content/id/191666.

© Лебедева Ольга Владимировна (o.lebedeva13@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный институт международных отношений

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАСОНСКОЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИОННОЙ ЛОЖИ «СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА»: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Лукманова Алиса Фавасимовна

Аспирант, Московский городской педагогический университет
alisa-lukmanova@yandex.ru

THE ACTIVITIES OF THE MASONIC RUSSIAN ÉMIGRÉ LODGE "NORTH STAR": THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

A. Lukmanova

Summary. The article analyzes the historiographical basis of studying the topic of the activity of the Masonic Russian émigré lodge "Northern Star". It is argued that the history of the activity of masons in Russia and abroad is reflected in the historiography of literature on Russian Freemasonry of the 20th century and literature on the brothers of the North Star Lodge.

Separately, the literature on the brothers of the lodge is noted, since it is precisely this that implements such research tasks as the analysis of professional and social activities.

It is stated that the historiography of the Masonic Lodge "North Star" is at the stage of formation. The emigration activity within the framework of the functioning of the lodge remains insufficiently studied. Interest is the public activity of the masons, which argues the relevance of the research topic.

Keywords: masonic lodge "Northern Star", masons in Russia, historiography, emigrants, political freemasonry, the February revolution.

Аннотация. В статье анализируется историографическая основа изучения темы деятельности масонской русской эмигрантской ложи «Северная Звезда». Утверждается, что история деятельности масонов в России и за рубежом нашла отражение в историографии литературы о русском масонстве XX века и литературе о братьях ложи «Северная Звезда».

Отдельно отмечена литература о братьях ложи, так как именно она реализует такие задачи исследования, как анализ профессиональной и общественной деятельности.

Констатируется, что историография масонской ложи «Северная Звезда» находится на стадии формирования. Недостаточно изученной еще остается эмигрантская деятельность в рамках функционирования ложи. Интерес вызывает общественная деятельность масонов, что аргументирует актуальность исследования темы.

Ключевые слова: масонская ложа «Северная Звезда», масоны в России, историография, эмигранты, политическое масонство, февральская революция.

После событий 1917 года в России, число русских масонов в Париже увеличилось, что стало поводом для создания самостоятельной системы этнического масонства. Северная Звезда — первая российская эмигрантская ложа в Париже, созданная в 1924 году. Основателями ложи стали политик и общественный деятель М.С. Маргулиес, посол Временного правительства в Париже В.А. Маклаков, писатель М.А. Алданов. «Северная Звезда» функционировала порядка 47 лет, вплоть до 1971 года, устраивая регулярные заседания, дважды в месяц. Целями данной масонской ложи были концентрации русского братства и переосмысление положения дел в России.

Первым, кто рассмотрел российское масонство в XX веке стал известный историк, один из крупнейших публицистов русского зарубежья, политический и общественный деятель, Сергей Петрович Мельгунов. Его книга «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией» (Париж, 1931 г.) основана на бе-

седах с общественными деятелями и собственными воспоминаниями. Сергей Петрович отметил, что после запрета 1822 года, русское масонство возродилось в начале 1900-х гг., но в 1911 году, братья решили «уснуть», боясь разоблачения. В 1915 г. орден вольных каменщиков возродился с политической целью. «Под внешним масонским флагом хотели достигнуть того политического объединения, которое никогда не давалось русской общественности. Объединение должно было носить характер «левый» [14, с. 185]. Он отказался вступить в братство, т.к. «масонская форма в российской обстановке не могла содействовать серьезному политическому объединению, потребность в котором была так ощутима и создать которое так и не удалось» [14, с. 186]

Н.Свитков в брошюре «Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г), составленной на основании масонских документов» (Париж, 1932 г.) подробно рассматривал русское эмигрантское масонство во Франции и Германии, также дает незначительные, но досто-

верные сведения о русских масонах в Англии, Бельгии, Югославии, Финляндии, Латвии, Польше, Румынии, Чехословакии, Швеции, США, Китае.

Н. Свитков объясняет, почему именно Париж лидировал по количеству российских масонов-эмигрантов тем, что «во Франции 3 различных масонских Повиновения, и каждое из них насчитывает одну или несколько масонских лож (русских), работа в коих ведется только на русском языке» [18, с. 7]. Также автор приводит список масонов на 1 января 1932 г. с пометками об их профессиональной деятельности.

Впервые с исторической точки зрения рассмотрел российское масонство Б.И. Николаевский [16, с. 51]. Он, используя материалы своих интервью с масонами: беседы с А.Я. Гальперном, запись беседы с Е.П. Гегечкори, запись беседы с Н.С. Чхеидзе, запись беседы с П.Н. Милюковым, запись беседы с Н.Д. Соколовым, запись беседы с Т.А. Бакуниной, запись беседы с М.С. Маргулиесом, запись беседы с В.Я. Гуревичем, запись беседы с Г. Аронсоном, разговор с Б. Гуревичем, запись беседы с В.М. Шахом показал историю их деятельности в России.

Г. Аронсон в своей работе «Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты» (Нью-Йорк, 1962 г.) охарактеризовал масонство как политически влиятельную организацию. Автор допускает фактические ошибки, причисляя политических деятелей, таких как Н.С. Чхеидзе, Г.Е. Львов к вольнокаменщикам, хотя они и не проходили обряд посвящения в официально признанных ложах.

Г.М. Катков в книге «Россия 1917 г. Февральская революция» (Нью-Йорк, 1967 г.) рассмотрел политическое масонство. Георгий Михайлович считал, что возрождение масонства началось после революции 1905 года, при содействии М.С. Маргулиеса и князя Д.О. Бебутова. После разоблачений в печати, масонская деятельность прекратилась. В 1915 году появилась острая необходимость в конспиративной организации для проникновения во все сферы жизни, выход нашли в создании масонского братства. «Масонство,— писал Г.М. Катков, давало возможность влиять на политические события, оказывая более или менее важные услуги «по-братски» и при этом исключало риск оказаться замешанными в грязной политике» [13, с. 171].

Версию Г.М. Каткова поддержал Николай Николаевич Яковлев. Возрождение масонских лож после революции 1905 г., Н.Н. Яковлев определил, как «эксцентричное бегство от свирепой действительности» [26, с. 9]. В сентябре 1915 года, по мнению автора, руководители российской буржуазии решили создать тайную организацию с целью охватить высшую структуру Российской

империи, особенно двор, бюрократию, технократию и армию. Масонская организация дала посвященным то, что не смогла ни одна из партий — «причастность к великому делу», «работу «чистую» — ибо не требовалось идти в массы», «работу бок о бок с серьезными людьми» [26, с. 4].

Отрицал влияние масонства на политические события в России в начале XX века Марк Константинович Касвинов [12, с. 16]. Он приводит свидетельство бывшего князя Оболенского В.А.: «Невозможно даже представить себе, чтобы масоны могли сыграть в Февральской революции какую бы то ни было роль, хотя бы уже по одному тому, что они принадлежали к различным взаимно-враждующим партиям, сила же сцепления внутри любой из этих партий была неизменно прочнее, чем в так называемом масонском братстве» [13, с. 171].

Подробно изучал тему масонства В.И. Старцев. Автор считал, что в России масонство было политическим, имея целью «использовать тайну и обет молчания для подготовки свержения самодержавия, для объединения всех оппозиционных и революционных сил в борьбе против общего врага — императора Николая II» [24, с. 10].

О.Ф. Соловьев рассматривал масонство как подсобный инструмент эксплуататорских классов. Считал, что масонство «не могло внести самостоятельного вклада ни в область политики, ни в сферу общественной мысли России» [22, с. 215]. В настоящие дни цель масонства, по мнению автора — «укрепление существующих государственных и общественных режимов на земле» [22, с. 207].

В 1986 году, в Нью-Йорке, вышла нашумевшая работа Нины Николаевны Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (Нью-Йорк, 1986 г.). Н.Н. Берберова считала, что до революции масонство действовало в целях продолжения войны, заодно с большевиками, а в эмиграции занимались тем, что добивались признания советской власти. Она в своей работе впервые ввела ряд источников, не подлежащих проверке. Данный факт вызвал и вызывает критику ведущих масоноведов, таких как А.И. Серков и С.П. Карпачев.

Критическому анализу влияния масонства на события 1917 рассматривал Арон Яковлевич Аврех. Он пришел к выводу: «Масонский сюжет есть, но масонской проблемы нет» [1, с. 207].

Через призму религиозно-монархического мировоззрения масонство рассматривает Олег Анатольевич Платонов. Орден вольных каменщиков представлен у него как тайная организация, целью которой является установление всемирного еврейского господства. Автор

произвольно относит к масонству ряд лиц. Он ввел в научный оборот ряд: «Записку Кандаурова», доклады, прочитанные в ложе «Астрея». Платонов приходит к выводу, что все российские проблемы следствие деятельности вольных каменщиков.

Г.Г. Касаров, анализируя проблему масонства, пришел к выводу, что оно не оказало влияния на события революции в стране [23, с. 25].

В многочисленных работах Андрея Ивановича Серкова использовано большое количество источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот в его работах, литературы, внесли весомый вклад в развитии изучения истории ордена. Автор собрал биографические сведения более чем полутора тысячах вольных каменщиков XX века, обозначил их ближайшие родственные связи, членство в ложах, составил сводные списки лож.

Рассмотрению биографий масонов, их деятельности, посвящена монография Сергея Павловича Карпачева «Масонская интеллигенция России конца XIX–XX века» Работа «Российское масонство XVIII–XX веков. Учебное пособие по спецкурсу» рассматривает краткую историю масонства и характеризует ряд виднейших деятелей ордена начала XX века. Также Сергеем Павловичем был издан словарь масонских терминов и кратких биографий «братьев». Монография «Масонство и масоны России XVIII–XXI вв. Особенности российского «королевского искусства» (дает картину развития российского масонства с XVIII до XXI вв.

Виктор Степанович Брачев в своих работах рассматривал деятельность вольных каменщиков в России, уделяя особое внимание взаимоотношениям большевиков и масонов.

Таким образом, большинство исследователей рассматривают масонство в первой половине XX века как политическую организацию, исключение составляют работы А.И. Серкова, С.П. Карпачева. Данные авторы в своих работах детально знакомят с историей вольных каменщиков, представляют анализ их деятельности. А.И. Серков в своем энциклопедическом словаре [20] понимает под масонством философско-нравственную организацию, лишенную политических целей.

Творчество талантливого русского художника Ивана Яковлевича Билибина наиболее полно рассмотрел в своей работе Олег Семенов. Работа Олега Семенова раскрывает вклад Ивана Яковлевича в иллюстрацию русской сказки. В книге подробно рассмотрены иллюстрации художника. Хотя, на первом плане в книге циклы произведений, автор также освещает обстановку, в которой создавались эти произведения, художественные движения, которые преобладали в это время. Олег Семенов показал в работе яркую, удивительную фигуру Билибина-художника.

Первым крупным исследователем наследия писателя — эмигранта Гайто Газданова стал американский славист Ласло Диенеш [9]. В книге «Гайто Газданов. Жизнь и творчество» Диенеш воссоздал жизненный и творческий путь писателя.

Н. Цховребов [25] последовательно осмыслил этапы становления и развития творчества Газданова. Самое же полное жизнеописание поэта вышло в 2003 году в серии «Жизнь замечательных людей» и принадлежит Орловой О.М [17]. Здесь собран обширные биографический и фактический материал.

О связи Гайто Газданов с орденом вольных каменщиков написал Нечипоренко Ю.Д. в статье «Таинство Газданова» [15]. Ю.Д. Нечипоренко рассмотрел масонство в творчестве Гайто Газданова как «одну из форм реализации более общих мировоззренческих установок писателя» [15, с. 185].

Сведения о Маклакове Василии Алексеевиче содержатся в исследованиях Г. Адамовича [2] и М.А. Алданова [3]. Они основаны на автобиографических данных самого Маклакова В. А.

Таким образом, приведенный анализ литературы по теме статьи доказывает, что историография масонской ложи «Северная Звезда» пока еще только формируется. Если об одном братьях находим подробные исследования их философских взглядов, творческой и профессиональной деятельности, то по другим такие работы отсутствуют. Недостаточно изучена эмиграционная деятельность в рамках функционирования ложи, общественная деятельность масонов, что требует проведения дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврех М. Я. Масоны и революция / М. Я. Аврех. — М.: Политиздат, 1990. — 350 с.
2. Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек / Г. Адамович. — Париж.: Издание друзей М. А. Маклакова, 1959.
3. Алданов М. А. К 80-летию Маклакова В. А. / М. А. Алданов // Маклаков В. А. Речи: судебные думские и публичные лекции. 1904–1926. — Париж.: Издание Юбилейного комитета, 1949. — 640 с.

4. Брачев В. С. Масоны и Февральская революция 1917 года / В. С. Брачев. — М.: Яуза-Пресс, 2007. — 349 с.
5. Брачев В. С. Масоны у власти / В. С. Брачев. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 640 с.
6. Брачев В. С. Окультизм истоки революции / В. С. Брачев. — М., «Издатель Быстров», 2007. — 480 с.
7. Брачев В. С. Русское масонство XVIII — XX вв. / В. С. Брачев. — СПб.: Стомма, 2000. — 476 с.
8. Брачев В. С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века / В. С. Брачев. — СПб.: Научкнига, 1997.
9. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / Л. Диенеш. — Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманитарных исслед., 1995. — 304 с.
10. Карпачев С. П. Масоны. Словарь. Великое искусство каменщиков / С. П. Карпачев. — М.: АСТ: Олимп, 2008. — 634 с.
11. Касаров Г. Г. Из истории масонства / Г. Г. Касаров. — Дмитров, 1996. — 53 с.
12. Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз / М. К. Касвинов. — М.: Мысль, 1982. — 559 с.
13. Катков Г. М. Россия 1917 г. Февральская революция / Г. М. Катков. — М.: Русский путь, 1997. — 432 с.
14. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией / С. П. Мельгун. — Париж.: LEV, 1931. — 231 с.
15. Нечипоренко Ю. Д. Таинство Газданова / Ю. Д. Нечипоренко // Возвращение Гайто Газданова: Научная конференция, посвященная 95- летию со дня рождения / Сост. Васильевой М. А. М.: Дом русского зарубежья, 2000. — 308 с.
16. Николаевский Б. И. Русские масоны и революция / Б. И. Николаевский. — М.: «ТЕРРА», 1990. — 210 с.
17. Орлова О. М. Гайто Газданов / О. М. Орлова. — М.: ЖЗЛ, 2003. — 275 с.
18. Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (на 1 января 1932 г) / Н. Свитков. — Париж.: LIBRE PAROLE, 1932. — 32 с.
19. Семенов О. Иван Билибин. Рассказ о художнике-сказочнике / О. Семенов. — М.: Детская литература, 1986. — 88 с.
20. Серков А. И. История русского масонства XX века. В 3 т. / А. И. Серков. — СПб.: Издательство им. Новикова Н. И., 2009. — 537 с.
21. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь / А. И. Серков. — М.: РОССПЭН, 2001. — 1224 с.
22. Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике / О. Ф. Соловьев. — М.: Третья Россия, 1998. — 254 с.
23. Соловьев О. Ф. Масонство в России / О. Ф. Соловьев // Вопросы истории. 1988. № 10. — С. 25–27.
24. Старцев В. И. Русское политическое масонство XX века / В. И. Старцев. — СПб.: Третья Россия, 1996. — 176 с.
25. Цховребов Н. Гайто Газданов: очерк жизни и творчества / Н. Цховребов. — Владикавказ.: Ир, 1998. — 170 с.
26. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 / Н. Н. Яковлев. — М.: Молодая гвардия, 2003. — 314 с.

© Лукманова Алиса Фавасимовна (alisa-lukmanova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский городской педагогический университет

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КУБАНИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ¹

TO THE QUESTION ABOUT THE
PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT
OF CHURCH-STATE RELATIONS IN THE
KUBAN REGION IN LATE XVIII — FIRST
QUARTER OF XIX CENTURIES²

*T. Pismennaya
A. Ryabikov
S. Pogorelov*

Summary. this article discusses the features of the development of state-confessional relations in the Kuban. The article analyzes the process of strengthening the position of the Russian Orthodox Church, the construction of churches and monasteries, the creation of the state of the Cossack clergy. The estimation of the religious situation in different geographical origin Cossack regiments is given.

Keywords: Kuban, Cossacks, religion, Orthodoxy, old belief.

Письменная Татьяна Геннадьевна

*К.и.н., доцент, Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
pismennayat@mail.ru*

Рябиков Александр Николаевич

*К.и.н., Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
riybicov@mail.ru*

Погорелов Сергей Сергеевич

*Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
pogorelov.s.s@mail.ru*

Аннотация. в настоящей статье рассматриваются особенности развития государственно-конфессиональных отношений на Кубани. Анализируется процесс укрепления позиций Русской Православной Церкви, строительство храмов и монастырей, создание штата казачьего духовенства. Дается оценка религиозной ситуации в различных по географическому происхождению казачьих полках.

Ключевые слова: Кубань, казачество, религия, Православие, старообрядчество.

Территория Кубани в дореволюционный период являлась контактной зоной цивилизаций, много-составным обществом, в котором оси религиозной сегментации частично накладывались друг на друга, что с одной стороны обуславливало возникновение религиозного синкретизма, а с другой — выступало фактором развития конфликтогенности. Осмысление исторического опыта выстраивания государственно-конфессиональных отношений на Кубани в конце XVIII — нач. XIX вв. может способствовать предупреждению возникновения современных религиозных противоречий, что и обуславливает актуальность настоящей статьи.

Рассматриваемая проблема нашла отражение в трудах отечественных историков. Среди наиболее значимых работ отметим книги Ф. А. Щербины [17], Зудина А. И. [4], Горбовой И. А. [2], Шахова Н. О. [16] и др.

В последней трети XVIII в. в России действовала синодальная система управления Русской Православной Церковью, просуществовавшая вплоть до революции

1917 г. Она провозглашала главенство государственной власти над деятельностью церковных структур, позиционируя российских императоров защитниками и блюстителями церковных порядков.

Организация церковной жизни осуществлялась Святейшим Правительствующим Синодом, возглавляемым обер-прокурором. Синод издавал обязательные распоряжения для епархиальных архиереев, которые приводили их в действие на своих подведомственных территориях — епархиях. Те, в свою очередь, организовывали и координировали деятельность священников, работу церквей, монастырей и других церковных учреждений.

Таким образом, рассматриваемое время было отмечено ужесточением контроля государства над деятельностью Церкви, вмешательством власти во внутрицерковные дела.

Подтверждением вышесказанному может служить политика

¹ Статья издана при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края, проект № 18–49–2300020 «Государственно-конфессиональные отношения на Кубани в конце XVIII — начале XXI вв.»

² The article was published with the financial support of RFBR And administration of Krasnodar region, project № 18–49–2300020 "State-religious relations in the Kuban region in the late XVIII-early XXI centuries"

Екатерины II. Императрицей велась последовательная секуляризация церковных угодий, начало которой было положено в годы правления Петра I. Секуляризационная реформа имела несколько стадий. Одной из ее целей являлось преодоление бюджетного дефицита, составлявшего 8% от суммы годовых доходов и имевшего положительный рост [14, с. 21].

После издания Манифеста о секуляризации церковных земель, датированного 26 февраля 1764 г., Русская Православная Церковь потеряла 910 тысяч душ крестьян и 8,5 миллионов десятин земли [8].

Епархии РПЦ были поставлены в материальную зависимость от государства. Им стало регулярно выплачиваться жалование из государственного бюджета. Для установления размера дотаций 26 епархий страны были отнесены к 3 категориям, в соответствии с закрепленной за ними государственной значимостью.

Реформа затронула и монастыри, которые были официально разделены на штатные и заштатные. Насельники штатных монастырей получали жалование, заштатных — жили на пожертвования верующих. В общей сложности штатных монастырей в России насчитывалось 272. Секуляризация повлекла закрытие 54% обителей, и, как следствие, появление большого количества странствующих иноков. Последние нередко примыкали к «раскольникам» и устремлялись на территории с ослабленным религиозным контролем, в том числе и на Кубань.

Екатерина II предприняла попытку систематизировать содержание духовного образования. В 1762 г. ее критике подверглись как педагогические методы обучения в семинариях, так и уровень преподавания церковной и гражданской истории [7, с. 180].

Императрицей была создана Комиссия «Об учреждении полезнейших духовных училищ в епархиях», которая занялась пересмотром форм и содержания духовного образования. Таким образом, семинарии были подразделены на высшие, учрежденные в крупных городах, и низшие. Личное внимание Екатерины II к проблеме способствовало значительному расширению спектра предметов. В семинариях стал широко изучаться греческий язык и философия, были введены новые методы анализа библейского текста, среди новых учебных книг стал значиться «Церковный словарь».

Укрепление на Кубани позиций Русской Православной церкви совпало с переселением сюда в 1792 г. черноморских казаков, которые отличались выраженной религиозностью.

Причиной переселения казачества явилась необходимость защиты новой границы, которая стала проходить по реке Кубань после заключения Российском империей в 1791 г. Ясского мирного договора с Портой.

Таким образом, сложившаяся политическая ситуация на Кубани вплоть до конца XVIII в. не позволяла Русской Православной Церкви активно вести на данной территории миссионерскую деятельность, здесь не было храмов и священнослужителей. Поэтому важнейшей проблемой религиозной жизни черноморцев стало формирование штата собственного духовенства и строительство церквей.

Интересно письмо 1793 г.: кошевого атамана Чепеги епископу Феодосийскому Иову, в котором сообщалось, что в войско осталось без священников, лишившись двух единственных иереев. Так, священник Петр Степанов, приехавший из г. Черкассы в войско, был в скором времени вынужден вернуться на Дон. Другой иерей — иеромонах отец Варнава — скоропостижно скончался. Таким образом, казаки, по словам атамана, «остались безпоповцы». Особую тревогу руководителя войска вызывали факты погребения умерших без совершения над ними соответствующих религиозных обрядов, что могло вызвать волнения казачества. Выходом из сложившейся ситуации атаман видел согласие епископа на рукоположение в священники достойных казаков, прошедших краткое обучение.

Однако, как выяснилось, в 1793 г. принадлежность казачества к конкретной епархии еще была не определена. В этой связи, епископ Иов не смог удовлетворить просьбу атамана. В своем ответном письме он указывал, что разделяет тревогу войсковой власти по поводу не исполнения христианских треб у населения, однако не имеет полномочий рукоположить присланных в нему казаков, так как решение о епархиальном подчинении казачества должен принять Святейший Синод [10].

Проблемы организации духовной жизни черноморцев вскоре стали предметом рассмотрения самой императрицы, которая одобрила практику подготовки священнослужителей из среды казачества. Таким образом, 4 марта 1794 г. она дала указание Святейшему Синоду отнести Черноморию к Феодосийской епархии, возглавляемой епископом Иовом. Архиерей с этого времени получил разрешение рукополагать в духовный сан кандидатов, представленных войсковом правительством. Так, уже 30 апреля 1794 г. Феодосийская духовная консистория приняла решение посвятить в причетники двух казаков Якова Дьячевского и Андрея Коломийца и одного — Петра Письменного — пономарем в походную войсковую Троицкую церковь. Аналогичным образом был назначен и войсковой протоиерей Роман Порохня, начавший активно развивать духовную жизнь [18, с. 458].

Ф. А. Щербина указывал, что атаманы стремились к тому, чтобы пастырями казачества становились выходцы из среды казаков, имевшие Отечественные награды, пользовавшиеся уважением в войске, а также имевшие дружеские или родственные отношения с войсковой властью. Таким образом, руководители казачества пытались сформировать особый штат духовенства, знакомый с казачьими традициями и поэтому грамотно руководивший религиозной жизнью населения с вольными нравами.

Отметим, что формирование особого штата казачьего духовенства было принято не только из соображения лучшего духовного понимания «пастырей» и «пасомых», но и по объективным административным причинам. На протяжении XIX в. казачество неоднократно меняло свою духовную подчиненность. Так, с 1799 по 1820 г. его окормляли епископы Астраханской епархии, с 1829 г. — Новочеркасской. Архиереи имели резиденции за пределами территории Северного Кавказа. Этот фактор осложнял процесс контроля над верующими и, как следствие, сосредотачивал духовную власть в руках казачьего священства. Оно, в свою очередь, стараясь действовать в соответствии с традиционными нормами, допускало возникновение локальных особенностей в религиозной практике.

Отметим, что успешное рукоположение казачьих священников во многом зависело от гибкости взаимоотношений войсковой власти и церковного начальства. Руководители казачества всячески стремились продемонстрировать епископам успешную работу выборного духовенства, заручившись, таким образом, их поддержкой.

Ярким доказательством вышесказанному служит письмо А. Головатого атаману З. Чепеге по поводу встречи правящего архиерея: «Его преосвященство епископ Феодосийский и Мариупольский Иов сего числа прибывает в Тамань, а завтра на Георгия будет служить. В понедельник же непременно отправится к Вам. И при нем будет ехать архимандрит — 1, поп — 1, иеродьяконов — 4, секретарей — 2, певчих — 10, келейников — 4. О доставлении коего порядочно з довольним канвоем от Тамана по кордонам до Екатеринодара дал я всем народным старшинам приказ. Не худо бы встретить его... Вам с старшинами в городе. Попу же и дьякону прикажите со всем крылом, быть при церкви в облачении, дьякону с кадилницейю, а попу с крестом, на блюде лежащем...» [8].

Войсковое правительство не упускало возможность одаривать епископов подарками. Так, направляя казаков к епископу Гервасию, атаман З. Чепега сообщал в сопроводительном письме: «Ваше преосвященство, милостливый батюшко, для стола Вашего преосвященства икры свежей 2 бочонка, балыков пар 10 и часть визиги при

сем посылаем...покорнейше прошу прислать архимандриту Екатерино-Лебяжьей пустыни Феофану в помощь иеромонаха и диакона, а подносителей сего кандидатов — диакона Григория Стрещенко, Алексея Воинского, Гавриила Куса, Ивана Сумилина и Федора Соболя святейшим рукоположением милостиво не оставить» [9].

В то же время епископы, несмотря на подносимые дары, подвергали претендентов проверке на соответствие духовному сану. Ставленники обязательно демонстрировали архиерею грамотность, навыки чтения и письма, знание церковного устава и пр. Известны случаи, когда епископы находили кандидатов плохо подготовленными и отправляли казаков назад без духовного звания.

Проблема недостатка культовых зданий решалась правительством посредством возведения походных церквей, иереи которых должны были в обязательном порядке обеспечиваться удобными домами. Сведения о числе церквей и их служителей регулярно сообщались правящим архиереем в Святейший Синод. Епископу вменялось в обязанность наблюдать за тем, чтобы на территории войска не строились лишние храмы, не обеспеченные необходимым количеством верующих. Для возведения церкви требовалось наличие религиозной общины, которая охватывала не менее 100 дворов, в каждом из которых проживало не менее 4 лиц мужского пола. Служителям каждой церкви по межевой инструкции выделялось 1766 г. 33 десятины земли [8]. Особая забота Екатерины II об укреплении на Кубани основ Православия ясно прослеживалось в ее решении пожертвовать 3~<000 рублей на возведение войскового Собора в Екатеринодаре.

Одним из направлений конфессиональной политики Екатерины II и ее преемников стало строительство на Кубани православных монастырей. О высокой важности указанного вопроса свидетельствует то, что все проекты возведения обителей, вплоть до конца XIX в., подписывались лично правителями страны.

7 августа 1794 г. императрица дала разрешение казакам возвести на черноморских землях войсковой Екатерино-Лебяжский-Николаевский монастырь: «Снисходя на прошение нашего верного войска Черноморского Войскового Правительства и старшин, всемилостивейше позволяем в селениях сего войска и избранном ими месте устроить монашескую пустыню, в которой бы престарелые и раненые на войне казаки по богоугодному желанию своему могли воспользоваться спокойной в монашестве жизнью...» [13].

И. А. Горбовая отмечает, что строительство монастырей на Кубани после учреждения первой обители имело

дальнейшее интенсивное развитие в XIX — нач. XX вв. Отметим, что в 1849 г. начала работу женская обитель во имя Марии Магдалины. В 1877 г. по просьбе местного населения и священников в Майкопском отделе начала функционировать Свято-Михайло-Афонская-Закубанская пустынь. Через десять лет, в 1887 г., недалеко от разрушенных древних храмов ущелья р. Большой Зеленчук была возведена Александро-Афонская-Зеленчукская пустынь, наставником в которой стал монах Серафим, приехавший из Благовещенского Афонского Хиляндарского монастыря. В 1897 г. получил статус монастыря женский скит, возведенный в честь праздника покрова Пресвятой Богородицы, находившийся рядом с древним Сентинским храмом на берегу р. Теберды.

В 1894 г. усилиями православных миссионеров на месте бывшего старообрядческого скита был построен Кавказский Миссионерский Свято-Николаевский мужской монастырь, который стал функционировать в 1897 г. В 1899 г. рядом со станицей Динской была организована Покровская женская община, преобразованная в 1904 г. в женский монастырь. В 1910 г. монастырский статус получило Казанское подворье, принадлежавшее архиерейскому дому, начавшее действовать в 1898 г. Таким образом к нач. XX в. на территории Северо-Западного Кавказа функционировало 8 монастырей (3 женских и 5 мужских), а также 1 скит [2, с. 14–15].

Отметим, что религиозная ситуация на казачьих территориях не была однородной, что объяснялось различным происхождением казачьих групп. Так, в Черноморию, изначально направлялись бывшие запорожские казаки — приверженцы официального православия. Линейные станицы, образовавшие впоследствии правый фланг Кавказской линии, комплектовались преимущественно выходцами с Дона, активно сопротивлявшимися политике переселения. Многие донские казаки являлись носителями старообрядчества. На рассматриваемую территорию было переселено 1~<000 семейств (4700 человек). Донские казаки положили нача-

ло развития станицам Темнолесской, Воровсколесской, Прочноокопской, Григориполийской, Усть-Лабинской и Кавказской, вошедших в Кубанский полк [6, с. 117]. Подавляющее число староверов расселилось в станицах Прочноокопской (200 семей) и Кавказской (70–80 семей) [4, с. 75].

По мнению Ф. А. Щербины, у старообрядцев не имелось собственного духовенства. Религиозные требы справляли у них беглые священники, деятельность которых тщательно скрывалось. Известно, что в 1794 г. в ст. Прочноокопской начал действовать молитвенный дом, который стал впоследствии религиозным центром как для жителей станицы Прочноокопской, так и для староверов из станиц Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполийской и Темнолесской [1].

Важным направлением конфессиональной политики правительства стало распространение Православной культуры среди местных народов. Для этой цели была учреждена Осетинская духовная комиссия, действовавшая с 1745 по 1793 гг. В 1793 г. была создана Моздокско-Маджарская викарная епархия, проработавшая до 1799 г. Несмотря на ее упразднение, причиной которого официально признавалась малочисленность северокавказских церквей, к началу XIX духовенством епархии были заложены необходимые основы сближения местного и казачьего населения.

Таким образом, распространение православной культуры на Кубани явилось важным условием развития государственно-конфессиональных отношений. Православие способствовало правильному восприятию казачеством государственных инициатив, выступало нравственной основой сближения верующих с местными народами — носителями язычества, Ислама и протестантизма. В то же время религиозная ситуация в казачьих полках не была однородной, что объяснялось различным территориальным происхождением казачьих групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 63. Оп. 2. Д. 189. Л. 110.
2. Горбова, И. А. Монастыри Кубани в конце XVIII — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. А. Горбова. — Армавир — 2014. — 26 с.
3. Денисов, В. В. История монастырей Верхнего Поволжья (вторая половина XVIII — начало XX вв.) [Текст] / В. В. Денисов. — Ярославль: Знание, 2012. — 267 с.
4. Зудин, А. И. К вопросам о численности и географии расселения старообрядцев на территории Кубанского казачьего войска [Текст] /
5. А. И. Зудин // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3. — Краснодар: изд-во «Кубанькино», 2007. — С. 71–86.
6. Зудин, А. И. Старообрядчество: Очерки традиционной культуры казачеств России [Текст] / А. И. Зудин. — Москва–Краснодар, 2005. — Т. 2. — 157 с.
7. Караулов, М. А. Терское казачество [Текст] / М. А. Караулов. — М.: Просвещение, 2008. — 327 с.
8. Львова, А. Г. Реформирование системы духовных школ России в 60–80-е годы XVIII века [Текст] / А. Г. Львова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — Вып. 74. — С. 178–186.
9. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 1762–1772 гг. // СПб., 1910. Т. 1. № 167.

10. Письмо войскового судьи А. А. Головатого кошевому атаману З. А. Чепеге о прибытии епископа Феодосийского и Мариупольского Иова и организации его встречи на кордонах 22 апреля 1794 г. Тамань // Православная церковь на Кубани / Сборник документов. Краснодар, 2001.
11. Письмо епископа Феодосийского и Мариупольского Гервасия кошевому атаману З. А. Чепеге о рукоположении 5 священников и строительстве пустыни. Ноябрь 1796 г. Старый Крым // И. И. Дмитриенко / Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Православная церковь на Кубани / Сборник документов, Краснодар, 2001. Т. 4.
12. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 1762–1772 гг. [Текст].— СПб.: Синодальная типография, 1910.— Т. 1.— № 167.
13. Указ Святейшего Синода о причислении земель Черноморского казачьего войска к Феодосийской епархии и устройстве в войске церковной жизни 12 января 1794 г. гор. Санкт-Петербург) // Православная церковь на Кубани / Сборник документов. Краснодар, 2001
14. Указ императрицы Екатерины II об учреждении Екатерино-Лебяжеской Николаевской пустыни. 7 августа 1794 г. // Православная церковь на Кубани / Сборник документов. Краснодар, 2001
15. Чечулин, Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II [Текст] / Н. Д. Чечулин.— СПб.: [б/и], 1906.— 243 с.
16. Шауб, И. Ю. Культ великой богини у местного населения Северного Причерноморья / И. Ю. Шауб // Журнал Stratumpus: Археология и культурная антропология.— 1999.— № 3.— С. 207–219 / [Электронный ресурс] — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kult-velikoy-bogini-u-mestnogo-naseleniya-severnogo-prichernomor'ya#ixzz4RhtCFZEh>.— Загл с экрана.
17. Шахов, Н. О. Вероисповедная политика Российского государства [Текст] / Н. О. Шахов.— М.: Ладомир, 2003.— 340 с.
18. Шашков, А. «Светлая Россия потемнела, а мрачный Дон воссиял...». Казаки-старообрядцы в конце XVII в. [Текст] / А. Шашков // Родина.— № 11.— 2006.— С. 78.
19. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска [Текст] / Ф. А. Щербина— Екатеринодар: [б/и], 1913.— Т. I.— 960 с.

© Письменная Татьяна Геннадьевна (pismennayat@mail.ru),

Рябиков Александр Николаевич (riybicov@mail.ru), Погорелов Сергей Сергеевич (pogorelov.s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КУБАНИ¹

TO THE QUESTION ABOUT THE HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF CHURCH-STATE RELATIONS IN THE KUBAN²

*T. Pismennaya
A. Ryabikov
S. Pogorelov*

Summary. the article deals with the historiography of the problem of development of state-confessional relations in the Kuban region. The works of pre-revolutionary, Soviet and modern researches are analyzed. The conclusion is made about the necessity of further research of the topic.

Keywords: historiography, Kuban, religion, Orthodoxy, Islam, Protestantism.

Письменная Татьяна Геннадьевна

*К.и.н., доцент, Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
pismennayat@mail.ru*

Рябиков Александр Николаевич

*К.и.н., Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
riybicov@mail.ru*

Погорелов Сергей Сергеевич

*Филиал КубГУ в г. Славянске-на-Кубани
pogorelov.s.s@mail.ru*

Аннотация. в настоящей статье рассматривается историография проблемы развития государственно-конфессиональных отношений на Кубани. Анализируются труды дореволюционных, советских и современных исследователей. Делается вывод о необходимости дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: историография, Кубань, религия, Православие, Ислам, протестантизм.

В настоящее время в Краснодарском крае, как и в целом в РФ, наблюдается переход к кооперационной модели государственно-конфессиональных отношений, сопровождающийся усилением роли социальных институтов в качестве «регуляторов» взаимодействия религии и власти. На Кубани данный процесс, в силу исторических причин, имел локальные отличия, обусловленные рядом факторов: религиозных, геополитических, этнокультурных. Данные особенности нашли отражение в многочисленных трудах российских исследователей, что определяет актуальность историографического анализа проблемы, попытка которого предпринимается в настоящей статье.

Тенденции государства укрепить позиции Русской Православной Церкви на Юге страны нашли отражение в книгах дореволюционных историков, в частности академика П.Г. Буткова [3]. Ученый заостряет внимание на рекомендациях Святейшего Синода, предписывающие священникам быть терпимыми

и внимательными к культуре иноверных народов. Обоснованию исторической справедливости утверждения государственной религии на Северном Кавказе уделил внимание П. В. Знаменский [9]. По его мнению, Христианство было весьма распространено среди горских народов в средневековье. Поэтому его возрождение виделось автору весьма справедливым процессом, который на протяжении XVIII — XIX вв. имел ряд этапов, обусловленных политической ситуацией. Среди дореволюционных исследований необходимо отметить книгу Ф.А. Щербины «История кубанского казачьего войска». Описывая процесс освоения Кубани Черноморскими казаками, автор отмечает высокую религиозность переселенцев, их приверженность к Православной вере. В то же время, историк подчеркивает и особенности вероисповедного мировоззрения казачества, его взаимосвязь с традициями демократизма. Атаманы деятельно участвовали в формировании штаба войскового духовенства, выдвигая в него кандидатов из местной казачьей среды [36].

¹ Статья издана при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края, проект № 18-49-2300020 «Государственно-конфессиональные отношения на Кубани в конце XVIII- начале XXI вв.»

² The article was published with the financial support of RFBR And administration of Krasnodar region, project № 18-49-2300020 "State-religious relations in the Kuban region in the late XVIII-early XXI centuries"

Распространению на Кубани старообрядчества посвящены исследования А. Д. Ламонова. Их достоинством выступает подробное описание деятельности древлеправославной общины в станице Кавказской, ее противоречивых отношений с миссионерами Русской Православной Церкви. Представляют интерес заметки семинариста, публиковавшегося в Ставропольских епархиальных ведомостях под инициалами «В.Ж.». Предметом рассмотрения автора явились старovery станицы Прочноокопской, особенности их обрядов погребения, крещения, свадеб, проводов казаков на военную службу [21].

Интересные сведения о деятельности староверов ст. Ханской представлены в труде православных иереев Е. Соколова и В. Жогина. Типологизация исламских общин затронута в книге востоковеда М. А. Казембека. Достоинством работы является определение духовной направленности тариката имама Шамиля, его религиозных отличий от общин суннитов и шиитов [11].

Попытки правительства внедрить у мусульман централизованное духовное управление проанализированы на страницах работ С. Эсадзе. Отношения властей с религиозными общинами протестантов описаны в исследовании пастора Я. Штаха [35].

Успехи социально-экономической деятельности протестантов на Кубани рассмотрены на страницах работ А. Твалчрелидзе, Н. Кириченко [34, 15].

Советские исследователи рассматривали дореволюционную религиозную политику с классово-политической позиции. В частности, Д. С. Васильев отмечал, что она была направлена, в первую очередь, на решение исламского вопроса [4]. Правительство создавало привлекательные условия для перехода мусульман в Православие. Н. П. Гриценко полагал, что казаки использовали религиозный фактор для борьбы с самодержавием [8].

Ф. М. Рудинский, М. Г. Кириченко, Ю. А. Розенбаум, исследуя вопросы свободы совести в СССР, пришли к выводу о том, что в советской России были созданы все необходимые условия для свободного выбора человеком идеологических ориентиров, а возникающие противоречия не имели существенного значения [32, 14, 31].

Роли обновленческой реформации РПЦ посвящены работы советских идеологов и государственных чиновников Е. М. Ярославского, В. С. Рожицына, П. А. Красикова. По мнению этих исследователей, обновленчество должно было привести к упразднению Церкви как общественного института [38, 30, 19].

В 60–80-х гг. XX в. вышли в свет работы религиоведов М. С. Корзуна, П. К. Курочкина, в которых говорилось, что

причины внутренних преобразований РПЦ в первой половине XX в. были обусловлены стремлением Церкви адаптироваться к новым политическим условиям [17].

Во второй половине XX в. появились работы В. И. Гарраджи, посвященные исследованию протестантизма, видевшегося автором «мировоззренческим заблуждением» [6].

Отдельные аспекты государственно-конфессиональных отношений на Кубани нашли отражение в работах А. И. Клибанова. В книге «История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в.— 1917 г.)» приводятся факты о деятельности на исследуемой территории секты Старый Израиль, называются имена руководителей общины. В работе «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем» автор анализирует процесс водворения на Кубани группы христоверов. В этой же работе А. И. Клибанов упоминает о распространении на Кубани «духовного скопчества» [16].

Советский исследователь В. А. Масалов, отмечал, что на Кубани в дореволюционное время действовали религиозные объединения «молокан, духоборов, меннонитов, баптистов, пятидесятников, хлыстов, скопцов...». Большую научную ценность для изучения государственно-конфессиональных отношений представляют труды, вышедшие за границу. В работах А. А. Боголепова дана оценка роли советской атеистической пропаганды, подробно рассмотрены методы борьбы властей с религией [2].

В постсоветское время появились труды, характеризующие дореволюционный вероисповедный курс с новых мировоззренческих позиций. В их числе исследование Е. А. Вишленковой, посвященное анализу взаимоотношения государства и религиозных объединений в России в первой четверти XIX в. [5]. Отдельные аспекты вероисповедной политики царского правительства на Северном Кавказе исследованы в статьях и монографиях кавказоведов митрополита Ставропольского и Бакинского Гедеона [7].

Анализ всестороннего развития государственно-конфессиональных отношений на избранной территории представляется возможным благодаря выходу в свет обобщающих исследований по истории Кубани В. Н. Ратушняка. Высокую значимость для рассмотрения темы представляет статья автора, посвященная основным задачам и функциям российской полиции в 60–90 гг. XIX в. В числе широкого спектра обязанностей полицейских на Кубани исследователь отмечает «охрану общественного порядка, прав и обрядов православной церкви и других вероисповеданий...» [29].

Проблемам организации религиозной жизни кубанских казаков, эмигрировавших за границу, посвящена статья О. В. Ратушняка. Автор подчеркивает, что эмигранты с первых дней пребывания на о. Лемнос подняли вопрос о возведении православных церквей, получив на это разрешение епископа Екатеринодарского и Новочеркасского Гермогена. Церковь, таким образом, являлась не только социально-адаптационным механизмом, но и институтом, сохранявшим национальное самосознание. [28]. Особенности положения Русской Православной церкви в Кубанской области в 1860–1917 гг., ее управление, организация духовного образования и просвещения нашли отражение в диссертации С. Н. Рыбко [33].

Старообрядчеству на Кубани посвящена диссертация А. И. Зудина. Автору удалось собрать и обобщить интересный этнографический и материал, и архивные источники, на основании которых им был сделан вывод о том, старообрядцы внесли значительный вклад в развитие культуры и хозяйственной деятельности Кубани.

Осмыслению идеологических процессов в СССР уделили внимание В. В. Касьянов, С. И. Смыгин, Н. А. Шилина. Авторы пришли к выводу о том, что советская идеология по своей сути сближалась с религиозной, и это негативно сказывалось на развитии науки. Секуляризация носила организованный характер, сопровождалась насилием и подавлением. Власть стремилась насаждать

собственную обрядность, заменяя ею обрядность религиозную [13].

Межэтнические и межконфессиональные отношения в Краснодарском крае в первой половине 2017 г. проанализированы в статье А. В. Баранова. Для рассмотрения проблемы автор использует метод социального конструктивизма, указывая, что на современное развитие этноконфессиональных отношений влияют такие факторы как экономический кризис, миграционные процессы и пр. Исследователь приходит к выводу о необходимости создания в Краснодарском крае постоянно действующего экспертно-аналитического центра, который бы занимался мониторингом межэтнических и межрелигиозных отношений [1]. Мониторингу этноконфессиональной ситуации в ЮФО посвящены ежегодные доклады распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем, выходящие под редакцией академика В. А. Тишкова [23]. Исследованию конфессиональной политики на основе метода моделирования посвящены труды Письменной Т. Г., Рябикова А. Н. и др. [25, 26].

Таким образом, в настоящее время комплексные исследования, посвященные государственно-конфессиональным отношениям на Кубани в конце XVIII-начале XXI вв. отсутствуют, что требует восполнения данного пробела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. В. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Краснодарском крае: взаимодействие общественных объединений // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 9. № 4/2, 2017. С. 105–117
2. Боголепов, А. А. Церковь под властью коммунизма [Текст] / А. А. Боголепов. — Мюнхен: [б/и], 1958. — 143 с.
3. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории народов Кавказа, с 1722 по 1803 год [Текст] / П. Г. Бутков, издатель и комментатор Л. Броссе. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869. — Ч. 1. — 620 с.
4. Васильев, Д. С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период [Текст] / Д. С. Васильев. — Махачкала, 1986. — 286 с.
5. Вишленкова, Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX в. [Текст] / Е. А. Вишленкова. — Саратов: Политиздат, 2002. — 165 с.
6. Гараджа, В. И. Критика новых течений в протестантской теологии [Текст] / В. И. Гараджа. — М.: Знание, 1977. — 62 с.
7. Гедеон. Митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России [Текст] / Гедеон. — М. — Пятигорск, 1992. — 230 с.
8. Гриценко, Н. П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII — XIX вв. [Текст] / Н. П. Гриценко // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. — Грозный: Грозненское книжное издательство, 1977. — Т. IX. — С. 73–81.
9. Знаменский, П. В. История Русской Церкви [Текст] / П. В. Знаменский. — М.: Директ-Медиа, 2012. — 1074 с.
10. Историческая заметка о расколе и единоверии в станице Прочнокопской Кубанской области // Ставропольские епархиальные ведомости (СЕВ). 1901. № 22. С. 1300–1317
11. Казембек, М. А. Мюридизм и Шамиль [Текст] / М. А. Казембек // Русское слово. — СПб.: [б/и], 1859. — Кн. XII. — С. 182–242.
12. Касьянов В. В., Смыгин С. И., Шилина Н. А. Социокультурные последствия российской революции. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsiokulturnye-kulturnye-posledstviya-rossiyskoy-revoljutsii>
13. Касьянов В. В., Смыгин С. И., Шилина Н. А. Социокультурные последствия российской революции. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsiokulturnye-kulturnye-posledstviya-rossiyskoy-revoljutsii>
14. Кириченко, Н. Год у немецких колонистов: Описание колоний Эйгенфельд Кавказского отдела Кубанской области [Текст] / Н. Кириченко // Кубанский сборник. — Екатеринодар: [б/и], 1900. — Т. 6. — С. 3–41.

15. Кириченко, Н. Год у немецких колонистов: Описание колоний Эйгенфельд Кавказского отдела Кубанской области [Текст] / Н. Кириченко // Кубанский сборник. — Екатеринодар: [б/и], 1900. — Т. 6. — С. 3–41.
16. Клибанов, А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем [Текст] / А. И. Клибанов. — М.: Просвещение, 1973. — 176 с.
17. Корзун, М. С. Русская православная церковь: 1917–1945 гг.: Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения [Текст] / М. С. Корзун. — Минск: Минское Книжное изд-во, 1987. — 321 с.
18. Корзун, М. С. Русская православная церковь: 1917–1945 гг.: Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения [Текст] / М. С. Корзун. — Минск: Минское Книжное изд-во, 1987. — 321 с.
19. Красиков, П. А. На церковном фронте [Текст] / П. А. Красиков. — М.: Знание, 1923. — 48 с.
20. Курочкин, П. К. Эволюция современного русского православия [Текст] / П. К. Курочкин. — М.: Знание, 1971. — 184 с. Лазарян, С. С. Сюжеты религиозной политики кавказской администрации в середине 40-х — середине 50-х гг. XIX в. [Текст] / С. С. Лазарян // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 2. — Пятигорск, 2005. — С. 12–17.
21. Ламонов А. Д. Старообрядческая община станицы Кавказской, Кубанской области, приемлющая священство Белокриницкой иерархии, 1794–1909 гг. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 385–478).
22. Лицинбергер, О. А. Евангелическо-Лютеранская церковь в российской истории (XVI — XX вв.) [Текст] / О. А. Лицинбергер. — М.: Издательство просветительского фонда «Лютеранское культурное наследие», 2003. — 284 с. Масалов В. А. Религиозное сектантство и современность. Краснодар, 1974. С. 3
23. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском Федеральном округе: Экспертный доклад [Текст] / под ред. А. И. Тишкова. — М. — Ставрополь—Пятигорск: [б/и], 2013. — 298 с.
24. Письменная Т. Г. Конфессиональная политика советской власти в отношении обновленческих объединений Северного Кавказа в 1917–1946 –х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль –2015 — № 7 — С. 87–94;
25. Рябиков А. Н., Письменная Т. Г. и др. Цыгане Краснодарского края: проблема учета религиозного фактора в национальной политике // Успехи современной науки № 9, Т. 3, 2016
26. Письменная, Рябиков А. Н., Манузин Е. В. Конфессиональная политика в отношении религиозных объединений Краснодарского края в 70-х годах XX века // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение — 2015. — № 5 (43) — С. 37–44;
27. Ратушняк В. Н. Основные задачи и функции Российской полиции в 60–90 гг. XIX в. // Исторические науки. Электронный ресурс: <http://www.hist-edu.ru/hist/article/viewFile/2530/2450>
28. Ратушняк О. В. Казачье зарубежье и церковь // Проблемы отечественной истории. № 4 (55), 2014
29. Ратушняк, В. Н. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. [Текст] / В. Н. Ратушняк. — Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1996. — 117 с.
30. Рожицын, В. С. Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция [Текст] / В. С. Рожицын. — М.—Л.: [б/и], 1926. — 67 с.
31. Розенбаум, Ю. А. Советское государство и церковь [Текст] / Ю. А. Розенбаум. — М.: Просвещение, 1985. — 87 с.
32. Рудинский, Ф. М. Институт свободы совести по советскому государственному праву [Текст] / Ф. М. Рудинский. — М.: Знание, 1991. — 154 с.
33. Рыбко, С. Н. Развитие православной церковной жизни на Кубани в советский период. Комиссия по канонизации святых Екатеринодарской епархии / [Электронный ресурс] — URL: <http://kanonkuban.ru/razvitie-pravoslavnoj-cerkovnoj-zhizni-na-kubani-v-sovetskij-period-k-voprosu-o-cerkovno-gosudarstvennykh-otnosheniyah/>. — Загл с экрана.
34. Твалчрелидзе, А. Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александерфельд Кубанской области [Текст] / А. Твалчрелидзе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис: [б/и], 1886. — Вып. 5. — С. 209–274.
35. Штах, Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов [Текст] / Я. Штах. — М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1916. — 266 с.
36. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска [Текст] / Ф. А. Щербина— Екатеринодар: [б/и], 1913. — Т. I. — 960 с.
37. Эсадзе, С. Историческая записка об управлении Кавказом [Текст] / С. Эсадзе. — Тифлис [б/и], 1907. — Т. II. — 658 с.
38. Ярославский, Е. М. О религии [Текст] / Е. М. Ярославский. — М.: Просвещение, 1958. — 231 с.

© Письменная Татьяна Геннадьевна (pismennayat@mail.ru),

Рябиков Александр Николаевич (riybicov@mail.ru), Погорелов Сергей Сергеевич (pogorelov.s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В 1926–1960 ГГ.

THE MAIN STAGES OF GEOLOGICAL INVESTIGATIONS IN THE NORTH-EAST OF RUSSIA IN THE PERIOD OF 1926–1960

G. Pustovoit

Summary. In the article the periods of geological study of the North-East of the USSR in the period 1926–1960. Stresses that fundamental to the development of the mining Kolyma had the scientific knowledge of the Geology of the region.

Keywords: Dalstroy, history of a science, geological researches, assimilation, Northeast Russia.

Пустовойт Галина Анатольевна

Северо-Восточный государственный университет,
г. Магадан
g.pustovoit2009@yandex.ru

Аннотация. В статье обоснована периодизация геологического изучения Северо-Востока СССР в период 1926–1960 гг. Подчеркивается, что основополагающее значение в горнопромышленном освоении Колымы имело научное познание геологии края.

Ключевые слова: Дальстрой, история науки, геологические исследования, освоение, Северо-Восток России.

Северо-Восток СССР (Российской Федерации) играл и продолжает играть исключительно важную роль в развитии минерально-сырьевой базы страны, а геологические исследования важны как для поиска и оценки месторождений минерального сырья, так и дальнейшего их использования в целях наращивания ресурсного потенциала нашего государства, обеспечения его экономической безопасности.

Между тем, современный этап социально-экономического развития северо-восточных районов России характеризуется недостаточными объемами геолого-разведочных работ, проблемами воспроизводства минерально-сырьевой базы региона, низкой динамикой среднегодовых темпов добычи ценных видов минерального сырья.

Особое значение в данном контексте приобретает и актуализируется проблематика основных этапов геологоосвоенческих процессов на территории Северо-Востока России в 1926–1960 гг., важная для выработки современных стратегий развития регионов России, что, в свою очередь, предполагает их подкрепление ретроспективным анализом.

Отдельные исследования затрагивали проблему геологического изучения территории колымского края в 1920–1950-е гг.: Здесь можно отметить работы П. Н. Кропоткина [13], С. В. Левченко и Д. Л. Мозесон [14]. Из мемуаров, которые воссоздают картину геологических исследований в 1920-е–1930-е гг. отметим работы участников экспедиций — геологов-первопроходцев Северо-Востока России Ю. А. Билибина [5], Б. И. Вронского [10]. описы-

вая промышленное и научное освоение Северо-Востока в 1920–1950-е гг. фрагментарно затрагивали отдельные аспекты проблемы в своих работах авторы — Г. Г. Рощупкин [21], С. П. Нефедова [15]. Современные исследователи, занимающиеся комплексом проблем, связанных с деятельностью Дальстроя в 1930–1950-е гг. — И. Д. Бацаев [3], А. Г. Козлов [12], А. И. Широков [22], В. Г. Зеляк [11] — в своих публикациях освещали результаты геологического освоения.

Однако, в целом историческое осмысление процесса накопления научных знаний по геологии и их роли в освоении Северо-Востока России в 1920–1950-е гг. не состоялось. Между тем, ее всестороннее раскрытие важно не только для получения объемной картины развития этого региона страны в разные исторические отрезки времени, но и для изучения истории развития геологической науки в нашей стране в целом.

История полноценных геологических изысканий на Северо-Востоке России составляет не более 100 лет. К началу 1920-х гг. имелись лишь фрагментарные сведения географического и геологического строения отдельных районов края, полученные в результате работ экспедиционных отрядов, направлявшихся Академией наук и другими центральными ведомствами [20, ф. 8077. оп. 3. д. 34. л. 11; 2, с. 710–711].

Работа исследователей на Северо-Востоке в начале 1920-х гг. позволила уточнить географию региона, определить систему транспортных путей и специфику хозяйственного освоения Колымы. Проводя первые экспедиционные исследования северо-восточного края

в указанное время, геологические партии не нашли богатых золотосодержащих месторождений. И все же, появление сведений о возможной промышленной ценности найденных старателями золотых россыпей стали основанием для оживления государственной активности в вопросах изучения горных богатств Северо-Востока [20, д. 35. л. 2, 11об, 12, 24, 33, 43; 5, с. 175, 180, 205; 10, с. 14].

Серьезным толчком к накоплению геологических знаний стали исследования С.В. Обручева (1926 г.) и «научный прогноз» Ю.А. Билибина (1928 г.), подтвердивших наличие богатейших запасов минерального сырья на Северо-Востоке СССР и, в значительной мере, определивших ведущую роль в хозяйственном освоении региона горнодобывающей отрасли [1, с. 14; 13, с. 29; 22, с. 42–43].

В 1931 г. при непосредственном участии высших партийно-государственных органов СССР был создан государственный трест «Дальстрой» (с 1938 г. — Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР), как организация, призванная осуществить широкомасштабное промышленное освоение территории Северо-Востока СССР. В данных условиях, организованное Дальстроем научное изучение ресурсного потенциала можно рассматривать как одно из направлений государственной политики хозяйственного развития региона. Одним из важных компонентов создаваемого горнопромышленного комплекса Дальстроя должно было стать современное научно-техническое обеспечение [9, д. 47. л. 129–131; 16, с. 70–72; 22, с. 106–107].

Историю геологических исследований и их роль в освоении Северо-Востока СССР в 1926–1960 гг. можно разделить на четыре этапа.

Первый этап — 1926–1938 гг. является экспедиционным. Установлено, что у истоков геологических исследований на Северо-Востоке СССР в 1920-е гг. находились Геолком ВСНХ СССР, Союззолото ВСНХ СССР, Главное Геологоразведочное Управление СССР, Академия наук СССР, располагавшие в указанное время, наиболее подготовленными кадрами. Оценивая их роль, стоит отметить, что большая часть этих работ носила эпизодический характер, к тому же ни одна экспедиция не ставила перед собой задач геологического изучения такого гигантского региона, как Северо-Восток России, в целях его комплексного промышленного освоения. Одной из тенденций этого периода было и то, что наряду с поисковыми партиями, первооткрывателями золотых месторождений были старатели-хищники [3, с. 20; 13, с. 9]. В дальнейшем участие в геологическом изучении края отдельных научных ведомств и академических учреждений заметно сократилось. В целом, за относительно короткий

по историческим меркам отрезок времени, несмотря на отсутствие государственной программы комплексного хозяйственного освоения территории Северо-Востока СССР в 1920–1930-е гг. удалось организовать экспедиций в десятки раз больше, чем за весь досоветский период [6, д. 3. л. 1, 1об. д. 17. л. 2–5].

Представляется, что только в ходе экспедиционных исследований государственным трестом Дальстрой в 1931–1938 гг. началось планомерное проведение геологоразведочных и горнопромышленных работ на Северо-Востоке. Вместе с тем, усилия Дальстроя на этом этапе были направлены, прежде всего, на максимально возможную добычу минеральных ресурсов Северо-Востока, нежели на научное обобщение фактического материала по геологии. Прежде всего, это отрицательно сказывалось на изучении теоретических вопросов, решение которых должно было принести результаты в будущем.

В условиях расширения зоны деятельности Дальстроя за 1932–1937 гг. были сделаны многие основные открытия месторождений золота и олова на Северо-Востоке СССР. Прежде всего, был создан фундамент для стремительно набирающей темпы золотодобывающей отрасли, началась добыча олова, были получены данные о наличии многих редкоземельных и цветных металлов, созданы геолого-геоморфологическая и металлогеническая карты, охватывающие громадные территории Северо-Востока СССР. Основными подразделениями, ведущими геологическое изучение, были разведочные районы и экспедиции. Кроме этого, в составе каждого горнопромышленного управления действовали свои геологоразведочные отделы (ГРО) [6, д. 16, л. 117. д. 84. л. 50–51; 13, с. 16; 18].

К концу 1930-х гг. форсированная россыпная золотодобыча исчерпала себя. Прогнозный уровень добычи золота так и не был достигнут. Причина отставания была очевидной — недостаточная геологическая изученность территории края. Кроме этого, существенным препятствием стали чрезвычайно завышенные плановые задания, противоречия в руководстве Дальстроя в методах ведения геологоразведки и эксплуатации месторождений золота, незаконченное строительство дорог до приисков, отсутствие должного внимания к научно-техническим исследованиям, постоянный кадровый и финансовый дефицит. Для увеличения добычи золота необходимо было развитие более рентабельных рудных месторождений [3, с. 59; 22, с. 157, 162].

Таким образом, в конце 1920-х–1930-х гг. были заложены основы планомерного геологического изучения Колымы и Индигирки, даны первые оценки минерально-сырьевых ресурсов региона, определены возмож-

ные перспективы их хозяйственного освоения с целью направленного выявления ценных полезных ископаемых и быстрого их хозяйственного освоения.

В течение второго этапа (1938–1948 гг.) произошел переход к стационарным геологическим исследованиям. В 1930-х гг. научный анализ исследовательских и сводных работ производился в Москве или Ленинграде выезжавшими туда геологами. Весьма неблагоприятным моментом при существующем проведении научно-технических работ являлась большая задержка влияния их результатов на ежегодно проводимые геологические исследования. Это осложняло изучение Колымы, тормозило составление научно обоснованных представлений о прогнозных запасах полезных ископаемых, что в свою очередь, затрудняло выбор направлений дальнейших геолого-поисковых работ. Интересы разработки промышленной минерально-сырьевой базы требовали прочной, фундаментальной постановки научных исследований на Колыме. Организационные формы накопления геологической информации в Дальстрое стали меняться вслед за потребностями горнопромышленного освоения края.

Установлено, что целенаправленное изучение территории Северо-Востока способствовало организации первых научно-исследовательских учреждений в структуре Дальстроя: научно-исследовательской группы при Юго-Западном горнопромышленном управлении (1938 г.), Центральной научно-исследовательской лаборатории ГУСДС (1940 г.), научно-исследовательского отдела при Геологоразведочном управлении ГУСДС (1940 г.), научно-исследовательских отделов в районных геологоразведочных управлениях [6, д. 846, л. 66, д. 855, л. 126, 129, 282, д. 975, л. 32; 12, с. 44–45; 16; 19].

Исследованиями геологов Дальстроя в 1940-е гг. были выявлены закономерности регионального распределения ряда полезных ископаемых, разработана технология обогащения руд для всех построенных за этот период обогатительных фабрик, проводились многочисленные анализы и испытания различных строительных материалов, промышленного сырья. Были начаты фундаментальные исследования по геологии рудных и россыпных месторождений, петрологии, геоморфологии, палеонтологии, проводились испытания минералов на радиоактивность. Получило развитие научно-техническое направление, связанное с механизацией горных работ. Однако, усилия, направленные на преодоление отставания в уровне кадрового и научно-технического состояния обеспечить не удалось. Как правило, увеличивающиеся затраты на научные исследования опережали возможности наличного кадрового потенциала [6, д. 432, л. 2, 7, д. 1379, л. 51–53, д. 3631, л. 25; 8, с. 31].

Кроме того, в результате геологоразведочных и горнопромышленных работ Дальстроя была установлена перспективность ряда новых районов и, в первую очередь, по золоту и олову. За годы войны обнаружено 150 новых объектов, с общим запасом золота в них — 200 т, 13 новых оловорудных месторождений с общим запасом олова в них 126–<200 т, 3 вольфрамовых месторождения, 2 кобальтовых. В исследуемый период золотодобывающая отрасль достигла абсолютного максимума годовой добычи 80 т золота, в том числе и за счет разработки рудных месторождений золота. Начинается промышленная добыча олова, вольфрама и кобальта [6, д. 1084, л. 1–5; 3, с. 63; 11, с. 46, 107, 121, 125, 150, 160, 195; 22, с. 175, 244, 251, 331].

Созданные в 1940-е гг. предприятия горной промышленности Дальстроя произвели колоссальный объем работ, благодаря которым были выполнены плановые задания по добыче ценных видов минерального сырья. Совершенствуются методы поисков месторождений полезных ископаемых, а роль применявшихся горных технологий возрастает и они становятся одним из важных факторов стабильной работы горной промышленности.

Однако, несмотря на достигнутые внушительные результаты, имелось немало проблем и противоречий, сложившихся в горнодобывающей отрасли ещё в 1930-е г. Использование принудительного труда заключенных, трудовое напряжение вольнонаемных работников горнодобывающей промышленности, чрезвычайный режим управления производством и хищническая эксплуатация исключительно богатых участков россыпных месторождений выступали главными источниками её стабильно высоких результатов.

В целом, в 1940-е гг. за счет форсированного горнопромышленного освоения территории Колымы и Чукотки горная отрасль сделала мощный рывок в своем развитии. Важнейшей причиной такого положения стал достаточно возросший уровень и масштабы геологического изучения территории края.

Третий этап (1948–1953 гг.) характеризуется серьезным отставанием геологоразведки в обеспечении горнодобывающей промышленности балансовыми запасами минерального сырья [3, с. 176; 11, с. 169, 173; 22, с. 343]. Хищническая эксплуатация богатых россыпных месторождений полностью исчерпала свои возможности. Высокие показатели добычи олова достигались также путем использования только рентабельных месторождений. В свою очередь, огромный объем работ по геологическому изучению привел к накоплению за исторически короткий срок большого объема знаний по геологии. Стала очевидна необходимость дальнейшей перестройки их научно-организационных форм

в структуре Дальстроя с целью научного обобщения имеющейся геологической информации, усиления комплексности научных исследований, решения фундаментальных проблем в области геологии [6, д. 17а. л. 1–19].

Качественное преобразование региональной научной структуры было связано с организацией в 1948 г. ВНИИ-1 МВД СССР. Специальный научно-исследовательский институт с первых дней своего существования стал непосредственным организатором и проводником технического прогресса горнодобывающей промышленности Колымы и Чукотки. Исключительную роль в финансировании и определении научных направлений на данном этапе имело МВД СССР. Фактически произошло устранение ведущего научного учреждения страны — АН СССР — от изучения Северо-Востока СССР [6, д. 1753. л. 131. д. 2223. л. 38. д. 2234. л. 107–108; 17].

В этот период усилиями геологического научного общества Дальстроя были заложены основы региональной металлогении золота, олова и вольфрама. Проводились исследования в области петрологии, стратиграфии, горном деле. В недрах северо-восточной геологии были обобщены накопленные материалы по нерудным ископаемым и продолжено сводное описание золотых россыпей. Широко известны стали работы по проблемам общего и инженерного мерзлотоведения. Были закончены сводные работы по геологии россыпных и рудных месторождений олова, вольфрама, кобальта, урана Северо-Востока, а также работы о перспективах нефтеносности этой территории [6, д. 2714. л. 25].

По основным технико-экономическим параметрам горнодобывающей промышленности Дальстроя в эти годы произошло увеличение ассортимента извлекаемых металлов. С 1948 г. возобновилась добыча вольфрама, в 1952 г. началась добыча урана, существенно возросли объемы добычи олова до максимума в 5,3 тыс. т (см. табл. 1).

Однако, в течение второй половины 1940-х — начале 1950-х гг. несмотря на прилагавшиеся усилия высшего руководства, как МВД, так и Дальстроя, в горной отрасли возникли трудноразрешимые проблемы, которые привели к сокращению добычи природных ископаемых и могли резко затормозить хозяйственное освоение территории. Основными причинами невыполнения плановых показателей были низкий уровень применявшихся горных технологий, острая нехватка материально-технических ресурсов, обусловленная срывом доставки товаров в порты Дальстроя и, соответственно, в приисковые районы, нехваткой высококвалифицированных вольнонаемных специалистов. Положение ещё более осложнялось тем, что россыпные месторождения золота на Колыме были значительно подорваны, а крупные запасы

этого металла находились в отдаленных районах Северо-Востока (Якутия, Чукотка). Указанные обстоятельства предопределили острую необходимость повышения роли научно-технического обеспечения развития горной отрасли, увеличения финансирования геологоразведочных работ и развития более рентабельных рудных месторождений. «Специфически дальстроевскими методами» уже нельзя было развивать широкие геологические исследования и остановить проявление кризисных явлений в системе горнодобывающего сектора экономики региона [6, д. 5182. л. 117. д. 5439. л. 21].

В течение четвертого этапа (1953–1960 гг.) в связи с политическими переменами в СССР Дальстрой был передан в марте 1953 г. из МВД СССР в ведение министерства металлургической промышленности СССР. С февраля 1954 г. по май — июнь 1957 г. Дальстрой находился в ведении Министерства цветной металлургии (МЦМ СССР). Адаптация к системе новых органов власти и управления, сложившаяся с организацией в декабре 1953 г. Магаданской области кардинально изменила характер деятельности Дальстроя и способствовала превращению его в исключительно производственное объединение [6, д. 4681. л. 274, д. 5174. л. 458–461 об].

Позиция нового руководства области была ориентирована, как и прежде, в пользу доминирующего развития горной отрасли и наращивания темпов добычи рудного сырья [6, д. 5845а. л. 10, 205]. Однако для увеличения объема золотодобычи из рудных месторождений требовались крупные финансовые инвестиции, новые технологии, опирающиеся на современные научные разработки. Период геологического изучения вширь закончился, необходимы были геологические исследования вглубь. На наш взгляд, роль сотрудников ВНИИ-1 в решение указанных кризисных проблем была существенна. В то же самое время, финансовая и кадровая поддержка ВНИИ-1 оказалась явно недостаточной. Руководство Дальстроя, а затем Магаданской области, игнорируя решение социальных проблем, не смогло преодолеть кадровый дефицит, текучесть кадров имела значительные масштабы.

С ликвидацией Дальстроя в 1957 г. и образованием Совета народного хозяйства (далее СНХ) Магаданского экономического административного района (МЭАР) существовавшая ведомственная изоляция и замкнутость ВНИИ-1 устраняется, вновь получают развитие геологические исследования с участием Академии наук на всей территории Северо-Востока СССР, поисковые и разведочные работы на все виды полезных ископаемых были переданы в ведение Министерства геологии и охраны недр СССР [20, ф. 9573. оп.1. д. 1703. л.18; 22, с. 356].

Осуществленные ВНИИ-1 научно-технические работы в 1950-х гг., наряду с большим научным значением,

Таблица 1. Основные технико-экономические показатели горной отрасли Дальстроя в 1939–1948 гг.

Показатель	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957
Количество горнодобывающих предприятий	89	94	98	102	95	80	66	50	47	24
Получено золота, т	43,6	52,4	49,0	49,2	49,1	47,1	45,2	44,1	38,7	32,3
Получено олова в концентрате, т	3,3	4,2	3,6	4,6	5,35	4,0	4,0	3,0	3,0	1,5
Получено трехокси вольфрама, т	41,5	87	295	560,6	439,3	515,5	419,0	254,9	261,3	–
Получено кобальта, т	37	71	71	75,5	62	45,9	35,1	–	–	–
Получено урана, т	–	–	–	–	35,8	48,3	33,1	25,2	–	–

были ориентированы на рациональное освоение природных ресурсов северо-восточного региона. Благодаря этим исследованиям удалось существенно улучшить методику разведки и повысить её эффективность, облегчить поиски полезных ископаемых. К концу 1950-х гг. кризисные явления в горной отрасли удалось преодолеть, стабильно росли ассигнования на геологоразведочные работы, активизировались поисковые и разведочные работы, прежде всего, в малоизученных районах Северо-Востока. Техническое совершенствование способов добычи россыпного золота, открытие его месторождений на Чукотке остановило падение производства золотодобывающей промышленности, и с 1958 г. начался его медленный подъем. Основные технико-экономические показатели горной отрасли Дальстроя в 1948–1957 гг. наглядно иллюстрирует предлагаемая ниже Таблица 1 [11, с. 144, 150, 160, 195, 203, 205; 22, с. 251, 331, 341, 349, 356].

Из приведенных данных следует, что на этом этапе работы горной отрасли достигнут абсолютный максимум годовой добычи 80,0 т золота в 1940 г. и самые высокие среднегодовые объемы добычи в течение 10 лет — более 60 т. На момент реорганизации Дальстроя в 1957 г. на Колыме за 25 лет было добыто даже больше прогнозного уровня (1000 т) — около 1300 т россыпного золота.

Анализ основных направлений и результатов деятельности ВНИИ-1 позволяет говорить о региональном характере проводившихся в нем в то время исследований. Свои усилия коллектив института сосредоточил на обобщении громадного материала, накопленного при разведке и отработке месторождений полезных ископаемых на территории Северо-Востока СССР, создании технических средств и разработке технологических процессов для горной отрасли края. Выполненные учеными ВНИИ-1 исследования в 1950-е гг. привели к ряду важнейших теоретических выводов по различным научным направлениям, в геологии россыпных и рудных

месторождений, мерзлотоведению, горному делу, обогащению и металлургии, строительным материалам.

Обнаруженные взаимосвязи основных научно-технических достижений и технико-экономических показателей горнодобывающей промышленности региона показали, что серьезным препятствием, сдерживающим и продолжавшим определять параметры социально-экономического развития Магаданской области, был моноотраслевой характер и сырьевая направленность всего производственного комплекса. Это оборачивалось серьезными проблемами, унаследованными от Дальстроя: низким уровнем применявшихся технологий, отсутствию стабильной структуры квалифицированных специалистов, игнорированием социальных задач. Реальные условия, способствующие выправлению данной ситуации, стали складываться только к началу 1960-х гг.

Проведенное исследование позволило констатировать, что процесс накопления научно-технических знаний в изучаемый период, складывался неравномерно и, в сущности, отражал социально-экономические и политические события, происходившие на территории советского государства. Характер и масштабы исследований формировались тремя главными центрами страны — Академией наук СССР, Министерством Внутренних дел СССР и Министерством цветной металлургии СССР.

Достигнутый к концу 1950-х гг. уровень применявшихся горных технологий на Северо-Востоке СССР, несмотря на выявленные противоречия, явился важным фактором дальнейшего развития горнодобывающей промышленности и других важнейших отраслей экономики края

Анализ всей совокупности исторических фактов позволяет утверждать, что пионерное освоение северо-восточного края привело к развитию научного знания: от узких прикладных исследований для нужд гор-

ной отрасли до решения комплекса научных проблем в области геологии.

В результате интенсивной работы нескольких поколений ученых возникли предпосылки к преобразованию регионального научного знания в межрегиональное, к формированию единого научного сообщества специалистов по фундаментальным проблемам геоло-

гии — созданию в 1960 г., в г. Магадане Северо-Восточного научно-исследовательского института (СВКНИИ) в составе Сибирского отделения АН СССР [15, с. 38]. Обеспечить в перспективе фундаментальные исследования природно-ресурсного потенциала Магаданской области предстояло одной из ключевых фигур в истории дальневосточной геологической науки, его первому директору Н. А. Шило [7, д. 24. л. 1–41].

ЛИТЕРАТУРА

1. Альшевский А. В. О «Золотом векселе» Ю. А. Билибина // V Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посв. 80-летию Первой Колымской экспедиции и 55-летию образования Магаданской области. — Магадан: Кордис, 2008. С. 14–18.
2. Анерт Э. Э. Богатства недр Дальнего Востока. — Хабаровск-Владивосток: Акц. об-во «Книжное дело», 1928. 932 с.
3. Бацаев И. Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х — середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. 255 с.
4. Бацаев И. Д., Ефимов С. П. Магаданская область в XX в.: этапы и особенности развития // V Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посв. 80-летию первой Колымской экспедиции и 55-летию образования Магаданской области. — Магадан: Кордис, 2008. С. 18–26.
5. Билибин Ю. А. К истории колымских приисков // Билибин Ю. А. Избр. тр.: в 3 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 3. — С. 195–206.
6. Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23. Оп. 1.
7. ГАМО. Ф. П-21. Оп. 44.
8. Гельман М. Л., Глушкова О. Ю., Пахомов А. О., Смирнов В. Н., Чехов А. Д. Фундаментальные проблемы и методология геологических и географических исследований на Северо-Востоке Сибири в научном творчестве А. П. Васильковского // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2007. № 1. С. 2–36.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5674. Оп. 1.
10. Вронский Б. И. На золотой Колыме: Воспоминания геолога. М.: Мысль, 1965. 280 с.
11. Зеляк В. Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004. 283 с.
12. Козлов А. Г. Организация горнодобывающей промышленности Дальстроя в 1931–1957 гг. // II Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 41–46.
13. Кропоткин П. Н. История геологического и географического исследования Охотско-Колымского края и верховьев р. Индигирки (1890–1934 гг.). — М.; Л.: Изд-во НКТП СССР, 1936. 36 с.
14. Левченко С. В., Мозесон Д. Л. Золотая Колыма: из истории открытия и освоения Северо-Востока СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 96 с.
15. Нефедова С. П. Развитие науки на Северо-Востоке (1948–1980) // Краевед. зап. — Магадан, 1986. — Вып. 14. С. 35–50.
16. Пустовойт Г. А. Организация и функционирование Центральной научно-исследовательской лаборатории Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР в 1940–1948 гг. // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2010. № 2. С. 94–102.
17. Пустовойт Г. А. О некоторых тенденциях развития Всесоюзного научно-исследовательского института золота и редких металлов МВД СССР в 1948–1953 гг. // Вестник Северо-Восточного государственного университета. — Магадан: Изд-во СВГУ, 2009. — Вып. 12. С. 21–30.
18. Пустовойт Г. А. Геологические экспедиции и организация научных исследований на Северо-Востоке СССР (1931–1938 гг.). // Россия и АТР. — Владивосток. — 2010. — № 2. С. 91–100.
19. Пустовойт Г. А. Геологические исследования научно-исследовательского отдела Геологоразведочного Управления Главного Управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР в 40-е гг. // VI Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвящ. 85-летию со дня рождения Н. Н. Дикова и 50-летию образования СВКНИИ ДВО РАН. — Магадан: Кордис, 2010. С. 185–188.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9573. Оп. 1. Ф. 8077. Оп. 3.
21. Рошупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917–1953 гг.). // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. Магадан: Кн. изд-во, 1971. С. 5–80.
22. Широков А. И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории / под ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 460 с.

© Пустовойт Галина Анатольевна (g.pustowoit2009@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО МОЛОДЕЖНОГО ГРАДОЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

POPULARIZATION OF THE REGIONAL YOUTH PROTECTION MOVEMENT IN THE CONDITIONS OF INFORMATION SOCIETY

N. Topal

Summary. The forms of popularization of the movement for the preservation of historical and cultural heritage with the use of information and communication technologies in the environment of the younger generation are considered. Examples of individual stages in the development of children's and youth town protection units of the Republic of Tatarstan with the definition of the characteristic features of this process are used.

Keywords: historical and cultural heritage, town protection, memorable conservation activity, information and communication technologies, red shield, heritage in the young heart.

Топал Наталья Михайловна

Аспирант, Казанский национальный
исследовательский технический университет имени
А. Н. Туполева
topal2008@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются формы популяризации движения за сохранение историко-культурного наследия с применением средств информационно-коммуникационных технологий в среде подрастающего поколения. Используются примеры отдельных этапов в развитии детских и молодежных градозащитных формирований Республики Татарстан с определением характерных особенностей этого процесса.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, градозащита, памятнично-охранительная деятельность, информационно-коммуникационные технологии, красный щит, наследие в юном сердце.

Информационно-коммуникационные технологии в XXI веке становятся приоритетными почти во всех сферах развития современного социума, в том числе и в области сохранения и популяризации историко-культурного наследия. Использование интернет-ресурсов и мультимедийных технологий позволило вывести вопросы памятничноохранительной деятельности на новый качественный уровень, который предоставляет более широкие возможности вовлечения в данный процесс не только специалистов и заинтересованных лиц, но и представителей молодежной среды. Развитие средств коммуникации и использование телекоммуникационного инструментария в образовательной и просветительской среде в области изучения и сохранения историко-культурного наследия способствует не только росту динамики доступа к целевой аудитории, но и влияет на формирование патриотической мотивации в молодежной среде и нравственного воспитания, основанного на чувстве любви к Малой Родине, тем самым ускоряя процесс самоидентификации [7, с. 7].

На современном этапе популярность растет не только у интернет-порталов, специализирующихся на охране памятников истории и культуры, но у групп общественных региональных молодежных движений в социальных сетях. Одна из таких — «Охранная зона» («Красный щит»), основанная молодыми архитекторами-реставраторами

Казани в 2011 году, имеет 889 активных пользователей. Группа, по информации социальной сети «ВКонтакте», представляет собой казанское отделение общества «За приличную архитектуру». Сами создатели именуют себя как «Межвузовское движение студентов всех времен и народов, направленное на сохранение архитектурной и исторической уникальности Казани» [5].

В данном сообществе отражаются основные этапы градозащитного движения в Казани. Свою деятельность активисты «Красного щита» начали с критических постов-публикаций в адрес актов губительного воздействия на объекты историко-культурного наследия не только в Татарстане, но и в других регионах. Ими были выстроены продуктивные коммуникации с единомышленниками разных городов России.

Создатели группы проводят для всех желающих бесплатные экскурсии по историческому центру Казани: «Уличные личности», «Усадьбы Старо-татарской слободы», «Кремлевский посад», «Суконная слобода», «Жемчужина Казани» и др., организуют тематические лектории, публикуют официальные документы и информацию о деятельности первых лиц города и республики в отношении сохранения памятников, устраивают субботники и акции с призывами к сохранению того или иного объекта. Многие участники группы входят в со-

став молодежного объединения Татарстанского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ТРО ВООПИиК).

Другой проект – «Наследие в юном сердце», имеющий просветительскую направленность среди детско-юношеской аудитории, создан в 2016 году на базе кафедры истории и связей с общественностью Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева совместно ТРО ВООПИиК. В нем принимают участие школьники и студенты, участники детской творческой студии «Дивертисмент» и учащиеся казанской детской художественной школы № 4. Идея создания проекта возникла в связи с проблемой дефицита информации об историко-культурном наследии и градозащитной деятельности в образовательных учреждениях. Его участники познают историческую среду через синтез искусств. Они изучают историю того или иного объекта, устраивают литературно-музыкальные вечера и художественные выставки, информацией о которых делятся со сверстниками в социальных сетях и на видеохостингах [1, 3].

Юные художники на занятиях по композиции используют архитектурные памятники в качестве натуральных объектов, а затем создают тематические выставки [6]. Главное отличие «Наследия в юном сердце» от многих историко-культурологических проектов заключается в том, что его участники уже с детства имеют возможность выразить гражданскую позицию, выступая полноценными участниками градозащитного движения. Благодаря этой деятельности у проекта появилось больше единомышленников, но, к сожалению, не всегда вопросы сохранения памятников в наше время решаются гладко и положительно. В 2016 году студия «Дивертисмент» и учащиеся художественной школы приняли участие в движении общественников за сохранение дореволюционного военного ансамбля Октябрьского городка. Центральным объектом противостояний общественников и собственника, выкупившего территорию с историческими постройками, явилось здание Арских казарм, аналога которому в России не имеется [8, с. 10–15]. По невыясненным причинам оно не вошло в перечень объектов историко-культурного наследия, охраняемых государством, хотя имело для этого все признаки. «Наследие в юном сердце» выступило в защиту Арских казарм. Участники проекта организовали специальную творческую программу «Фотография на память», посвященную

истории Октябрьского городка, тематическую выставку юных художников, подбор фотохроники, привлекли внимание средств массовой информации, но вышеперечисленные шаги смогли лишь отдалить печальный исход на два года [4]. В период зимних каникул 2018 года здание подверглось стремительному сносу. Все участники проекта испытали глубокое разочарование. Ценность объектов историко-культурного наследия в юном сознании через преодоление проблем значительно возрастает, но, с другой стороны, влечет за собой понимание о не всегда справедливых жизненных расстановках, что позволяет выстраивать объективную картину окружающего мира. Порой обстоятельства складываются таким образом, что к уполномоченным властью не всегда приходит понимание значимости сохранения того или иного историко-культурного объекта. Мэр Казани Метшин И. Р. в 2011 году заявил, что «у нас нет шедевров архитектуры. Мы не Прага, не Париж... У нас дома такого рода — здесь Пушкин чай попил, революционеры здесь были... Но Казань в первую очередь была уездным городком, здесь не было признанных архитекторов» [2]. На тот момент автор высказывания вероятно упустил из вида, что в Казани творили Г. Руш, Ф. Петонди, М. Коринфский и другие мастера архитектурного дела, детища которых и сегодня являются центром притяжения многочисленных российских и зарубежных туристов.

В развитии исторических территорий ключевую роль обычно играют три фактора: влияние экспертного сообщества, руководящая и направляющая сила отцов города и культура застройщика. Исследовательский опыт показывает, что главной движущей силой в сохранении историко-культурного наследия является политическая воля этих самых «отцов», и от того, как сформирована их культура восприятия исторической среды, зависит уровень ее сохранности. Процесс этот начинается еще в раннем возрасте, и поэтому вовлечение подрастающего поколения в градозащитное движение крайне важно. Для этого необходимо активно вести работу над созданием просветительского направления с помощью аттрактивных для молодежной среды ресурсов. В современных условиях, когда детская и молодежная аудитория свободно ориентируется в информационно-коммуникационных технологиях, необходимо использовать их в полной мере для продвижения и популяризации значимости сохранения историко-культурного наследия в целях построения будущего общества на основе гуманных идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметшина Д. Наследие в юном сердце. // ВестумФото. [Электронный ресурс]. — URL: <http://vestumfoto.ru/news/118-nasledie-v-yunom-serdtse> (дата обращения: 27.06.2018).
2. Ильсур Метшин: «Мы не Прага и не Париж, у нас нет шедевров архитектуры» // Pro Kazan.ru. [Электронный ресурс]. — URL: <http://prokazan.ru/news/view/49238/view/49238> (дата обращения: 27.06.2018).

3. Наследие в юном сердце. // You Tube — видеохостинг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5faD1fLl2l0> (дата обращения: 27.06.2018).
4. Наследие в юных сердцах, электронный ресурс. // You Tube — видеохостинг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QPURclPznGY> (дата обращения: 27.06.2018).
5. Охранная зона. // «ВКонтакте» — социальная сеть. [Электронный ресурс]. — URL: <https://vk.com/redshield> (дата обращения: 27.06.2018).
6. Романова О. В музее горького юные художники представили выставку пейзажей исчезающей Казани. // Татар-информ. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/2018/04/24/608814/> (дата обращения: 28.06.2018).
7. Скворцов В.Н., Комиссарова Т.С. Теоретические основания и предполагаемые результаты концепции целевой программы «Сохранение и популяризация историко-культурного, духовного и природного наследия Ленинградской области на 2015–2020 годы» // «Сервису и туризму — инновационное развитие. — Материалы VII Международной научно-практической конференции. — Ответственный редактор: профессор Т.С. Комиссарова. — 2015, Издательство: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), — 176 с.
8. Топал Н. «Скверное» дело Октябрьского городка, журнал «Казань», № 3, 2015, 136 с.

© Топал Наталья Михайловна (topal2008@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК ГОРЦЕВ КАВКАЗА: МЯТ-ЛОАМ СВЯЩЕННАЯ ГОРА ИНГУШЕЙ

TO THE QUESTION OF THE EVOLUTION OF RELIGIOUS PRACTICES OF THE MOUNTAINEERS OF THE CAUCASUS: MINTS-LOAM SACRED MOUNTAIN INGUSH

B. Kharsiyev

Summary. Quite a lot of authors wrote about the religious practices of the mountaineers of the Caucasus. Among them are such famous researchers as the first ethnographer from the Ingushs Ch. Akhriev, N. Grabovsky and others. All these works contain valuable information about the life and customs of the mountaineers of the Caucasus. However, the social role of the cult of holy places in the life of the mountaineers of the Caucasus is almost not described in them. Our article is intended to supplement the gap in the study of the religious practices of the Ingush, as a socially significant phenomenon in the life of society and the individual. The article uses previously published scientific articles and field materials collected by the author, which made it possible to detect the transformation of pilgrimages and sacrifices.

Keywords: Religious practice. Pilgrims to the holy mountain. Places of worship. Religious holidays. Ancient shrines. Social life.

Харсиев Борис Магомед-Гиреевич

*К.ф.н., ГБУ Ингушский научно-исследовательский
Институт имени Ч.Э. Ахриева
Harsievfilial@mail.ru*

Аннотация. Достаточно много авторов писало о религиозных практиках горцев Кавказа. Среди них такие известные исследователи как первый этнограф из ингушей Ч. Ахриев, Н. Грабовский и другие. Все эти работы содержат ценную информацию о быте и обычаях горцев Кавказа. Однако, социальная роль культа святых мест, в жизни горцев Кавказа, в них почти не описана. Наша статья призвана дополнить пробел в исследовании религиозных практик ингушей, как социально значимого явления в жизни общества и личности. В статье использованы ранее опубликованные научные статьи и собранные автором полевые материалы, что позволило обнаружить трансформацию паломничества и жертвоприношения.

Ключевые слова: Религиозная практика. Паломники на святую гору. Места поклонения. Религиозные праздники. Древние святилища. Социальный быт общества.

О религиозном веровании ингушей XIX в. писали многие известные кавказоведы, такие как первый ингушский этнограф Ч.Э. Ахриев «Походы и поминки у горцев» [1], «Ингушские праздники» [2], «Ингуши (их преданья, верованья, и поверья)[3]», Н. Ф. Грабовский «Экономический и домашний быт жителей горного участка Ингушского округа» [4], Б.К. Далгат «Жертвоприношение на Столовой горе. // Терские Ведомости 1893. № 75» [5] и многие другие. Тему религиозных практик не обошли стороной в своих наблюдениях Ф. Леонтович[6] и М. Ковалевский[7].

Правописание названий Мят-лоам и Мят-Сели у разных авторов варьируется по-разному, хотя речь идет об одном и том же орониме и древнем храме. В цитируемых материалах мы оставляем эти названия без изменений.

Наша статья призвана дополнить пробел в исследовании религиозных практик ингушей, как социально значимого явления в жизни общества и личности. В статье использованы ранее опубликованные научные статьи и собранные автором полевые материалы, что

позволило обнаружить трансформацию паломничества и жертвоприношения.

Собственно говоря, о религиозных практиках ингушей достаточно говорилось в разных периодических изданиях и очерках путешествий XIX века, но все эти сюжеты имеют лишь описательный характер. Социальное значение паломничества к святым местам в традиционном быте горцев в них едва затронуто.

Из современных исследований по религиозным практикам ингушей необходимо выделить работы ученого из Санкт-Петербурга М.С. Албогачевой «Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик», «Культе святых и паломничество к святым местам» [8]. Албогачева М.С. обратила внимание на многие стороны религиозных практик ингушей и дала им объяснение. В одной из своих публикаций она отмечает: «Цель статьи — характеристика современных религиозных и связанных с ними культурно-бытовых практик жителей Республики Ингушетия, в абсолютном своем большинстве сельских жителей. Очевидно, что такие практики являются важной составляющей жизнедеятельности сельских обществ» [8].

Грабовский Н. Ф. писал: «Джераховцы, кистинцы и галгаевцы считают себя магометанами, но вместе с тем у них встречаются некоторые христианские и языческие обряды; особенно резко выдаются последние... Многие места в горах названными обществами считаются священными. У джераховцев и кистинцев, например, признаются священными: так называемая Столовая гора, видимая из Владикавказа на юге, на которой есть часовня, известная под именем Мят-Цели» [4.С.117].

В начале XX в. Асламбек Базоркин написал произведение под названием «Горское паломничество», где подробно описал процесс паломничества ингушей к святыням горы Мятт-Лома (Столовая гора), расположенным на высоте 3000 метров над уровнем моря.

«Кистинцы Галгаевского общества в середине июня празднуют торжество в честь св. Мятцели. Все жители окрестных гор и жители равнин посещают в тот день гору Мятцели, весело проводят целый день и ночью возвращаются домой. Обычай паломничества между горцами далеко не исключительное явление. Но он сохранился по преимуществу между здешними горцами (галгаевцами и осетинами), потому только, что они свято, ненарушимо исполняют заветные предания отцов» [9.С.139].

Социальной практикой ингушского общества именно преданья и поверья объясняют обычай, служат их мировоззренческой основой, а сами обычаи являются показателем нравов. В их роли могут выступать производственные навыки, религиозные обряды, праздники.

«Совместное участие некоторых кавказских горцев в общих праздниках, независимо от их происхождения, религии и языка, представляет собой уникальный общий пережиток, уходящий своими корнями в отдаленное прошлое», — отмечает А. Робакидзе [10.С.6].

С самой глубокой древности угроза божественного проклятия формировала сакральную основу адатов. Богам приносили жертву, задабривали их различными подарками и богоугодными поступками. Перед Богом трепетно присягали. Ингуши составляли свой календарь с учетом религиозных праздников, чтобы не обидеть богов. На божественное покровительство при жизни и после смерти мог рассчитывать тот, кто жил по адатам своего общества, соизмеряя свои поступки с принципами обычаев. Ингуши воспринимали адаты как дух божественного милосердия, призванный предотвратить земной хаос.

«Еще до восхода солнца мы покинули Джерах. В ауле остались одни старики да малые дети. Нас взялся довести до места праздника один молодой горец...

1. Молодой наш чичероне много рассказывал нам о Мятцели и странностях этого святого. Так, по его словам, Мятцели терпеть не может тех, кто ему не приносит раз в год жертвы; поэтому обязанность каждого доброго горца не только чтить праздники Мятцели, но еще и дома резать жертвенных баранов, дабы испросить милость у святого [9.С.141–142].

В соответствии характеристики Базоркина А., святой патрон горцев не любит слабости людей и прощает их грехи только через жертвоприношение. Даже высказанное человеком грубое слово, неблагочестивая мысль, непристойность по отношению к женщине является причиной большого греха и недопущения паломника к святому месту. Святой дух запросто скидывает грешников в кручу, откуда ему уже не подняться на Святую гору. Но зачастую Мятцели жалеет грешника и скидывая его в пропасть в наказания за недостойные поступки, милует его предохраняя и увещая.

Святому патрону отведена роль посредника между людьми и архангелом Гавриилом [9.С.141–142].

А. Базоркин в своем описании дает точную этнографическую картину горского паломничества на гору Мят-лоам к святыню Мят-Сели.

На обширной площадке у храма Мятцели собирались, для ритуального действия все взобравшиеся на святую гору паломники. Женщины расставляли деревянную посуду для праздничной трапезы, дети сутились у разложенных вокруг возвышенности костров.

Жрец — Цейсаг одетый в белое одеяние произносил молитву, паломники вторили ему. Длинное исхудалое лицо священника, часто покрывалась слезами, стекая по белой бороде на одежду. Сильный голос священника, с заметной старческой разбитостью был обращен к небесам: «Великий Боже, создавший небо и землю! — воскликнул жрец, причем он обратил свои тусклые взоры на светлое солнце, лучи которого ослепляли глаза, — Боже, благослови наше предприятие, благослови пришедших к Тебе с дарами, дай нам плодородие и обилие хлеба. Избави свой народ от мора и голода, о великий!... Могучий голос отчетливо раздавался по горам, и эхо внятно вторило ему» [9.С.141–142]. Вокруг старца опустив головы, в молчаливом покаянии стояли солидные горцы. После продолжительного моления, обращенного к Богу и патрону Мятцели, а затем и восклицания «Аминь», приносили в жертву откормленных овец. Затем, развязывали бурдюки с пивом и аракой, раскладывалось по тарелкам вареное мясо, овсяные лепешки, другая припасенная еда.

Первыми усаживались, за импровизированные столы мужчины, и с благословением жреца чаша с хмель-

Сравнительная таблица современных праздников, отмечаемых в высокогорном с. Архоти, Республики Грузия, с древне-ингушскими:

№ п.п.	Современные праздники	Древне-ингушские праздники
1.	13 декабря. Старый Новый год.	21–23 декабря. Новый Год. (Наджгоахой).
2.	В конце июля. День святилища.	21–23 марта. Праздник начало весны. (Тушоли — покровительница земледелия).
3.	В конце августа. Праздник, посвященный матери Христа.	21–23 июня. Праздник летнего солнцестояния. Маът села (мангал) це1ет.
4.	В конце ноября. Дни святого Георгия.	21–23 сентября. Праздник урожая. (Марс — пхьера).

ным напитком начинала свой торжественный круг. Молодежь, тут же заводила танцы.

Еще засветло, усталые но довольные раскаянием и праздником паломники, начинали свой обратный путь к дому.

«Близ кельи Мятцели стояла небольшая группа людей, но особенно заметна, среди них, была белая фигура чай-сага (жреца). Он говорил прощальную, благодарственную речь, обращенную к Богу» [9.С.146–147].

В далеких горских обществах ингушей и хевсур, обычаи паломничества и жертвоприношения сохранялись долгое время.

«Жертвоприношения обязательными были для всех членов общества и по всякому важному поводу. Например, по поводу совершеннолетия мальчика 13–15 лет.

В жертву приносили не меньше двух овец или коз. Одно из этих животных предназначено для очищения от грехов прошлого принесшего дары, другое для сохранения от злой напасти (чтобы дух хранил).

Жертвовать можно было деньгами, дорогой посудой, оружием и другими ценными вещами.

В соответствии с полевым материалом, собранным нами среди жителей с. Архоти (Республики Грузия), вплоть до 1924 года жители селения Шони с высокогорной Ингушетии приходили в храм селения Архоти для участия в ежегодных праздниках и совершения сакрального ритуала, подобного тому, что проходил в старое время у храма Мят-Цели [11].

В современное время древние календарные праздники претерпели изменения. Они потеряли свое первобытное значение и трансформированы под христианский уклад, в соответствии составленной нами таблицей [11].

С 21 июня 2008 года по инициативе поклонников древней истории Ингушетии возобновилось традици-

онное паломничество на гору Мят-Лоам, к средневековому храму Мят-Сели. Современное паломничество — это всего лишь дань исторической памяти и культурным традициям средневекового прошлого.

Мят-Сели — древнеингушский храм, построенный не позднее XVI в. на площадке горы Мятт-Лом. «Храм Мят-Сели с прямоугольным основанием (6,98x3,59 м) и двускатно-ступенчатой крышей (12 сланцевых плит с продольным гребнем-«коньком»). Она ориентирована по длинной оси В-З. Общая высота сооружения — 4,92 м (высота продольных стен до первых плит крыши — 1,77 м). Толщина стен — 0,50 м. Внутреннее помещение по длине поделено стрельчатой аркой на 2 равные части.

Данный памятник в прошлом очень почитался не только ингушским населением окрестных районов, но и многими жителями соседней горной Грузии, Северной Осетии и Чечни. Одним из последних жрецов этого и 2-х рядом расположенных культовых сооружений (Мяттер-Дяла и Сусон-Дяла) был мудрый Эльмурза Мехтиев из ингушского поселка Фалхан. Храм-святилище Мятцил неоднократно привлекал внимание исследователей с середины XIX столетия (Ч.Э. Ахриев, Н.К. Зейдлиц, А. Базоркин, Б.К. Далгат, Л.П. Семенов, И.П. Щерблякин, Е.М. Шиллинг и др.). Археологические работы, произведенные М.Б. Мужухоевым в 1975 году, выявили внутри храма-святилища амулет, кости жертвенных животных и разнотипные наконечники стрел» [12.С.28–29].

Ежегодно, начиная с 2008 года 21–22 июня в зависимости от погодных условий, группы людей — студенты, служащие различных учреждений Республики Ингушетия — рано утром устремляется на вершину Мят-лоама. Современное паломничество не содержит ни религиозного символизма, ни религиозной значимости, кроме, конечно, календарного периода древнего праздника. Современное паломничество на гору Мят-лоам- это дань уважения к средневековому культу предков, к традициям прошлого. Паломники, а вернее туристы, до наступления утра прибывают в селение Бейни, откуда начинается путь к высокогорному храму Мят-Сели. В этот день в Бейни собираются вместе с приезжими гостями из раз-

ных населенных пунктов России от 150 до 300 человек. Группы паломников-туристов еще до восхода солнца, выстроившись в длинную цепь, медленно начинают подъем в гору, по нескончаемому для глаз серпантину. Люди идут по узкой тропе, веками протоптанной паломниками на крутых склонах альпийских гор, поросших густым разнотравьем. Подъем на вершину горы к святилищу Мят-Сели занимает не менее шести часов. Достигнув цели, туристы устраивают привал рядом со средневековым храмом Мят-Сели, и здесь, на вершине горы Мят-лоам, проводят несколько часов, отдыхая на пышном зеленом ковре из трав, наслаждаясь прекрасными картинами живой природы и человеческого зодчества каменной архитектуры средневековья.

Здесь, на вершине священной горы ингушей, невольно чувствуешь трепет перед великим Духом этих мест. Ему, кажется, чужды человеческая суета и беспокойство. В своем негодовании он повелевает стихией. Совершенно неожиданно густые облака, гонимые холодным ветром, закрывают горизонт, и еще недавно светившее яркое солнце теряется в темном зареве туч. В жуткой полутьме гремит гром, эхом отдаваясь в окрестных горах, потемневшие небеса рассекает яркая молния и проливается резкий дождь. В мгновение ока темные облака срываются с кручи вниз, унося с собой ненастье, и жаркое солнце вновь освещает просторы. Погода на вершине горы меняется несколько раз в день. К вечеру туристы, впечатленные замечательным колоритом здешних мест, спускаются вниз по тропе, усталые, но довольные своим этнографическим «паломничеством».

Исторически сложившиеся этнические особенности религиозных практик ингушей, их системные связи и со-

циокультурные функции в новейшее время не изучены в научной литературе, а в ряде случаев даже не описаны.

Между тем, социокультурные функции религиозных практик ингушей заслуживают не только формально-этнографического, но и философского, культурологического анализа в широком контексте исторических реалий.

Необходимо отметить, что особое место в религиозной жизни ингушей еще и сегодня занимает паломничество к святым местам и жертвоприношение. Этот сакральный обряд имеет большое значение потому, что связан с понятием Божественного всепрощения. В соответствии с религиозным мировоззрением ингушей, человек, совершивший обряд паломничества, принеся в жертву животное, очищается от прежних грехов.

В соответствии с изложенным материалом, мы можем прийти к следующим выводам. В XXI веке средневековый храм Мят-Сели на горе Мят-лом не является местом поклонения и жертвоприношения горцев. На протяжении последнего столетия никто из народов Кавказа, прежде собиравшихся здесь для совместного богослужения, сюда не является. Одних не пускают новые границы государств, других искусственно поддерживаемая межнациональная вражда.

Для современных ингушей восхождение на гору Мят-лоам всего лишь дань уважения к культурному и историческому наследию прошлого. Ритуальная часть горского паломничества сохранилась у хевсур Грузии. Со временем, правда, она потеряла свое первобытное значение и трансформировалась под христианский уклад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахриев Ч. Э. Похороны и поминки у горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III. Тифлис 1870 г.
2. Ахриев Ч. Э. Ингушские праздники // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск V Тифлис 1872 г.
3. Ахриев Ч. Э. Ингуши (их преданья, верования, и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск VIII Тифлис 1875 г.
4. Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей горного участка Ингушского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III Тифлис 1870 г.
5. Далгат Б. К. Жертвоприношение на Столовой горе. // Терские Ведомости № 75. Тифлис. 1893.
6. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. II.
7. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. I, II.
8. Албогачиева М. С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик. Религиозно-бытовые практики современных ингушей. СПб: Наука. 2007.
9. Базоркин А. Горское паломничество. Ингуши. Сборник статей и очерков. Саратов Приволжское издательство 1996.
10. Робакидзе А.И., Гегечкори Г. Предисловие // Кавказский этнографический сборник. Т. V. Тбилиси, 1975.
11. Харсиев Б.М.-Г. Полевой материал № 12. Записано со слов Тетраули Гела из высокогорного селения Архоти. 7.09.2015 г.г. Тбилиси.
12. Древности Горной Ингушетии. Т. I. Назрань. 2008.

© Харсиев Борис Магомет-Гиреевич (Harsievfilial@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ НИКОЛАЯ I ПО РЕШЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

THE MAIN DIRECTIONS IN POLICY OF NIKOLAY I ON THE SOLUTION OF THE PEASANT QUESTION: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

S. Shkarubo

Summary. In the article, from the standpoint of Russian historiography, the policy of Nicholas I to address the peasant issue is considered. Particular attention is paid to the Committee in 1826, which developed a number of bills on the abolition of serfdom. It is shown that the adopted laws on the peasant question in this period were mainly aimed not at the abolition of serfdom, but only at confirming the existing autocratic-bureaucratic order. In general, based on the analysis of historiography, it can be noted that the general policy direction of the government during the reign of Nicholas I was reduced to the implementation of reforms that were aimed at weakening the serfdom of the peasants from the landlords. However, there was no significant limitation of serfdom during this period.

The choice of the topic of the article is also caused by the incomplete study of the main projects on the abolition of serfdom. In general, in Russian historiography there are no works that systematically study the policies of Nicholas I on the peasant issue. This article attempts to uncover this gap in historiography. The article considers various points of view on the history of the struggle among the higher bureaucratic apparatus on various aspects of peasant reform.

Keywords: State, peasants, land, society, landowner.

Шкарубо Сергей Николаевич

*К.ф.н., доцент, Московский Авиационный Институт
(Национальный исследовательский университет)
serge_philosoph@mail.ru*

Аннотация. В статье с позиций российской историографии рассматривается политика Николая I по решению крестьянского вопроса. Особое внимание уделено Комитету 1826 года, который разработал ряд законопроектов по отмене крепостного права. Показано, что принятые законы по крестьянскому вопросу в данный период, в основном, были направлены не на отмену крепостного права, а только на подтверждение существующих самодержавно-бюрократических порядков. В целом на основе анализа историографии можно отметить, что общее направление политики правительства в период правления Николая I было сведено к проведению преобразований, которые направлялись на ослабление крепостной зависимости крестьян от помещиков. Тем не менее, значительных ограничений крепостного права в этот период не последовало.

Выбор темы статьи также обуславливается неполной изученностью основных проектов по отмене крепостного права. В целом в российской историографии отсутствуют работы, которые системно изучают политику Николая I по крестьянскому вопросу. В настоящей статье предпринята попытка раскрытия этого пробела в историографии. В статье рассмотрены различные точки зрения на историю борьбы в среде высшего бюрократического аппарата по разнообразным аспектам крестьянской реформы.

Ключевые слова: Государство, крестьяне, земля, общество, помещик.

Крестьянский вопрос в политике правительства России в предреформенный период изучен не достаточно. Это, в частности, можно отнести к истории отмены крепостного права в секретном комитете, образованном в декабре 1826 года. Решение крестьянского вопроса было значимо для осмысления причин нарастания эмансипационных убеждений в среде правящего сословия, в особенности это касалось бюрократии.

Освещение данной темы будет довольно интересным, если при её рассмотрении учитывать альтернативные точки зрения. Поэтому решение крестьянского вопроса в XIX веке можно освятить на примере отечественной историографии.

Ученые в России дореволюционного периода не могли в полной мере осознать значение отмены крепостного права. Они полагали, что многие исторические факты не доказуемы, так как они не поддаются теоретическим аргументам, а значит, исключается возможность определения непредвзятых закономерностей. Так, Петрушевский Д. М. утверждал, что реформа 1861 года была в числе законодательных актов, преподнесенных императорской властью в качестве результата благосклонного отношения правительства к крестьянам [1, с. 12–15]. Кризис крепостничества и закономерные процессы отмены крепостного права отрицал Покровский М. Н., хотя некоторые стороны реформы по отмене крепостного права получили в его исследованиях достоверное освещение. Покровский М. Н. полагал, что реформа 1861 года

была одним из факторов приводящих в действие буржуазную политику самодержавия в России. Таким образом, отвергалось значение отмены крепостного права в развитии нового периода в истории царской России.

Первым, кто говорил об антинародном характере реформы стал революционер Чернышевский Н.Г. В его трактовке «великие мировые события в истории, неизбежны и неотвратимы, эти события подобны течению реки. Течение колоссальных мировых процессов не зависит от чьей-то воли. Они происходят по законам возрастания и тяготения» [2, с. 98–138].

Ленин В.И. высоко оценивал идеи Н.Г. Чернышевского. В своих работах «Пятидесятилетие крепостного права» «По поводу юбилея», он обращал внимание на закономерность краха феодальной формы хозяйствования. Он полагал, что падение крепостного права и возникновение буржуазного строя в России было predetermined всеми историческими процессами развития государства. Ключевое содержание этих процессов составляла смена общественно-экономической формации, каждая из них составляла особый социальный организм. В результате, основываясь на разграничении различных периодов в истории Российского государства, Ленин В.И. и последующие советские ученые установили причины гибели феодальной формы хозяйствования, и прихода на её смену капиталистического способа производства, что в немалой степени способствовало отмене крепостного права [3, с. 340–342].

Однако, теоретические вопросы, касающиеся отмены крепостного права, остались практически не исследованными советскими учеными. В работах Дружинина Н.М., и Дембо Л.И. дан только анализ законодательной отмены крепостного права. По мнению ученых, серьезным препятствием на путях развития производительных сил, как в сельскохозяйственном производстве, так и промышленном были феодальные пережитки производственных отношений, где преобладала феодальная земельная собственность и базирующиеся на ней крепостное право. Соотношение помещичьей земли и крестьянских наделов в 40 губерниях Центральной России до принятия реформы можно охарактеризовать следующим образом: 104 тыс. помещиков являлись собственниками 106 млн. десятин земли. В прямом пользовании у них числилось 70,3 млн. десятин земли, а у 98 млн. крестьян насчитывалось 36,0 млн. десятин. На каждого помещика, таким образом, было приблизительно 650 десятин, а на крестьянина 4,7 десятин [4, с. 86–93].

Родоначальником исследования отмены крепостного права считается Семевский В.И. Он писал, что Николай I «явственно желал отмены крепостного права, но, он столкнулся с сильным противодействием со сто-

роны своего окружения, а, также сам принимал весьма мало важные меры, которые не привели к результату».

Чулков Г.И., рассматривал крестьянский вопрос при Николае I, он отмечал: «Перед императором возникали в начале его правления вопросы о судьбе крепостничества. Но власть была бессильна что-то сделать, потому что крепостное право тесно связывалось с судьбой дворянства. Даже предыдущий проект о запрете продавать без земли крестьян, настораживал членов образованного Комитета в декабре 1826 года, поскольку данный акт мог восприниматься как стеснение прав собственников.

Алексеев В.П. в своих работах, писал, что «Николай I начал подготовку отмены крепостного права на втором году своего правления, и эта работа не прерывалась. Но предпосылки революции, сдерживали императора они заставили его прекратить все усилия в этом вопросе».

Корнилов А.А. в своём исследовании «Курс истории России в XIX веке» выделил в правление Николая I время с 1826 по 1832 гг., которое охарактеризовал, как важный период на пути к прогрессу. Особенностью политики государства в начале XIX века было наличие разных противоречий, которые усиливались из-за нежелания проводить преобразования. Говоря о работе Комитета в 1826 году, Корнилов А.А. замечал, что вопрос о крепостной зависимости затрагивался лишь частично, сам император не мог окончательно сформулировать необходимые положения». Корнилов А.А. полагал, что Николай I являлся более решительным в отношении крестьянского вопроса, чем предыдущие императоры [5, с. 83–94].

Ключевский В.О. отводил крестьянскому вопросу существенное место в политике правительства Николая I и пояснял, что в данный период законодательные акты о сущности крепостного права перешли в другое русло и достигли значительного результата сводящегося к общему молчаливому признанию, что крестьянство это не частная собственность помещиков. Историк также отмечал законодательную работу созданного в 1826 году Комитета.

Кизеветтер А.А. охарактеризовал политику Николая I как незаурядную, в частности, говорилось, что Николай в период своего правления был далек от образования, «это был ограниченный и самонадеянный заурядный бригадный генерал». Говоря о крепостном праве, он подмечал следующее: «Очень сложный общественный вопрос необходимо было решать правительству Николая I в период его правления. Правительство отчетливо понимало злободневность решения крестьянского вопроса, поскольку существовали острые предпосыл-

ки, смены государственного строя [6, с. 44–48]. Поэтому правительство Николая I стабильно поднимало этот вопрос, но всегда встречало отторжение: с одной стороны, понимая, что крепостное право должно быть отменено, но в то же время опасалось радикальных решений. Практически, вся эта деятельность разных комиссий и комитетов не сдвинула ни на шаг решения об отмене крепостного права, но теоретически, созрели последствия, которые сыграли свою роль в будущем». Кизеветтер А. А. особо указывал на то, что период с 1826 по 1849 гг., это время когда власть старалась брать на себя самые широкие преобразовательные мероприятия, хотя эти проекты реализовывались очень редко поскольку правительственные круги не допускали к участию в этой деятельности представителей народа [7].

При этом, в своих работах историк обращал внимание на определённую оппозиционность Комитета в отношении планов императора, подмечая, что работа Комитета все же не проходила бесполезно; наоборот, в области отмены крепостного права этот комитет задавал линию, которая реализовывалась в последний период правления Николая I [8, с. 101–105].

Другой ученый Платонов С. Ф., отмечал, что, «начиная с правления Павла, власть стремилась улучшить быт крестьян. Придя к власти, император Николай понимал, что перед ним встаёт ключевая задача по решению крестьянского вопроса и что крепостная зависимость крестьян осуждена его предшественниками. Тем не менее, по-прежнему было опасение неожиданного освобождения десятков миллионов крестьян. Поэтому, боясь социальных потрясений и взрывов дворянства, Николай был решительно убежден в том, что освобождение должно идти медленно и спокойно тем самым, не давая повода для волнений. Если говорить о крестьянах, то в отношении крепостных было предпринято намного меньше законодательных мер, чем в отношении казенного крестьянства. Император Николай не раз создавал засекреченные комитеты для обсуждения вопросов улучшения жизни крепостного крестьянства. В этих проектах задействовались видные политические деятели, к примеру Киселев и Сперанский, которые много работали над программами ликвидации крепостного права. Однако, данная работа привела к незначительным результатам и не решила крепостной произвол (была, к примеру, воспрещена продажа крестьянского сословия без земельных участков) [9, с. 123–125].

Ряд высказываний в отношении политического курса Николая I в вопросах отмены крепостного права изложил Покровский М. Н. Он полагал, что, крепостное право является постоянным и длительным процессом всех возможных потрясений в общественных кругах, он обра-

щал внимание на противостоящую этим фактам деятельность обер-полицмейстерских противоречий, которая привела к нулевому результату, что вылилось в «попытку отмены крепостного права в правление Николая I» [10, с. 91–158].

Анализируя проекты Сперанского в Комитете, историк считал, что, «отмена крепостной зависимости должна идти по такой же схеме, как и закрепощение, лишь в обратной последовательности: сначала необходимо запретить продажу крестьян без земельных участков; далее абсолютное зависимое положение крестьянина важно заменить условным, основанным на соглашении и под охраной общего суда».

Вопросы, связанные с политикой Николая в отношении крестьянского вопроса рассматриваются в работах историка Леонтовича В. В. Он считал, что именно точка зрения императора о том, что земельные наделы принадлежат дворянам и привела к невозможности освобождения крестьян в этот период. Его воззрения доказали определенную правдивость событий. Но Николай связывал себя с крепостным правом, даже в тех ситуациях, когда это было лишним и противоречило его личным убеждениям. Николай I считал, что освобождение крестьян возможно только при условии наделения их земельными угодьями, которые нужно было ранее конфисковать у дворян. «Николай I являлся недостаточно гибкой личностью, чтобы отыскать выход из данной ситуации». А если невозможно было дать крестьянству свободу, оставался лишь один вариант связанный с ограничением власти дворян над крестьянами. Это мнение разделял Зырянов П. Н., автор учебного пособия по отечественной истории для высших учебных заведений. В частности, он утверждал, что в начале правления Николай I не считал отмену крепостного права центральным вопросом. Однако, в дальнейшем император и его соратники пришли к выводу, что крестьянский вопрос может породить новые восстания, что повлечет сдерживание развития производительных сил государства и потерю авторитета перед западными странами [16, с. 47–50].

Таковы наиболее значительные исследования российских историков по данной теме. Стоит заметить, что рассматриваемая тема о деятельности Комитета образованного в 1826 году скорее подчеркивает его схожесть с иными комитетами в период правления Николая I.

Вместе с тем, российские ученые, расходятся во мнении о количестве комитетов, которые занимались крестьянским вопросом, но все же можно отметить, что именно Комитет от 1826 года являлся наиважнейшим среди других, это касалось, прежде всего, широты подходов к проблемам крестьян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелина В. В. Государственная служба в Российской империи (первая половина XIX в.). Новосибирск, 1995. 43 с.
2. Андреева Т. В. Николай I и мифологема всеевропейского заговора революционеров // Исторические записки. М., 2009. Вып. 12 (130). С. 98–138.
3. Бороздин А. К. К характеристике императора Николая I // Исторический вестник. 1885. Т. XXI. № 8. С. 340–342.
4. Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. 207 с.
5. Данилов А. Г. Глава государства и его окружение в России: исторический опыт // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 83–94.
6. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1–2. М., 1946–1959; Т. 1–613 е.; Т. 2. 617 с.
7. Ершов Б. А. Русская Православная Церковь в структуре государственного управления в XIX — начале XX вв. Воронеж, ВГУ, 2013. 245 с.
8. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856~<1861. М., 1984. 258 с.
9. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальный и культурный аспекты. М., 2008. 494 с.
10. Мироненко С. В. Николай I. // Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1994. С. 91–158.
11. Пресняков А. Е. Николай I. Апогей самодержавия. // Российские самодержцы. М., 1990. 446 с.
12. Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. 303 с.
13. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. 315 с.
14. Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 46–65.
15. Чукарев А. Г. Самодержавие против антикрепостнических выступлений рабочих (1825–1855). Ярославль. 1996. 84 с.
16. Шкарубо С. Н. Историческая значимость и основные результаты НЭПА в СССР // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 47–50.
17. Юрчук К. И. Борьба крепостных рабочих России в первой половине XIX века: Учебное пособие. Ярославль, 1983. 82 с.

© Шкарубо Сергей Николаевич (serge_philosof@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский Авиационный Институт

ПЕРЕУСТРОЙСТВО ОКРУЖНОГО ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН 1917 Г.

REORGANIZATION OF THE COUNTY CHURCH GOVERNANCE IN THE DECISIONS OF THE ALL-RUSSIAN CONGRESS OF CLERGY AND LAITY 1917

N. Shcheglov

Summary. the article deals with the preparation of the draft reform of the district Church administration at the all-Russian Congress of clergy and laity in 1917. the issues of the development of the regulations on Church districts, as well as the creation of district Church courts are Discussed. This article uses unpublished archival materials from Department of the manuscript of the Russian State Library, and Central State archive of Moscow.

Keywords: Russian Orthodox Church, the Congress, the Congress of clergy and laity, the organizing Bureau of the administrative Committee.

Щеглов Николай Викторович

Аспирант, Институт Российской истории Российской академии наук (г. Москва)
oscep@ya.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о подготовке проекта проведения реформы окружного церковного управления на Всероссийском съезде духовенства и мирян 1917 г. Затрагиваются вопросы разработки положения о церковных округах, а также вопросы создания окружных церковных судов. В статье используются неопубликованные архивные материалы Отдела рукописей Российской государственной библиотеки и Центрального государственного архива г. Москвы.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Всероссийский съезд, съезд духовенства и мирян, организационное бюро, распорядительный комитет.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство инициировало проведение реформы государственного управления на демократических началах. Признав власть Временного правительства легитимной, Российская Православная Церковь естественным образом волилась в процесс демократических преобразований, захлестнувших страну, поскольку оставаться неизменной в системе стремительно меняющегося государственного устройства Церковь не могла. Несмотря на то, что до созыва Учредительного собрания и Поместного Собора Временное правительство не планировало проводить каких-либо церковных преобразований, в сфере церковного управления, и реформирования церковно-государственных отношений, уже 7 марта 1917 г. «революционный» обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов объявил Синоду о том, что ему «поручено подготовить проект церковных преобразований, затрагивающий основные стороны церковной жизни, в том числе и вопросы церковного управления, основанного на церковно-общественных началах» [9, с. 34].

На местах стихийно стали созываться съезды духовенства и мирян, «участники которых требовали незамедлительного проведения революционных преобразований церковного устройства и управления на всех уровнях» [8, с. 94]. Синод не только не противился проведению съездов, но и согласно распоряжению обер-про-

курора от 30 марта 1917 г. предписывал секретарям консисторий незамедлительно отправлять в Синод «необходимые для законодательной работы по реформе церкви и прихода все постановления предложения и проекты, которые выработаны будут по сему вопросу съездами и собраниями духовенства и мирян» [3, с. 128]. Кроме этого Синода, обращаясь к церковной обществу, просил «всех чад церкви помочь Св. Синоду в ответственном труде как молитвой, так и подготовкой соответственных материалов на съездах, собраниях и в союзах духовенства и мирян» [6, с. 4].

В начале мая 1917 г. Синодом было издано определение «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении», регламентирующее деятельность съездов духовенства и мирян на местах [7, с. 111–114], а так же два «Временных положения» о церковно-епархиальных и благочиннических советах [7, с. 111–114]. Однако это были лишь отдельные документы. Впервые «полный проект нового епархиального управления» [9, с. 35] был представлен общественности только на Всероссийском съезде духовенства и мирян. Съезд проходил с 1 по 12 июня 1917 г. в Москве.

Всероссийский съезд духовенства и мирян предложил кардинальным образом изменить органы местного самоуправления Русской Церкви. В соответствии

с «началами соборного и выборного самоуправления» [4, д. 45/2, л. 10] делегатами было решено упразднить благочиния, а вместо них учредить церковные округа. Возглавлять новообразованную структуру были должны окружные съезды духовенства и мирян, к которым переходила вся полнота церковной власти на местном уровне.

Периодичность созыва съездов устанавливалась не реже двух раз в год. По составу окружные съезды состояли из всего окружного духовенства и примерно равного по количеству мирян, которые обладали равным правом голоса, с тем лишь условием, что количество мирян не должно было превышать количество клириков. Окружной съезд мог считаться состоявшимся при наличии на съезде не менее половины делегатов. В силу вступало те решения, которые при голосовании получали простое большинство голосов.

В связи с упразднением благочиний Всероссийский съезд духовенства и мирян принял решение о ликвидации должности благочинных. Хотя среди присутствовавших на съезде делегатов были сторонники сохранения этой должности. Целесообразность сохранения должности благочинных, пожалуй, наиболее четко выразил временно управляющий Московской митрополией епископ Иоасаф (Каллистов), когда знакомился с решениями московского епархиального съезда духовенства и мирян. В одной из резолюций он, в частности, указывал, что «институт благочинных имеет историческую давность. Идея его хорошая — быть органом епископского надзора и руководства на местах. Благочинный должен быть представителем и духовенства и епископа» [5, с. 5].

Однако Всероссийский съезд духовенства и мирян не согласился с этим и подобными ему доводами постановив, что функциональные обязанности благочинных должны были перейти к окружным церковным советам.

Как орган исполнительной власти церковного округа совет избирался на окружном съезде и состоял из 8 человек (двух священников, диакона и псаломщика, а так же четырех мирян). В тех округах, где количество штатных диаконов составляло менее трети причта округа, в окружной совет диаконы не избирались, а численный состав совета сокращался до шести членов: двух священников, одного псаломщика и трех мирян. Всероссийский съезд духовенства и мирян жестко ограничивал число членов окружных советов. Так, в количественном отношении, окружной совет должен был состоять не более чем из восьми человек и не менее чем из шести человек. Причем, делегаты настаивали, чтобы в уже сформированных окружных советах прошли переборы «в целях доведения состава Советов до указанной нормы» [4, д. 45/2, л. 11].

Председателем окружного церковного совета избирался непременно священник. Срок полномочий председателя равно, как и полномочия остальных членов окружного совета ограничивались тремя годами. Полномочия председателя совета досрочно могли быть прекращены только по решению суда. В отношении прочих членов совета вступало в действие правило, согласно которому по прошествии года одному из членов совета по жребию надлежало выбыть из состава совета, а его место должно было быть замещено другим лицом.

Окружные советы предписывалось собирать «возможно чаще по мере надобности» [4, д. 45/2, л. 12]. Их функции Всероссийский съезд духовенства и мирян представил весьма широко. Советам предписывалось иметь «на своем попечении вообще благоустройство церковно-христианской жизни в селах округа», заботиться «о порядке и братской помощи наиболее нуждающимся в этом лицам или приходам в округах, напр., колеблющимся или склоняющимся к отпадению в инославие и сектанство, возможными способами. Содействуют христианской благотворительности и религиозно-нравственному просвещению и т.п.» [4, д. 45/2, л. 11].

Члены окружного церковного совета должны наделялись соответствующим жалованием, размер которого устанавливался делегатами окружного церковного съезда. В сферу их ответственности входили разного рода хозяйственно-бытовые вопросы, возникавшие на приходском уровне и не требовавшие вмешательства со стороны епархиального или областного церковного управления. К подобным вопросам Всероссийский съезд относил: распределение дохода между членами причтов, расчеты между предшественниками и преемниками по должности, хозяйственные вопросы, разрешение разногласий и т.п.

Кроме этого, в ведение окружных советов передавалось «все, что ранее входило в круг ведения благочинных» [4, д. 45/2, л. 11], за исключением «права делать в клировых ведомостях и других документах отметки о поведении членов причта» [4, д. 45/2, л. 11] церковного округа. Окружной совет должен был давать разъяснения и братские советы «по различным вопросам церковно-общественной жизни» [4, д. 45/2, л. 12.] обратившимся в адрес съезда членами клира и мирянам. На окружные советы возлагалась обязанность по осуществлению связи между церковными и светскими учреждениями находящимися на территории данного церковного округа, а так же сбор и передача в высшие церковные инстанции информации касающейся учреждений и частных лиц своего церковного округа.

В округе формировался церковный суд, в ведение которого передавались те дела, которые по степени тя-

жести влекли за собой такие наказания как: замечание, выговор или денежный штраф в размере до 50 рублей [1, с. 2].

Члены окружного суда, в количестве двух клириков и двух мирян, либо, «по желанию выборщиков» [1, с. 2], трех клириков и одного мирянина, избирались на собрании церковного округа сроком на три года. Через каждые два года один судей выбывал из состава суда. В первый раз это происходило по жребию, а затем по старшинству избрания. Для замещения вакансии одновременно с судьями избирались и кандидаты в члены суда в количестве одного клирика и одного мирянина, один из которых вступал в обязанности окружного церковного судьи после выбывания своего предшественника. Председатель окружного суда избирался непременно из лиц пресвитерского сана и мог быть выведен из состава суда только по истечении полных трех лет. «Как председатель, так и другие судьи, могли быть переизбраны на следующие три года» [10, с. 251].

По причине упразднения должности духовного следователя в новообразованных церковных округах окружная судебная система церковного округа имела свои отличия. В округах Всероссийский съезд духовенства и мирян постановил учредить суды чести. Их планировалось задействовать «к таким деяниям клириков,

которые порочат сословие, не подлежат сомнению в их совершении и не требуют обязательного разрешения их формальным судом» [4, д.45/2 л. 12]. Примечательно, что суды чести планировалось дифференцировать по принадлежности подсудимого к определенному духовному сану. Для этого на окружных съездах духовенства и мирян должны были избираться три человека из числа клириков (пресвитеров, диаконов и псаломщиков). Поступки священников должны были разбираться пресвитерским судом, поступки диаконов — диаконами и поступки псаломщиков — судом состоящим только из псаломщиков. Разногласия же касающиеся поступков представителей различных степеней клира подлежали разбирательству на заседании суда чести, членами которого являлись представители всех степеней клира.

Таким образом, Всероссийским съездом духовенства и мирян 1917 г. была принята программа реформирования внутреннего устройства и управления церковных округов на демократической основе. Должности благочинных подлежали упразднению. Их функции передавались окружным советам, которые, в свою очередь, являлись исполнительными органами окружных церковных съездов. Отличительной особенностью предлагаемой реформы было формирование собственных судов и включение мирян в состав органов окружного церковного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийский съезд духовенства и мирян // Всероссийский церковно-общественный вестник. № 68. 14 июля 1917 г. С. 2.
2. Всероссийский съезд православного духовенства и мирян в Москве // Всероссийский церковно-общественный вестник. № 70. 16 июля 1917 г. С. 2.
3. Киевские епархиальные ведомости. Часть официальная. № 16. 16 апреля 1917 г. С. 128.
4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки ОР РГБ. Ф. 60. К. 18.
5. Резолюции управляющего митрополией // Раннее утро. № 119. 28 мая 1917 г. С. 5.
6. Устройство Церкви. Призыв Св. Синода. // Раннее утро. № 113. 21 мая 1917. С. 4.
7. Церковные ведомости. № 18–19. 6 мая 1917. С. 111–114.
8. Щеглов Н. В. Проекты церковного устройства и управления в документах Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Церковь и время. № 3 (80). 2017 г. С. 92–144.
9. Щеглов Н. В. Проект епархиального управления Русской Церкви в постановлениях Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Вопросы национальных и федеративных отношений. № 3(42) 2018. С. 33–42.
10. Shcheglov N. V. Resolution of the All-Russian congress of clergy and laity 1917 the ecclesiastical court // 10th International Conference «Science and Technology» 23–29 April 2018. Pp. 247–253.

© Щеглов Николай Викторович (oscen@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УРОВЕНЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ И НАВЫКОВ УЧАЩИХСЯ ЛЕЗГИНСКОЙ ШКОЛЫ ПО АНГЛИЙСКОМУ, РУССКОМУ ЯЗЫКАМ

Азизханова Анжела Эмирсултановна

Дагестанский государственный медицинский
университет, г. Махачкала
anzhela.azizhanova@mail.ru

LEVEL OF WORD-BUILDING KNOWLEDGE, SKILLS AND ABILITIES OF STUDENTS OF THE LEZGIN SCHOOL IN ENGLISH, RUSSIAN

A. Azizkhanova

Summary. The article deals with the problems of further development and improvement of national-Russian bilingualism, which implies political equality of languages, equal conditions for mastering native and foreign languages and the free use of each of them in all spheres of communication.

Keywords: knowledge, features of word formation systems, vocabulary, schoolchildren, speech statements, errors of an interference nature.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы дальнейшего развития и совершенствования национально-русского двуязычия, предполагающего политическое равноправие языков, равные условия овладения родным и иностранным языками и свободное пользование каждым из них во всех сферах коммуникации.

Ключевые слова: знания, особенности словообразовательных систем, лексический запас, школьники, речевые высказывания, ошибки интерферентного характера.

Многолетние целенаправленные наблюдения над процессом обучения родному, русскому и английскому языкам в лезгинских школах Республики Дагестан, изучение опыта учителей-предметников, собственный опыт работы в Дагестанском госмедуниверситете со студентами разных наций в качестве преподавателя английского языка, проведение устных и письменных срезовых работ, беседы с учителями и учащимися позволили собрать определенный материал, характеризующий состояние обучения словообразованию английского языка в навыках с лезгинским составом учащихся и на основе анализа этого материала определить фактический уровень словообразовательных знаний, умений и навыков учащихся, выявить и систематизировать типичные ошибки интерферентного характера в английской речи школьников, наметить возможные пути их предупреждения и искоренения.

В задачи эксперимента входило установить уровень словообразовательных знаний, умений и навыков

«язык», «родной язык», «английский язык» и выяснить, в какой мере школьники пользуются усвоенной лексикой в процессе построения речевых высказываний на английском языке.

В ходе эксперимента проводилась следующая работа:

- ♦ посещались и анализировались уроки английского, родного и русского языков,
- ♦ осуществлялось знакомство со школьной документацией, с ученическими тетрадями и словариками,
- ♦ проводились а) срезовые работы по английскому языку в 5–11 классах, б) беседы с учащимися на темы: «Моя семья», «Мое родное село» («Мой родной город»), «Внешность», «Спорт», «Мой режим дня», «Времена года», «Интересный случай», «Памятный день», «Мои каникулы»; в) индивидуальные беседы с учителями английского языка для выяснения, в какой степени

на уроках привлекаются словообразовательные знания, умения и навыки учащихся, в какой мере при проведении лексико-семантической и словообразовательной работы на уроках осуществляется подготовка учащихся к восприятию и усвоению соответствующего материала по иностранному языку, как филологический опыт школьников в двух языках применяется при обучении третьему.

Знакомство со школами, в которых проводились наблюдения, показало, что в них осуществляется довольно большая работа по оптимизации процесса обучения английскому языку как языку межкультурного общения, как основе приобретения прочных знаний по всем образовательным дисциплинам. Во многих кабинетах имеются красочно оформленные уголки английского языка, специальные стенды «Пиши и говори правильно», «В мире слов», «Мы изучаем» и др., содержащие новые для учащихся слова и интересную информацию о них, кроссворды и шарады, направленные на развитие смекалки и языковой догадки. Это способствует обогащению лексического запаса школьников, расширению их лингвистического опыта, а также повышению интереса к изучению неродных языков.

Творчески работающие учителя на своих уроках уделяют серьезное внимание различным видам словообразовательной работы. Преподаватели английского языка, творчески подходящие к процессу обучения, понимают всю ценность филологического опыта школьников и стараются использовать на своих уроках знания, умения и навыки в области словообразования по русскому и родному языкам, а также учитывать особенности словообразовательных систем этих языков при обучении третьему.

С целью определения уровня словообразовательных знаний, умений и навыков по русскому и английскому языку с учащимися 5–11 классов был проведен ряд бесед и срезовых работ, материалом которых послужили лексика, общая для данных дисциплин и предлагаемая в учебниках по русскому, родному и английскому языкам, а также изучаемый в курсах трех дисциплин словообразовательный материал. При этом использовались такие типы упражнений, как ответы на вопросы, заполнение пропусков в предложениях, морфемный и словообразовательный анализ, подбор однокоренных слов, образование последних с помощью деривативных аффиксов определенной семантики, толкование лексических значений слов, подбор синонимов и антонимов, перевод слов, словосочетаний и предложений с родного языка на русский, с русского на родной, с русского языка на английский и наоборот, составление небольших связных высказываний или

текстов с употреблением предложенных лексических единиц.

Относительно легко, без особых затруднений усваивается и такая русская и английская лексика, которая, различаясь по графическому изображению, обнаруживает определенное сходство в морфологической структуре, в семантике словообразовательных аффиксов, а также совпадает в объеме изучаемых в школе значений со словами родного языка. Школьники в основном хорошо понимают смысл таких слов, как «открытка», «прохладный», «универмаг», «мастерская», «читатель», «дождливый» и т.п., умело оперируют ими в речи. Почти все тестируемые сумели правильно включить в синонимические ряды и антонимические пары такие лексемы, как «вспоминать», «отдыхать», «довольный», «белокурый», «сделанный». А знание семантики и правил лексической сочетаемости данных слов в русском языке, естественно, способствует более прочному усвоению английских эквивалентов.

Гораздо более сложными являются многозначные слова, семантические структуры которых обнаруживают расхождения в трех лингвистических системах. Усвоение таких лексем, как показывает практика, вызывает у школьников серьезные трудности, связанные с лексико-семантической интерференцией. Далеко не все значения подобных слов, предлагаемые для усвоения в учебном процессе, известны им одинаково хорошо. А затрудняясь в семантизации этих лексем, использовании их в речи в разных значениях на русском языке, учащиеся встречают массу препятствий и при усвоении их английских эквивалентов. Так, лишь 41,6% учащихся продемонстрировали знание полисемичного слова «встреча» в значении «собрание, устраиваемое с целью познакомиться, побеседовать с кем-нибудь». Соответственно, не усвоено и данное значение полисемичного английского существительного «meeting», коррелирующего с русскими словами «собрание», «встреча». 40% человек, выполнивших задание, не смогли вставить это слово вместо пропуска в предложении «All pupils of our class were present at the ... with the poet» (Все ученики нашего класса присутствовали на ... с поэтом). А 44,3% опрошенных, справившись с этой частью задания, перевели данную лексему словом «собрание»: «Все ученики нашего класса присутствовали на собрании с поэтом» (вм. «на встрече»). Основной причиной ошибки является незнание учащимися вышеуказанного значения русского слова «встреча», хотя программа предусматривает работу над его усвоением.

Низкими показателями характеризуется качество усвоения подобных лексических единиц и в курсе иностранного языка. Так, 61% опрошенных учащихся не смогли перевести словосочетание «известный писа-

тель» (a popular writer), объяснив это незнанием английского эквивалента лексемы «известный», в то время как английскому прилагательному «popular» в русском языке соответствует по два семантически близких слова, одно из которых является исконным: «известный», другое — заимствованным: «популярный». Это объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что в курсе русского и родного языков должная работа над этими синонимичными единицами не проводилась. Аналогичные факты имели место при переводе на английский язык словосочетаний «покинуть дом» (to leave a house), «оставить друга» (to leave a friend), «уехать из села» (to leave a village) и т.п.

Выполняя срезовые задания, они в основном правильно подбирали слова с суффиксами и указывали производящие основы. Большое количество приведенных примеров и устные беседы с учащимися свидетельствуют о том, что они неплохо раскрывают значение одних слов посредством других, понимают семантику этих слов и правильно пользуются ими в связных речевых высказываниях.

При образовании слов посредством суффиксов, обозначающих лиц по профессии, роду занятий, интересам учащиеся также не испытывают особых трудностей, быстро подбирая лексические единицы. Наиболее активно они употребляют в речи имена существительные со следующими суффиксами:

- ◆ тель\ строитель, учитель, писатель, читатель, водитель, воспитатель;
- ◆ чик: летчик, грузчик, разведчик, наладчик, автоматчик, переписчик;
- ◆ щик: каменщик, бетонщик, сварщик, дрессировщик, арматурщик, барабанщик;
- ◆ ист: машинист, тракторист, гармонист, пианист;
- ◆ ник\ садовник, работник, лесник, проводник, школьник, пограничник;
- ◆ к: машинистка, доярка, телеграфистка, гимнастка, волейболистка, гармонистка.

Правильно в большинстве случаев указываются и слова, от которых они образованы: камень — каменщик, трактор — тракторист, летать — летчик, строить — строитель, лес — лесник, школа — школьник и др.

Знание деривационных отношений русских лексем, опора на соответствующий филологический опыт в родном языке в определенной мере облегчает процесс изучения английского словообразования. Так, многие школьники правильно выделяют суффиксальную морфему в словах, в основном верно определяют способ их образования: read (читать) — reader (читатель) write (писать) — writer (писатель) work (работать) — worker (рабочий) teach (учить) — teacher (учитель) decorate

(украшать) — decoration (декорация) build (строить) — building (здание) rain (дождь) — rainy (дождливый) help (помощь) — helpless (беспомощный) use (польза) — useful (полезный)

Однако наряду с положительными моментами, анализ срезовых работ позволил выявить и ряд объективных фактов, существенно снижающих качество словообразовательных знаний, умений и навыков учащихся. Недостаточно сформированы, например, навыки морфемного и словообразовательного анализа, в результате чего в качестве первичных часто указываются не производящие, а производные основы, сопоставляются не соотносимые друг с другом единицы (29,7%). Определенные трудности вызывает анализ морфологической структуры сложных слов, в которых допускается смешение корней и суффиксов, приводящее к ошибкам словообразовательного характера. Чаще всего школьники выделяют лишь одну корневую морфему в сложном слове, считая его простым (27%). В словах типа «железнодорожный», «вагоноремонтный», «сталелитейный» многие учащиеся не смогли правильно указать две основы и соединительную гласную (28,4%).

Существенные пробелы обнаруживаются в знаниях, умениях и навыках учащихся и по английскому словообразованию. Так, правильно вычленив суффиксы «-er» и «-ly» в лексемах типа «speaker», «swimmer», «reader», «coldly», «happily», «friendly» и др., многие из опрошенных определили слова типа «mother», «brother», «sister» как производные, основываясь на том же элементе «-er», рассматриваемом ими как суффиксальная морфема. Механически ориентируясь на данное знакомое сочетание, учащиеся часто не отдают себе отчета в том, что существительные этого типа обычно образуются от глаголов.

Низкий уровень умений и навыков продемонстрировали школьники и при переводе производных слов с вышеуказанными суффиксами. Например, лексема «reader» в ряде работ переведена как «читающий», лексема «speaker» — как «разговор», лексема «loudly» — как «громкость».

Ошибочно вычлениваются значимые части слов на -less, -ness, -tion, -able, -ful. Например, в лексеме «beautiful» (красивый) многие учащиеся выделили суффикс «-ul» вместо «-ful», в слове «useless» (бесполезный) «-ss» вместо «-less», в слове «quickly» (быстро) «-y» вместо «-ly», в слове «darkness» (темнота), «-kness», «-ess», «-ss» вместо «-ness». Объясняется это в определенной мере непониманием семантики данных морфем, приводящим, естественно, к затруднениям при переводе словосочетаний и предложений, включающих подобную лексику:

It is a lovely morning. The sky is cloudless. The sun is shining brightly.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салистра И.Д. О принципе опоры на родной язык при изучении иностранных языков в школе // Сов.педагогика.— 1992.— № 2.— с. 34–48.
2. Юсупов У.К. Лингводидактический аспект сопоставительного изучения языков // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку.— М., 1997.—С. 199–205.
3. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 2007.—96 с.
4. Шанский Н. М. Сопоставление как один из методических приемов обучения // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка в национальных группах неязыковых высших учебных заведений Закавказья.— Тбилиси, 1994.—С. 6–8.
5. Fishman A. J. Bilingualism, Intelligence and Language Learning.— New-York, 1958.

© Азизханова Анжела Эмирсултановна (anzhela.azizhanova@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный медицинский университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОФИЦЕРА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIONS IN MILITARY-PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE OFFICER OF LAND FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. Bikbaev

Summary. The article is devoted to the study of some issues of foreign language communications in the context of professional development of the officer, as well as the main trends in the development of foreign language communications in the framework of the paradigm approach. It is noted that these processes are due to the processes of globalization of military Affairs, the result of which is the interaction of national military organizations and cooperation, involving the widespread use of Armed Forces for the realization of national interests.

Keywords: foreign language communication, globalization of military Affairs, national interests.

Бикбаев Вадим Мансурович

*К.полит.н., доцент, Новосибирское высшее военное командное училище
vadim_bikbaev@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов исследования иноязычных коммуникаций в контексте профессионального становления офицера, а также основных трендов развития иноязычных коммуникаций в рамках парадигмального подхода. Отмечается, что данные процессы обусловлены процессами глобализации военного дела, результатом которой является взаимодействие национальных военных организаций и сотрудничество, предполагающее широкое использование Вооруженных Сил для реализации национальных интересов.

Ключевые слова: иноязычная коммуникация, глобализация военного дела, национальные интересы.

Актуальность и проблематика изучения иноязычных коммуникаций в контексте всестороннего парадигмального процесса профессионального становления офицера обусловлена ролью и значением иностранного языка не только в профессиональном военном образовании, но и в военно-профессиональной деятельности. Парадигмальный уровень изменений задается процессами глобализации военного дела, которые существенно меняют ее ведущие характеристики.

Изменение парадигмы военного дела, на наш взгляд, обеспечено не столько техническими и технологическими революциями, сколько самой целью войны. Формирование новой парадигмы военного дела обусловлено трансформацией войны — «... генезисом и распространением ее новых форм, связанных как с расширением круга субъектов войны, появлением их различных «комбинаций», так и с изменением в соотношении вооруженных и невооруженных средств насилия, используемых субъектами войны для достижения своих политических целей» [27, с. 10]. Следует отметить, что военное дело является сферой деятельности человека, которая наиболее восприимчива к самому процессу глобализации. Как отмечает в этой связи А. В. Нефедьев, несмотря на стрем-

ление сохранить самобытные национальные военные модели, глобализация уже давно переформировалась в новое измерение военно-профессиональной деятельности, поскольку влияет на безопасность Российской Федерации в экономической, политической, социальной, экономической, духовной, информационной и собственно военной сферах (А. В. Нефедьев [15]).

На наш взгляд, в процессе глобализации наиболее наглядно проявились следующие модели:

- ♦ жесткая модель стандартизации, когда стандарты и подходы являются условием принятия не в полной мере самодостаточных в военном отношении государств в военно-политические блоки. В частности, руководство вновь принятых в НАТО государств безоговорочно принимают американские стандарты;
- ♦ инерционная модель стандартизации, в которой единые или сходные стандарты образованы общим историческим путем военного строительства. С использованием такой модели сохраняют общие стандарты военного строительства многие бывшие республики СССР, и, прежде всего, страны — участники ОДКБ. Единые советские

стандарты военного строительства были национализированы, а, кроме того, в силу военно-экономического потенциала каждого из государств, среди союзников они получили различное развитие. Иноязычные коммуникации остаются одним из средств сохранения общего военно-политического пространства;

- ◆ гибкая модель стандартизации, где схожие стандарты образуются творческим освоением, копированием и адаптацией чужого опыта (чаще всего — опыта боевых действий), одним из средств которого выступает иноязычная коммуникация;
- ◆ ситуативная модель, при которой сближение стандартов необходимо для совместной деятельности. Иноязычные коммуникация в такой модели выступают средством взаимодействия. Здесь, однако, должен быть учтен эффект локализации глобальных языков на национальной и этнокультурной почве [16]. Свидетельством этого являются события в Афганистане, Ираке и Сирийской Арабской Республике.

Взаимодействие национальных военных организаций между собой — атрибутивная черта и результат глобализации в военном деле. Основные виды взаимодействия субъектов глобализации — сотрудничество, конкуренция и экспансия — предполагают широкое использование Вооруженных Сил для удовлетворения национальных интересов. Отечественные [9; 19] и зарубежные [28, р. 280–302; 29, р. 262–269; 31, р. 523–528] ученые сходятся в том, что в условиях глобализации меняются модели профессиональных языковых коммуникаций, соответственно, языковые модели профессионала. А.А. Пискарева [20], например, утверждает, что следствием глобализации становится, в большей степени, не унификация профессионального языка, а, напротив, развитие многоязычия. При этом автор подчеркивает, что в сложных видах международного взаимодействия необходим язык-посредник, не допускающий неточностей и двусмысленного толкования. Глобализация и поликультурное общество, по А.А. Пискаревой, вызывает необходимость не только двуязычия (родной язык, язык-посредник (английский)), но в ряде случаев триязычия (еще и язык коммуниканта, территории, театра). Е.Л. Кабахидзе, в свою очередь, указывает, что «... для эффективной коммуникации в условиях глобализации необходимо не только владеть иностранным языком, но совмещать в сознании национальные языковые картины мира» [9, с. 12]. Следует отметить, что у исследователя ключевым условием эффективной коммуникации выступает не словарный запас, а само понимание, т.е. определенное свойство человеческого бытия и способность человека преодолевать лингвистические барьеры. На наш взгляд, возможно, что понимание и есть ключевой критерий в определении уровня иноязычной

коммуникации офицера Сухопутных войск. В отношении три- и даже более язычных моделей коммуникации мы вполне согласны с авторами. Новейший опыт ведения войны в условиях глобализации — действия Вооруженных Сил Российской Федерации в поддержку правительственных войск Сирийской Арабской Республики в борьбе с международными террористическими организациями — есть яркое проявление триязычной модели коммуникации (русский, английский, арабский (или персидский)). Итак, наше обращение к проблеме иноязычной коммуникации офицера Сухопутных войск происходит в период смены парадигм военного дела, перехода от классической парадигмы, основные положения которой сформулированы еще К.Ф. Клаузевицем [12], к новой, «неклассической» парадигме. Основным фактором перехода — глобализационные процессы. В новой парадигме война — уже не противостояние государства с использованием средств вооруженной борьбы, это, скорее, асинхронное и асимметричное противоборство (далеко не только вооруженное) государственных субъектов с точечным применением военной силы.

С одной стороны, коммуникации (в т.ч. иноязычные) в новой войне — средство воздействия на противника, в военно-профессиональной деятельности офицера, не менее важное, чем оружие и военная техника. Вторая сторона (из очень многих в формирующейся неклассической парадигме) — значение человека. В современной войне действия одного единственного профессионала по своим последствиям вполне может быть равнодействием ударного комплекса. Кроме того, как показывает опыт последних лет, ни техническое, ни численное превосходство не являются решающим фактором победы в современной войне.

Коммуникации как компетенция не избранных (в российской традиции — специальная лингвистическая подготовка и отдельная специальность офицера — военного переводчика), а каждого военного специалиста становятся инновацией в компетентностной модели офицера Сухопутных войск.

На следующем, методологическом (стратегическом, доктринальном) уровне значение иноязычных коммуникаций офицера Сухопутных войск становится еще более очевидным, а проблема его языковой подготовки еще более острой. Здесь ведущим фактором изменений следует считать очередную революцию в военном деле, которая служит предметом многочисленных исследований, весьма серьезных, но, по большей части, имеющих футурологический характер. Среди известных нам исследований этого предмета, сошлемся на статью одного из ведущих специалистов центра военно-политических исследований В.В. Каберника «Революции в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего» [10],

где, на наш взгляд, наиболее точно структурированы основные тренды, меняющие форматы современной войны:

- ◆ технологические. Автор описывает их как относительно хаотичное и непредсказуемое появление новых технологий (НИОКР в военном деле, использование технологий двойного назначения, ассиметричные технологические решения, стремительное удешевление технологий и появление не менее эффективных «кустарных» аналогов). Проецируя тренды этого вида на профессиональную подготовку офицера Сухопутных войск, следует отметить скорость их возникновения и распространения технологических решений. В.В. Каберник, в частности, подчеркивает, что в ряде случаев, фактором, сдерживающим применение новых технологий в военном деле, является только общеобразовательный уровень и профессиональная подготовка субъектов. Мы также предполагаем, что офицер Сухопутных войск должен быть способен самостоятельно ориентироваться в технологических новинках в режиме реального времени, не ожидая перевода описаний и инструкций на русский язык;
- ◆ инновационные. Тренды такого рода, более всего, отражаются в трансформации театров боевых действий, появлении новых форматов воздействия на противника и, соответственно, обороны. Привычные понятия (фронт — тыл, комбатант — некомбатант, противник — союзник и пр.), характеризующие традиционный театр военных действий, постепенно теряют смысл. Новое пространство вооруженного противостояния уже не трехмерно, а в некоторых новых измерениях: космос, кибер, инфосфера и др., оно не имеет территориальных ограничений. Инновационные концепции социетарных, информационных, гибридных, неконтактных и прочих войн рассматривают коммуникации как средство поражения и защиты [13];
- ◆ доктринальные. Эти тренды образуют доктрины и концепции войны, претендующие на революционный характер. Как правило, революционные доктрины опираются на инновации в военном деле. Так, на рубеже тысячелетий наиболее яркой и запоминающейся стала доктрина сетецентричной войны, базирующейся на информационных сетях и постоянно действующем информационном обмене в режиме реального времени, ослаблении иерархических цепочек командования и самоорганизации боевых единиц, усилении эффективности действия отдельных единиц и подразделений за счет систем автоматизированного управления [23]. Эту доктрину до сих пор считают едва ли не самым перспективной платформой

развития технологий войны. Действия и противодействия подразделений Сухопутных войск в условиях сетецентричной войны напрямую зависят от эффективности систем управления, построенных на коммуникациях, а с учетом того, что театры боевых действий становятся международными, — на иноязычных коммуникациях.

Последнее обстоятельство, а именно международный характер театров военных действий, в контексте проблемы иноязычной коммуникации офицера Сухопутных войск следует, на наш взгляд, выделить особо. Так, в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики принимают участие около 15 иностранных государств, а, кроме того, более 50 надгосударственных, межгосударственных и негосударственных акторов различной национальной, этнической и религиозной принадлежности. Их полноценный учет ввиду динамизма изменений в составе и политических ориентациях практически невозможен.

Международные силы безопасности (ISAF), действующие в Афганистане в рамках операции «Несокрушаемая свобода» с 2001 г., насчитывают подразделения из 48 стран мира. Крупнейшие военные операции конца XX — начала XXI гг.: «Буря в пустыне» (Desert Storm) (Ирак, 1991 г.), «Обдуманная сила» (Deliberate Force) (Босния, 1995 г.), «Возрождение надежды» (Restore Hope) и «Продолжение надежды» (Continue hope) (Сомали, 1992 и 1995 г.), «Союзная сила» (Allied Force) (Республика Югославия, 1999 г.) «Объединенный защитник» (Unified Protector) (Ливия, 2011 г.) и другие, являются международными и объединяют десятки стран-участниц. Российская Федерация за своими границами принимала участие исключительно в миротворческих операциях (Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Таджикистан, Босния и Герцеговина, Косово и Метохия, Ангола, Чад, Сьерра-Леоне, Судан и др.), однако, даже эти операции актуализировали проблему иноязычной коммуникации офицера.

Для участия в миротворческих операциях в составе Сухопутных войск Российской Федерации были сформированы различные подразделения, в которых способность военнослужащих к осуществлению иноязычных коммуникаций является одной из ключевых и пока еще не решенных проблем подготовки миротворцев. Одно в настоящее время вполне ясно, что базовая языковая подготовка в военных вузах явно не обеспечивает потребность офицеров — миротворцев в иноязычных коммуникациях. Некоторые мгновенные решения, например, экспресс-курсы, организованные офицерами Военного Университета Министерства обороны Российской Федерации, курсы углубленного изучения языка (по сути — только повышение квалификации), он-лайн

и дистанционные специализированные курсы для миротворцев на наш взгляд — всего лишь неконструктивное и половинчатое решение проблемы.

Проблему иноязычной коммуникации офицера Сухопутных войск и перспективные задачи развития его языковой подготовки следует рассматривать в свете новой Военной Доктрины Российской Федерации. Цитируем одно из ее инновационных положений: «В целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооруженных Сил могут оперативно использоваться за пределами Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и федеральным законодательством» [5]. В целом, Военная Доктрина Российской Федерации определяет контуры военной политики государства. По оценкам аналитиков (Ю. Н. Балужевский [2, с. 1–9], В. К. Белозеров [3, с. 98–103]), эта политика будет активной.

Возврат Российской Федерации к активной военной политике — вполне состоявшаяся реальность, в которой уже проявили себя новые задачи Сухопутных войск, предъявляющие высокие требования к иноязычным коммуникациям офицера:

- ◆ международные военные операции с участием Вооруженных Сил (Сирийская Арабская Республика);
- ◆ международные военные учения в рамках Коллективного договора о безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) («Восток», «Взаимодействие», «Нерушимое братство», «Мирная миссия», «Рубеж» и пр.);
- ◆ двусторонние военные учения и военные игры (например, Российско-белорусские учения «Щит Союза», Российско-индийские учения «Индра», Российско-монгольские учения «Селенга» и др.);
- ◆ военные учения, маневры, командно-штабные учения и проверки боевой готовности с участием подразделений стран — союзниц («Запад», «Кавказ», «Центр» и др.);
- ◆ международные военные игры и соревнования.

Опыт участия военнослужащих Сухопутных войск в новых форматах международного взаимодействия уже сегодня выявил существующие проблемы иноязычной коммуникации:

- ◆ прежнего, функционально-патернового знания иностранного языка не хватает для полноценной иноязычной коммуникации. Тематические области коммуникаций выходят за рамки привычной тематики, ориентированной исключительно на выполнение боевых задач;

- ◆ потребность в сложных иноязычных коммуникациях, которые ранее относились к стратегическому и оперативному уровням управления войсками, постоянно возникают на тактическом уровне;

Обобщая тренды парадигмальных и доктринальных изменений в военном деле, учитывая новые подходы к применению Вооруженных Сил и активную внешнюю политику Российской Федерации, можно, таким образом, утверждать, что в содержании военно-профессиональной деятельности офицера Сухопутных войск происходят существенные изменения, в том числе и в отношении иноязычных коммуникаций, которые он осуществляет. Важно то, что эти изменения обеспечивают диалектический процесс разработки новых концепций военно-профессионального образования, поскольку актуализируют противоречия между реальностью, перспективой и существующими концепциями, в своем идейном ядре сложившимися после Второй мировой войны.

По своей базовой идее, предлагаемые концепции профессионального военного образования могут быть условно отнесены к одной из четырех стратегий: реставрация, интеграция, революция и модернизация. Стратегии реставрации предполагают творческое переосмысление, а иногда и прямое восстановление концептуальных подходов к подготовке военного специалиста, которые применялись в Советском Союзе. Вторую группу концепций объединяет стратегия интеграции профессионального военного образования в общую систему образования России, придание ему светского характера. Третья стратегия — революции, объединяет концепции, в которых предлагаются радикальные изменения в самой идее и логике профессионального военного образования. Наконец, четвертая стратегия — модернизация профессионального военного образования, суть которой в изменении устаревших концептуальных основ при сохранении идейного ядра, достижений и традиций российской военной школы (И. О. Бакланов [1], В. В. Гладких и Н. В. Волюнкина [7], В. В. Полич [20], О. Ю. Тарская [23], В. В. Татарнов и Т. М. Юдин [24], др.). Модернизационные концепции, «сходятся» в том, что современной системе профессионального военного образования необходимы:

- ◆ переориентация с опытной основы (опыт Второй мировой войны) на перспективную основу (прогнозируемые модели развития военного дела), интеграция военной науки и образования;
- ◆ использование новейших достижений научно-технической революции в военном деле, ориентация на инновационные доктрины, формирование на базе военных вузов инновационной структуры Вооруженных Сил;

- ◆ отход от стратегии массового производства к элитарности военного образования, индивидуализация и дифференциация обучения и воспитания будущих офицеров (А. В. Вдовин [4, с. 67–74]), создание пространства между обязательным (соответствие стандартам) и повышенным (соответствие способностям и уровню притязаний) уровнями результатов;
- ◆ перенос акцентов с операционального оснащения на личностное развитие, заключающийся в развитии сознания, интеллектуальных и образовательных возможностей будущих офицеров, творческого мышления и самостоятельности, профессионально важных качеств личности, способностей и готовности к самообразованию и саморазвитию;
- ◆ усиление гуманитарной составляющей (Н. Н. Чекумарева [25]), повышение роли воспитания (Р. В. Володин, А. Д. Лопуха и Т. Л. Лопуха [6]), реконструкция идеологической составляющей (В. Л. Разгонов [21]) воспитания будущих офицеров.

Нам ясно, что перспективные концепции модернизации профессионального военного образования усиливают его субъектное измерение (а значит и внимание к профессиональному становлению офицера), отходят от стандартизации и усреднения к акмеологическим ориентирам. В отношении иноязычной коммуникации сходны практически все концепции — способность к этому виду деятельности становится одной из ведущих компетенций офицера — выпускника военного вуза. Эта позиция уже аргументирована педагогами — исследователями в отношении офицеров Военно-морского флота [17], военных экономистов [14], офицеров войск Нацио-

нальной гвардии [11; 18], а в настоящей работе мы постарались аргументировать ее и в отношении офицеров Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации.

Изменение роли и значения иностранного языка является одной из актуальных тенденций развития военно-профессиональной деятельности, позволяющей предположить укрепление прямой связи между профессиональным становлением офицера Вооруженных Сил Российской Федерации и формированием у него способности осуществлять иноязычную коммуникацию. В связи с тем, что военное образование должно быть обращено в ближайшую и среднесрочную перспективы, можно утверждать, что в условиях глобализации роль и значение иноязычных коммуникаций будут определены парадигмальными, методологическими (стратегическими) и концептуальными изменениями в этих двух сферах. В этой связи следует отметить, что приближаемся к критической точке действующей парадигмы — мы являемся свидетелями достаточно противоречивого этапа удачного применения новых концепций к решению прикладных проблем и множественности формирующихся концептуальных моделей ([8, с. 163–169]).

Таким образом, изменение роли и значения иностранного языка является одной из актуальных тенденций развития военно-профессиональной деятельности, позволяющей предположить укрепление прямой связи между профессиональным становлением офицера Вооруженных Сил Российской Федерации и формированием у него способности осуществлять иноязычную коммуникацию. Иноязычные коммуникации при этом становятся одним из основных средств военно-профессиональной деятельности офицера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов, И. О. Развитие теории и практики системы военно-профессионального образования курсантов авиационных вузов: автореф. дис. ... док. пед. наук: 20.02.02 / Бакланов Игорь Олегович. — М., 2012. — 40 с.
2. Балуевский, Ю. Н. 2014. Новые смыслы военной доктрины / Ю. Н. Балуевский // Военно-промышленный курьер. — 2014. — № 42 (560). — С. 1–9.
3. Белозеров В. К. Военная Доктрина России: в начале большого пути / В. К. Белозеров // Власть. — 2015. — № 2. — С. 98–103.
4. Вдовин, А. В. Проблема индивидуализации воинского обучения и воспитания в системе высшего и дополнительного профессионального образования и пути ее решения / А. В. Вдовин // Военная мысль. — 2013. — № 1. — С. 67–74.
5. Военная Доктрина Российской Федерации // Российская Газета. — Федеральный выпуск № 6570 (298). — режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения 06.10.2018).
6. Володин, Р. В. и др. Государственно-политическое воспитание курсантов военных вузов: к постановке проблемы профессионального воспитания: монография / Р. В. Володин, А. Д. Лопуха, Т. Л. Лопуха. — Новосибирск: НВВКУ, 2017. — 228 с.
7. Гладких, В. В., Волынкина, Н. В. Синергетика образования военного специалиста: монография / В. В. Гладких, Н. В. Волынкина. — Воронеж: Научная книга, 2015. — 214 с.
8. Ермолаева, О. А. Основные принципы, методы и уровни современного парадигмального подхода / О. А. Ермолаева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 1(9). — С. 163–169, С. 165.
9. Кабахидзе, Е. Л. Лингвофилософские аспекты коммуникации в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Кабахидзе Екатерина Львовна. — М., 2013. — 26 с., С. 12.

10. Каберник, В. В. Революции в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего [Электронный ресурс] / В. В. Каберник // Центр военно-политических исследований. — режим доступа: <http://www.eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/analitika/voennopoliticheskaya-voennotehnicheskaya/kibervoyska/globalno/xxi-vek/revoluciya-voennop> (дата обращения 07.10.2018).
11. Калейник, Н. С. Формирование профессиональной компетентности у слушателей вузов МВД России в процессе обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Калейник, Нинель Семеновна. — СПб., 1999. — 156 с.
12. Клаузевиц, К.Ф. О войне / Карл Филипп фон Клаузевиц. — М.: Эксмо, 2013. — 512 с.
13. Кокошин, А. А. Инновационные Вооруженные силы и революция в военном деле: Краткий очерк / А. А. Кокошин. — М.: Ленад, 2009. — 32 с.
14. Кукарцева, Т. А. Формирование профессионально-коммуникативной компетентности будущих специалистов военно-экономического профиля в иноязычном образовательном процессе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Кукарцева Татьяна Александровна. — Самара, 2011. — 22 с.
15. Нефедьев, А. В. Глобализация и ее влияние на военную безопасность современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Нефедьев Алексей Викторович. — М., 2012. — 23 с.
16. Одегова, О. В. Лингвокультурная глобализация в современном мире: специфика и социокультурные эффекты: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 / Одегова Ольга Владимировна. — Томск, 2013. — 23 с.
17. Парахина, О. В. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции будущих инженеров в системе дополнительного профессионального образования военно-морского вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Парахина Олеся Владимировна. — Калининград, 2016. — 24 с.
18. Пестова, Е. В. Формирование ценностного отношения слушателей высших учебных заведений МВД России к изучению иностранного языка: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Пестова, Елена Владимировна. — Барнаул, 1998. — 163 с.
19. Пискарева, А. А. Языковые следствия глобализации: на материале функционирования англицизмов в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 / Пискарева Анастасия Александровна. — М., 2014. — 21 с.
20. Полич, В. В. Современное состояние и тенденции развития отечественного военно-профессионального образования: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Полич Виктор Валентинович. — Красноярск, 2018. — 27 с.
21. Разгонов, В. Л. Ценностные ориентиры профессионального воспитания курсантов в учебно-воспитательном процессе военного вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Разгонов Виталий Леонидович. — Барнаул, 2016. — 23 с.
22. Савин, Л. В. Сетевая война. Введение в концепцию / Л. В. Савин. — М.: Евразийское движение, 2011. — 130 с.
23. Тарская, О. Ю. Модернизация российского военного образования в условиях информационного общества: дис. ... док. социолог. наук: 22.00.04 / Тарская Ольга Юрьевна. — Волгоград, 2011. — 327 с.
24. Татарнов, В. В. Перспективы развития современного военного образования: монография / В. В. Татарнов, Т. М. Юдин. — Рязань: РВВДКУ, 2015. — 295 с.
25. Чекмарева, Н.Н. и др. Гуманитарный аспект современного военного образования: коллективная монография / под общей редакцией Н.Н. Чекмаревой. — СПб.: ВВМ, 2018. — 232 с.
26. Штофер, Л.Л. Трансформация войны и ее социальные детерминанты в эпоху глобализации: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Штофер Людмила Львовна. — Ростов-на-Дону, 2009. — 180 с., С. 10.
27. Gongga, T., Shuaib, L., Zhangc, M. Modelling language evolution: Examples and predictions / Tao Gongga, Lan Shuaib, Menghan Zhangc // *Physics of Life Reviews*. — Volume 11, Issue 2, June 2014, Pages 280–302. — <https://doi.org/10.1016/j.plrev.2013.11.009>.
28. Louhiala-Salminen, L., Kankaanranta, A. Language as an issue in international internal communication: English or local language? If English, what English? / Leena Louhiala-Salminen, Anne Kankaanranta // *Public Relations Review*. — Volume 38, Issue 2, June 2012, Pages 262–269. — <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2011.12.021>.
29. Smith, L. E. English Language, Role in International Communications / Larry E. Smith // *Encyclopedia of International Media and Communications*. — 2003, Pages 523–528. — <https://doi.org/10.1016/B0-12-387670-2/00081-9>.

© Бикбаев Вадим Манцурович (vadim_bikbaev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION: CONTEMPORARY CONTEXT

**V. Gam
V. Mikhailova**

Summary. The problem of the development of the system of continuing professional education is actualized in the article. The analysis of the scientific literature on professional development of teachers has allowed to systematize the peculiarities of the renewal of continuing professional education, the direction of improving the quality of continuing professional education in the substantial and organizational aspects, to characterize the implementation of procedures of public and professional accreditation. The possibility and potentials of the use of the strategy of advanced development of the system of continuing teacher's professional education are considered.

Keywords: continuing professional education of a teacher, professional education and retraining, professional development of teachers, strategy of advanced development.

Гам Владимир Иванович

АН ПОО «Многопрофильная Академия непрерывного образования» (г. Омск)
gam_v@mail.ru

Михайлова Валерия Евгеньевна

АН ПОО «Многопрофильная Академия непрерывного образования» (г. Омск)
msvomsk@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется проблема развития системы дополнительного профессионального образования. Анализ научной литературы по вопросам повышения квалификации педагогов позволил систематизировать особенности обновления дополнительного профессионального образования, направления повышения качества ДПО в содержательном и организационном аспектах, дать характеристику внедрения процедур общественно-профессиональной аккредитации. Рассмотрена возможность и потенциалы использования стратегии опережающего развития системы дополнительного профессионального образования педагога.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование педагога, профессиональная подготовка и переподготовка, повышение квалификации педагогов, стратегия опережающего образования.

Дополнительное профессиональное образование педагогов выступает самостоятельным сегментом образовательной деятельности, который, во-первых, поддерживается органами управления образования, профессиональными объединениями и сообществами работодателей; во-вторых — реализуется в соответствии с действующими требованиями ФГОС и разработанными на их основе квалификационными характеристиками должностей педагогических работников. При этом функционирование и развитие системы дополнительного профессионального образования обеспечивает согласованность базового образования и потребности в возобновлении процесса образования посредством дополнительных образовательных услуг, обеспечивает разнообразие возможностей для педагогов в получении новых компетенций по специальности.

Методологическими основаниями, раскрывающими сущность дополнительного профессионального образования выступают:

- ◆ системный подход (И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский), который позволяет рассматривать процесс ДПО как единство дидактических элементов;

- ◆ компетентностный подход (И.А. Зимняя, В.А. Козырев, Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпицына), который определяет направленность ДПО на развитие профессиональных компетенций педагога;
- ◆ личностно-деятельностный подход (А.И. Кукуев, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн), который позволяет ориентироваться на особенности педагогов в процессе их переподготовки;
- ◆ положения андрагогического подхода, который задает принципиальные содержательные и организационные основы обучения взрослых (С.Г. Вершловский, И.А. Колесникова, Л.Н. Лесохина).

Проведение анализа процесса реформирования системы дополнительного профессионального образования (ДПО) подтверждает, что в настоящее время предпринимаемые шаги отличаются некой разнонаправленностью, связанной с тем, что обеспечение непрерывного профессионального развития педагогов, их социальной мобильности, происходит в сложных социально-институциональных условиях. Возможно, это связано с тем, что, во-первых, не в полной мере определены социальные факторы, позитивно влияющие на развитие ДПО; во-вторых, механизмы изучения эффективности ДПО на уровне муниципалитета и региона находятся

в процессе становления. Кроме того, сегодняшняя реформа управления образованием — разделение на Министерство науки и высшего образования (ВУЗы) и Министерство просвещения (школы, детские сады, колледжи, учреждения дополнительного образования детей), создает брешь в едином пространстве общего и профессионального образования. Так, например, единые направления подготовки (коды стандартов) колледжей и ВУЗов педагогического профиля позволяли строить общую модель образовательных результатов. СПО легко встраивалось в ВО по соответствующей укрупненной группе, а согласование профилей основной образовательной программы СПО и ВО давало возможность в дальнейшем проектировать образовательные программы нужной направленности, формировать тематику программ ДПО.

Однако реальная образовательная практика организаций, занимающихся повышением квалификации педагогов, показывает, что модель предлагаемых образовательных результатов в системе ДПО, а также профиль запроса на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации педагогов за последние три года практически не изменился, что свидетельствует о необходимости развития новых форм, обновления содержания деятельности и технологического обеспечения.

К перечню проблем стоит добавить неготовность педагогов к решению новых задач, например, внедрение новых УМК, работа в новых сложных социальных контекстах. Все это приводит к тому, что формирование актуального заказа в системе дополнительного профессионального образования с учетом сложившейся ситуации в сфере образования и компетентностных дефицитов педагогов идет «вдогонку» за перечисленными изменениями и проблемами.

Это значит, что решение задачи современной профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов будет более успешно при наличии ряда новых направлений в системе непрерывного образования, ключевым элементом которой является система дополнительного профессионального образования. Рассмотрим такие возможные направления.

1. Учет изменения социального заказа на ДПО.

В социальном заказе на ДПО наступила некоторая неясность. Возникает вопрос, если теперь ДПО как разновидность дополнительного образования (ДО) находится в ведении Министерства Просвещения РФ и отрывается от системы высшего образования, то как оно будет развиваться в перспективе? Вместе с этим существует потребность в реагировании на вызовы инновационной экономики, появлении новых возможностей граждан в получении необходимых квалификаций для разных сфер трудовой жизни. То есть система ДПО должна стать

доступной для всех категорий потенциальных слушателей и населения. Предполагается, что численность обучающихся педагогов, участвующих в профессиональной подготовке, переподготовке и повышении квалификации будет расти, и, возможно, к 2020 году численность вырастет на 2,27 млн. человек [1].

2. Учет профессиональных дефицитов педагога.

Профессиональный дефицит педагога проявляется в недостатке умений обновления содержания, недостаточной ясности в постановке профессиональных задач, сложности в работе в изменившихся условиях. Это подтверждают результаты анализа внедрения профессионального стандарта педагога; первые пробы перехода к Национальной системе учительского роста [3]; повышение уровня организации собственной деятельности и оценки социального статуса педагога [2].

3. Проведение маркетинга образовательных услуг в системе ДПО.

В целом, это направление предполагает изучение спроса на образовательные услуги ДПО, анализ сегментов рынка образовательных услуг и возможных целевых групп, активную работу с клиентами через сайт, проведение интернет-маркетинга, включая SEO-маркетинг и SMM.

4. Организация образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам.

Несомненно, важным условием успешной организации качественного образования выступает модульная система организации переподготовки. Программа, имеющая модульную основу, дает возможность сделать обучение дискретным, спроектировать на основе одной программы целевые подпрограммы другого объема, или разного уровня. Кроме того, это возможность индивидуализировать обучение для каждого педагога, изучив его стартовые возможности, уровень проявленных компетенций, результативность предыдущего обучения. Это возможно сделать путем компиляции необходимых блоков или модулей, а также применять одни и те же модули в разных образовательных программах, что сделает программу более гибкой и вариативной.

Программы ДПО могут иметь узкопрофильный характер, быть универсальными, отраслевыми или межотраслевыми. Они могут быть подготовлены по запросу определенных групп педагогов, коллективов образовательных организаций, работодателей. При этом после окончания программы на основании полученных кредитов, дается заключение о законченном обучении, дающем право на получение диплома о профессиональной переподготовке с присвоением квалификации.

В ходе деятельности организаций непрерывного образования, программы ДПО реализуются в очной и очно-за-

очной форме с использованием коуч-технологии, тьюторства, методического патроната, стажировки. Достаточно актуальным стало обучение в формате дистанта. Административно-управленческий аппарат организации может сделать запрос на программы, включающие не только образовательные, но и экономические аспекты работы.

При проведении курсов повышения квалификации в системе ДПО целесообразно использовать сетевую форму обучения, где вариантом может быть обучение в режиме SMART. Это объединение образовательных организаций с целью осуществления совместной деятельности в сети Интернет на базе общих стандартов, соглашений и технологий, вебинары, электронное образование, создание симуляционных и виртуальных центров. Распространенным становится и онлайн-обучение как модифицированный вариант дидактической системы. Рост числа коллективных образовательных процессов будет менять и инфраструктуру образования. Пространства для обучения обретают новые формы: коворкинги, хакспейсы, science-art лаборатории, фаблабы [6].

5. Применение технологий проектного менеджмента в системе ДПО, включающих элементы проектного управления при разработке программ ДПО, модерацию программ ДПО, работу с аудиторией в интерактивном режиме обучения [5].

6. Проведение общественной и профессионально-общественной аккредитации. Данные процедуры предполагают наличие ряда критериев и сформированных групп показателей для проведения специальной аккредитационной экспертизы и оценки. Надо отметить, что оценка каждого критерия производится по результатам измерения.

7. Одним из направлений видится изменение управления системой дополнительного профессионального образования. Это может быть развитие как механизмов, направленных на привлечение негосударственных ресурсов (например, развитие эндаумент-фондов), а также формирование новых способов управления, расширяющих выбор программ ДПО.

Все это приведет к позитивным результатам обучения слушателей:

- ◆ расширение целей, направленность на умение ставить профессиональные задачи в изменяющихся условиях, на достижение конечного результата и профессиональных компетенций педагога;
- ◆ развитие мотивационных, инструментальных и когнитивных ресурсов педагога;
- ◆ реализация индивидуализации преподавания;
- ◆ опора на адресные практико-ориентированные программы;
- ◆ переход от государственных сертификатов к сертификатам образовательных организаций.

Перспективным направлением является внедрение опережающей стратегии развития системы дополнительного профессионального образования. В этом контексте в качестве технологии, позволяющей в новых реалиях высокой неопределенности отслеживать тенденции изменений и своевременно на них реагировать. Цель опережающей стратегии — разработка возможных альтернативных сценариев развития в будущем, на основе анализа трендов и тенденций, нахождения «точек развития». Для системы дополнительного профессионального образования важным является то, что опережающая стратегия обеспечивает системное прогнозирование.

Среди вариантов опережающей стратегии интересна практико-ориентированная дуальная модель обучения — преимущество которой заключается в совмещении в учебном процессе теоретической и практической подготовки на основе принципа «от практики к теории», когда теоретическая часть подготовки проходит в образовательной организации непрерывного образования, а практическая — на рабочем месте. Кроме того, это могут быть: скайп-сопровождение, составление дорожной карты педагога, как пошагового плана действий [4].

Все рассмотренные выше направления и позиции рассматриваются как практические шаги по совершенствованию системы ДПО в муниципалитетах и регионах, как средство индивидуализации и повышения качества обучения педагогов в проективной методической системе, как факторы повышения стартовых позиций педагогов, их готовности к продолжению образования, соответствующего его запросам и личностным предпочтениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дополнительное профессиональное образование России — итоги реформ // Бюллетень о сфере образования. — 2017. — № 14. — С. 1–27. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15831.pdf> (дата обращения: 07.12.2018).
2. Комплексная программа повышения профессионального уровня педагогических работников общеобразовательных организаций: утв. Правительством РФ 28 мая 2014 № 3241п-П8 // ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70616270/> (дата обращения: 07.12.2018).

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 07.12.2018).
4. Сморчкова В.П., Шевелёва Н. Н. Форсайт в стратегии развития системы дополнительного профессионального образования педагогов // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. — 2017. — № 4. — С. 63–70. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.apkpro.ru/901.html> (дата обращения: 07.12.2018).
5. Filin S. A. Intra-company training management systems: Evaluation and Modelling. — Almaty, 2015. — 50 p.
6. Tolutiene G. Andragogical interaction and expression of learning environment aspect: theoretical and empirical dimension // Journal Andragogy. — 2013. — Vol. 1 (4). — P. 111–127. — URL: <http://journals.ku.lt/index.php/andragogy/article/view/346> (Accessed 7 December 2018).

© Гам Владимир Иванович (gam_v@mail.ru), Михайлова Валерия Евгеньевна (msvmnsk@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДУЛЬНОЙ ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДИСТАНЦИОННОЙ УЧЕБНОЙ СРЕДЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

MODULAR OBJECT-ORIENTED DYNAMIC LEARNING ENVIRONMENT AND ITS SOFT SPOTS AS A TOOL TO TEACH FOREIGN LANGUAGES

A. Glotkina

Summary. The article illustrates the analysis of the usage of modular object-oriented dynamic learning environment (MOODLE) while studying a foreign language at non-linguistic universities. According to the scientific research, while educating future specialists there are special requirements imposed by non-philological programs for students of foreign languages. The analysis deals with the facts influencing the students' work in a modern learning environment. The author focuses on the peculiarities of students' motivation in a process of learning a foreign language at non-linguistic universities. The article demonstrates the factors of blended learning elaboration and explanation of the reasons for the education system proliferation at Russian universities. The article dwells on the roots of this learning environment and characteristics enabling the spread of the educational platform. The principles of the system affirmed while launching the platform MOODLE are analyzed. This learning environment has been working for a number of years and the work with the platform has been changed drastically. The key principles which were the basement of MOODLE are being seriously breached while working with courses online. The examples of inefficient work for organizing the process of educating are highlighted.

Keywords: computer technologies, multimedia technologies, blended learning, MOODLE, activity approach, individual approach, non-philological programs, foreign language teaching, foreign language for specific purposes, motivation.

Глоткина Антонина Александровна

*Старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
glotkina@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен анализ использования платформы модульной объектно-ориентированной обучающей среды (MOODLE) при изучении иностранного языка в неязыковых вузах. При подготовке будущих специалистов нефилологический профиль обучения иностранному языку накладывает свои требования, о которых говорится в статье. При анализе учитываются факторы, влияющие на работу студентов в современной среде обучения. Автором рассматриваются особенности мотивации студентов неязыковых вузов при изучении иностранного языка. В статье разобраны предпосылки возникновения смешанного обучения, дано обоснование выбора платформы как средства обучения большинством высших учебных заведений в России. Представлена история возникновения данной обучающей среды, характеристики, способствующие распространению платформы. Проанализированы принципы работы системы, которые утверждались при запуске платформы MOODLE. Однако достаточно продолжительный срок работы платформы коренным образом преобразовал работу с ней. Ключевые принципы, заложенные изначально при создании, серьезным образом нарушаются при создании курсов в обучающей среде на настоящий момент. В статье приводятся примеры неэффективности организации обучения иностранному языку на данной платформе.

Ключевые слова: компьютерные технологии, мультимедийные технологии, смешанное обучение, MOODLE, деятельностный подход, индивидуальный подход нефилологический профиль, обучение иностранным языкам, профессиональный иностранный язык, мотивация.

Неязыковые высшие учебные заведения находятся в затруднительном положении, когда речь заходит об обучении иностранному языку. Конкурентоспособность современных инженеров, программистов, физиков и математиков во многом определяется их профессиональной компетентностью, где немаловажное место занимает знание и умение коммуницировать на иностранном языке в рамках выбранной специальности. [5, с. 87] Однако уровень сформированности ино-

язычной коммуникативной компетенции у студентов технических университетов низок, так как приоритетное положение занимают специальные предметы, место иностранного языка в программе технического вуза очень скромное. Объем преподавания занимает не более 2 часов в неделю, чего, очевидно, недостаточно для достижения цели, поставленной перед студентом. [1] Отсюда погоня за всеми возможными способами мотивировать и заинтересовать студентов в изучении языка.

Выбор ресурсов и средств является ключевым моментом при достижении эффективности обучения иностранному языку. Особенно актуален вопрос при ограниченном аудиторном времени, выделяемому на изучение дисциплины. Кроме того, из-за быстрых изменений в области науки и техники, учебная литература требует регулярного переиздания с внесенными дополнениями и изменениями. В связи с этим существует дефицит учебной литературы на иностранном языке, которая отвечала бы требованиям современного студента и преподавателя, а в перспективе соответствовала запросам будущего руководителя и сотрудника технического учреждения. Работа с устаревшей литературой не способствует росту мотивации при изучении иностранного языка, когда согласно работе Е. И. Пассова [4] мотивация делится на внутреннюю и внешнюю, и внешняя мотивация связана с перспективами развития личности. В свою очередь внутренняя мотивация непосредственно связана с учебной деятельностью. Отсюда так важны условия обучения иностранному языку и методы, выбираемые для работы со студентами.

Принимая во внимание взаимодействие обучающего и обучаемого, процесс обучения подразделяется на контактный и дистантный. [5, с 74] Благодаря телекоммуникационным сетям распространение получает подход CALL (computer-assisted language learning), то есть обучение с помощью компьютера. Отрицательный аспект дистантности состоит в опосредованности общения учитель-ученик, что влечет в практическом отсутствии межличностного взаимодействия.

Во многом считается, что результативность повышается при использовании традиционных и инновационных методов совместно, так родился подход blended learning или смешанное обучение. Такой подход имеет место быть при доле в 45% учебного времени изучения студентом дисциплины онлайн. [6] Одной из самой распространенной виртуальной обучающей средой стала платформа MOODLE (modular object-oriented dynamic learning environment).

История платформы MOODLE насчитывает более 15 лет. Её создатель Мартин Дуджиамас, идеолог среды для обучения в формате web 2.0, запустил первую версию платформы в 2002 году, впоследствии эта платформа заняла лидирующие позиции. Данная платформа переведена на более чем 50 языков, используется в 197 странах. MOODLE получила признание и в России, где 62% высших учебных заведения воспользовались данной платформой. [3] Среда поддерживается до сих пор и имеет более 25 обновленных версий, из них 4 сейчас стоят на вооружении и поддерживаются разработчиками, остальные сняты с поддержки. Перед нами достаточно зрелая технология, но вопрос

её применения в современных реалиях встаёт очень остро.

Технология взята на вооружение многими университетами, заявлено, что платформу довольно легко изучить и в ней удобно работать. Это универсальное средство, которое принято применять в качестве информатизации образования. Платформа используется как для изучения технических предметов, так и гуманитарных. Наивно полагать, что одна и та же система выдержит такой напор задач и абсолютно полярные требования.

Изначально считалось, что система будет являться комфортной зоной общения студента и преподавателя. Однако, по существу, нерациональное использование технологии приводит к неблагоприятным результатам и последствиям.

Принципы, лежащие в основе платформы, а именно: взаимное обучение, деятельностный подход, гибкость, наблюдение и понимание, — спустя 15 лет кардинальным образом нарушены. Зрелость системы вылилась не в гарантию качества, но в сложное, громоздкое решение, требующее серьезной технической поддержки. Для работы с платформой необходимо изучать руководство к системе. Обычно этот труд превосходит по объёму 20 страниц для обычных пользователей и более 100 страниц для преподавателей-разработчиков курсов. Интерфейс непонятен, без консультации со стороны технических специалистов начать работу очень сложно. Студенту также требуется время для начала обучения в системе. Процесс регистрации долг и проходит не без затруднений. В университетах при активной деятельности различных факультетов и кафедр, и недостаточной продуманности со стороны административного отдела ресурс превращается в захлащенный сайт, где трудно ориентироваться и взаимодействовать.

Нарушен принцип простоты, когда из комфортной зоны общения студента и преподавателя, система превратилась в сложного «монстра», хранящего файлы, тесты, презентации, беседы, упражнения, оценки, личные данные студентов и преподавателей. Универсальное решение стало бременем, а не удобным инструментом обучения. Изучать иностранный язык в рамках такой платформы затруднительно.

Сколько угодно можно рассуждать о преимуществах дистанционного формата или смешанного обучения с использованием MOODLE. Эти положительные моменты имеют место быть, однако недостатков достаточно количество, чтобы нивелировать все достоинства данной системы. К примеру, в работе Бехтерева А. Н. и Логиновой А. В. [2, с. 93] отмечается, что среди преимуществ платформы для студента — это доступность

обучения в любое удобное время. Однако если соединение по сети неустойчиво, ведутся работы на сайте, не оплачен хостинг ведущей компанией, то данное преимущество пропадёт, нельзя отрицать технический и человеческий фактор. В той же работе среди преимуществ отмечено отсутствие проблем с приобретением учебных материалов, однако если это внешний онлайн ресурс, доступ к нему может быть закрыт в любой момент и вместо страницы на документ будет отображена ошибка 404. Объективность системы оценивания имеет также оборотную сторону: при сдаче контрольного тестирования фактор волнения невозможно исключить, и даже блестяще владеющие материалом студенты из-за плохого самочувствия и волнения могут провалить тест. Хуже, когда система даёт сбой, и ответы студентов теряются, видоизменяются и не учитываются системой, что влечет за собой понижение балла.

Система не отвечает требованиям по качеству для работы с языком. Нагружать систему тренировочными курсами с массой упражнений для закрепления грамматических и лексических явлений не представляется целесообразным, к этому же относятся вариации упражнений по работе с текстами и презентациями. Система непривлекательна для коммуникативных интеракций, по большому счёту неумелое обращение с ней превращает платформу в базу ненужных данных, требующих поддержки для своей работы извне.

Преподавателю сложно привыкнуть к работе с платформой, разработанный интерфейс труден для понимания, требует многих часов утомительной и монотонной работы с курсом. В итоге создаётся обособленная группа по загрузке материалов, но ведь этот процесс противоречит основному постулату платформы — общение преподавателя и студента. Таким образом вместо индивидуального подхода, имеется некоторый электронный вариант курса, который предположительно поможет ликвидировать пробелы в знаниях или будет дополнением к устному формату занятия. Однако мотивационная составляющая работать с таким ресурсом стремится к нулю по той причине, что система сама по себе не мультимедийна. Вариативность заданий ограничена, то же можно сказать и о форме подаче материала.

Более того при таком малом количестве часов, выделяемых на изучение иностранного языка в техническом

вузе, необходимо стимулировать студентов выполнять большой объем самостоятельной работы с языком, однако с такой платформой это вряд ли возможно. Совершенно очевидно, что система ничего не может предложить студенту для комфортного, поэтапного изучения языка. Ничтожная доля студентов может организовать себя и свое время для прохождения курса. А работа преподавателя зачастую сводится к тому, чтобы продумать, как бы студент не списал у другого пользователя материал. Данный процесс не является обучающим, интерес к курсу исчезает очень скоро, так как система из-за массивности часто перегружена, работает медленно, не исключены частые сбои. Такая работа может вызвать только раздражение, а задания будут выполнены только потому, что их нужно выполнить из-за контроля. Студент не будет заинтересован сделать работу качественно, но будет её делать на скорость. Такое обучение не продуктивно, оно навязано, а значит не принесет положительных результатов. Заинтересованность к предмету не возрастет, главная цель обучения не будет достигнута. А цель состоит в том, чтобы студент овладел языком для общения в рамках избранной им специальности.

К сожалению, предъявление платформы MOODLE в качестве интерактивной платформы несколько преувеличено. Каково по сути взаимодействие с пользователем на данной платформе при изучении языка? Наличие текстов и видео и разработанных к ним вопросов и заданий не являются элементами интерактивности. Обратная связь, выполняемая в формате форумов и чатов, не отвечает потребностям современных студентов. Таким образом вместо использования интенсивных методов работы, активного вида деятельности, при которой превалирует устная форма работы с преподавателем, обучение приобретает информативный характер, при котором ставка делается на правильность выполнения языковых упражнений, тренировку чтения и перевода. Но важно помнить, что при нефилологическом профиле обучения, занятия должны носить практический характер, что означает приоритет активных форм обучения. [5, с. 87] Стоит отметить, что правильно письменные задания никоим образом не гарантируют правильность употребления той или иной конструкции в устной и письменной речи вне образовательной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова А. В., Болсуновская Л. М., Коротченко Т. В., Матвеев И. А. Проблема эффективности языковой подготовки инженера при переходе на двухуровневую систему образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. No 2. С. 40–44.
2. Бехтерев А.Н., Логинова А. В. Использование системы дистанционного обучения «MOODLE» при обучении профессиональному иностранному языку // Открытое образование. Новые технологии № 4, 2013 С. 91–97

3. Макеева А.В., Гребенникова И. В., Болотских В. И., Луцки М. В., Лидохова О. В., Тумановский Ю. М., Крюков В. М. Опыт использования платформы MOODLE для научно-исследовательской работы студентов// Современные наукоемкие технологии.— 2016.— № 3–1.— С. 167–171; URL: <https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=35713> (дата обращения: 19.01.2018).
4. Пассов Е. И., Кузовлев В. П., Кузовлева Н. Е., Царькова В. Б. Мастерство и личность учителя. На примере деятельности учителя иностранного языка: учеб. пособие. Изд-е 2-е, испр., доп. М.: Флинта; Наука, 2001. 240 с.
5. Щукин А. Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). Учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. — М.: ВК, 2012—336с.
6. Blended Learning in English Language Teaching: Course Design and Implementation / ed. by V. Tomlinson, C. Whittaker [Электронный ресурс]. London: British Council, 2013. 252 p. URL: www.teachingenglish.org.uk (дата обращения: 18.01.2018).

© Глоткина Антонина Александровна (glotkina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПОДГОТОВКИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ АВИАЦИОННОЙ ИНДУСТРИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

OCCUPATIONAL FICTION
AS A TRAINING TOOL TO PREPARE
WOULD-BE MANAGERS IN AVIATION
INDUSTRY FOR PROFESSIONAL
COMMUNICATION IN FOREIGN
LANGUAGES

A. Glotkina

Summary. Professional aspects are becoming the key criteria for improving the training course for would-be managers of the aviation industry. The article deals with the smooth incorporation of the English language classes with the portion of home reading into professional training of managers. The communicative approach and teaching English for specific purposes impose special requirements on the subject in question. It is highly necessary to overview the role of texts of the foreign literature taking into consideration the professional orientation.

Keywords: professionally oriented reading, professional competence, criteria for choosing a literary text, motivation, occupational fiction, home reading.

Глоткина Антонина Александровна

Старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
glotkina@gmail.com

Аннотация. Профессионализация всех аспектов языкового обучения студентов является ключевой стороной совершенствования подготовки менеджеров в авиационной промышленности. В статье рассмотрена плавная интеграция занятий по иностранному языку с таким аспектом как «домашнее чтение» в профессионально-ориентированную подготовку менеджеров. Коммуникативная методика и изучение английского языка для специальных целей налагает особые требования на изучаемый предмет, что делает необходимым пересмотр роли текстов литературы изучаемого языка с учетом установки на профессионализацию.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное чтение, профессиональные компетенции, критерии отбора, мотивация, производственный роман, домашнее чтение.

Пробудить интерес к будущей профессиональной деятельности — задача отнюдь не легкая. Иностраный язык, имея междисциплинарные функции, призван помочь сформулировать цели, задачи, стратегии и тактики для студентов, чтобы позволить им влиться в будущую профессию значимыми фигурами, демонстрирующими знания и пользующимися своими навыками и умениями в полной мере. После финансовых и экономических кризисов и в связи с большой конкуренцией на рынке труда студенту-выпускнику без опыта работы трудоустроиться по специальности достаточно сложно. После завершения обучения в высшем учебном заведении в возрасте от 25 до 29 лет безработными остаются 19,1% молодых людей. [9] Выпускники сталкиваются с рядом жестких требований, среди которых знание иностранного языка стоит не на последнем месте.

В рамках обучения иностранному языку решается нетривиальная задача — способствовать разностороннему развитию студента, позволить ему улучшить навыки общения на иностранном языке для полноценного

участия в рабочем процессе. Грамотность речи, отточенное ремесло делового общения, профессионализм, кругозор — лишь некоторые параметры, которые должен проявить молодой специалист для получения должности.

Язык — средство общения и проводник в мир культуры. Недооценивать важность культуры общения на иностранном языке — значит поставить себя в неловкое положение. Путем изучения языка сглаживаются многие культурные расхождения и развеиваются банальные стереотипы. Межкультурная коммуникация способствует взаимовыгодному сотрудничеству в деловой сфере, обогащая, насыщая и преобразовывая взаимодействие. И перед нами уже не холодный расчет бизнеса, но глубокое понимание поведения и характера сотрудничества.

Менталитет, традиции, обычаи и национальный характер отражены в литературе страны изучаемого языка. Однако, чтение художественной литературы в рамках дисциплины подвергается критике со стороны препода-

вателей и студентов. В большинстве случаев студенты считают такое времяпрепровождение непродуктивным и неэффективным из-за стремления к увеличению профессионализации учебного процесса ввиду требований экономической и профессиональной среды. Вследствие чего представляется необходимым пересмотреть средства профессиональной подготовки специалистов, так как «обучающий потенциал художественной литературы может быть в полной мере реализован лишь при наличии позитивного отношения и интереса к книге со стороны читателя, релевантностью поднимаемых в ней проблем его интересам и чаяниям» [5].

Руководствуясь этими фактами, значительную роль в подготовке обучающихся к профессиональной деятельности может сыграть производственный роман, жанровая специфика которого в полной мере соответствует ожиданиям студентов: динамика сюжета, реалистичность, погружение в мир героев, включенных в производственный процесс, живость описания деталей производства или системы, в которой герои существуют — эти критерии повествования окунают читателя в индустрию и формируют эмоциональную сопричастность.

История возникновения производственного романа довольно запутанная. Отмечается, что родоначальником такого жанра стал Пьер Амп, и именно этому автору приписывается создание термина «производственный роман» [6]. Пьер Амп является автором цикла романов Страда человеческая. В его цикл вошли следующие произведения — «Свежая рыба» (1908), «Шампанское» (1909), «Рельсы» (1912), «Победа машин» (1920). В центре повествования — само производство, в то время как люди, занятые выработкой продукции, не представляют для автора большого интереса, их функция сводится лишь к выполнению алгоритма действий. Человек рассматривается как инструмент, функционирующий на выгоду своих наёмников. [8] Пьер Амп является также автором публицистических работ и монографий, посвященных «религии труда» [1].

Другая точка зрения заключается в том, что исследователи склонны рассматривать производственный роман в качестве наследника натуралистического романа, принципы которого были сформулированы Эмилем Золя. Писатель отмечал важность правдивости описания мира, научного исследования природы поведения человека. Он отрицал влияние мистических сил на действие в романе, объясняя события в романе законами среды. [8] Ключевым элементом работы автора Эмиль Золя считал наблюдение. В художественных работах натуралистического подхода писатели стремились воссоздать правдиво действительность, поэтому Эмиль Золя отмечал, что «натуралистическое движение существовало

во все времена». Так возникают термины «барочный натурализм», «натурализм позднего средневековья».

Если же обратиться к английским и американским авторам, то стоит отметить, что уже в XVI веке Томас Делонэ отошёл от магистрального пути посвящения литературных произведений коронованным особам, знатым вельможам и прекрасным дамам и обратил свой взор на труд «славных работников английского сукна». Потребовалось ещё три столетия, чтобы человеческий характер в производственной среде стал основой и для других авторов: в XX веке появляется роман о банкирах «Финансист» Теодора Драйзера, повести о боксерах («Лютый зверь») и моряках («Морской волк») Джека Лондона. В ревушие двадцатые выходит из-под пера Эптона Синклера роман «Нефть», новый виток развития производственный роман получает благодаря Артуру Хейли, чьи произведения «Аэропорт», «Отель», «Колеса», «Вечерние новости» и другие при остром сюжете и нравственном конфликте всегда разворачиваются на каком-то работающем предприятии, причем читатель посвящается в устройство, организацию и смысл работы этого предприятия. Артур Хейли стал ярчайшим представителем жанра, вдохновив своих последователей на дальнейшую работу в данной стилистике. Романы а la Хейли были переработаны Томом Клэнси в новый жанр — техно-триллер.

К сожалению, на данном этапе у студентов отсутствует навык чтения хороших качественных объемных произведений. Отсюда следует глобальная роль преподавателя представить вниманию студентам захватывающие работы авторов для роста профессионального интереса учащихся в рамках выбранной им специализации. Произведения малой прозы и масштабные романы авторов зарубежной литературы должны соответствовать устремлениям студентов. Так как по материалам исследований Аскаровой В.Я. в 2007 году 98% респондентов подтверждали, что чтение не занимало серьезного места в их жизни. [2] В 2016 году 55% студентов отметили, что у них нет времени на чтение и 30% подтвердили, что не испытывают огромного желания читать, когда лишь 15% отмечали, что чтение невероятно важно для них. [7]

В критериях отбора текстов должна значиться эмоциональная составляющая, которая вовлечет обучающихся в процесс обсуждения в дальнейшем на профессиональные темы. По данным опроса среди респондентов 25% отмечают, что их привлек познавательный интерес к чтению, 20% заметили, что читают, так как это задание, но 55% указали личностный интерес. [7]

Формирование видения, умение понять проблематику вопроса — задачи, возлагаемые на учебный процесс, в том числе на предмет «иностранный язык», где благо-

даря правильно подобранным материалам создается среда, способствующая развитию профессионала своей области. При обучении рецептивным навыкам, в данном случае чтению, параллельно развиваются продуктивные навыки, так как в рамках дисциплины чтение и обсуждение идут неразрывно. Однако необходимо найти произведения с четко соблюденным балансом загруженности терминологией, сложными лексическими и грамматическими конструкциями, так как ознакомительное чтение и чтение с целью извлечения информации не подразумевает продолжительную и изнурительную работу с текстом, в то время как при успешном выборе студент получит опыт настоящего чтения ради удовольствия, как этого достигают носители языка. Лингвистическая «непрозрачность» может стать серьезным препятствием в понимании текста и соответственно принятия произведения с последующим желанием обсуждать книгу.

Релевантность проблематики книги, принятие произведения и адекватность его языка — факторы, определяющие на данном этапе критерии эффективности чтения книги на языке.

Руководствуясь вышеприведенными аргументами на кафедре иностранных языков ИИЯ МАИ было разработано пособие «Авиация: глобальные проблемы. Практикум делового общения». [4] Пособие предназначено для профессионально-ориентированного обучения групп студентов гуманитарных специальностей авиационных вузов английскому языку в сфере менеджмента в авиационной промышленности. В данное пособие вошло 5 разделов, одним из которых стал раздел «Домашнее чтение», где происходит дальнейшее погружение в проблематику управления в области авиационной промышленности и совершенствование навыков общения на иностранном языке.

Выбран был канонический роман Артура Хейли «Аэропорт» с захватывающим сюжетом, хитросплетениями личных и профессиональных проблем героев. Стоит отметить, что был взят адаптированный вариант, чтобы учесть принцип доступности материала для студентов, которые являются учащимися неязыкового вуза. В связи с этим стилистически и лексически данное произведение отвечает всем требованиям для успешного прохождения курса студентами.

Благодаря нижеприведенному подходу идёт формирование лингвистической и специальной профессиональной компетенции:

- ◆ Прежде всего в секции «Домашнее чтение» студент погружается в анализ ситуаций с героями романа, используя активную лексику согласно упражнению «Recall the situations in which you come across the following words and word

combinations». Это упражнение призвано взять на себя функцию «разминки» для переключения на общение на иностранном языке.

- ◆ Вопросы для обсуждения «Questions to discuss» позволяют студентам задействовать свои лексические ресурсы при обсуждении сюжетной линии романа, а также действий героев.
- ◆ Следующий этап «Comment on» позволяет прокомментировать сложные, запутанные управленческие вопросы и предложить собственное видение решения, что гарантирует использование своих фоновых знаний по смежным предметам для выведения сбалансированного решения проблемы.
- ◆ Для повышения речевой готовности к продолжительным высказываниям на английском языке студенту предоставляется возможность поработать со следующим материалом «Give your interpretation of the passage», то есть представить вниманию студентам-коллегам интерпретацию случая, отображенного в романе. Также предлагается выполнить задания «Imagine that you are...» и «Prove that...», данные упражнения нацелены на развитие творческого мышления.
- ◆ В плане развития диалогической речи предусмотрено задание «Make up and act out the talk...», здесь студенты стараются продемонстрировать свои навыки активного слушателя и участника диалога, что поможет им быть успешными в профессиональной сфере.
- ◆ Помогает совершенствовать лингвистическую компетенцию упражнение на перевод с английского на русский язык, где студентам предлагается проанализировать характерные грамматические конструкции при переводе и работе с текстом.

В результате работы с таким профессионально-ориентированным пособием можно сделать следующие выводы:

- ◆ есть сдвиги в сторону повышения речевой готовности обучающихся к неподготовленным высказываниям, что свидетельствует о готовности к продуцированию устного высказывания спонтанно;
- ◆ во время аудиторных занятий студент удлиняет неподготовленные высказывания;
- ◆ обсуждения выливаются в плоскость дебатов об управленческих вопросах на базе содержания романа;
- ◆ студенты могут проецировать примеры из романа в реальность и иллюстрировать случаи из управленческих будней на базе своего опыта и теоретических изысканий по смежным предметам.

Профессионально-ориентированное пособие такого рода способствует становлению ряда профессиональных компетенций параллельно формируя и совершенствуя лингвистические компетенции.

Данные результаты могут быть использованы при разработке пособий при обучении иностранному языку будущих менеджеров в авиационной промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амь Пьер. (Анри Бурийон) Больная промышленность. I. Больная промышленность. II. Победа машин / пер. с фр. А. Альтовского; предисл. Б. Суварина.— М.: Гос. изд-во, 1925.— VIII, 342 с
2. АскарOVA В. Я. Читающий подросток в фокусе разнообразных представлений: Материалы Всероссийской конференции// Чтение в библиотеках России. Исследовательские проекты библиотек по чтению.— СПб. 2007 — вып 7 — с 90–94
3. Ваксмахер М. Н. Лит.: История французской литературы, т. 4, М., 1963.
4. Волкова Е.Б., Глоткина А. А. Aviation: Global Issues. Business Communication Practice/ Авиация: глобальные проблемы. Практикум делового общения. Учебное пособие по английскому языку для студентов гуманитарных специальностей авиационных вузов.— М.: Издательство «Доброе слово», 2018.— 184с.
5. Гринева М. В. Роль домашнего чтения в профессиональной языковой подготовке экономистов-международников / М. В. Гринева // Вестник МГИМО-Университета.— 2013.— № 5.— С. 286–291.
6. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / — Москва: ЭТС, 2010–5140 с.— Исторический период: XVII — нач. XXI, см. статью «роман».
7. Зотеев В.А., Губина Н. В. Какое место занимает чтение у современной молодежи./Нижнекамский химико-технологический институт. 2016 с 1–5
8. Луков В. А. Европейская культура в русском тезаурусе: Энциклопедические очерки: в 3 т. / Вл. А. Луков; под общ. ред. Вал. А. Лукова; ред. кол.: Вал. А. Луков (сост., отв. ред.), Н. В. Захаров, В. Кофлер, Т. Ф. Кузнецова, В. П. Трыков; вступ. ст. Вал. А. Лукова, Т. Ф. Кузнецовой, В. П. Трыкова.— М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018.— Т. 3.— 544 с.
9. Суринов А. Е. Россия в цифрах. 2017: Крат.стат.сб./Росстат- М., 2017–511 с.

© Глоткина Антонина Александровна (glotkina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТФЕЛЬ КАК СРЕДСТВО КОНТРОЛЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНОСТРАННОМ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

LANGUAGE PORTFOLIO AS MEANS OF LEARNING CONTROL WHEN TEACHING CHINESE PHILOLOGISTS READING IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Li Mingshu

Summary. The article considers language portfolio as a method of organizing control when teaching reading in Russian with Chinese students and suggests possible trial training to test the effectiveness of using the language portfolio in the classroom. Language portfolio as a means of learning can be used in conjunction with any other educational materials for the study of a foreign language.

Keywords: Russian as a foreign language, language portfolio, teaching reading, reading control, experiment.

Ли Миншу

*Аспирант, Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина
mingshu1218@163.com*

Аннотация. В статье рассматривается языковой портфель как прием организации контроля при обучении чтению на РКИ китайских учащихся и предлагается возможное пробное обучение для проверки эффективности использования языкового портфеля на занятиях. Языковой портфель как средство обучения можно использовать в комплексе с любыми другими учебно-методическими материалами по изучению иностранного языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, языковой портфель, обучение чтению, контроль чтения, пробное обучение.

Справедливо считается, что «роль чтения в жизни человека исключительно велика, так как открывает читателю доступ к различным источникам информации и тем самым служит одним из основных средств удовлетворения его познавательных потребностей.» [6, 449]. Степень владения русским языком практически зависит от количества прочитанных текстов на русском языке. В настоящее время в китайской аудитории при обучении чтению имеет место недооценка роли самостоятельной работы учащихся с текстом.

Для преодоления существующего недостатка при обучении чтению необходимо разработать и ввести в учебный процесс средства, которые могут повысить мотивацию к внеаудиторной работе по чтению, а также способные обеспечить самоконтроль. Таким средством мы считаем является языковой портфель.

Языковой портфель можно определить как пакет рабочих материалов, который дает представление о результатах учебной деятельности учащегося по овладению иностранным языком.

Первый языковой портфель «European Language Portfolio.— Strasbourg: Council for Cultural Cooperation, 1997 » появился в 1997 г. В области обучения РКИ существует следующая литература по языковому портфелю:

- ◆ Европейский языковой портфель для старших классов общеобразовательных учреждений / Сост. Н. Д. Гальскова, К. М. Ирисханова, Г. В. Стрелкова — М.— СПб.: МГЛУ — Златоуст, 2001;
- ◆ Инструкция для учителя / преподавателя / Сост. К. М. Ирисханова, Г. В. Стрелкова.— М.: МГЛУ, 2002;
- ◆ Европейский языковой портфель для начальной школы (7–11) / Сост. Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко.— М.: МГЛУ, 2003;
- ◆ Инструкция для учителя и родителей / Сост. Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко.— М.: МГЛУ, 2003;
- ◆ Европейский языковой портфель для средней школы (11–14) / Сост. Н. Д. Гальскова, Н. Ф. Коряковцева.— М.: МГЛУ, 2004;
- ◆ Инструкция для учителя / Сост. Н. Д. Гальскова, Н. Ф. Коряковцева.— М.: МГЛУ, 2004;
- ◆ В отличие от итоговых тестов, которые дают оценку результатов обучения, языковой портфель позволяет учащемуся обратить внимание на оценку своих результатов обучения в динамике, то есть в процессе обучения.

Работа в библиотека (часто онлайн) является традиционным местом чтения для студентов-филологов, чтение как цель обучения должно не только давать возможность обрабатывать определенные дидактические материалы по лексике и грамматике, но, прежде всего,

Таблица 1. Образец заполнения таблицы
«Я прочитал/а на русском языке такие следующие книги, статьи из газет/ журналов»

Дата	Автор	Название	Библиографические данные	Аннотация

обеспечивает потребность студентов в новых профессионально-ориентированных материалах на русском языке, размещенных в газетах, журналах и книгах.

Работая с печатными источниками, у студентов развиваются навыки работы с иноязычным профессионально-ориентированным текстом, поэтому студенты непременно должны привлекаться к работе в библиотеке. Эффективная работа в библиотеке возможна при условии владения навыками работы в библиотеке и использования литературы [4, 135]. Работая в библиотеке, студенты будут овладевать профессиональными умениями по чтению, письму и переводу, отраженными в языковом портфеле, применяя при этом следующие приемы:

1. Работа с библиотечным каталогом.
2. Выбор и заказ нужной литературы.
3. Чтение аннотаций книг и статей для понимания основного содержания источника.
4. Составление плана прочитанного текста.
5. Аннотирование источника по специальности.
6. Определение содержания, уместности новых незнакомых печатных источников.
7. Поиск новой информации для овладения языком и расширения профессиональной компетенции для работы.
8. Получение информации, идей, взглядов на материале специализированной профессиональной литературы разных жанров.
9. Составление отчета с процессе обучения.
10. Подготовка материалов к проведению деловых совещаний и собраний.
10. Реферирование небольших по объему иностранных источников общественного и общеэкономического направления.
11. Написание эссе.

Предлагаем образец заполнения таблицы «Я прочитал/а на русском языке такие следующие книги, статьи из газет/ журналов» (см. таблица 1). В эту таблицу студентам портфеля следует заносить сведения обо всех прочитанных текстах на русском языке, в том числе текстов для домашнего чтения.

Студенты должны выступать активными участниками учебного процесса, они сами выбирают те материалы, которые заносятся в Языковой Портфель. Ими могут быть как учебные материалы, с помощью которых студенты смогли овладеть определенными умениями, так

и собственные работы, которые, по их мнению, могут лучше проиллюстрировать их достижения в изучении русского языка, анализируют их.

Каждый материал, который заносится в таблицу, должен подаваться с аннотацией, в которой кратко описывается его содержание и объясняется, почему он включен в языковой портфель и какова оценка включенного в портфеле материала, что в нем нравится студенту. Работая с портфелем следует ставить дату работы с языковым портфелем. Для того чтобы студенты потом подавали все необходимые данные в таких отчетах и заполняли содержание таблицы правильно, преподаватель должен согласовать с ними соответствующие образцы.

Такие замечания с обозначением даты заполнения портфеля позволят преподавателю более эффективно оценить работу студента с использованием языкового портфеля.

В работе с портфелем полезно ответить на следующие вопросы:

1. заносятся в портфель все работы, выполненные в течение определенного периода;
2. заносятся только те работы, которые свидетельствуют о достигнутом уровне владения языком;
3. пользователь портфеля включает в него работы по своему выбору;
4. языковой портфель включает лучшие, как студенту кажется, работы;
5. в языковой портфель включаются работы, которые оцениваются в баллах в рамках формулирования языковой, речевой и коммуникативной компетенции.

Работа с портфелем обеспечивает возможность студенту стать активным субъектом обучения, способным планировать и оценивать свою работу на каждом этапе работы с текстом.

Для контроля достигнутого учащимся умения владения разными видами чтения, мы рекомендуем использовать следующие задания, сформулированные в виде следующих вопросов:

1. Могу ли я максимально точно понять представленную информацию в тексте? Могу ли я перевести текст на китайский язык? (изучающее чтение)

Таблица 2. Образец заполнения таблицы
Работа с разными видами чтения

Виды чтения	Задания	оценка	дата
изучающее чтение	Могу ли я максимально точно понять представленную информацию в тексте? Могу ли я перевести текст на китайский язык?		
ознакомительное чтение	Могу ли я быстро прочесть текст и извлечь информацию, которая может быть полезна для последующей работы?		
просмотровое чтение	Могу ли я получить общее представление о содержании текста и извлечь из текста информацию в соответствии с конкретной коммуникативной задачей?		
поисковое чтение	Могу ли я найти в тексте нужную информацию?		

Таблица 3. Результаты предэкспериментального среза по чтению в группах (средние показатели по каждой группе,%)

Группа	Процент выполненных заданий	
	Чтение	
Экспериментальная		
Контрольная		

Таблица 4. Результаты послеекспериментального среза по чтению в группах (средние показатели по каждой группе,%)

Группа	Процент выполненных заданий	
	чтение	
Экспериментальная		
Контрольная		

Таблица 5. Средние результаты пред- и послеекспериментального срезов по чтению

Группа	Средние результаты предэкспериментального среза	Средние результаты послеекспериментального среза	Прирост
Экспериментальная			
Контрольная			

2. Могу ли я быстро прочесть текст и извлечь информацию, которая может быть полезна для последующей работы? (ознакомительное чтение)
3. Могу ли я получить общее представление о содержании текста и извлечь из текста информацию в соответствии с конкретной коммуникативной задачей? (просмотровое чтение)
4. Могу ли я найти в тексте нужную информацию? (поисковое чтение) (см. табл. 2)

В целях проверки эффективности использования языкового портфеля, в статье дается вариант организации и проведения опытного обучения.

В обучении может принять участие 60 и более студентов обучающихся на факультете русского языка. Их следует разделить на две группы — экспериментальную (ЭГ), в которой обучение будет проводиться с использованием языкового портфеля, и контрольную (КГ), в которой изучение русского языка будет проходить без использования предлагаемого языкового портфеля (то есть использование контрольных заданий в учебниках «Восток — Русский язык» и «Чтение по русскому языку»).

Для исследования при контроле достигнутого учащимися уровня владения чтением с использованием языкового портфеля была сформулирована **гипотеза**:

1. Использование языкового портфеля с целью организации самоконтроля чтения дает возможность позволить студентам-филологам овладеть коммуникативной компетенцией лучше, чем в работе без языкового портфеля на аудиторных занятиях по обучению чтению;
2. Использование языкового портфеля в учебном процессе способствует повышению мотивации студентов к изучению русского языка, что обусловило повышение их активности на аудиторных занятиях и превратило в активных субъектов учебного процесса, равнодушных к чтению русской литературы и организации обучения в целом.
3. Студенты экспериментальной группы овладевает умением самостоятельно работать с источниками и оценивать свою работу.

Неварьируемыми условиями обучения в экспериментальных и контрольных группах при проведении эксперимента стали:

- ◆ состав экспериментальных групп: одинаковые по количеству участников и с одинаковым уровнем владения русским языком;
- ◆ время проведения экспериментального обучения;
- ◆ одинаковая методика обучения в контрольных и экспериментальных группах;
- ◆ одинаковая тематика, языковой материал и их предметное содержание для усвоения в контрольных и экспериментальных группах;

- ◆ содержание предэкспериментального и послеэкспериментального срезов для контрольных и экспериментальных групп;
- ◆ критерии оценивания уровня владения русским языком во всех группах;
- ◆ экспериментатор.

Варьируемым условием обучения стало:

- ◆ применение языкового портфеля для студентов-иностранцев с целью организации чтения на русском языке в экспериментальной группе.

Уровень владения русским языком по чтению в экспериментальной и контрольной группах в начале экспериментального обучения будет записываться в таблице. (см. табл. 3)

Через семестр (примерно) мы запишем новые данные (см. табл. 4)

Перейдем к рассмотрению результатов пред- и послеэкспериментального срезов обучения по предложенной модели (см. табл. 5).

Языковой портфель, как средство организации и проведения самоконтроля при обучении чтению, можно считать эффективным средством обучения, если результаты обучения группы экспериментальной выше прироста группы контрольной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанова Г. Ф. Когнитивно-коммуникативные аспекты обучения профессионально-ориентированному чтению в неязыковом вузе: Монография. — Симферополь: Таврия, 2003. — 256 с.
2. Бурмистрова М. Н., Полянина Е. В. «Языковой портфель» как средство индивидуализации учебной деятельности студентов языковых факультетов // Гуманизация образовательного пространства Материалы международной научной конференции. Саратов, 2016. — С. 464–470.
3. Гальскова Н. Д. Языковой портфель как инструмент оценки и самооценки учащихся в области изучения иностранных языков // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 5. — С. 6–11.
4. Толстякова К. П. Литература как составная часть обучения РКИ на примере китайской аудитории // Научные исследования: от теории к практике. — 2015. — Т. 2. — № 4 (5). — С. 133–136.
5. Чэн Цзя Ци, Тенихина А. С. Изучение русской литературы китайскими студентами // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 12. — С. 182–186.
6. Щукин А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном. М.: Русский язык. Курсы, 2012
7. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флита-Наука, 2017
8. Щукин А. Н. Языковой портфель как средство самооценки учащимися достигнутого уровня владения языком. Содержание и формы самостоятельной работы при обучении русскому языку как иностранному. Сб. науч. тр. — Москва, 2008.

© Ли Миншу (mingshu1218@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

FEATURES OF EDUCATION
FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

L. Obukhova

Summary. In connection with global environmental threats modern society imposes new requirements on university graduates. Educational activities are changing qualitatively. The content of educational programs is transformed into a complex system of interdisciplinary knowledge, universal values and skills, demanded by the world community and determined by its requirements. Coordination of educational programs is aimed at fostering cultural and environmental learning. Socio-cultural potential of a foreign language plays an important role in training of socially responsible personnel of financial and economic profile and, therefore, contributes to sustainable development.

Keywords: sociological approach to education, cross-cultural interaction, interdisciplinary approach, social responsibility, ecological culture.

Обухова Лариса Юрьевна

Ст. преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
lora.yur@mail.ru

Аннотация. В связи с глобальными экологическими угрозами современное общество предъявляет к выпускникам университета новые требования. Учебная деятельность качественно меняется. Содержание образовательных программ трансформируется в сложную систему междисциплинарных знаний, общечеловеческих ценностей и навыков, востребованных мировым сообществом и определяющихся его запросами. Координация образовательных программ, ориентированных на учебный и воспитательный результат, способствует культурологическому и экологическому образованию студентов. Социо-культурный потенциал иностранного языка играет важную роль в подготовке социально-ответственных кадров финансово-экономического профиля и, следовательно, способствует, устойчивому развитию.

Ключевые слова: социологический подход в образовании, межкультурное взаимодействие, междисциплинарный подход, социальная ответственность, экологическая культура.

Развитие современного мирового сообщества направлено на создание единого культурного, экономического, информационного и образовательного пространства, отражающего реальную жизнь с ее глобальными угрозами (расточительное потребление природных ресурсов и ухудшение качества среды обитания человека, негативные последствия научно-технического прогресса, нищета, неравенство богатых и бедных и др.) потребовали установления подробных параметров содержания образования и находят свое отражение в новых программах, требованиях, в новых образовательных стандартах, нацеленных на реформирование российской образовательной системы, делая ее более про-европейской, что ведет к ассимиляции (от лат. *assimilatio* — уподобление, слияние) с европейской системой образования, как в вопросе содержания, так и в освоении новых форматов. Это обновление направлено на человеческий фактор и создание предпосылок для глобального перехода к устойчивому развитию цивилизации и ее взаимодействию с природой и ставит вопрос о кардинальных преобразованиях всех форм и направлений социальной деятельности, в том числе и образования.

По мнению Макшеевой, высшее образование становится фактором устойчивого развития экономики и общества в целом [7]. Понятие «устойчивое развитие -УР» (англ. — *sustainable development* — SD) вошло в обиход с 1987 года, когда в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН прозвучал призыв

к «новой эре экономического развития, безопасного для окружающей среды». Затем, к 1992 оно переросло в *концепцию*, включавшую три составляющих: экономический аспект; экологический и социальный [9]. Суть данной концепции в достижении целей развития человека при одновременном сохранении способности природных систем обеспечивать природные ресурсы и экосистемные услуги, от которых зависят экономика и общество. Желательным результатом является состояние общества, в котором условия жизни и используемые ресурсы продолжают удовлетворять потребности человека, не подорывая целостности и стабильности природных систем [18]. Затем мировое сообщество выдвинуло предложение о развитии системы образования для устойчивого развития, назвав это *глобальным цивилизационным проектом*, а Европейская экономическая комиссия ООН назвала это *Стратегией образования*, суть которой состоит в том, чтобы перейти от простой передачи знаний и навыков, необходимых для существования в современном обществе, к готовности действовать и жить в быстроменяющихся условиях, участвовать в планировании социального развития, учиться предвидеть последствия предпринимаемых действий... Далее в Стратегии отмечается, что образование выступает одной из предпосылок для достижения устойчивого развития и важнейшим инструментом эффективного управления ... [19].

Признание Россией необходимости эколого-экономической сбалансированности произошло на Кон-

ференции ООН по устойчивому развитию (Рио+20) в 2012 году. Экологическая доктрина Российской Федерации отмечает, что выйти из кризиса возможно только в случае формирования нового типа взаимоотношений общества и природы, которые исключают разрушение и деградацию природной среды, что в конечном счете приводит к сокращению национального богатства страны [8]. Каждая из конференций по данному вопросу находила свое отражение в политике и учебных программах в области окружающей среды, устойчивого развития и естественно-научного образования.

По сути, государственная политика всегда должна иметь экологический компонент, а получение результатов в экологической политике обязательно предполагает адекватное экологическое образование [14]. Педагогически эта задача решается путем выявления имеющихся возможностей для формирования эколого-правовых компетенций; разработки содержания междисциплинарных курсов; использования существующих интерактивных методов и технологий обучения и пр.

Если говорить об особенностях экологического образования в России, то можно констатировать, что в последние годы в теорию и практику образовательного процесса вошли исследовательские и проектные методы обучения. Для эффективного применения научно-практического метода понадобилось создание интегрированных образовательных технологий, обновление материально-технической базы и повышения профессионального мастерства преподавателей. Основные задачи определились следующим образом:

- ◆ приоритет социального подхода к образованию, с упором на глобальные человеческие проблемы;
- ◆ необходимость формирования экологической ответственности выпускников вузов;
- ◆ теоретический анализ междисциплинарных взаимодействий дисциплин (Экономическая теория, Экология. Иностранный язык,) как необходимых курсов для синергетического эффекта при развитии социально-значимых качеств будущих экономистов.

Стиль жизни нового подрастающего поколения должен ориентироваться на естественно-научную и эколого-правовую грамотность, выработку эко-центрического мировоззрения и эколого-правового мышления, иметь установку на экологичный образ жизни, формирование таких качеств личности, как социальные и рефлексивные [1].

Становление социально-активной личности происходит в ходе формирования у каждого студента общечеловеческих ценностей необходимых для сохранения и развития современной цивилизации. Социальная ответственность молодежи, определяется как способность личности контролировать своё поведение на основе со-

циальных норм, духовных и нравственных ценностей общества [2, с.142]. Готовность принять нравственные обязательства по сохранению окружающей природы и культурного наследия детерминируют сегодня весь процесс расширения «диалога культур, а возможно, и создание такого явления как интеркультура [10, с.13]. Необходимость позиционирования личности в мире культуры и природы одновременно, не нарушая баланса, должна стать приоритетным направлением университетского образовательного процесса.

Развитие экологической культуры в настоящее время рассматривается как важная часть стратегии экологической безопасности государства на период до 2020 года. Особая забота об окружающей среде — это не только вызов XXI века, но и современный тренд. Воспитание социально-ответственного отношения к природе как условия преодоления экологического кризиса в современном мире и формирования экологической культуры как части общей культуры личности ориентировано сегодня на интеграцию целей, задач, содержания, методов и средств изучения университетских дисциплин (таких, как «Иностранный язык», «Экология» и «Экономическая теория»), междисциплинарное взаимодействие между которыми позволит студентам овладеть системой ценностей, взглядов, представлений и установок, отражающих общие концепты мировой культуры, позволит успешно осуществлять профессиональную деятельность в многоязычном поликультурном мире.

Суть междисциплинарного подхода в том, что границы между традиционными учебными предметами размываются и обучение ведется в рамках более общих тем или направлений, а не академических дисциплин [3]. Таким образом, обучение иностранному языку может совмещаться с изучением экономики, географии, истории и литературы какой-то страны. То есть, разные предметы могут объединяться в таких темах, как как: Globalization, Social responsibility, Life in a big city, Pollution and protection of the environment, Tourism and hospitality, Данный подход в процессе обучения применяется очень давно. Этот вопрос постоянно затрагивался известными философами и педагогами. И сегодня вполне актуально звучит высказывание педагога и мыслителя 17-го века Я.А. Коменского по реорганизации образования, который в книге «Великая дидактика» подчеркивал, что «все находится во взаимной связи и должно преподаваться в такой же связи» [6, с.287]. В Финляндии, которая известна своей передовой системой образования этот подход называют «обучением на основе явлений (phenomenon-based learning)», противопоставляя его традиционному обучению на основе отдельных предметов [16].

Очевидно, что для достижения экономического и социального аспектов образования, для смены потребительского отношения к природе на ресурсосберегающее,

необходимо усиление воспитательных аспектов экологического образования, с применением мирового опыта, что сегодня в России невозможно сделать без знания иностранного языка. Но на каком бы иностранном языке не происходило общение, представления, нормы и ценности, которыми люди руководствуются в профессиональной деятельности, являются культурно обусловленными [4, с. 545]. В процессе обучения у студентов формируется глобальная картина мира путем знакомства с реалиями, понятиями, поведенческими моделями и ценностными ориентирами, принятыми в иноязычной культуре. В языковом образовании происходит становление новой межкультурной парадигмы, в рамках которой необходимо не только понимать иную культуру, но и сравнивать ее с родной. В настоящее время сопоставительно-межкультурное обучение получило научное обоснование и находится в процессе интенсивного развития.

Осознание студентами многоязычия и поликультурности сферы академической науки позитивно влияет на становление индивидуальных качеств в процессе развития языковой личности. Этому способствует рефлексия культурного фона своей страны, сопоставление собственных знаний и жизненного опыта, установок и представлений, сложившихся в родной стране, с соответствующими ценностями иной культуры.

Университетский курс английского языка ориентирован на широкий ситуативно-тематический спектр содержания, который можно считать универсальным, так как в нем получает отражение многообразие опций для последующей конкретизации, необходимой для каждого направления и профиля подготовки. Болонский процесс предполагает интеграцию различных образовательных моделей: освоение нескольких близких, но разных учебных дисциплин, не только в стенах российского образовательного учреждения, но и в зарубежных вузах, в том числе с активным использованием современных информационно-коммуникативных технологий. В синтезе различных образовательных моделей происходит «диалог культур», в результате которого у студентов формируется межкультурная компетенция, помогающая решать неизбежные в реальной коммуникации проблемы].

Изучение иностранного языка, направленное на достижение коммуникативной цели, предполагает развитие социально-значимых качеств студентов, формирование социальной ответственности, в частности, повышение значения экологической культуры личности. Именно поэтому обращение к проблемам экологии является обязательным при изучении, как английского языка, так и других дисциплин, освещающих данную проблему.

Проблема экологии является на сегодняшний день одной из самых острых в мире. Экологизация образования

актуальна для всех уровней — от школьного до вузовского. Формирование экологической культуры подразумевает осознание человеком себя как части природы, восприятие им окружающего мира через призму личной ответственности [5]. Так, в учебной программе по иностранному языку предусмотрено изучение актуальных экологических проблем, обсуждение путей и способов их решения:

- ◆ глобальное потепление и парниковый эффект;
- ◆ загрязнение окружающей среды (воздуха, воды и почвы);
- ◆ последствия вырубки лесов;
- ◆ вторичная переработка сырья и утилизация отходов;
- ◆ альтернативные источники энергии;
- ◆ деятельность экологических организаций и др. [15, С.18–29]

На финансово-экономическом факультете проводятся конкурсы проектов на английском языке, где студенты выказывают свою озабоченность проблемами окружающей среды, пытаются осмыслить их масштаб и найти решения.

Концепция устойчивого развития является глобальной и поддерживается во многих странах мира. Так, Bhat, S. A., Zahid, A. T., Sheikh, B. A., & Parrey, S. H. [11] рассматривают взаимосвязь между экологическим воспитанием и устойчивым развитием в Индии. Они показывают роль экологического образования в интересах устойчивого развития как на глобальном, так и на *национальном* уровне, в частности. Они дают краткий анализ различных образовательных проектов, академических программ и инициатив по разработке учебных программ для достижения цели устойчивости. По их мнению, экологическое образование повышает уровень информированности учащихся и выявляет различные проблемы и перспективы для будущего прогресса.

Учебные программы для образования в интересах устойчивого развития и обучения в Германии очень тесно связаны с процессами глобализации, В своей статье Brunold, A.[12] утверждает, что область обучения для целей устойчивого развития должна быть структурирована в междисциплинарной форме.

Однако, F. Gale [13] показывает следующие структурные препятствия на пути реализации принципа устойчивого развития:

- ◆ дисциплинарный спор, который создает путаницу в отношении того, что означает «устойчивость»;
- ◆ институциональная разобщенность, препятствующая междисциплинарному диалогу, которого требует устойчивость;
- ◆ экономическая глобализация, превращающая высшее образование в рыночную структуру;
- ◆ «поверхностные» рассуждения ученых.

В свою очередь, Seatter, C., & Ceulemans, K. [17] утверждают, что студенты — как будущие граждане — не вполне понимают свою позицию по устойчивому экономическому развитию. Они сравнивают различные педагогические модели, которые критически зависят от прерогативы предыдущих знаний и убеждений студента.

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что особенностью образования для обеспечения устойчивого развития является переориентация с традиционной модели обучения на экологически ориентированную, которая основана на широких междисциплинарных знаниях, базирующиеся на комплексном подходе к развитию общества, экономики и окружающей среды, Национальная Стратегия образования для устойчивого

развития предполагает перенос основного внимания в преподавании с обеспечения знаний на проработку проблем и поиск возможных решений [19].

Образовательный процесс в России находится под влиянием тенденций к глобализации, интернационализации и интеграции в мировое образовательное пространство и становится более про-европейским; роль английского языка как средства общения между представителями различных культур возрастает. Для успешной интеграции необходимо учитывать европейский опыт изучения глобальных тем на основе междисциплинарных связей, с опорой на научно обоснованную методическую базу, признанные во всем мире достижения и культурно-мировоззренческие ценности мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахимов В. З., Лобачев Д. А., Абдрахимова Е. С. Экологическое состояние в Самарской области как отражение мирового экономического кризиса / В.З. Абдрахимов., Д. А. Лобачев., Е. С. Абдрахимова // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52–5. С. 302–315.
2. Абишева А. К. О понятии ценности // Вопросы философии, 2002, № 3, с. 139–146.
3. Грачева А. Г. Междисциплинарное обучение в финской школе // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues> (дата обращения: 29.05.2018).
4. Гулевец Н. А. Кросс-культурные особенности корпоративного дискурса // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания, М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 544–549.
5. Карташова Е. А. Методические основы формирования концепта «Экология» в процессе обучения Английскому языку студентов вуза // <http://nauka-pedagogika.com> (дата обращения: 29.05.2018).
6. Коменский А. Я. Избранные сочинения / А. Я. Коменский. М.: Учпедгиздат, 1955. — 287 с.
7. Макшеева А. И. Экологическое образование в течение всей жизни как один из путей к устойчивому развитию [Текст] / А. И. Макшеева // Вестник Мининского университета. 2013. № 4 (4). С. 13.
8. Николайчук О. А. Национальное богатство России: история и современность / О. А. Николайчук // Journal of Institutional Studies. 2014. Т. 6. № 2. С. 110–117.
9. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Образование в интересах устойчивого развития. . . [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.e-notabene.ru> Современное образование»article_14001.html, 2015 (дата обращения 09.07.2018)
10. Халеева И. И. Интеркультура — третье измерение межкультурного взаимодействия // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. научных трудов МГЛУ. Вып. 444. — М., 1999.
11. Bhat, S. A., Zahid, A. T., Sheikh, B. A., & Parrey, S. H. Environmental education in india: An approach to sustainable development. FIIB Business Review, 6(1), 2017, 14–21. (Accessed 10 May 2018).
12. Brunold, A. Civic education for sustainable development and its consequences for german civic education didactics and curricula of higher education. Discourse and Communication for Sustainable Education, 6 (1), 2015. 30–49. doi: <http://dx.doi.org/10.1515/dcse-2015-0003>(Accessed 10 May 2018).
13. Gale, F., Davison, A., Wood, G., Williams, S., & Towle, N. Four impediments to embedding education for sustainability in higher education. Australian Journal of Environmental Education, 2015, 31(2), 248–263. doi: <http://dx.doi.org/10.1017/ae>. (Accessed 10 May 2018).
14. Iovan, M. Eco-education: A required element of public policies for sustainable social and economic development. Academicus, 2014 (9), 14–28. doi: <http://dx.doi.org/10.7336/academicus>. (Accessed 10 May 2018).
15. Preshous A., Roberts R., Preshous J, Gakonga J., IELTS Foundation, Student's book. Macmillan, 2012, 18–29
16. Sahlberg P. URL: <http://theconversation.com/finlands-school-reforms-wont-scrap-subjects-altogether-39328>https://(Accessed 12 April 2018).
17. Seatter, C. S., & Ceulemans, K. Teaching sustainability in higher education: Pedagogical styles that make a difference. The Canadian Journal of Higher Education, 2017, vol.47(2), pp.47–70. (Accessed 10 May 2018).
18. Sustainable development. Definition. Available at: <http://www.newworld encyclopedia.org/entry/> (Accessed 12 April 2018).
19. www.unece.org/fileadmin/DAM/env/esd/Implementation/ . . . Основные задачи образования для устойчивого развития (Accessed 10 June 2018).

ВЛИЯНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

THE INFLUENCE OF HISTORICAL FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF ENGLISH SPELLING

T. Osipyan

Summary. The article deals with the influence of historical factors on the development of English spelling. It is emphasized that the writing of the English language was formed for a long time under the influence of several languages and their spelling systems. In addition, the process of standardization of English spelling is analyzed.

Keywords: history of English spelling; Chancery Standard; Great Vowel Shift; standardization of English spelling; etymological writing; spelling reform.

Осипян Тереза Грантовна

*К.п.н., доцент, Пятигорский государственный университет
kritera@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается влияние исторических факторов на развитие английской орфографии. Подчеркивается, что письменность английского языка формировалась в течение длительного времени под влиянием нескольких языков и их орфографических систем. Кроме того, анализируется процесс стандартизации английской орфографии.

Ключевые слова: история английской орфографии; официальный язык Парламента; Великий сдвиг гласных; стандартизация английской орфографии; этимологическое написание; реформа орфографии.

Орфография является своеобразным памятником английского языка, в ней отразилась и борьба диалектных форм, и нововведения, сделанные нормандскими писцами, и восстановление в заимствованных словах написаний, присущих латыни или греческому. Кроме того, английская орфография была и остается предметом пристального внимания отечественных и зарубежных ученых.

История английской орфографии, как и история английского языка, может быть разделена на три периода: древнеанглийская орфография (Old English orthography), среднеанглийская орфография (Middle English orthography), новоанглийская орфография (New English orthography).

Эпоха древнеанглийского языка началась с расселения на Британских островах в V в. германских племен англов, саксов и ютов и завершилась завоеванием Англии нормандцами в 1066 году. Важнейшим событием того времени явилось образование четырех англосаксонских королевств и формирование на их территории четырех основных диалектов английского языка. На формирование английского языка также повлияла христианизация Британии и постоянные столкновения со скандинавскими викингами. В начале среднеанглийского периода власть в Англии оказалась в руках завоевателей-нормандцев, и государственным языком стал нормандский диалект французского, который употреблялся во всех хрониках. Полностью исчезла письменность на древнеанглийском языке, языком церковной и научной жизни была латынь, тогда как коренное население продолжало говорить по-английски.

По мере ассимиляции нормандской части населения английский язык отвоевал утраченные позиции и к концу XIV в. вернул себе статус государственного, что явилось вехой в истории английского языка. В это время особую роль начал играть лондонский диалект, вобравший в себя четыре различных территориальных диалекта. Снова начинается письменное употребление английского языка, однако, и язык и письменность стали другими, писцы были обучены писать по-французски и английские слова они записывали по правилам французского языка. А. Луговской приводит следующие примеры: слово *дом* звучало как [hu: z] при написании house; слово *поле* звучало как [fe: ld] записывалось как field; слово *мысль* звучало как [θuχt] записывалось как thought и т.д. Все сегодняшние диграфы английского языка th, gh, ch, sh, ou, ie были введены французами-нормандцами, которые также установили традицию написания конечного «немое е» для обозначения долготы предыдущего слога и звонкости конечного согласного. [4]

Н.К. Иванова отмечает, что самым главным событием в развитии английской орфографии начала XV в. было установление так называемого “Chancery Standard” официального языка Парламента, который был определен как модель для использования в правительстве и который в последствие стал распространяться писцами. Внедрение официального языка “Chancery Standard” ставило своей задачей не столько нововведения в орфографии, сколько стандартизацию и упорядочение английской письменности. Н.К. Иванова приводит примеры правописания некоторых слов, таких как shuld, much,

such (с буквой 'u'), any вместо eny, show вместо shew, one вместо on, oon. [2, с.14].

Установление в Англии монархии способствовало более четкому выделению государственного национального языка из среды диалектов, а книгопечатание — его широкому распространению. С тех пор английская орфография практически не изменилась, в то время как язык за прошедшие века изменился очень сильно. Разные слова стали звучать совершенно одинаково, например, буква k в слове 'knight' изначально была произносимой, и слово звучало отлично от слова 'night', в последствие оба слова стали звучать одинаково.

Значительные изменения в языке произошли в новоанглийский период развития английской орфографии в XV–XIX веках. Огромное влияние на английский язык того времени оказало «Великий сдвиг гласных» (Great Vowel Shift), произошли значительные изменения в фонетике и звуко-буквенном строе. Этот процесс полностью изменил звучание гласных и весь фонемный строй разговорного английского языка. Приведем некоторые примеры, так в Чосеровские времена (14 в.) слово deed произносилось как [ded], а в Шекспировские (16 в.) deed стало произноситься как [di: d], звук [i] стал [ai] в таких словах как mice, find, nine; звук [e:] — [i:] в словах sweet, see, mete; звук [ɛ:] — [i] в словах sea, meat, team; звук [a:] — [ei] в словах blame, nail; звук [u:] — [au] в словах house, mouse, south и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что письменность английского языка формировалась в течение длительного времени под влиянием нескольких языков (латинского, французского, нормандского диалекта французского языка) и их орфографических систем.

Кажущуюся непредсказуемость английской орфографии можно объяснить тем, что многие слова могли быть заимствованы из языков с различными правилами орфографии, что и повлияло на их написание. Дж. Пейн приводит следующие примеры подобного написания английских слов: «звук /s/ всегда пишется как s- в начале слов английского происхождения (как 'send' и в прошедшем времени 'sent'), тогда как в словах латинского происхождения пишется c-, например, century». [5, с. 17]

Несомненно, что для лучшего понимания орфографии знание истории слова имеет большое значение, поскольку знание истории слов объясняет непредсказуемость английской орфографии и дает возможность изучающему английский язык найти какие-то закономерности. Так, в английском языке существуют исконно английские слова, которые развивались в самом английском языке и были изначально словами устной речи.

В последствие они были записаны в соответствии с орфографическими нормами, принятыми на тот период времени. Однако Дж. Пейн отмечает, что в течение веков не существовало точных норм, какими буквами передавать на письме те или иные звуки. В разных случаях люди записывали одни и те же слова по-разному, то есть не существовало «правильного написания». В подтверждение тому, автор приводит очень интересный пример вариантов написания современного английского слова 'enough':

inoch ynogh enogh ynowh inowhe ynowghe
ynought enoff inoffe enufe enuff inuff

Важным моментом в истории английской орфографии следует считать процесс стандартизации слов английского происхождения. Когда William Caxton в 1476 году открыл свое дело по книгопечатанию в Лондоне, клерки в спешке собрали весьма хаотичные образцы написания слов. W. Caxton в течение 30 лет прожил за границей, его родным языком был кентишский диалект, который значительно отличался от лондонского. Его ассистенты, выходцы из Нидерландов, помогавшие ему в печатном бизнесе, также не владели английским языком. До начала книгопечатания никто не обращал внимание на правописание слов. Даже королева Елизавета I, которая в тот период считалась самой образованной, одни и те же слова писала по-разному. С выходом в свет книг многие стали учиться читать и учить своих детей, обнаружив при этом, что из-за значительной разницы в написании одних и тех же слов этот процесс был очень затруднительным. В обществе стал обсуждаться вопрос о стандартизации английской орфографии.

Этой проблемой занимались John Hart и Sir Thomas Smith (1568, 1569) обращая внимание на то, что передача английских звуков на письме должна быть более предсказуема, что упрощало правописание. Их оппонентом в то время был R. Mulcaster, он исходил от популярности написания слов. Например, из двух вариантов 'same' и 'saim' выбирался 'same'. Его авторитет взял вверх и в 1582 году появилась книга со списком правильного написания 9000 слов и нескольких правил орфографии (*The first Part of the Elementarie*). Это было первое учебное пособие по английскому языку. Процессы стандартизации продолжались и позднее. Издатели хотели печатать и продавать книги, а для этого необходимо было упорядочить правила орфографии.

Большой вклад внесли ученые, которым король James I поручил перевести Библию. Библия была напечатана в 1611 году, но разработанный стандарт, еще значительно отличался от современного.

Надо отметить, что орфографический стиль Библии был консервативен, поскольку в то время уже разделялись буквы *v* и *u*, однако, переводчики придерживались старых традиций английского спеллинга. (Bell, 2004)

Во времена У. Шекспира еще было возможным написание многих слов в различных вариантах, например: *were/ware*, *bretheren/brethren*, *cheer/cheare*, *goe/go*. В шекспировские времена правила орфографии значительно отличались от современных:

- ◆ в словах удваивались согласные с добавлением *-e* в конце слова — *farre* (*far*), *gunne* (*gun*), *interre* (*inter*), *sonne* (*son*);
- ◆ сотни слов писались с немой *-e* в конце слова — *arme*, *booke*, *borne*, *peere*, *rompe*, *roome*, *tombe*;
- ◆ в конце слова удваивалась *l* — *capitall*, *eternall*, *fullwell*, *quarrell*, *wrongfull*;
- ◆ прошедшая форма глаголов была более простой — *begd*, *traind*, *resolvd*, *returnd*, *markd*;
- ◆ многие слова писались более логично — *doo*, *controwle* (*control*), *groning* (*groaning*), *harts* (*hearts*) *hawtie* (*haughty*).

В течение последних 200 лет написание слов английского происхождения стандартизировалось, были выбраны устойчивые образцы как, например, слово 'enough'.

Старомодность, консерватизм английской орфографии Дж. Пейн объясняет влиянием словаря С. Джонсона 1755 года, который предпочел консервативное написание современному, что более точно отражало произношение. Выбор образца 'enough', а не 'inuff' зависел от того, что слово раньше заканчивалось на тот же самый звук, который передавался на письме как *ch* в шотландском слове *loch* и в немецком слове 'Nacht'. Этот звук также встречался в слове 'night', которое произносилось как шотландское слово 'nicht', и во многих других словах, которые ныне имеют *gh* при написании. [5, 19]

Что же касается иностранных слов и слов классического происхождения, которые можно разделить на группы слов латинского и греческого происхождения, то они были заимствованы в письменной форме и отражали правила написания орфографии латинского и греческого языков, как, например, слово 'century'. Эти правила сохранились и в английском языке. Слово 'idea' пишется в английском языке так же, как и в латинском. Многие слова иностранного происхождения, заимствованные в письменной форме, изменили свое произношение в соответствии с английскими нормами написания. Например, норвежское слово 'ski' произносится как /ʃi:/, в английском языке произношение изменилось и слово стало звучать как /ski:/.

По историческим причинам система английской орфографии является очень сложной. Большинство английских звуков представлено более чем одной буквой или сочетанием букв: фактически в английском языке более 100 различных элементов написания используются для передачи около 40 различных звуков. Например, [ʃ] пишется как *sh* в 'show', как *s* в слове 'sugar', *ssi* в *mission*, *ti* в 'nation', *ch* в *parachute* и *ci* в слове 'facial'.

В течение 500 лет системы орфографии и произношения развивались отдельно друг от друга. В движении от устного языка к письменному и наоборот, появляется необходимость в переводе с одного языка на другой. Сравнивая устную и письменную английскую речь, мы обнаруживаем такие особенности, как восемь возможных вариантов произношения буквы "a" и пять возможных вариантов написания звука [ʃ]. Решая, какой из вариантов написания слова со звуком [ʃ] выбрать, нужно проанализировать место положения этого звука в слове, а также буквы и звуки, окружающие его.

Английская система орфографии изначально отражала произношение более близко, поэтому и сейчас остается сильная взаимосвязь между внутренней структурой устного слова и его письменной формой. Хотя и не всегда возможно предсказать написание только от последовательности звуков, между ними всегда существует значительная связь.

Все изложенное выше позволяет утверждать, что одной из трудностей современного английского правописания является наличие значительного числа этимологических написаний.

Другая причина трудностей английской орфографии объясняется влиянием исторических факторов. Наличие в орфографии современного английского языка большого числа написаний с нечитаемыми элементами, а в английской графике большого числа диграфов, триграфов и полиграфов В. И. Балинская объясняет, с одной стороны, исчезновением некоторых звуков из системы фонем английского языка, а с другой стороны, — исчезновением тех или иных звуков из произношения слов, аналогичных по своему звуковому составу. [1, 119]

По мере изменения диалектов английского языка, изменялись так же и нормы написания, привязывающие к себе эти диалекты. Но сама система написания оставалась в основном неизменной. Это является важной характеристикой письменной формы языка, имеющего множество разных диалектов, на котором говорят 350 миллионов человек во всем мире и который является средством общения для гораздо большего количества людей. Если не принимать во внимание некоторые незначительные различия в американских и британских

нормах, то будет правильным сказать, что английские слова пишутся одинаково во всем мире, вне зависимости от их произношения.

И, тем не менее, сегодня имеют место изменения в правописании, которые нельзя игнорировать. Например, американский вариант английской орфографии, который представляется упрощенным. Американский вариант английского языка становится языком интеркультурного общения между представителями разных стран, не являющимися носителями англоязычной культуры. Под языком интеркультурного общения И.М. Синагалулин понимает «не «буржуазный язык» (например, английский), а оптимальное средство общения, понятное миллионам землян, которые по своей воле или вынужденно в связи с требованиями социального заказа или конкретной профессии овладевают им». [6, 6] Поэтому в письменном общении скорее используется американский вариант английской орфографии как более упрощенный.

Изменения в американском английском стали происходить, начиная с 70-х годов XIX века с одобрения президента США и общественности не столько, чтобы приблизить написание слова к его фонетическим характеристикам, сколько внести различие между американской и английской орфографическими системами.

В области орфографии эти различия являются, по большей части, заслугой Ноя Вэбстера (1758–1843), который ввел в американский вариант практику написания следующие изменения: -er вместо -re (center 'центр', meter 'метр', theater 'театр'); -or вместо -our (favor 'услуга', honor 'честь', labor 'труд'); check вместо cheque 'чек', connection вместо connexion 'связь', jail вместо gaol 'тюрьма', story вместо storey 'этаж' и т.д. [7].

«Американский словарь английского языка» Вебстера опубликованный в 1828 году, включил ряд написаний слов, отличных от тех же слов, включенных в «Словарь английского языка» Сэмуэла Джонсона, который вышел в свет в 1755 году. Вебстер ставил своей главной задачей объявить независимость американского английского от британского английского языка как отражение независимости Америки от Британии.

В 19 веке в связи с миграцией населения (многие, приехавшие в США, не знали английского языка) преподаватели, обучающие английскому языку, столкнулись с большими трудностями, поскольку английское правописание было слишком сложным для эмигрантов. Эта проблема привлекла внимание многих знаменитых людей в США и Великобритании как, например Марк Твен, Чарльз Дарвин, Исаак Питман, Теодор Рузвельт, Генри Свит и др., выступавших за реформу орфографии.

Следует, однако, заметить, что у орфографической реформы американского варианта английского языка в США были оппоненты, поскольку единая система написаний с британским вариантом английского языка рассматривалась как способ стандартизации и унификации английского языка, а традиционная орфография — как удобное средство предсказания звучания слова, сохранения его морфологической структуры, прогнозирования акцентной модели многих заимствований. [3]

Принятие исторической системы орфографии имело три важных последствия для английского языка:

- ◆ английская орфография не зависит от конкретного диалекта (английские слова пишутся одинаково во всем мире вне зависимости от их произношения, если не принимать во внимание некоторые различия в американских и британских нормах);
- ◆ в английской орфографии сохраняются признаки слов, утраченные в произношении (отдельные звуки могут исчезнуть, и слова, ранее звучавшие по-разному, могут обретать одинаковое звучание);
- ◆ орфографические нормы написания исконно английских слов отражают историческую английскую звуковую систему (исконно английскими словами являются те слова, орфография которых отражает английское произношение, существовавшее 500 лет тому назад). [5,18]

В настоящее время продолжают споры о необходимости реформы английской орфографии, чему свидетельствует сообщение BBC в марте 2002 года, огласившее результаты исследований о грамотности населения в европейских странах: в Англии 20% неграмотных, в Германии 10%, в Швеции 8%. Сравнения также показали, что говорящие на английском языке, хуже читают и пишут, чем пользователи других языков.

Как отмечает Masha Bell, возможно возрастут умственные способности детей, или будет изобретен эффективный метод обучения английской орфографии, который позволит овладеть этим трудным аспектом за короткое время, а пока даже способным учащимся потребуется десять лет, чтобы хорошо писать по-английски и еще пять лет, чтобы достичь профессионализма. [8,18]

Рассмотрев историческое развитие английской орфографической системы, мы приходим к выводу, что затруднения при овладении студентами английским языком и английской орфографией, объясняются наличием значительного количества этимологических и исторических написаний, а так же возникновением новых вариантов написания слов, вызванных изменениями в социокультурной среде общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балинская, В. И. Орфография современного английского языка [Текст] / В. И. Балинская. — М.: Высшая школа, 1967. — 326с.
2. Иванова, Н. К. Орфография английского языка. Spelling Spell [Текст]: учебное пособие / Н. К. Иванова. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. — 155с.
3. Иванова, Н.К. К вопросу о реформе орфографии (социолингвистические аспекты) [Электронный ресурс] / Н. К. Иванова, И. В. Лобанова // Развитие лингвистических идей П. В. Щербы и лингвистика XXI века: электронная науч. теорет. конф. — 07.02.00 — Режим доступа: http://www.liter.net/festival/YO/reforma/zzz/Ivanova_Lobanova/k_voprosu.html
4. Луговской, А. Об английской орфографии. Рубрика: Языки и слова [Электронный ресурс] / А. Луговской.— Режим доступа: <http://www.lugovsa.net/?p=496-64k>
5. Пейн, Дж. Орфография: Справочник по английскому языку [Текст] / Дж. Пейн; пер. с англ. А. Н. Сайдашева. — М.: Издательство Астрель: Издательство АСТ, 2003. — 366с.
6. Синагатуллин, И. М. Роль глобализации и языка (языков) международного общения в решении актуальных вопросов нового времени [Текст] / И. М. Синагатуллин // Иностр. языки в школе. — 2003. — № 6. — С. 3–9.
7. Электронная энциклопедия Кругосвет® [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.krugosvet.ru/articles/80/1008047/print.htm — 46к
8. Bell, M. Understanding English Spelling [Text] / M. Bell. — Pegasus Educational, 2004. — 279 p.

© Осипян Тереза Грантовна (kriter@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИБЛИЖЕНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ-БИЛИНГВОВ К ФОЛЬКЛОРУ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)¹

INTRODUCTION PRESCHOOLERS-BILINGUALS TO FOLKLORE (ON THE MATERIAL OF PROVERBS AND SAYINGS)

E. Oshkina
E. Kirkina
I. Krymova

Summary. The article is devoted to the problem of familiarizing preschoolers-bilinguals with folklore in kindergarten (on the basis of proverbs and sayings).

The article deals with the pedagogical conditions of familiarizing preschoolers with Russian and Mordovian folklore in the process of realizing the semasiological aspect of vocabulary work in a kindergarten with Russian-Mordovian bilingualism, defining methodological principles for organizing and conducting vocabulary work on proverbial and proverbial material, examining the use of proverbs and sayings in teaching preschoolers to the second language.

The article reveals the specificity of the dictionary work in the process of acquaintance of bilingual children with proverbs and sayings, outlined the possibilities for developing the child's conscious attitude to the semantic side of the word, the potential of familiarizing children with the value (axiological) orientations of spiritual culture through proverbs and sayings.

Keywords: preschool education, bilingual children, proverbs and sayings, folklore, vocabulary work, semasiological aspect.

Регионализация содержания дошкольного образования предусмотрена ФГОС дошкольного образования, а именно, частью, «формируемой участниками образовательных отношений» [5]. В соответствии с этим документом был разработан модуль программы «Мы в Мордовии живем» [1], предусматривающий ознакомление детей дошкольного возраста со спецификой национально-культурных, демографических, климатических условий, в которых осуществляется образовательный процесс. В соответствии с модулем программы «Мы в Мордовии живем» реализуется ра-

Ошкина Елена Сергеевна
К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»
oshkina-elena@yandex.ru

Киркина Елена Николаевна
К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»

kirkinaelena@yandex.ru
Крымцова Инна Павловна
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»
inna.krymova.80@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме приобщения дошкольников-билингвов к фольклору в детском саду (на материале пословиц и поговорок).

В статье рассматриваются педагогические условия приобщения дошкольников к русскому и мордовскому фольклору в процессе реализации семасиологического аспекта словарной работы в детском саду с русско-мордовским двуязычием, определены методические принципы организации и проведения словарной работы на материале пословиц и поговорок, рассмотрены технологии использования пословиц и поговорок при обучении дошкольников второму языку.

В статье выявлена специфика словарной работы в процессе ознакомления детей-билингвов с пословицами и поговорками, намечены возможности для развития осознанного отношения ребенка к смысловой стороне слова, выявлен потенциал приобщения детей к ценностным (аксиологическим) ориентирам духовной культуры посредством пословиц и поговорок.

Ключевые слова: дошкольное образование, дети-билингвы, пословицы и поговорки, фольклор, словарная работа, семасиологический аспект.

бота по всем образовательным областям. В рамках данной статьи нас интересует аспект работы по приобщению дошкольников к национальному фольклору в процессе реализации образовательной области «Речевое развитие». Цель статьи — определить педагогические условия приобщения дошкольников к русскому и мордовскому фольклору в процессе словарной работы (на материале пословиц и поговорок) в детском саду с русско-мордовским двуязычием. Наша статья направлена на решение следующих задач:

¹ Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ЮУрГТТУ и МГПИ им. М. Е. Евсевьева) по теме «Национальные языки и культура в дошкольном образовании».

1. определить актуальность и разработанность проблемы приобщения дошкольников к русскому и мордовскому фольклору в процессе словарной работы в условиях русско-мордовского двуязычия;
2. определить методические принципы организации и проведения словарной работы на материале пословиц и поговорок;
3. рассмотреть технологии использования пословиц и поговорок при обучении дошкольников второму языку;
4. определить критерии отбора пословиц и поговорок для систематической работы с детьми;
5. определить последовательность работы, направленной на ознакомление детей с пословицами и поговорками и технологический инструментарий.

Доцентами кафедры методики дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Мордовский государственный институт имени М. Е. Евсевьева» исследованы важные аспекты организации обучения детей мордовским языкам как неродным в рамках русско-мордовского двуязычия [6; 7; 8].

Тем не менее аспект приобщения дошкольников к русскому и мордовскому фольклору в процессе словарной работы на материале пословиц и поговорок остался неизученным. Поэтому опытно-экспериментальная работа проводилась преимущественно на базе детских садов с русско-мордовским двуязычием (МБДОУ Детский сад «Теремок» комбинированного вида Ардатовского муниципального района», МБДОУ «Инсарский детский сад «Солнышко») г. Инсар Инсарского муниципального района Республики Мордовия).

В современной методике развития речи детей дошкольного возраста общепризнаны ономаσιологический и семасиологический аспекты словарной работы. Исторически сложилось, что в детском саду словарная работа проводится прежде всего в ономаσιологическом аспекте (внимание обращается на названия объектов: «*Как называется это?*»), который заключается в освоении ребенком предметной отнесенности слов и их понятийного содержания. Этот аспект представлен прежде всего в работах Е. И. Тихеевой, М. М. Кониной, Л. А. Пеньевской, В. И. Логиновой, В. В. Гербовой, А. П. Иваненко, В. И. Яшиной.

В детском саду также проводится работа над смысловой стороной речи, над семантикой слова (обращается внимание на само слово: «*Что значит это слово?*»). Семасиологический аспект заключается в усвоении слова как единицы лексической системы, его связей с другими лексическими единицами. Данное направление

в большей степени представлено в работах Ф. А. Сохина, О. С. Ушаковой, Е. М. Струниной, Н. В. Гавриш, Л. А. Колуновой, Г. А. Клименко, Т. Д. Бочкаревой и др.

Семасиологический аспект в словарной работе характерен для работы со старшими дошкольниками. Значительные возможности для развития осознанного отношения ребенка к смысловой стороне слова представляют пословицы и поговорки, поскольку их понимание и использование предполагает «овладение переносным значением слов, понимание возможности их приложения к разным ситуациям» [4, с. 136]. Используя в своей речи пословицы и поговорки, старшие дошкольники учатся ясно, лаконично, выразительно выражать свои мысли и чувства, интонационно окрашивая свою речь. Кроме того, у дошкольников развиваются умения творчески использовать слово, образно описывать предмет, давать ему яркую характеристику.

Использование пословиц и поговорок в словарной работе способствует также приобщению детей к ценностям (аксиологическим) ориентирам духовной культуры, поскольку данные произведения малых фольклорных форм — краткие, но очень емкие по смыслу изречения, удачно соединяющие в себе культурно-историческое и языковое богатство фольклорного наследия. Они в обобщенном суждении о типических явлениях прибегают к наиболее устойчивой части лексики общенародного языка: мысль передается лишь самыми необходимыми и притом точно отобранными словами. Пословицы и поговорки придают речи меткость, выразительность, оригинальность. Художественный мир пословиц создается при помощи сравнений, параллелизма, иронии. Пословицы каждого народа настолько своеобразны, по-национальному образны и неподражаемы, что с трудом переводятся на иностранный язык. Тем не менее, в фольклорах разных народов легко обнаруживаются схожие по смыслу, художественным средствам тексты, а также эквиваленты, например, в русском и мордовском (эрзянском, мокшанском) языках.

В практике дошкольного образования при ознакомлении старших дошкольников с малыми фольклорными формами на первый план нередко выдвигается содержательный аспект, не обращается внимания на жанровые и языковые особенности. Проблема углубления понимания смысловой стороны слова посредством пословиц и поговорок остается недостаточно изученной.

В ходе опытно-экспериментальной работы было отмечено, что дошкольники испытывают затруднения в понимании и интерпретировании значения пословиц и поговорок. На наш взгляд, это можно объяснить ограниченным жизненным и речевым опытом дошкольников: у детей часто возникают ассоциации, при чем

не на содержание всей поговорки, а на какое-то отдельное слово из нее, и это мешает им оторваться от конкретной ситуации, перейти к обобщенному образу (например, рассуждая о поговорке «Едет Емеля, да ждать его неделю», дети в основном рассказывают, о ком идет речь). Следовательно, можно предположить, что, во-первых, отвлеченная сущность поговорки без целенаправленной работы остается для ребенка закрытой; во-вторых, только «при систематической работе с детьми по поговоркам и поговоркам, старшие дошкольники способны не только понимать выражения народной мудрости, но и на их основе делать логические выводы» [4, с. 34].

В педагогической литературе по обозначенной проблеме предлагается систематизировать и представить в виде следующих групп поговорки и поговорки, используемые в работе с дошкольниками:

1. тематическая (отражают знакомые детям стороны жизни и связи между явлениями: о природе, о животных, о смелости, о безделье, добре и зле и т.д.);
2. художественная (в стихотворной форме (с ярко выраженными ритмом, рифмой, созвучиями) и прозаической);
3. логико-тематическая (изречения, выражающие отношения между признаками и свойствами объекта (субъекта));
4. инокультурная (изречения разных языковых культур, предназначены для ознакомления с общим смыслом выражения и формирования толерантного отношения к речевой культуре других народов) [4, с. 137].

В ходе работы с детьми-билингвами нас интересовала, в первую очередь, тематическая группа поговорок о природе, о смелости, о работе и безделье (лени), о добре и зле и т.д., поскольку эти поговорки емко и лаконично выразили схожие представления русского и мордовского народа об этических нормах и идеалах, а их воспитательный потенциал трудно переоценить, например:

1. Пословицы о труде и трудолюбии, о мастерстве, о труде и отдыхе, о труде и лени: «Дело мастера боится» (рус.) — «Мастеронь кядяля кичкор шуфтське видеми» (мокш.) [3, с. 104], «Если любишь ты кататься — люби и саночки возить» (русс.) — «Кельгсак калда ярхцамацень — кельк и ведьге кялемацень» (мокш.) [там же, с. 112], «Кто рано встает — тому бог подает» (русс.) — «Рана стяйти — васень пача» (мокш.) — «Рана стицянтень — васень пачалксе» (эрз.) [там же, с. 113], «Без труда не вынешь и рыбки из пруда» (русс.) — «Пекце аф андови, кда сталма аф кандови» (морд.-эрз.) — «Сталмо кандат — пекеяк андат» (эрз.)

[там же, с. 114]. Русской поговорке «Труд кормит, а лень портит» эквивалентными в мордовских языках выступают: «Трудсь антанза, а нолашишь вачеда каттанза» (мокш.) — «Трудось анданзант, нузяксчись вачо кадтанзант» (эрз.) [там же, 109]. Также, например, полностью эквивалент мордовская поговорка «Курок ёфкссь азондови, да аф курок тевсь тиендеви» (мокш.) русской — «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» [там же, с. 115]

2. поговорки о смелости — трусости: «Волков бояться — в лес не ходить» (русс.) — «Връгазда (офтта) пелят — вири тят яка» (мокш.) — «Верьгиздэ пелемс — вивевгак а якамс» (эрз.) [там же, с. 223]; «У страха глаза велики» (русс.) — эквивалент «Кие пяк пели — сельмованфоцка кели» (мокш.) [там же, с. 226] и т.д.

Ознакомление с поговорками и поговорками происходит с учетом методических принципов развития речи, выведенных из закономерностей усвоения детьми языка и речи и отражающих специфику обучения родной речи, руководствуясь которыми педагог выбирает средства обучения. Данными методическими принципами, в первую очередь, являются:

1. принцип коммуникативно-деятельностного подхода к развитию речи, поскольку его реализация предполагает развитие речи у детей как средства общения и в процессе общения (коммуникации) в разных видах деятельности;
2. принцип развития языкового чутья («чувства языка») (неосознанное владение закономерностями языка: в процессе многократного восприятия речи и использования в собственных высказываниях сходных форм у ребенка на подсознательном уровне формируются аналогии, а затем он усваивает и закономерности);
3. принцип формирования элементарного осознания явлений языка (в основе овладения речью лежит не только имитация, подражание взрослым, но и неосознанное обобщение явлений языка);
4. принцип обеспечения активной речевой практики (следование данному принципу обязывает создавать условия для широкой речевой практики всех детей на занятиях, в разных видах деятельности (учебно-речевой, игровой, художественно-речевой, бытовой, досуговой, трудовой) [9].

М.М. Алексеева и В.И. Яшина особо подчеркивали, что смысл поговорок и поговорок необходимо объяснять детям «в связи с жизненными ситуациями» [9, с. 152]: например, при нежелании ребенка трудиться, делать что-то нужное, можно привести поговорку о труде как

на русском языке («Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»), так и на мордовском («Пекце аф андови, кда сталма аф кандови» (мокш.) — «Сталмо кандат — пеке-як андат» (эрз.) [3, с. 114]). В данном контексте подойдет и пословица о лени. Русской пословице «Труд кормит, а лень портит» эквивалентными в мордовском языке выступают: «Трудсь антанза, а нолашишь вачеда каттанза» (мокш.) — «Трудось андтанзат, нузяксьчись вачо кадтанзат» (эрз.) [там же, 109]. Распространенной ошибкой в практике, о чем свидетельствует опытно-экспериментальная работа, является заучивание пословиц и поговорок без их толкования.

В педагогической литературе по обозначенной проблеме были даны методические рекомендации по определению последовательности работы, направленной на ознакомление дошкольников с пословицами и поговорками [4, с. 137–141]:

1. расширение представлений детей о малых жанрах словесного фольклора с целью обращения внимания детей на форму и содержание метких образных изречений, типизирующих различные явления жизни;
2. формирование у детей понимания лексико-семантических отношений между языковыми знаками, свойственными пословицам и поговоркам;
3. использование пословиц в разных видах деятельности со старшими дошкольниками;
4. определение лексико-фразеологической компетентности детей при использовании пословиц и поговорок в самостоятельной речи.

Традиционно основным приемом работы является толкование пословиц, поговорок как фразеологических единиц: с помощью приемов речевых ассоциаций, пантомимических действий и иллюстрирования пословиц, поговорок углубляется представление детей о прямом и переносном значении слов и словосочетаний. Специфика работы с детьми-биллигвами рождает также следующую рекомендацию: ознакомление и сопоставление пословиц и поговорок с аналогичным содержанием разных народов. В условиях нашей опытно-экспериментальной работы учитывалась специфика русско-мордовского двуязычия, поэтому детей знакомили с русскими и мордовскими пословицами и поговорками с аналогичным содержанием либо полностью эквивалентными. Это интересное и перспективное направление как в словарной работе, так и в целом в этнокультурном воспитании дошкольников, поскольку пословичный состав мордовского фольклора был обогащен путем заимствования: «в репертуар мордовских пословиц заимствуются пословицы только из русского языка или через этот язык, который является для мордвы вторым родным языком» [3, с. 24–25], «в репертуар мордовских пословиц заимствуются пословицы из русского языка в равной

мере на мокша-мордовском и эрзя-мордовском языках» [там же, с. 25]

При систематической работе с детьми отбор пословиц и поговорок необходимо осуществлять с учетом следующих критериев:

1. семантическая доступность выражений, т.е. возможность осмысления детьми слов и словосочетаний, а также понятий, которые они обозначают;
2. художественная емкость пословиц и поговорок, выразительность эмоционально-экспрессивной стороны, изобразительность текста;
3. частотность употребления выражений, т.е. относительная регулярность воспроизведения фольклорной формы в речевой практике [4, с. 137].

Из множества пословиц и поговорок важное место, на наш взгляд, должно отводиться тем, которые могут сопровождать трудовую, игровую, бытовую деятельность детей и, конечно же, обогащать их речь. В контексте трудовой деятельности при соответствующих условиях дети учатся понимать значение пословиц, ясно формулировать свои мысли. Примером такой ситуации может быть следующая: дети играют, рассматривают книги, а двое мальчиков, не найдя себе занятия, сидят на ковре. В этом случае уместны пословицы с близким содержанием «От скуки бери дело в руки» и «Долог день до вечера, коли делать нечего» на выбор воспитателя и какое-то поручение (дети охотно приступают к делу; после завершения работы можно спросить, почему так говорится). Таким образом мы помогаем детям осмыслить пословицу и результат своего труда.

Работу с пословицами и поговорками методически целесообразно проводить также на занятиях по ознакомлению с произведениями художественной литературы, используя разные подходы: 1) разбор пословицы или поговорки, предваряющий чтение художественного произведения, подводящий детей к осознанию его идеи; 2) обсуждение названия произведения, способствующее правильному пониманию идеи произведения; 3) подбор пословицы к названию текста.

Детям можно предложить подобрать пословицу или поговорку, соответствующую содержанию и идее определенной сказки тогда, когда у дошкольников уже накопится некоторый запас пословиц и поговорок.

Углублению понимания смысловой стороны слова дошкольниками также способствует работа с пословицами и поговорками, встречающимися в русских народных сказках: например, «Как аукнется, так и откликнется» («Лиса и журавль»). Аналогичное содержание пословицы дети могут найти и в мордовской пословице с аналогичным содержанием, которую они слышали ранее.

Пословицами и поговорками насыщен и мордовский сказочный эпос.

С целью появления у детей правильного понимания иносказательного смысла пословиц и поговорок дошкольникам целесообразно предложить картинки, отображающие их буквальный и переносный смысл.

Для преодоления трудностей в употреблении детьми пословиц и поговорок с дошкольниками выполняются следующие задания на реконструкцию и воспроизведение текста пословиц и поговорок по типу: 1) закончи предложение (Ученье — свет... (а неученье — тьма). 2) составь из слов пословицу или поговорку (Пруд, труд, вынимать, рыбка (Без труда не вынешь рыбку из пруда); 3) ответь на вопрос пословицей или поговоркой (в какие сани не следует садиться? (Не в свои сани не садись).

Познакомившись с рядом тематически или сюжетно близких русских и мордовских народных сказок и научившись осознавать иносказательный смысл пословиц и поговорок, дети могут подобрать к конкретному произведению пословицу либо поговорку или озаглавить какой-либо эпизод сказки (при затруднении предлагаются варианты ответов). Например, дети способны самостоятельно подобрать следующие варианты соответствующих по смыслу пословиц к русским («Рукавичка» («В тесноте, да не в обиде»), «Гуси-лебеди» («Трудно найти, легко потерять»), «Крошечка Хаврошечка» («Как проживешь, так и прослывешь»)) и мордовским («Сырьжа» [2] («Как аукнется — так и откликнется»)) сказкам. Дети, имеющие даже небольшой литературный опыт, вспомнили известную русскую народную сказку «Лиса и журавль» после прочтения мордовской народной сказки «Сырьжа» [2], основной смысл которой способна передать пословица («Как аукнется — так и откликнется»). При этом важно, чтобы дети произносили пословицы или поговорки выразительно, с разной интонацией (с удивлением, осуждением, сожалением, радостью, удовлетворением, размышлением, утверждением и т.п.), а также

сопровождали их жестами, мимикой, поскольку выразительное произношение помогает детям осмыслить суть пословицы и побуждает к желаемому поступку.

На углубление понимания смысловой стороны слова направлены и дидактические игры, например: «Какому герою подходит эта пословица и поговорка?», «Закончи пословицу, поговорку», «Вставь пропущенное слово», «Подбери и раскрась, то, что относится к пословице, поговорке», «Подбери пословицу, поговорку к ситуации», «Назови пословицу, поговорку по рифмующимся словам».

Таким образом, пословицы и поговорки положительно влияют на развитие осознанного отношения старших дошкольников к смысловой стороне слова при соблюдении следующих условий: 1) выстраивания работы по ознакомлению дошкольников с пословицами и поговорками в определенной последовательности (расширение представлений детей о малых жанрах словесного фольклора; формирование у детей понимания лексико-семантических отношений между языковыми знаками, свойственными пословицам и поговоркам; использование пословиц в разных видах деятельности; определение лексико-фразеологической компетентности детей при использовании пословиц и поговорок в самостоятельной речи); 2) использования разнообразных методов и приемов ознакомления с пословицами и поговорками; 3) выполнения разнообразных упражнений для преодоления трудностей в употреблении детьми пословиц и поговорок; 4) отбора пословиц и поговорок адекватно возрасту детей; 5) использования пословиц и поговорок не только на специальных занятиях по развитию речи, но и в повседневной жизни; б) объяснения смысла пословиц и поговорок в связи с жизненными ситуациями; 7) в отдельных случаях изречения разных языковых культур предназначены для ознакомления с общим смыслом выражения и формирования толерантного отношения к речевой культуре другого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурляева, О. В. Мы в Мордовии живём: региональный образовательный модуль дошкольного образования / О. В. Бурляева и др. — Саранск, 2015. — 84 с.
2. Киркина, Е. Н. Хрестоматия к примерному региональному модулю программы дошкольного образования «Мы в Мордовии живем» / Е. Н. Киркина. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2013. — 216 с.
3. Устно-поэтическое творчество мордовского народа [Текст]: В 8 т. / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Морд. АССР. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 1963. — 375 с.
4. Ушакова, О. С. Методика развития речи детей дошкольного возраста: учеб.-метод. пособие для воспитателей дошкол. образоват. учреждений / О. С. Ушакова, Е. М. Струнина. — М.: ВЛАДОС, 2004. — 287 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования // Режим доступа: http://base.garant.ru/70512244/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000
6. Щемерова, Н. Н. Методические аспекты обучения дошкольников мордовским языкам / Н. Н. Щемерова // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки: научный журнал. — 2015. — № 3.9 (63). — С. 4171–4178.

7. Щемерова, Н. Н. Формирование навыков общения русскоязычных детей на мордовских языках / Н. Н. Щемерова // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. — 2014. — № 2 (18). — С. 90–94.
8. Киркина, Е. Н. Языковое погружение как эффективная технология обучения дошкольников мокшанскому языку // Гуманитарные науки и образование. — 2014. — № 2(18). — С. 30–34.
9. Яшина, В. И. Теория и методика развития речи детей: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. И. Яшина, М. М. Алексеева; под общ. ред. В. И. Яшиной. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Академия, 2013. — 448 с.

© Ошкина Елена Сергеевна (oshkina-elena@yandex.ru),

Киркина Елена Николаевна (kirkinaelena@yandex.ru), Крымова Инна Павловна (inna.krymova.80@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева

РАЗНОВИДНОСТЬ СЦЕНАРИЕВ СОВРЕМЕННЫХ КОРПОРАТИВНЫХ ПРОГРАММ: СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРАКТИКЕ

THE VARIETY OF SCENARIOS OF CONTEMPORARY CORPORATE PROGRAMS: THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION

E. Taratorin

Summary. The article analyzes the variety of scenarios as the basis for the organization of the corporate program. The author classifies the topics of corporate programs, substantiates the specifics of a particular event. Describes in detail a number of thematic corporate programs in terms of their implementation in practice in the process of organizing corporate leisure of a particular organization.

Keywords: corporate culture, corporate leisure, corporate program, scenario.

Тараторин Евгений Викторович

К.п.н., доцент,

Орловский государственный институт культуры

etaratorin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются разновидности сценариев как основы организации корпоративной программы. Автор классифицирует темы корпоративных программ, обосновывает специфику конкретного мероприятия. Подробно описывает ряд тематических корпоративных программ с точки зрения их реализации на практике в процессе организации корпоративного досуга конкретной организации.

Ключевые слова: корпоративная культура, корпоративный досуг, корпоративная программа, сценарий.

Современная event индустрия выработала большое количество разнообразных тем для сценариев корпоративных вечеров разного уровня. Темы различны по содержанию и форме, средствам выразительности, универсальности, возрастной аудитории, финансовой составляющей. На сегодняшний день темы корпоративных программ можно разделить по следующим категориям:

1. Историческая эпоха: вечер в стиле древних времен, Средневековья, определенных десятилетий XX столетия (1920-е, 40-е, 60-е, 80-е, 90-е, миллениум); вечеринка в стиле Чикаго 30-х годов или СССР. Главное условие данной категории — чем древнее историческая эпоха, тем сложнее организовать тематические костюмы и соответствующее декорационное оформление, предметы интерьера.
2. Месторасположение или географическая точка: китайский, монгольский, японский, индийский вечер; вечеринка в стиле европейских стран (Франции, Англии, Сицилии, Италии, Ирландии, Испании и др.). Основа сценария данных программ — точное соответствие культуре, традициям, кухни и национальным костюмам выбранной страны.
3. Кинофильмы: вечер ужасов, фантастики, детективная, комедийная, драмы; вечеринки по мотивам фильмов «Титаник», «Великий Гэтсби», «Стиляги», «Отель Гранд Будапешт», «Индиана Джонс», «Терминатор», «Властелин колец», «Звездные войны», «Матрица»; вечеринка супергероев; вече-

ринка «Голливуд», «Оскар». Сценарий киновечера полностью соответствует сюжету выбранного фильма, его основным моментам: месту и времени действия, образам главных героев, музыкальному и декорационному оформлению.

4. Мультфильмы: корпоративная программа по мотивам мультфильмов «Русалочка», «Белоснежка», «Мадагаскар», «Ледниковый период», «Как покорить дракона», «Тачки», «Гарри Потер», «Алиса в стране чудес» и другие.
5. Выдуманные персонажи (отношение к кинофильму, мультфильму, сказке, легенде): корпоративные программы с участием фей, волшебниц, ведьм и прочим магических существ; зомби, вампиров, оборотней, хоббитов, троллей, драконов, эльфов, гномом и других фантазийных персонажей; мистических персонажей: ангелов, призраков, демонов; египетских древнегреческих богов.
6. Напитки: пивная и коктейльная, кофейная, чайная вечеринки; лимонад-пати; мохито-пати, текила-пати, ромовая, коньячная и винная вечеринки. Данные вечеринки не требуют особого декорационного решения. Необходимо выбрать точный напиток и подготовить соответствующие закуски.
7. Цветочные вечеринки: дресс-код гостей корпоративной программы и оформление зала должно соответствовать выбранным цветам: ромашка, сирень, роза, колокольчики, гортензия, орхидея.
8. Узнаваемые образы: корпоративные программы, требующие кропотливой и тщательной подготов-

ки в оформлении и костюмах: ковбои или пираты; тюремно-полосатая, медицинская, гангстерская, мафиозная, пионерская, цыганская вечеринки.

9. Корпоративные программы, диктующие наряд: классические вечера; взрослые «детские» вечера; ретро и винтажный вечер; пижамные, милитари, шляпная, вязаная, кожаная, джинсовая, спортивная вечеринки.
10. Корпоративные программы разного формата: цирковая, космическая, банная, пляжная вечеринки; пати у бассейна; «времена года»; вечер караоке; вечеринка в стиле казино; денежная вечеринка; маскарад и карнавал; апокалипсис; морская вечеринка.

Далее рассмотрим содержание сценариев самых популярных тематических корпоративных программ, их основную концепцию, варианты оформления помещения, в котором организуются мероприятия, эскизы приглашений, дресс-код участников, зоны активностей, особенности оформления банкетных столов, конкурсно-развлекательную программу, возможный призовой фонд.

«Back'in USSR» (ретро-программа). В последнее время особую популярность приобретают корпоративные программы в стиле ретро, или корпоративные праздники в советском стиле. Основная идея такого праздника: «Прошлое не возвращается, но можно ненадолго окунуться в особую атмосферу прошлого!» Организатор данного тематического корпоративного мероприятия придерживается всегда одного правила: «Прежние времена, как правило, запоминаются только хорошим, вот эти воспоминания и стоит оживить». Особые атрибуты и колоритный дух Советского союза, воссозданные на время торжества, создают не просто тематическую вечеринку, а своего рода «реконструкция».

Стилистка корпоративного праздника в советском стиле находит свое отражение еще в приглашении. Приглашительные билеты на вечеринку могут быть оформлены в нескольких вариантах и видах, таких как: советская открытка, бланк телеграммы, партбилет или мандат депутата Верховного совета, грамота, плакат, советский приглашительный билет.

Эпоха СССР длилась 70 лет, которые включали в себя несколько разных времен, отличающихся своеобразием: например, нэп, время стилияг, послевоенный индустриальный бум, 80-е с их знаменитой Олимпиадой и др. В первом случае организатор может выбрать из перечисленного определенную эпоху со всеми его тонкостями и специфическими особенностями и придерживаться конкретных нюансов в сценарии. Во втором случае — можно не углубляться в тонкости исторической рекон-

струкции и создать веселый праздничный «микс», который будет именоваться как «Стиль СССР». В таком случае организатору вечера будет легче подобрать атрибуты, а гостям — тематические костюмы.

В качестве атрибутов для создания атмосферы ретро-вечера могут быть: старые советские газеты и журналы; игрушки того времени — куклы, машинки, мишки, зайчики; стеклянные бутылки из-под кефира, советского шампанского; этикетки, обертки, картинки и т.п.; советские деньги или их имитация; любые пионерские атрибуты — галстук, повязка, горн, барабан, выпел; ретро-вещи: лампа с абажуром, графин с гранеными стаканами, патефон или приемник для грампластинок, кассетный или бобинный магнитофон, счеты.

Для того, чтобы преобразить помещение кафе, ресторана, либо офиса, где будет непосредственно проходить вечеринка, необходимо придать ему сходство с выбранной эпохой, решив, что именно оно будет изображать: зал для партсобраний, советскую квартиру, а может быть, рабочую столовую для комсомольцев-целинников? Безусловно, можно придерживаться общих направлений стиля и украсить помещение по-праздничному, но в соответствии с тематикой. Основным цветом праздника может являться красный. На стенах по возможности размещаются тематические плакаты, соответствующие коллективу, участвующему в данном ретро-празднике (например, «Человек человеку — друг, товарищ и брат», «У меня друзья повсюду», и др.).

Зоны локации и активностей гостей: доска почета, на которой размещаются фотографии (лучше черно-белые) с лестными индивидуализированными подписями (например, «Передовик производства», «Отличник-активист», «Наставник и учитель», «Почетный звеновой», «Знатный хлебороб», «Герой труда»); журнальный столик со стопкой газет «Колхозница», «Советская Россия», «Литературная газета» и др., с набором лото и шахматной доской; лампа с абажуром на тумбочке и диван, на спинках которого располагаются советские куклы и мишки; стол с продуктовой авоськой, банкой кильки в томате, зеленым горошком и бутылкой лимонада и многое другое.

Ведущего или аниматора ретро-вечера выступает в образе партийного лидера (можно выбрать конкретную личность) или ведущего какого-либо ответственного мероприятия (например, товарища Огурцова из кинофильма «Карнавальная ночь»). Для девушки уместен образ вожатой, учительницы, спортсменки-комсомолки. Гости корпоративного советского мероприятия могут облачиться в образы: стилияг, школьников или школьниц, пионеров, рабочих и колхозниц, комсомольцев, модных студентов 80-х годов, спортсменов, советских граждан.

Конкурсно-развлекательная программа ретро-вечера стоит по принципу синтетичности оригинальных увеселений той эпохи и современных конкурсов, адаптированных и стилизованных под выбранную тематику. Обязательными элементами развлекательной программы является: пение под гитару, игра в шарады, буриме или «типографию» (игры, связанные со словами), танцы под магнитофон, участие в различных соревнованиях. Конкурсная программа может быть представлена в виде караоке по-советски, загадок про различные советские атрибуты, викторин с вопросами об СССР, подвижных игр и пр.

За победу в конкурсах ведущий-аниматор выдает победителям поощрительные призы-сувениры (магнитики с символикой СССР, карандаши, блокноты и т.п.). Также в качестве приза вручается советская купюра или монетка (или ее имитацию). В финале ретро-вечера устраивается аукцион, где лотами будут служить товары СССР: банка кильки в томате, рулончик дефицитной туалетной бумаги, журнал «Работница» и др.

Корпоративная программа в стиле церемонии вручения Оскар (голливудская вечеринка). Атмосферу и тематику светской «звездной вечеринки» изначально может задать зона Welcome, где у входа в кафе или ресторан (большом просторном фойе, зале) организована красная ковровая дорожка, выставлены специальные столбики золотистого цвета. Для начала необходимо обеспечить данную зону фотоаппаратами, которые будут запечатлеть на свои объективы прибывающих на вечеринку гостей. Ведущий или «массовка», изображающая корреспондентов, может обращаться к идущим по дорожке гостям с мини-интервью, которое поднимет им настроение и поможет почувствовать себя «звездой».

Зоны фотолокаций и активностей оформлены: красной ковровой дорожкой, буквами «HOLLYWOOD», фигурой Оскара, тематическими плакатами или постерами, ростовыми изображениями известных голливудских актеров и актрис, тантамаресками и пр.

В мире кино не приняты шумные и обильные застолья. Постоянно заботящиеся о своей фигуре кинозвезды не станут восседать за столом с тарелками, наполненными жарким и гарниром. На праздничных вечеринках в «стране грез» вообще не принято делать акцент на еде, ведь люди собираются для общения, веселья, общего воодушевления.

Чаще всего угощение на таких торжествах бывает организовано в формате, когда люди берут с подносов у официантов легкие закуски, дополняя ими ледяное шампанское, тоже подхваченное на ходу, либо пунш, налитый из общей чаши. Для такой организации необ-

ходимы один-два официанта, которые будут следить за наполняемостью бокалов и наличием закусок. Также уместен кенди-бар, выдержанный в соответствующих цветах (красный, белый, золотой, черный).

Музыкальное оформление вечеринки в стиле церемонии вручения Оскара обеспечивает гостям четкие ассоциации с миром торговцев грезами: композиции Дюка Эллингтона, Луи Армстронга, Эммы Фицджеральд, Рея Чарльза, Фрэнка Синатры. Мягкая мелодия и вечерние наряды провоцируют гостей на классические вальс, фокстрот, квикстеп. Дополнительным музыкальным материалом служат саундтреки к известным голливудским фильмам.

Кульминацией вечера является церемония награждения. Ведущий или аниматор с заветным конвертом появляется на импровизированной сцене, чтобы вручить статуэтки, ленты через плечо или специальные дипломы победителям в различных номинациях. Кроме «Лучшего наряда» и «Самого эффектного танца», а также упоминаемых в конкурсах «Победителя кастинга талантов», «Лучшего гримера», «Великого звукорежиссера» и «Самого догадливого», могут быть учреждены специальные номинации: «Самый смешной тост», «Самая обаятельная улыбка», «Самая влюбленная пара», «Лучший партнер» и др.

«Мафия бессмертна!» (корпоративная программа в стиле «Чикаго 30-х годов»). Чикаго до сих пор считается культурной и экономической столицей Среднего Запада соединенных Штатов Америки. Его с любовью называют «Город ветров», а иногда еще «Второй город». Это особый мир, который притягивает к себе внимание сквозь время и пространство. Тридцатые годы в Америке были романтическими временами, когда, с одной стороны, под запретом были спиртное и увеселительные заведения, а с другой — жизнь кипела ключом, но все происходило под покровом тайны, что только добавляло экстравагантности и привлекательности. «Великая депрессия» открыто соседствовала с шиком и блеском.

Война мафии и полиции, любовь и кровь, срифмованные самой жизнью, а не плохим поэтом, изощренность, преданность, обман и возмездие, сладость запретных плодов, а также мафия, гангстеры, сухой закон, казино, перестрелки, ограбления банков, канкан, джаз, кинозвезды, деньги и драгоценности, оружие, мировой кризис — все это создает атмосферу данному тематическому вечеру.

Приглашения на вечеринку, изначально задающие тематику вечера, а также указывающие на необходимый дресс-код, оформляются в нескольких вариантах:

ретро-открытка, статья в специальном выпуске газеты, пригласительный из прошлого, приглашение на телеграфном бланке 30-х годов, плакат из серии «Wanted», силуэтные картинки, декоративные купюры, игральные карты.

Варианты образов (дресс-кода) для мужчин: обаятельный гангстер, Козырный Туз, репортер-газетчик, полицейский, артист кабаре, чернокожий джазмен; для женщин: единый «образ Чикаго» (подруга гангстера, джазовая певица, танцовщица кабаре, хозяйка популярного заведения, кинозвезда, жена банкира).

Помещение, где проводится чикагская вечеринка, оформляется тематическими атрибутами и аксессуарами: цветовая гамма: черный, белый, красный, коричневый оттенки; плотные портьеры на окнах и дверных проемах; ретро-вещи: подсвечники, виниловые пластинки, лампа под абажуром с бахромой; полумрак, легкий зарубежный джаз, являющийся постоянным фоном; в вазах — белые или алые розы, орхидеи, гортензии, хризантемы; на стенах — черно-белые постеры (городские виды или портреты кинозвезд) либо плакаты в стиле «Wanted» (реклама Кабаре); красные и белые воздушные шары, а также гирлянды, сделанные из купюр, перьев, бус; маленький бильярдный стол, столик с рулеткой или карточный столик.

На *корпоративной программе в пиратском стиле*, где царят приключения, наполненные колоритом времен флибустьеров, с налетом романтики и легкой брутальности, каждый гость сможет проявить самые сильные стороны характера, показать навыки и умения, подчеркнуть свою индивидуальность и в то же время работать, как часть команды.

Приглашения для «встречи пиратов» могут быть оформлены в виде свитков, перемотанных бечевкой или уложенных в бутылку, либо как открытки, напоминающие по форме сундуки или пиастры.

В зоне Welcome при входе всех прибывающих на вечер гостей встречает костюмированный персонаж, который спрашивает пароль (пароль заранее прописан в пригласительном билете). Гостям на вечеринке, верно назвавшим секретные слова, выдаются пиратские атрибуты: банданы, пистолеты, повязки для глаз и т.д. Художник по аквагриму рисует гостям пиратские татуировки, синяки и шрамы.

Главное предлагаемое обстоятельство или место действия корпоративного вечера в пиратском стиле: Тортуга — прекрасный остров в Карибском море, напоминающий огромную черепаху. Прослыть самым смелым и богатым среди жителей этого «гнезда свободного

братства» — большая честь для каждого истинного пирата. У присутствующих на вечере гостей появляется такая возможность, но для этого гостям необходимо пройти ряд захватывающих и порой опасных испытаний.

Корпоративная программа в стиле викингов. Стены помещения, в котором проводится тематический вечер, украшен старинным оружием (щиты, мечи, секиры). Меню праздника включает в себя горячие алкогольные напитки (пивные напитки или глинтвейн). Ведущий использует в своей программе импровизированный трон, на сцене работают музыканты, которые исполняют кельтскую музыку, мотивы древней музыки. В основу сценария тематической вечеринки в стиле викингов может быть положена выдуманная история о племени викингов, необычная легенда о походе за сокровищами. Программа предполагает использование боев на мечах, конкурсной программы на изготовление доспехов викинга, исполнение тематических боевых танцев.

Сценарий *шотландской корпоративной программы* подходит для тех, кто всегда хотел побывать в Шотландии и познакомиться с ее культурой и удивительной красотой природы. Главные атрибуты шотландского вечера — волынки, виски и клетчатые юбки в сочетании с национальной шотландской музыкой. В качестве примера дресс-кода вечера могут стать образы известных людей и персонажей: Чудовище из Лох-Несса, Артур Конан Дойль, Уильям Кельвин, Джеймс Максвелл, Роберт Браун, Александр Белл, Роберт Бернс, Джордж Гордон Брайн, Шон Коннери, шотландец с волынкой. В качестве атрибутов костюма выступают: килт, тартан, гольфы, пиджак, рубашка, ремень, перчатки, кожаная куртка, сапоги с мехом, черные туфли, сучка спорран с мехом, специальный нож, крепящийся к гольфу, волынка и прочее.

В качестве активностей на шотландской вечеринке могут быть: игра в гольф, ловля лосося, охота на оленей и тетеревов, горские игры, мастер-класс игры на волынке, ярмарка-выставка тартана и килта, мастер-класс по приготовлению шотландских блюд, шотландские бальные танцы, презентационные фильмы о Шотландии, тематические конкурсы и шотландская дискотека. Помимо национальной шотландской музыки, музыкальным сопровождением вечера могут стать известные композиции групп «Dire Straits», «Primal Scream», «The Fratellis» и другие.

Корпоративная программа в стиле «Стиляги» отличается от других тематических вечеров особым весельем, интересными яркими нарядами, зажигательными танцами в стиле рок-н-ролл, твист, буги-вуги. Интерьер помещения должен передавать дух времени середины XX века: это красные шторы, гирлянды; на стенах располагаются старые грампластинки и про-

чие атрибуты рассматриваемого периода: телефоны, проигрыватели, часы, торшеры, занавески и стулья, плакаты в стиле гламурного американского пин-апа или советской агитации, бумажные гирлянды с вырезками со старых газет и открыток, электрические гирлянды, саксофон и гитара

Дресс-код женщин предполагает наличие пышных крепдешиновых платьев с каскадом нижних юбок, туфли на невысоком каблуке, оригинальные шляпки и чулки со стрелками, а также пышный начес волос, красная помада на губах и черные стрелки на веках. Мужской образ сочетает в себе присутствие брюк-дудочек, цветных галстуков, смешных пиджаков с широкими плечами, «кок» из волос на голове. Яркие и чистые оттенки и крупные принты отличают время стилига.

Приглашения на стилижную вечеринку могут быть различными. Например, приглашение в виде открытки: яркая розовая бумага или картон, на который приклеено название вечера; в формате платья герлы, мороженого для френдов; в виде старинной пластинки с приклеенным в центре кружком с текстом приглашения.

Корпоративная программа в стиле стилига предполагает американский фуршет в чистом его виде: скатерть в виде красной, белой или черной клетки, необычное меню-грампластинка, «позолоченные» столовые приборы, атласные салфетки янтарного цвета, желтые кружева и цветы. Важной особенностью стилижной вечеринки является большое количество импортного алкоголя, среди которого особую популярность имеют виски и пунш.

Большую особенность в данном тематическом вечере играет музыкальное оформление. Особое внимание стоит уделить творчеству групп «Браво», «Ноль», «Зоопарк», «Машина времени», «Чайф», «Кино», «Nautilus Pompilius», а также музыкальным произведениям Луи Армстронга, Дюка Эллингтона, Гленна Миллера, Бенни Гудмена, Элвиса Пресли, Чака Берри, Бадди Холли и других.

Зона welcome представлена наличием «шухера» (или патруля), который проверяет «подлинность» стилига и пароль вечеринки. Для тех, кто пришел на вечер без тематического костюма, может быть организована продажа «из-под полы» стильных вещей (ярких галстуков, очков, «забугорных» платков и бус).

Что касается развлекательной конкурсной программы, то ее основу составляют всевозможные танцевальные программы, конкурсы и забавы. Танцы-шарады представляют собой необычную игру-коктейль, где одновременно взаимодействуют мозг и ноги. Мозг вспоминает популярные фильмы и мюзиклы, реконструирует эмоции, ситуации, эпоху того времени. Ноги отбивают

характерные эпохе и жанру танцевальные комбинации чечетки, вальса, аргентинского танго, румбы и самбы.

Вечер в японском стиле отличается своей оригинальностью и экзотичностью, где каждая деталь в оформлении важна и точна. Для праздника Танабата (праздника надежды и хорошего настроения) в оформлении преобладают яркие бумажные фонарики, разноцветные бумажные гирлянды, бамбук, шары, живые цветы. В праздник Белый день, когда мужчины дарят любимым женщинам белые сладости, оформление представляет собой сочетание белых декораций с яркими акцентами — цветами, фонариками и бумажными гирляндами. Праздник боевых искусств (карате, дзюдо, кэмпо, айкидо и др.) требует наличия специальных плакатов на стенах с изображением боевых сцен, боевого оружия и тренировочных манекенов. Вечер «Цветение сакуры» представляет собой яркое и красивое зрелище с обязательным присутствием в оформлении шелка постельных оттенков, большое количество «сакуры», изготовленной из бумаги, ткани, живых ветвей яблони, вишни и других деревьев. Дополнительными атрибутами для оформления японской вечеринки могут послужить хризантемы и цветочные икебаны; свечи и цветы, плавающие в воде; аквариумы с золотыми рыбками; небольшие фонтаны; сад камней; иероглифы, веер, рисовая бумага.

Дресс-код вечера подразумевает конкретный японский образ: самурай, борец Сумо, гейша, японский робот, камикадзе, дракон, герой аниме. Банкетные столы сервированы салфетками, сложенными веером, миниатюрными «клумбами» живой травы, бамбуком в высоких тонких вазах, палочки. Гости угощаются суши и рыбой и напитками: церемониальным чаем, саке, сливовым и мандариновым вином, на десерт — яркие вагаси.

Активными конкурсами на вечере могут стать: забег семенящими шагами связанными ногами, перенесение палочками на скорость небольших мячей, кружение игрушечных нунчаков, поиск аналога известным японским пословицам, угадывание хокку на детскую тему, танец с веерами, конкурс «Мисс цветущая Сакура».

Таким образом, вышеперечисленные актуальные темы корпоративных программ предоставляют широкие возможности для фронта работы организатора, сценариста, ведущего, режиссера-постановщика, дизайнера, костюмера, декоратора и других творческих лиц, чьи профессиональные навыки и умения всегда будут востребованы на рынке труда, чей опыт и знания будут способствовать созданию благоприятной дружеской творческой атмосферы на корпоративном вечере, что, в свою очередь, положительно скажется на процессе формирования положительного имиджа коллектива и всей организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Г. А. Культурно-досуговая деятельность: теория и практика организации: учеб. пособие. — М., 2006.
2. Гавдис, С. И. Основы сценарного мастерства: учеб. пособие / С. И. Гавдис. — Орел: Полиграфическая фирма «Картуш», 2005.
3. Герасимова, О. А. Импровизация шоумена: учеб. пособие / О. А. Герасимова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
4. Жарков, А. Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: учебник / А. Д. Жарков. — М.: МГУКИ, 2012—456 с.
5. Кому и зачем нужны корпоративные праздники // Кадровик. Кадровый менеджмент. — 2011 — № 12.
6. Марков, О. И. Сценарная культура режиссеров театрализованных представлений и праздников / О. И. Марков. — Краснодар: Изд. КГУКИ, 2004.
7. Медведенко В. В. Технологические практикумы социально-культурной деятельности: корпоративная праздничная культура: учебное пособие. — Барнаул, 2012.
8. Тараторин Е. В. Технология корпоративного досуга: учебное пособие. — Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2018.

© Тараторин Евгений Викторович (etaratorin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ГРАММАТИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

CULTURAL ASPECT IN GRAMMAR STRUCTURES OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

M. Shlangman

Summary. The article deals with the question of mutual connection between cultural aspects and grammar categories during Foreign Language teaching. There is a close connection between language and culture. It has become customary to include historical, geographical, political and everyday information about the country as separate aspects of the curriculum. It is advisable to include cultural aspects in the explanation of linguistic, grammar categories of foreign language, which will greatly help to understand their nature and use them more correct in English speech.

Keywords: culture, language, the world's picture, reception, grammar structures, teaching process.

Шлангман Марина Константиновна

*К.п.н., доцент, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
29353@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос взаимосвязи культурологических аспектов и грамматических категорий при обучении иностранному языку. Существует тесная связь между языком и культурой. Уже давно стало привычным включать в языковой учебный процесс историко-географическую, политическую и культурно-бытовую информацию о стране как отдельные аспекты учебной программы, то есть то, что принято называть «миром изучаемого языка». Так же, целесообразно включать культурологические аспекты в объяснение чисто языковых, грамматических категорий, что значительно поможет осознанию их природы и более правильному употреблению в английской речи.

Ключевые слова: культура, язык, картина мира, восприятие, грамматические структуры, процесс обучения.

Опыт работы по обучению студентов английскому языку показывает, что, даже добросовестно выучив все грамматические правила английского языка, многие из обучающихся не могут правильно ими пользоваться, поскольку не знают особенностей британского или американского менталитета. Например, одно из самых сложных для осознания русскоязычной аудиторией явлений английского языка является артикль. Даже те, кто теоретически знает правила их употребления, допускают наибольшее количество ошибок, связанных именно с этой частью речи.

Носителю русского языка, прежде всего, сложно осознать для чего вообще существует в английском языке такая часть речи как артикль, так как он не несет в себе понятия рода, числа, падежа, как в некоторых других европейских языках. Английский артикль обозначает степень дистантности/абстрактности предмета по отношению к говорящему. Следовательно, русскоязычным студентам английский артикль кажется совершенно ненужным не только потому, что его нет в русском языке, но и потому, что степень дистантности/абстрактности далеко не самая важная категория в русской культуре. Представляется методически целесообразным проводить объяснения этого грамматического аспекта через культурные ценности, лежащие в основе британского

менталитета. Общеизвестно, что у британцев и россиян разное отношение к физическому пространству, разделяющему людей. Причины этого кроются в культурных, религиозных и историко-географических особенностях развития наций. Пословица «Мой дом — моя крепость», встречающаяся уже в детских сказках, таких, например, как «Три поросенка», очень точно отражает данную особенность британского мышления.

Если неопределенный артикль *a (an)* имеет своего «родителя» — числительное *one*, то и, сохраняя в дальнейшем «родительские» черты, имеет два основных значения: *один* и *любой*. Определенный артикль *the* тоже несет черты своего «родителя» — местоимения «*this*», что значит «этот». Все абстрактные понятия, вещества, процессы имеют нулевой артикль или значимое отсутствие артикля. Все эти основные правила легко запоминаются обучающимися. Сложность заключается в осознании причины того, зачем это нужно. Зачем мне знать «любой» (неизвестный) это предмет или «этот» (неизвестный, конкретный)? Что здесь важного для меня? Представитель британского менталитета с детства воспитывается как яркая индивидуальность, которую необходимо не только беречь и лелеять, но, прежде всего, уважать «самость» этой индивидуальности. Одновременно с этим британский ребенок усваивает и то, что

все окружающие его люди — это тоже некие «центры вселенной», также имеющие право на сохранение своей индивидуальности и уважение к ней. Отношения между этими индивидуальностями — дистантно-уважительные. В грамматических структурах своеобразным буфером служит обилие модальных глаголов, которое отсутствует в прямых императивах русского языка. Грамматические структуры, особенно выражающие просьбы, не несущие в себе модальных глаголов, представителями западного менталитета воспринимаются как проявление грубости и даже диктаторства, тогда как английские структуры кажутся нам излишне формально-вежливыми. Общеизвестно, что и физическое, и ментальное расстояние между людьми в британской культуре, значительно больше, чем в русском.

Существует еще одна известная трудность в осознании русскоязычными студентами системы английского глагола. Прежде всего, когда российские студенты слышат, что английский глагол в отличие от русского — трехвременного имеет шестнадцать времен, это вызывает, по меньшей мере, удивление. Они недоумевают, зачем так много времен, если в русском языке мы успешно оперируем лишь тремя известными временными формами.

Дело в том, что наш менталитет имеет как бы более «глобальный взгляд» на картину мира. Детали, как в общем смысле слова, так и в интерпретации времени, в частности, интересуют нас значительно меньше, чем представителей британской культуры. С другой стороны, если при объяснении системы времен английского глагола, попросить сравнить такие глаголы как «иду» и «хожу», «бегу» и «бегаю», «плыву» и «плаваю», то студенты, как правило, не испытывают затруднений при переводе их в английские варианты I am going и I go, I am running и I run, I am swimming и I swim соответственно. Они сами видят и определяют, что у некоторых русских глаголов движения имеются полные аналоги английских временных форм Present Continuous и Present Indefinite. Однако, в русском языке это возможно далеко не со всеми глаголами и не во всех временных формах. В английском языке правила актуальны для всех глаголов с небольшими исключениями, тогда как у нас правила существуют не для всех глаголов. Совершенно ясно, что я иду — это сейчас, а я хожу — это когда? Поскольку однозначный ответ на этот вопрос дать невозможно, то студенты сами приходят к выводу, что в системе английского глагола это соответствует времени Present Indefinite (настоящее неопределенное). Таким образом, объяснение отличий и ситуационного употребления вышеупомянутых времен английского глагола вызывает в дальнейшем значительно меньше сложностей.

Каждый преподаватель английского языка знает, что существует определенная трудность в осознании сту-

дентами разницы между Past Indefinite и Present Perfect. При объяснении также возможно рекомендовать следующий пример, опирающийся на культурологические аспекты: если студент не готов к ответу, он часто говорит фразу: «я учил», что по-английски звучит I learned, то есть в русском языке используется глагол несовершенного вида прошедшего времени, а в английском — это Past Indefinite (прошедшее неопределенное). Совершенно другие смысловые коннотации вызывает фраза «я выучил» — I have learned. Изучающим английский язык, не всегда понятно, почему I learned (я учил) это Past Indefinite (прошедшее неопределенное), тогда как I have learned (я выучил) соотносится с Present Perfect (настоящим совершенным), поскольку в русском языке обе фразы относятся к прошедшему времени. Общеизвестно, что в русском языке все глаголы совершенного вида относятся к прошедшему времени, в английском же языке — это Present Perfect (настоящее совершенное).

Стоит заметить, что в сравнении с носителями английского языка мы значительно более ориентированы на процесс, чем на результат. Во фразе «я выучил» для нас важнее то, что это было в прошлом, чем непосредственный результат деятельности. В восприятии британца фраза I have learned демонстрирует результат, непосредственно связанный с настоящим моментом (я имею выученным). Иными словами, я имею что-либо совершенным (результат) здесь и сейчас, следовательно, в интерпретации британца это не может быть в прошедшем времени. «Я разбил чашку» — I have broken the cup — для представителя британской культуры эта фраза не воспринимается прошедшим временем, так как осколки (результат) я имею здесь и сейчас, и совершенно не важно, когда конкретно в прошлом это случилось: две минуты назад или год назад.

Целесообразно привести еще один прием, успешно используемый для объяснения особенностей употребления Present Perfect и Past Indefinite в культурологическом аспекте на примере сравнения русского и английского языка. Студентам предлагается ситуация: Вы отсутствовали на последнем занятии, и ваши друзья интересуются причинами происшедшего. Вы отвечаете: «Я был в Москве» (I was in Moscow). Подобный ответ ни в русском, ни в английском языке не предполагает дальнейшего обсуждения этого вопроса. Иными словами, отвечая подобным образом, Вы подчеркиваете, что этот факт никоим образом не связан с настоящим моментом. Однако если на тот же вопрос Вы ответите фразой «Я побывал в Москве» (I have been to Moscow), это будет интерпретироваться как желание поделиться результатами этой поездки в обоих языках. Следовательно, мы хотим продемонстрировать, прежде всего, результат, а также его непосредственную связь с настоя-

щим. В русском языке существует значительное количество приставок, используемых для формирования форм глаголов совершенного вида, тогда как в английском языке в аналогичных ситуациях используется структура *to have + Participle II*, то есть глагол «иметь» + причастие прошедшего времени. Для упрощения понимания случаев употребления *Present Perfect* в коннотационной связи с русским менталитетом следует заметить, что всем русским приставкам совершенного вида примерно соответствует глагол *to have* в конструкции *to have + Participle II*.

Еще большую сложность для восприятия русскоязычными студентами вызывает употребление формы *Present Perfect Continuous* (настоящее совершенное продолженное). Для упрощения понимания и осознания случаев употребления этой сложной грамматической структуры студентам предлагается перевести фразы: *I live* (Я живу), *I have lived* (Я проживал), *I am living* (Я живу сейчас), *I lived* (Я жил), *I have been living* (Я проживаю). В последней фразе приставка совершенного вида *pro-* примерно соответствует английскому *have* в данной конструкции, а русское глагольное окончание *-аю* достаточно близко к окончанию *-ing* в английской фразе «Я проживаю». Следует заметить, что окончание *-ing* в конструкции *Present Perfect Continuous* также может соответствовать русскому суффиксу причастия настоящего времени *-ущ, -ющ, -ащ, -ящ*.

В культуре, ориентированной на результат более чем на процесс, а британская картина мира как раз и является таковой, не может не быть временной формы глагола, которая бы не демонстрировала такую ситуацию, когда субъект начал какой-то вид деятельности какое-то время назад, имеет уже какие-то результаты этого процесса и продолжает работать в этом направлении. Рассмотрим простой пример: *I have been writing the article for two weeks*. В русском переводе, то есть в языке, ориентированном на процесс, а не на результат, эта фраза теряет важнейшие элементы восприятия британской картины мира. Мы переводим: «Я пишу статью две недели», хотя английская фраза подразумевает несколько другое: «Я пишу статью две недели, уже кое-что достигнуто, и я продолжаю работать». Фраза «Я пишу» может соответствовать, по крайней мере, трем английским фразам: *I write, I am writing, I have been writing*, особенно если неясен контекст.

Ни для одного преподавателя английского языка не является секретом, что английское словосочетание *Complex Object* вызывает много вопросов у российских студентов, особенно у тех, кто только начинает изучать английский язык. Одним из вариантов объяснения этого кажущегося сложным грамматического явления может служить следующий пример: *Complex* переводится —

сложный, *Object* — дополнение. Все знают, что дополнение в любом языке отвечает на вопрос что? Студентам предлагается пример: *I want an apple* (Я хочу яблоко), где дополнением является существительное. На месте существительного в объектном падеже может находиться и инфинитив любого глагола. Например, предложение *I want an apple* можно заменить на *I want to type* (Я хочу печатать). Теперь представим, что я ленив и не испытываю особого желания печатать, а хотел бы, чтобы кто-либо другой сделал за меня эту работу. Для выражения такого понятного желания в английском языке достаточно просто поставить желаемого деятеля между моим желанием и действием, которое я бы хотел порекомендовать. Следовательно, мы получаем *I want my sister (you, him, her, us, them) to type*. В подобных конструкциях (*Complex Object*) существительные остаются в именительном падеже, тогда как местоимения употребляются в объектном падеже. По такому же принципу можно так же доступно объяснить и другие случаи употребления *Complex Object* в английском языке. Очевидно, что мы снова наблюдали проявление британской культуры — выразить мысль как можно короче, достаточно прямо, избегая каких-либо разночтений. В русском языке так построить фразу невозможно. При ее переводе необходимо использовать оборот со словом *чтобы* (Я хочу, чтобы ты печатал). И снова культура переплетается с грамматикой. В русской традиции риторики, в большинстве случаев, автор думает, как красивее и длиннее выразиться, демонстрируя свои творческие языковые возможности, радуется, если задуманное получилось. В английской же традиции центром внимания является слушатель (читатель). Здесь главная задача — выразить мысль так, чтобы было все сразу понятно, не возникало бы никаких разночтений, а процесс восприятия был удобным и приятным. После приведенного выше примера объяснения считающейся сложной грамматической темы *Complex Object* у студентов в дальнейшем редко возникают проблемы с ее употреблением.

Русский язык, где существует три времени глагола, относится к культурам более «глобальным», не концентрирующимся на деталях, а также к культурам, более ориентированным на процесс, чем на результат. Никому уже не нужно объяснять тесную связь между языком и культурой. Уже давно стало привычным при изучении иностранного языка обращаться к тому, что принято называть «миром изучаемого языка», то есть включать в языковой учебный процесс историко-географическую, политическую и культурно-бытовую информацию о стране как отдельные аспекты учебной программы. Однако, в дополнение к этому, целесообразно включать культурологические аспекты в объяснение чисто языковых, грамматических категорий. Это значительно помогает осознанию их природы, а значит, и более правильному употреблению в английской речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В. Т. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Т. Костомаров. — М.: 1990.
2. Попова И.П. К сущности понятия «межкультурное обучение» / И.П Попова. — М.: 1999.
3. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В. В. Сафонова. — Воронеж: Истоки, 1996.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово, 2000.

© Шлангман Марина Константиновна (29353@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ГЕРМАНИИ. ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

LANGUAGE SITUATION IN GERMANY. THE EXPERIENCE OF SOCIO-CULTURAL ANALYSIS

**G. Bykova
E. Petrova
E. Nikulina**

Summary. The article deals with the transformation of the concept of language situation in Germany against the background of changes in socio- and ethno-cultural landscape. From the perspective of sociolinguistics and linguoculturology, the authors investigate the formation and development of a common language norm, which was prepared by the works of M. Luther, accompanied the emergence of the German version of Christianity and determined the special importance of national content. Studying the series of events that had the greatest impact on the development of the axiological scheme of German Protestantism, the authors note the close interdependence of the functions of political and religious institutions in the History of modern Germany, which led to the sacralisation of the political institution of the monarchy at the expense of the religious institution of the Church. The gradual transfer of the functions of religious authorization to the bearers of political power was actively used by the Prussian and German monarchs, and was transformed in the conditions of German democracy to the clerical, Christian parties.

Analyzing the language policy of the ruling political bloc of the CDU / CSU, known as *Leitkultur*, the authors emphasize its focus on maintaining stability, overcoming confrontation on linguistic, cultural and religious grounds. Assessing the actualization of the concepts of national discourse in the context of the language situation in modern Germany, the authors tend to explain this change in the linguistic and ethno-cultural landscape, which is not ready to accept the majority of the population, including representatives of the national elite and they see this as a natural continuation of the development of the German version of Christianity, in the form of Lutheranism, initially focused on positive political activity.

Keywords: language situation, language policy, leading culture, Christian Democratic parties, national content.

Быкова Галина Ивановна

К.и.н., доцент, Российский университет дружбы народов

Bykova_gi@pfur.ru

Петрова Елена Эмильевна

Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов

Petrova_ee@pfur.ru;

Никулина Елена Фёдоровна

Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов

Nikulina_ef@pfur.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформация понятия языковая ситуация в Германии на фоне изменения социо- и этнокультурного ландшафта. В ракурсе социолингвистики и лингвокультурологии авторы исследуют образование и развитие единой языковой нормы, которое было подготовлено трудами М. Лютера, сопровождало возникновение немецкой версии христианства и обусловило особенное значение национального контента. Исследуя событийный ряд, оказавший наибольшее влияние на развитие аксиологической схемы немецкого протестантизма, авторы отмечают тесную взаимообусловленность функций политических и религиозных институтов в истории Германии Нового времени, что вело к сакрализации политического института монархии в ущерб религиозному институту церкви. Постепенная передача функций религиозного санкционирования носителям политической власти, активно применялась прусскими и германскими монархами, и трансформировалась в условиях немецкой демократии к клерикальным, христианским партиям. Анализируя языковую политику правящего политического блока ХДС/ХСС, известную как *Leitkultur*, авторы акцентируют ее нацеленность на поддержание стабильности, преодоление конфронтации по языковому и культурно-религиозному признаку. Оценивая актуализацию понятий национального дискурса, в контексте языковой ситуации современной ФРГ, авторы склонны объяснять это изменением языкового и этнокультурного ландшафта, которое не готово принять большинство населения страны, включая представителей национальной элиты, и видят в этом закономерное продолжение развития немецкой версии христианства, в виде лютеранства, изначально ориентированной на позитивную политическую деятельность.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая политика, ведущая культура, христианско-демократические партии, национальный контент.

На протяжении последних лет понятие языковая ситуация является элементом ряда научных курсов — лингвокультурного, политического, религиозного, что привело к многообразию трактовок и подходов, выработанных в рамках традиционных и междисциплинарных направлений гуманитарного знания. Это связано не в последнюю очередь с геополитическими изменениями конца XX в. Стремительно меняющийся демографический облик современной Европы в целом и Германии в частности, происходящий на фоне наплыва беженцев, придает данному понятию особую актуальность. Представляя отличный от Старого Света языковой и этнокультурный тип, мигранты поднимают сквозную для всех социальных систем проблему адекватной коммуникации, в рамках которой какой-либо диалог (или полилог) участников может быть реализован только на языке. В данном случае речь идет о немецком языке для всех стремящихся и уже проживающих в Германии.

Другим фактором, актуализирующим языковой аспект, является отмечаемый исследователями во всем мире рост внимания к национальному контексту, понимаемому весьма широко, и выражающему реакцию на глобализацию. Вопреки популярным рассуждениям о размывании государственного суверенитета, а также о снижении значимости национального по сравнению с глобальным или транснациональным, следует признать, что проблематика национального сохраняет свою актуальность для многих современных государств, включая Германию. Проводятся всевозможные кампании по стимулированию национальной идентичности, в кругах интеллигенции не затихают дискуссии о путях ее поддержания и развития. На уровне внешней политики проблематика национального находит выражение в усилиях, направляемых правительством на формирование позитивного образа страны за рубежом, повышение ее репутационного капитала, а также в программах по продвижению национальной культуры и языка.

Наконец, значимость данной темы, акцентирует международный аспект, на фоне которого проблема миграции рассматривается нередко в связи с проблемой международного терроризма и международной безопасности.

Таким образом, выбор данной темы объясняется тесным переплетением основных составляющих социокультурного контекста, которыми являются собственно языковая, этнокультурная, и социально-политическая компоненты. Объектом исследования являются прецедентные тексты нарративного характера, освещающие особенности существования немецкого языка, как языка, передающего важные социокультурные смыслы, и экстралингвистическими факторами. К базовым элементам внеязыковой (экстралингвистической) действительности современная социолингвистика относит коммуникацию,

связанную с определенным видом деятельности, что решающим образом влияет на отбор и организацию языковых средств. Поэтому предметом анализа является речевая деятельность политических и религиозных лидеров, а также возглавляемых ими институтов, предопределивших складывание языковой ситуации в Германии в современном виде

Для осуществления этой задачи мы считаем необходимым представить краткий исторический обзор развития языковой ситуации в Германии, и рассмотреть нововведения в области языковой политики последнего десятилетия, предпринятые правящей коалицией ХДС/ХСС, известные под званием «ведущая культура» (*Leitkultur*). Понимая, что исчерпывающее освещение данной проблемы в рамках одной статьи не представляется возможным, нам хотелось бы наметить основные контуры предполагаемого анализа, то есть обозначить постановку проблемы. Методологической основой работы являются дискурс- и контент-анализ, а также методы, применяемые в научных направлениях, базирующихся на междисциплинарном подходе: социо- и этнолингвистике, и лингвокультурологии.

В ракурсе нашего исследования характеристика языковой ситуации (ЯС) является стартовой позицией, так как дает возможность определить удельный вес и функциональную значимость основных языков и языковых групп в современной ФРГ. При наличии разных трактовок этого понятия большинство лингвистов согласны с тем, что это совокупность форм существования языка (языков, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих коммуникацию в определенной этнической общности, а также региональном или геополитическом объединении.

Тема национального, очевидно, является болезненной для Германии, что связано с трагическими событиями XX столетия. В результате искаженного представления о национальном через апологетику понятий нации и расы по итогам Второй мировой войны народ Германии был разделен и более сорока лет существовал в условиях двух государств, принадлежавших к противостоявшим политическим блокам. Факт воссоединения страны стал предпосылкой нового взгляда на национальную трагедию и стимулом определенного возрождения национальной идеи. Стоит упомянуть, что общей тенденцией для всех государств Старого Света, и Германии в том числе, построенных на идеалах либеральной демократии, было отношение к культурным различиям, а также этническим, конфессиональным, жизненно-стилевым как в принципе преодолимым, что не давало повода для общественных дискуссий. Однако прием на постоянное жительство в последние десятилетия большого числа мигрантов создал ситуацию, угрожающую немецкой идентичности.

Традиционный идеал нации как сплоченного сообщества и придание особого значения культурной общности между гражданами составляет отличительную черту европейских государств во многом именно поэтому называемых «национальными». [17]

Следуя статистике современную Германию можно назвать мононациональной страной, так как в 92% причисляют себя к титульной нации и владеют немецким языком. [9]

Около 7 млн. иностранцев с разным стажем пребывания в стране владеют им или должны осваивать в той мере, в какой это предписывает статус государственного и официального языка страны. Доля представителей ислама среди них колеблется между 3.8–4.3 млн., причем 63% составляют выходцы из Турции. [21]

Примечательно, что за истекший с окончания Второй мировой войны период большая часть прибывших в Германию трудовых мигрантов, уже владея немецким языком и получив гражданство, сохранило приверженность вере и традициям своей страны. Не последнюю роль в данной связи имеет категория сакральности языка, так как для носителей культуры ислама независимо от того, какой язык является для них родным, первостепенное значение имеет приобщенность к арабскому языку, возвещающему божественную истину. Именно существованием литературного арабского языка в качестве общей наддиалектной формы и ее высоким престижем обусловлено признание сильно различающихся арабских территориальных диалектов единым языком, который функционирует как в арабском, так и во всем мусульманском мире. Данное обстоятельство нельзя сбрасывать со счетов при анализе языковой ситуации в Германии не только в связи с концепцией «ведущей культуры», адресованной главным образом представителям ислама, но и при оценке функциональных возможностей немецкого языка в стране и за рубежом. Другим фактором, определяющим восприятие немецкого языка его потенциальными носителями, является его международный статус. На фоне глобализации, неизбежным следствием которой является закрепление за английским языком (750 млн. человек) [4] роли языка-макропосредника, немецкий язык (120 млн. человек) занимает приниженное положение, так как после Второй мировой войны, как язык побежденной страны не был включен в число официальных языков ООН. [8]

Во внутренней жизни страны также заметно повышение роли английского: нередко конференции по германистике проводятся на английском языке, наблюдается вытеснение немецкого языка из ряда дискурсов науки, техники, философии, психологии, финансов, политики. То есть, по отношению к английскому, как «языку вертикали», гарантирующему социальный и карьерный рост,

немецкий после 1945 года, как в стране, так и за рубежом воспринимается, главным образом, как «язык горизонтали», используемый преимущественно во внутриагентском общении. [14]

Данное обстоятельство оказывает существенное влияние на исход спорных и конфликтных ситуаций, затрагивающих вопросы идентичности, особенно, если речь идет об апелляции в наднациональные структуры, где доминирует английский язык. В этой связи уместно вспомнить о сплоченном противодействии со стороны организаций, защищающих интересы мусульманского населения Европы, и выразивших свое несогласие преамбуле к Конституции ЕС, где речь шла о роли христианства в европейской цивилизации. [5]

Понимание национального и религиозного содержания, опосредованного через немецкий язык, исторически имело ряд особенностей. Для населения Западной Европы, включая Германию, историческим сакральным языком являлась латынь, на которой совершалось богослужение и велось делопроизводство католической церкви. С началом Реформации и созданием национальных церквей, когда проповедь и церковная служба стали совершаться на немецком языке, латынь сохранилась только в Римско-католической Церкви. Однако немецкий язык не приобрел статуса сакрального языка, несмотря на труды М. Лютера, сделавшего Библию, по существу, единственным текстом, понятным в равной степени жителям и севера и юга страны. Раздробленность средневековой Германии, результатом которой было повсеместное использование местных диалектов, затрудняли создание единой языковой нормы и поэтому вплоть до второй половины XIX века законодательство с целью укрепления немецкого языка отсутствовало.

Последовавшие за Реформацией религиозные войны продемонстрировали новое соотношение национальной и религиозной компоненты, зафиксированной в языке.

Гарантом соблюдения религиозного мира по условиям Вестфальского договора 1648 г. выступал местный властитель, которому было даровано право определять религию подданных на своей территории. Политические последствия этого события трудно переоценить. Фактически оно означало, что политическая, национальная власть короля или курфюрста объявлялась рангом выше, чем духовная религиозная власть главы местной церкви, что принципиально важно для понимания дальнейших изменений мировоззренческого характера, имеющих место в зонах преобладания немецкоязычного населения. Впервые в истории Германии легитимность власти правителя или национального лидера объяснялась из нее самой без апелляции к духовному авторитету церкви, что отражалось на оформлении нового иде-

ала социально-политического устройства, в качестве которого выступала нация. «... в это время возникает само понятие Родина, Отечество, рождается сознание сопричастности личности к географическим, политическим и психологическим границам территории», — пишет видный российский исследователь С. А. Воронин, анализируя генезис западноевропейского либерального проекта. [6]

Дальнейшее развитие идея значимости немецкого языка и его сакрализация в противовес латыни получила под влиянием деятельности прусских монархов, Фридриха Вильгельма I и Фридриха II. На религиозный институт (протестантскую церковь) ими была возложена задача поддержки, охранения и мобилизации национального духа именно как политическая функция, которая осознавалась как таковая и представителями духовенства. Подтверждением данному начинанию принято считать политику пие-тизма, предпринятую в 1711 г. Фридрихом Вильгельмом I, с целью направить религию непосредственно на службу обществу и государству, на что указывает современный британский историк С. Озмент. [19]

Выпускники теологических факультетов университетов охотно пополняли тогда ряды государственных служащих в учреждениях, открытых для них правительством, что заложило традицию социального служения церкви, а также миссионерской деятельности, необходимой для расширения внешнеполитического влияния прусской монархии. Все это свидетельствует об утверждении протестантизма в качестве национальной государственной идеологии при активном участии светской политической власти, что вело к усилению процесса сакрализации государственных политических институтов по сравнению с религиозными. Вместе с тем считается доказанным стремление немцев к сохранению равновесия между духовной и светской властью, которое не удалось разрушить даже под влиянием кровавых эксцессов Великой французской революции. «Для немцев должным образом сосуществовали индивидуальное просвещение (разум и свобода) и объективная истина (высшая власть и подчинение ей)» [19]. В свете вышесказанного ясно, что историческая практика распространения немецкой формы протестантизма в виде лютеранства способствовала взаимопроникновению элементов национального и религиозного самосознания, сопровождалась сращиванием религиозных и национальных традиций и находила выражение в наделении преобладающей конфессии национальным и государственным статусом. Подчеркнем, что важнейшим условием успехов прусских монархов, а позднее императоров Германии в процессе преодоления раздробленности, был единый немецкий язык, литературный эталон которого был создан М. Лютером, осуществившим перевод библии, и создавший тем самым единую языковую норму.

К настоящему времени наиболее многочисленными христианскими деноминациями в ФРГ по-прежнему остаются протестанты и католики, причем широкая вовлеченность церквей в социальные программы правительства превратила их в масштабных работодателей. В силу этих обстоятельств, как отмечает А. Н. Крылов, компактно приживающиеся конфессиональные группы в современной Германии сложно классифицировать, как исключительно религиозные или исключительно национальные. [15]

Благодаря бурному развитию немецкой литературы и философии в XIX веке и трудам выдающихся немецких мыслителей, таких как И. Г. Фихте, И. Гердер, В. фон Гумбольдт в осмысление национального контента была включена идея о единстве языка и «духа народа», в значительной степени предвосхитившая современные разработки лингвистов о «языковом менталитете». [12]

В результате социальных экспериментов и войн XX века национальный дискурс в пределах немецкоязычного информационного пространства надолго оказался под запретом, однако с конца XX в. наблюдается оживление интереса к данной проблематике. С одной стороны, этот интерес отражает сопротивление процессу размывания государственного суверенитета в условиях глобализации, а с другой, свидетельствует о стремлении руководства страны переосмыслить уроки прошлого и сформулировать политическую линию, адекватную новому этапу в истории объединенной немецкой демократии в центре Европы. В этой связи языковая политика, проводимая правящим правительственным блоком христианско-демократических партий — ХДС/ХСС и получившая название «ведущая культура» (Leitkultur), представляет собой попытку четко регламентировать адаптацию мигрантов к существующим в Германии культурным и политическим ценностям, при этом первым и неперемным условием является определенный уровень знания немецкого языка. В партийных документах ХДС/ХСС от 2004 г. дается разъяснение Leitkultur, которое понимается как владение немецким языком, лояльность к конституции, уважение к ценностям коренного населения, и признание влияния христианства на формирование немецких ценностей и культуры. [3]

Высказывания политических руководителей, делающих акцент на значении христианства для Германии нередко, но в силу относительной ограниченности носителей немецкого языка обычно не попадают в мировой новостной мейнстрим. Так, об определяющем значении христианского наследия для всех европейцев писала А. Меркель. [18]

Достаточно четко разделительная линия в отношении религиозных ценностей была обозначена и пастором Й. Гауком, который сразу после вступления на пост президента ФРГ в интервью журналу «Zeit» в 2012 г. сказал, что

«хотя мусульмане являются частью современной действительности, ислам не является частью Германии». [13]

Интересно, что сама программа *Leitkultur* явилась концептуальным ответом христианских партий на книгу «Европа без идентичности. Кризис мультикультурного общества» Бассама Тиби, немецкого ученого арабского происхождения, которому данный термин обязан своим появлением. [22] В его трактовке *Leitkultur* представлена как сугубо секулярная модель гражданской нации, обязательная для исполнения, как этническими немцами, так и мусульманами. Столь радикальный подход вызвал в немецком обществе дискуссию, которая со временем приобрела международный резонанс. Первой реакцией на его книгу, увидевшую свет в 1998 году, была статья лидера ХСС, Г. Бекштайна, который, ссылаясь на Б. Тиби, уточнил, что приоритетом политики в отношении иммигрантов должны быть, прежде всего, интересы коренного населения ФРГ. Развивая далее свою мысль, он называет в качестве первоочередных мер ужесточение требований к соискателям гражданства и ограничение иммиграции. В ракурсе нашей статьи принципиально важно, что программа «ведущей культуры» Г. Бекштайна содержала иные акценты в отношении ценностных ориентиров, чем однозначно секулярная трактовка Б. Тиби, так как оперировала понятиями «христианская западная страна» и «правовое государство». Как мы старались показать выше, данные понятия являются фундаментальными этно- и социокультурными смыслами, существующими в зоне немецкоговорящих стран Европы со времен раннего Средневековья и составляющими основу языковой идентичности. Дальнейшее развитие дискуссии о «ведущей культуре» перешагнуло границы Германии, и стала поводом весьма эмоционального обмена мнениями между канцлером Германии и государственным главой Турции, Р. Эрдоганом. Во время визита в ФРГ в 2008 г. Р. Эрдоган пообещал немецким туркам открыть в Германии школы, в которых преподавание будет вестись на турецком языке, назвал ассимиляцию преступлением против человечества и призвал сохранять традиции родного (турецкого) языка. [7]

Со своей стороны, А. Меркель высказала возражение Р. Эрдогану, подчеркнув, что главой государства для немецких турок является канцлер Германии, поэтому их обязанность, как граждан страны — быть лояльными властям ФРГ и адаптироваться к немецкой культуре. [1]

Вопрос языковой идентичности в той или иной форме постоянно и явственно присутствует в поле международных отношений двух стран. Нередко он сопрягается с аксиологическим контекстом, выдвигающим на первый план проблему ценностей. В августе 2017 президент Турции Р. Эрдоган выступил с беспрецедентным призывом к имеющим немецкие паспорта туркам в Германии не голосовать на предстоящих в сентябре выборах в бундестаг

за кандидатов ведущих политических партий страны — блока ХДС/ХСС, социал-демократов (СДПГ), а также «Союза-90/зеленые, так как «все эти партии — враги Турции». Как полагает международный обозреватель С. Латышев, по сути, Эрдоган остановился в шаге от того, чтобы призвать немецких турок создать по примеру своих соплеменников в Нидерландах собственную, построенную на конфессиональном и этническом принципе политическую партию. [16] Речь идет о вновь созданной партии DENK, которая на последних выборах впервые прошла в парламент Нидерландов с заявленной целью отстаивать интересы и идентичность этнических меньшинств. Ответ А. Меркель был выдержан в не менее твердом тоне: «Мы не позволим никому, в том числе и президенту Эрдогану, вмешиваться в свободный выбор наших граждан, в том числе немецких граждан турецкого происхождения. И мы запрещаем любое вмешательство в формирование общественного мнения». [20]

Нескрываемая эмоциональность и пафос полемики глав государств, конечно, имеют под собой веские и достаточно зримые причины, в связи с чем нельзя не упомянуть скандально известную книгу немецкого политика Тило Саррацина «Германия самоликвидируется» [23], издание которой стоило автору карьеры, но не помешало ей мгновенно превратиться в бестселлер. Огромной проблемой современной Германии Саррацин считает плачевное состояние немецкой национальной идентичности. Немцы гордятся тем, что они европейцы, демократы, что они принадлежат к тому или иному кружку, союзу, но принадлежность к немецкой нации вызывает у них чувство замешательства. Данный феномен можно считать следствием политики денацификации, проводимой после Второй мировой войны, когда немецкая национальная идентичность оказалась сведена исключительно к ее культурному аспекту, что нашло выражение в концепте культурной нации (*Kulturation*), основой которой является наличие общего языка, общей истории, традиций, обычаев и т.д. Абсолютно очевидно, что мы имеем здесь дело с попыткой минимизировать ассоциации с той искаженной трактовкой национального, которая стала причиной мировой катастрофы. Однако, как полагает, Хауер-Тюкаркина О.М «... ограничивать понятие «немецкая нация» только рамками культурной общности по меньшей мере рискованно, так как в этом случае нивелируются другие конституирующие элементы, позволяющие говорить о нации, а не о народе, жителях, населении. Современной Германии необходимо реставрировать утраченную национальную идентичность, чем осторожно и занимаются немецкие политики.» [11]

Другой исследователь немецкого национального дискурса, И. Готц, указывает на взаимообусловленность процессов де- и ренационализации. По ее мнению, господствовавший в послевоенное время антинациональный дискурс самое позднее к 90-м годам сменяется нацио-

нальной конъюнктурой, для которой характерны ток-шоу, симпозиумы, выставки, празднование юбилеев на тему национального. Конструкт национальной идентичности начинает трактоваться в рамках дискуссии о мигрантах, инсценироваться в рамках празднования национальных юбилеев, обсуждаться в ходе дебатов о введении двойного гражданства для мигрантов или о „ведущей культуре“ (Leitkultur)...» [10]

Непредвзятый анализ обеих сторон публичной полемики, начало которому положил вышеназванный проект языковой политики христианско-демократического блока, требует признать, что у оппонента А. Меркель, Р.Т. Эрдогана были свои резоны выражать недовольство. Вспомним, что демографические факторы, а именно численность населения, говорящего на том или ином языке представляет собой такой параметр внеязыковой социальной действительности, который способен влиять на изменения в языке, как частного, так и глобального характера. [25].

Население Турции на сегодняшний день составляет более 83 млн. человек и имеет положительный прирост, что делает ее крупнейшей страной, желающей получить членство в Европейском Союзе.[24]

Претензии президента страны, давно стремящейся вступить в ЕС, обусловлены упреками со стороны официальных лиц ФРГ в том, что в Турции не соблюдаются европейские принципы и нормы безопасности, которые отдалают возможность вступления. Обличительная риторика стала особенно заметной после конституционного референдума в Турции, сомнительного с точки зрения Германии, который намного расширил полномочия Р.Т. Эрдогана, создав ему ореол нового турецкого султана, и сделав тем самым крайне неудобной фигурой для Запада. Последовавшее вскоре сворачивание инвестиционного и экономического сотрудничества и туристических связей, анонсированное Берлином, имело все признаки антитурецких санкций [16]

Однако, если следовать нормам избирательной демократии, с пафосом и назидательно декларируемой политическими лидерами Европы, первенство следует признать за волеизъявлением турецкой диаспоры. А она, по свидетельству очевидцев, несмотря на различие политических предпочтений, тяготеет к исторически более понятной, авторитарной форме, и поэтому голосует за Р. Эрдогана. Примечательно и то, что в пропангандистской компании, сопровождавшей референдум, всячески обыгрывалось слово «да» (по-турецки *evet*) и рифмовалось со сходно звучащими понятиями «государство» (*devlet*) и «народ» (*millet*)[16]

В свете вышесказанного ясно, что представленная в качестве «ведущей культуры» (Leitkultur) программа ХДС/

ХСС должна способствовать получению мусульманами гражданства, а также социализации, интеграции и включению в национальный политический процесс в соответствии с исторически сложившейся в Германии иерархией политических ценностей. Она также легитимизирует деятельность государственных служб по борьбе с организациями и лицами, пропагандирующими ксенофобию, исламофобию и религиозный экстремизм. Несомненно и то, что в существующих условиях эта политика поддерживает усилия правящей коалиции по сохранению стабильности и ухода от внутренней конфронтации по языковому и культурно-религиозному признаку. Кратко обозначенная публичная полемика глав государств, имеющая в своей основе различия взаимных ожиданий, в новом освещении ставит проблему государственного суверенитета, а также языковой, религиозной, национальной идентичностей, в конкретной исторической практике всегда опосредованных пониманием религиозной традиции, как наивысшей ценности. Хотелось бы обратить внимание на то, что оба политических лидера, представляющие мировые культурно-религиозные системы — христианство и ислам — в данном споре выдвигали на первый план языковой фактор, а именно, противостояние по линии немецкий — турецкий языки, и как следствие ценностные и жизненно-стилевые различия. Таким образом, актуализация национального контента, связанного с языком, как наиболее органичной формой проявления идентичности, через полемику политических лидеров приобретает международное измерение и нуждается во всестороннем изучении.

Рассмотренная в статье трансформация понятий национального в области политической культуры Германии была обусловлена специфической формой протестантизма, связанной с деятельностью М. Лютера и созданием единой нормы литературного немецкого языка. Характерная для генезиса протестантизма постепенная передача функций религиозного санкционирования носителям политической власти, активно применялась прусскими и германскими монархами, и эволюционировала в условиях немецкой демократии к клерикальным, христианским партиям. В этом смысле политика «ведущей культуры» (Leitkultur), предлагаемая ХДС/ХСС, является закономерным продолжением развития немецкой версии христианства, в виде лютеранства, изначально ориентированной на политическую деятельность. Исторически обусловленная взаимозависимость национального и религиозного контента, закреплённая в литературной языковой норме, способствовала сакрализации национальной составляющей, что на разных этапах исторической практики давало как позитивные, так и негативные результаты. Оценивая актуализацию понятий национального дискурса, как наивысшей позиции в шкале личных и социально значимых ценностей в контексте языковой ситуации современной ФРГ, авторы склонны объяснять

это изменением языкового и этнокультурного ландшафта, которое не готово принять большинство населения страны, включая представителей национальной элиты. Анализ переформатирования концепции Б. Тибби из секулярной *Leitkultur* в «немецкую национальную *Leitkultur* с

христианскими корнями» и ее международный резонанс дает основания рассматривать лингвокультурный подход как один возможных при анализе материалов, освещающих спектр социокультурной и международно-политической проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Angela Merkel: "Ich bin Eure Kanzlerin" // Nachrichten.t-online.de. — 2008. — Mode of access: http://www.nachrichten.t-online.de/integrationspolitik-angela-merkel-widerspricht-erdogan/id_14199654/index (Дата обращения: 11.02.2008).
2. Beckstein G. Annäherung an die Leitkultur. — Mode of access: <http://www.ifa.de/pub/kulturaustausch/archiv/zfk-1999/zwischen-hysterie-und-utopie/beckstein/type/98/>
3. Beschluss C34 des 18. Parteitags der CDU Deutschlands. Im deutschen Interesse: Integration fördern und fordern, Islamismus bekämpfen! — Mode of access: http://www.cdu.de/doc/pdfc/12_07_04_Beschluss__Duesseldorf_Integration.pdf;
4. British Council. URL: <http://www.britishcouncil.org/learning-faq-theenglish-language.htm> (Дата обращения: 10.06.2014)
5. Быкова Г. И. Внешняя политика Ватикана в европейском регионе в 1990–2012 гг. Из истории современных международных отношений. Монография. LAP LAMBERT Academic Publishing OmniScriptum GmbH & Co. KG, 2016, с. 200–201
6. Воронин С. А. Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. М.: Изд-во Школа великих книг, 2015. С. 232.
7. Erdogan für türkische Schulen in Deutschland // Focus. — 2008. — 8 Februar. — Mode of access: http://www.focus.de/politik/deutschland/integration_aid_237058.html
8. Fragespiel. URL: http://www.fragespiel.com/quizfragen/meistgesprochenen_sprachen_liste.html (Дата обращения: 10.06.2014)
9. Германия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Германия#.D0.9D.D0.B0.D1.81.D0.B5.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B5>
10. Gotz I. 2011. Deutsche Identitäten: Die Wiederentdeckung des Nationalen nach 1989. — Köln, Wien.
11. Хауер-Тюкаркина О. М. Дискурс национального в современном немецком обществе, <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-natsionalnogo-v-sovremennom-nemetskom-obschestve>
12. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. Перевод с немецкого: А. А. Иваненко. Изд.: Наука, СПб, 2009 г., — 352 с; Гердер Иоганн. Избранные сочинения Сост. В. М. Жирмунский. Пер. под ред. В. М. Жирмунского и Н. А. Сигал. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы. 1959. — 392 с. Серия Памятники мировой эстетической и критической мысли; Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985. — 452
13. Integrationsdebatte: Gauck distanziert sich von Wulffs Islam-Rede. — 31.05.2012 <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/integration-gauck-distanziert-sich-von-wulffs-islam-rede-a-836241.html>
14. Кобенко Ю. В. Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экзоглозные тенденции. Томск, 2014. — С. 8
15. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Издательство ИКАР, 2014. с.180–181
16. Латышев С. Эрдоган не выдал Меркель ярлык на канцлерство. https://tsargrad.tv/articles/jerdogan-ne-vydal-merkel-jarlyk-na-kanclerstvo_81392;
17. Латышев С. Как и почему Германия рассорилась с Турцией. https://tsargrad.tv/articles/kak-i-pochemu-germanija-rassorilas-s-turciej_75826
18. Латышев С. Турция повернулась спиной к Западу. https://tsargrad.tv/articles/turcija-povernulas-spinoj-k-zapadu_59042
19. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. -2-е изд. — М.: КДУ, 2010. — 318 с. С. 253–254.
20. Merkel, Angela: Europas Werte — was uns prägt, verbindet und leitet. In: Butiglioni, Risto, Spananberger, Michael (Hrsg.): Gott ist treu. Festschrift für Paul Josef Kardinal Cordes. — Augsburg: Sankt Ulrich Verlag, 2008. — S.1
21. Озмент С. Могучая крепость. Новая история германского народа. / Стивен Озмент; пер. с англ. М. Жуковой. -М.: АСТ: Астрель, 2010. -539 с. С. 186–187
22. Правительство ФРГ запретило Эрдогану вмешиваться в выборы <https://www.dw.com/ru/правительство-фрг-запретило-эрдогану-вмешиваться-в-выборы/a-40157683>
23. Studie über Muslime in Deutschland.
24. <http://www.gea.de/nachrichten/politik/studie+ueber+muslime+in+deutschland.1497154.htm>
25. Tibi B. Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft. — München: C. Bertelsmann Verlag, 1998.
26. Thilo Sarrazin. Deutschland schafft sich ab. — DVA, — 2012; Саррацин Тило Германия: самоликвидация. М., 2012.
27. Счетчик населения: Турция. <https://countrymeters.info/ru/Turkey>
28. Социолингвистический словарь. https://sociolinguistics_dictionary.academic.ru

© Быкова Галина Ивановна (Bykova_gi@pfur.ru),

Петрова Елена Эмильевна (Petrova_ee@pfur.ru), Никулина Елена Фёдоровна (Nikulina_ef@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИМВОЛИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ «WHITE» В ИДИОМАТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ведута Ольга Витальевна

К.п.н., доцент, Тюменский индустриальный
университет
o_veduta@mail.ru

SYMBOLISM OF THE COLOUR TERM "WHITE" IN THE IDIOMATIC WORLDVIEW OF THE ENGLISH LANGUAGE

O. Veduta

Summary. This article considers metaphorical meanings of the colour term "white" in the idiomatic worldview of the English language. It describes the white colour symbolism in different cultures and analyses its reflection in English idioms. It identifies the particularities of white colour symbolism in the English language. The study resulted in the conclusion that the symbolism of the colour term "white" in the idiomatic worldview of the English language reflects both the philosophical and axiological understanding of the surrounding reality by mankind, and the peculiarities of the English national culture.

Keywords: linguistic worldview, idioms, colour term, metaphorical meaning, symbolism.

Аннотация. В данной статье рассмотрены метафорические значения цветообозначения white в идиоматической картине мира английского языка. Описана символика белого цвета, свойственная большинству культур. Проанализировано отражение данной символики в идиомах английского языка. Выявлены особенности интерпретации цветообозначения white, присущие англоязычной культуре. В результате исследования сделан вывод, что символика белого цвета в идиоматической картине мира английского языка отражает как философско-ценностное осмысление окружающей действительности человечеством в целом, так и особенности английской национальной культуры.

Ключевые слова: языковая картина мира, идиомы, цветообозначение, метафорическое значение, символика.

О владение иностранным языком включает в себя такой неотъемлемый компонент как освоение языковой картины мира другого этноса. Каждый народ по-своему воспринимает и интерпретирует окружающую действительность, поэтому языковая картина мира национально детерминирована.

Важным компонентом языковой картины мира является идиоматическая картина, так как наиболее ярко национальные особенности проявляются в устойчивых выражениях, искусственно созданных народом в процессе деятельности и творчества. В идиоматической картине мира выделяется отдельная группа идиом, содержащих в своем составе компонент цветообозначения. Н.Н. Амосова отмечает, что «цвета играют большую роль в формировании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [1]. Практически все высокоразвитые языки мира содержат большое количество идиом с цветовой составляющей, что говорит о символичности цветов и значительном потенциале фразеологической активности данной группы лексем.

Частота встречаемости слов в составе идиом зависит от их эмоционально-экспрессивного потенциала, семантического богатства и древности происхождения. Все слова, обозначающие цвет, обладают этими характеристиками, но не все они появились в языке одновременно. Исследовав более сотни различных языков, ученые П. Кей и Б. Берлин пришли к выводу, что процесс возникновения и развития цветообозначений в языках мира универсален и названия цветов во всех языках появлялись в определенном порядке. Наиболее древними являются светлый (белый) и темный (черный) как следствие наблюдения древними людьми за сменой дня и ночи. Ученые также установили, что наличие слов-цветообозначений в языках подчинено универсальной иерархической закономерности. Если язык содержит всего два базовых цвета, то это будут «макро-белый» и «макро-черный» [2]. Исследование П. Кея и Б. Берлина объясняет тот факт, что в современных языках (например, английском и русском) устойчивые словосочетания, содержащие в своем составе компоненты белый (white) и черный (black) являются самыми многочисленными, следовательно, данные идиомы представляют наибольший интерес для исследования.

Наблюдая за явлениями природы, разные народы придавали цветам схожие символические значения. Однако из-за различия условий формирования и развития цивилизаций, один и тот же цвет нередко приобретал неодинаковое метафорическое содержание. Символика цвета может варьироваться не только у разных народов, но и в рамках одной социокультурной общности.

В данной работе мы попытаемся выяснить, какие метафорические значения белого характерны для большинства культур, находят ли эти значения свое отражение в идиомах английского языка, а также выявить особенности символики данного цвета в англоязычной культуре.

Изначально возникший как обозначение дня и света белый цвет в большинстве культур имеет в основном позитивную символику, он обозначает благо, чистоту, невинность, честность. Белый символизирует добрых духов и противостоит черному, как цвету злых демонических сил.

Исследователь примитивных культур африканских племен В. Тэрнер считает, что истоки символики белого цвета (как и всех остальных цветов) необходимо искать в наглядно-чувственном и психобиологическом опыте человека. Белый — цвет дня, то есть времени, когда человек наиболее активен и деятелен, и способен воспринимать окружающий мир ясно и отчетливо. Белый также цвет молока, отсюда происходит его символическое значение источника жизни и здоровья. Оптически белый цвет воспринимается как эталон чистоты, нечто противоположное хаосу и грязи, что привело к возникновению символического значения чистоты мыслей и поступков, морально-этических норм поведения. В. Тэрнер отмечает, что восприятие белого цвета в примитивных африканских культурах однозначно положительное. Белая краска и амулеты из белой глины широко используются для привлечения добрых богов, которые должны были защитить человека от злых духов и разрушительных сил природы. С символикой белого также связаны представления данных народов о гармонии, традиции, чистоте, о явном, публичном, общепринятом и законном [3].

Как символ солнца, которое во многих древних культурах является верховным божеством, белый отождествляется с величием и властью, а также связью с богами. В Древней Индии белый был цветом касты брахманов (священнослужителей, ученых и представителей высших слоев общества). В Древнем Египте во время религиозных обрядов жрецы облачались в белые одежды. Во времена античности белый доминировал в одежде аристократии. Жрецы в Древней Греции и весталки в Древнем Риме носили белые одежды. В буддизме белый лотос — символ просветления Будды, он присутствует в изображениях всех важных и почитаемых божеств.

В более поздних религиях (христианстве и исламе) белый — цвет чистоты, святости и освобождения от грехов. В христианстве в белых одеждах изображаются ангелы, святые и новообращенные верующие. Белый цвет также считается символом целомудрия. Белая лилия, сопровождающая изображения Девы Марии, указывает на ее непорочность. В исламе белый цвет также подчеркивает величие Аллаха. Головы пророка Мухаммеда и его приближенных покрывают тюрбаны из белой материи.

Несмотря на ярко выраженную положительную символику белого цвета, различными народами приписывались ему и отрицательные значения. Так людьми было замечено, что белый цвет присущ некоторым разрушительным и враждебным человеку стихиям (гребни высоких волн, снег и метель), а также белый — цвет седых волос, указывающих на угасание жизни. В скандинавской мифологии богиня смерти Хель живет в холодном и безжизненном белом мире, одна ее половина мертвенно-белая. Таким образом, белый — это еще и символ смерти.

Обозначающий угасание и смерть, а также превосходство духа над плотью белый становится цветом траура у многих народов, однако он символизирует не столько боль утраты и скорбь, сколько торжественность перехода в лучший мир, радость встречи с Богом и предками. Траурные одеяния белого цвета носят в Индии и других стран Юго-Восточной Азии. Во многих культурах (в том числе христианстве и исламе) усопших покрывают белым саваном.

Нездоровая бледность, бельмо на глазу и некоторые другие телесные проявления нездоровья привели к возникновению ассоциации белого цвета с болезнью. Людями также было отмечено, что кровь отливает от лица и оно становится белым под воздействием негативных эмоций таких как страх или сильное волнение.

Метафорические значения белый цвет приобретал не только в процессе наблюдения людьми за различными явлениями окружающей действительности, но и в результате исторических событий. Так первые упоминания о использовании белого флага как символа капитуляции относятся к временам древнекитайской династии Хань (206 до н.э.— 220 н.э.). Древнеримский историк Публий Корнелий Тацит в своей работе «Анналы. История» говорит о том, что в 69 году н.э. римские солдаты, сдаваясь, подняли белый флаг и с тех пор римская армия использовала его как знак капитуляции либо предложения переговоров [4]. Так как могущественная Римская Империя оказывала значительное влияние на развитие культуры других стран, данный символ вскоре стал общепризнанным и был утвержден в качестве официального во время Гаагских конференций 1899 и 1907 гг.

Таким образом, анализ символических значений белого у разных народов, позволяет выделить следующие схожие интерпретации:

1. символ божественного начала, связи с божеством, духовности, святости, очищения от грехов;
2. символ нравственности, честности, невинности, чистоты, непорочности;
3. символ знатности и величия;
4. символ угасания жизни, смерти, траура;
5. символ нездоровья и плохого самочувствия;
6. символ капитуляции.

Попытаемся рассмотреть, какие из выделенных символических значений белого находят отражение в британской культуре и идиомах английского языка, а также какие интерпретации этого цвета свойственны только данному этносу.

Как и у многих народов в англоязычной культуре белый цвет символизирует связь с Богом и духовность. Сначала друиды, а затем священники носили белые одежды. Значение белого как символа освобождения от грехов выражено в идиоме *to put on a white sheet* — покаяться.

Белый цвет как символ нравственности, честности, невинности широко используется в английском языке. Существует целый ряд устойчивых выражений с компонентом *white* (белый), описывающих человека, честность которого не подлежит сомнению, например, *whiter than white* (дословно «белее белого», кристально честный), *lily-white reputation* («белая как лилия», незапятнанная репутация), *white hands* («белые», чистые руки, незапятнанность). Выражение *white cash* — «белая наличность» обозначает законные честно заработанные и декларируемые в налоговой отчетности деньги.

Нам не удалось найти в английском языке устойчивых выражений, в которых белый цвет символизирует знатность и величие. Однако в идиомах *white-collar worker* («белый воротничок», офисный работник) и *white-collar job* (работа в офисе) цветокомпонент *white* обозначает образованного человека, профессионала, занятого умственным трудом и используется для дифференциации с низкоквалифицированными сотрудниками, выполняющими физическую работу.

В британской культуре основным цветом траура был черный. Однако в викторианской Англии этикет позволял скорбящим после окончания периодов строго траура носить одежды черно-белых цветов. Также было принято хоронить детей и невинных девушек в одеждах белого цвета, символизовавшего их чистоту и безгрешность.

В английском языке существует несколько устойчивых выражений с цветообозначением *white* для описания побледневшего человека (*to be white as sheet* (ghost, death) — «быть белым как полотно (привидение, смерть)», очень сильно побледнеть обычно от страха или волнения). Белый цвет также встречается в английских фразеологизмах, обозначающих название болезней (*white scourge* — «белое бедствие», туберкулез).

Белый как символ капитуляции используется в английском устойчивом выражении *to raise a white flag* — поднять белый флаг, сдаться.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что наблюдается полное или частичное совпадение символики белого в англоязычной культуре с наиболее типичными интерпретациями у других народов.

Однако в английском языке можно выделить метафорические значения белого отличные от общепринятых. Так белый цвет употребляется для смягчения или нейтрализации негативных чувств и поступков (*white lie* — ложь во спасение, *white envy* — белая зависть). Данный цветокомпонент ассоциируется с удачей и счастьем (*to mark with a white stone* — «отметить белым камнем», отметить какой-либо день как особо удачливый и счастливый; *white day* — «белый день», радостный день, счастливая полоса в жизни). Белый присутствует в английских идиомах, описывающих негативные чувства и эмоции (*to be white-hot* — «быть раскаленным добела», быть разъяренным, доведенным до белого каления; *to show the white feather* — проявить малодушие, струсить). Устойчивое выражение *white elephant* — «белый слон» обозначает обузу, обременительное имущество, дорогостоящую, но ненужную или неудобную вещь.

Необходимо отметить, что в языковой картине мира английского языка встречаются прямо противоположные метафорические значения белого цвета. Выше были приведены примеры идиом, в которых белый символизирует честность, однако в устойчивых выражениях *to bleed white* (выманить последние деньги, обобрать до нитки), *whited sepulchre* («гроб повапленный», притворщик, лицемер), *to whitewash* (пытаться скрыть недостатки) данный цвет используется для вербализации концепта «нечестность, плутовство».

Таким образом, все вышеперечисленное позволяет утверждать, что символика белого цвета в идиоматической картине мира английского языка отражает как философско-ценностное осмысление окружающей действительности человечеством в целом, так и особенности английской национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. М.: Инфра — М, 2009. 226 с.
2. Berlin B., Kay P. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. 178 p.
3. Тёрнер В. У. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
4. Тацит К. Анналы. История. М.: Эксмо, 2012. 896 с.

© Ведута Ольга Витальевна (o_veduta@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СХОДСТВО ЗНАЧЕНИЙ ПОСЛОВИЦ РАЗНЫХ НАРОДОВ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

SIMILARITY OF THE PROVERBS IN DIFFERENT NATIONALITIES BY THE EXAMPLE OF THE ENGLISH, RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES

**N. Gafiatullina
A. Artamonova**

Summary. this article examines the degree of study of proverbs in philology and their role. The authors consider the question of the similarity of the proverbs of English, Russian, Tatar, since despite the fact that these peoples belong to different language groups, a common in their proverbs can be found. It also analyzes that some of the proverbial educations, traditionally represented in dictionaries and reference books as variants of larger units, are in fact completely independent speeches.

Keywords: proverbs, analysis, linguists, language, people.

Гафиатуллина Наиля Рамилевна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева-КАИ», г. Казань
nailya.gafiatullina@inbox.ru

Артамонова Алина Альбертовна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева-КАИ», г. Казань
a_artamonova@inbox.ru

Аннотация. в данной статье рассматривается степень изученности пословиц в филологии и их роль. Авторы рассматривают вопрос о сходстве пословиц английских, русских, татарских, так как несмотря на то, что эти народы относятся к разным языковым группам, общее в их пословицах можно найти. А также проводится анализ, что некоторые пословичные образования, традиционно представляемые в словарях и справочниках как варианты более крупных единиц, на самом деле являются вполне самостоятельными речениями.

Ключевые слова: пословицы, анализ, лингвисты, язык, народ.

Стремление к постижению взаимодействия языка и личности, языка и этноса, интерпретация языка как формы сознания и транслятора культуры, как конструктивного свойства человека, как выразителя и носителя мысли, продуцируемой автором или коллективной личностью этноса, как средства познания человеком себя и окружающей действительности, средства выражения и сохранения для потомков коллективной мудрости, каковой является корпус пословиц и поговорок любого этноса,— всё это привлекает внимание исследователей к пословицам и поговоркам как одного народа, так и достаточно удаленных по характеру жизненных условий этносов, ведь провербиальные выражения можно с полным правом считать «источником культурно-национальной интерпретации действительности в силу того, что они не только содержат обширные сведения о мировидении народа, но и представляют собой определённо-го рода сентенции» [Малишевская 1999: 180].

В настоящее время пословицы и поговорки продолжают привлекать к себе внимание ученых разных стран. Пословицы составляют важнейший элемент духовной культуры каждого народа, бесценное наследие нашего народа. В них мудрость и жизненный опыт многих поколений. Они учат, советуют, предостерегают; хвалят трудолюбие, честность, смелость, доброту; высмеивают зависть, жадность, трусость, лень; осуждают эгоизм, зло; поощряют прилежание, благородство, упорство. В пословицах и поговорках отражен богатый исторический

опыт. У каждого народа представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой свои, но многие ценности, такие как добро и зло, труд и лень, остаются одинаковыми. Неоднозначность природы пословиц и поговорок предоставляют возможность их изучения с точки зрения разных наук: фольклористики, поэтики, лингвистики. Наибольшую трудность при их изучении представляет проблема определения данного языкового явления [3]. Долгое время фольклористы и языковеды ставили перед собой задачу по формированию четких критериев, позволяющих решить проблему отнесенности того или иного изречения к кругу пословиц или поговорок. В результате ученые-лингвисты занимались проблемами описания, классификации и типологии паремиологических единиц. [1]

На современном этапе развития паремиологии все более актуальной становится проблема рассмотрения паремиологического знака в аспекте взаимодействия языка и культуры (В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, А. И. Мелерович, Н. Ф. Алиференко, Л. Б. Савенкова, Е. В. Иванова). А. Дандис утверждает, что именно в языке фольклора имплицитные признаки мировидения становятся эксплицитными, поэтому «фольклор представляет собой очень важный материал для серьезного исследования мировидения» [Dundes 1980: 70].

Пословицы, являясь частью культуры народа, всегда оставались и останутся актуальными, несмотря на раз-

витие экономики и техники, на прогресс и т.д. В любое время пословицы будут характерной чертой данного народа, объектом внимания и исследования. Анализ собранного материала показал, что некоторые пословичные образования, традиционно представляемые в словарях и справочниках как варианты более крупных единиц, на самом деле являются вполне самостоятельными речениями.

Пословицы и поговорки, являясь частью фольклора этноса, представляют собой одну из форм фиксации в языке обычаев, норм, традиций и коллективных представлений о мире. «Язык пословиц, консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения ..., оказывается одним из самых богатых и надежных документальных свидетельств форм человеческой культуры» [Жданова 2004: 154]. Кроме того, несмотря на определенную степень архаичности и неизменности, пословицы и поговорки, как показывают исследования (Т.П. Никитина, Е.И. Селиверстова), очень чутко реагирует на любые изменения экстралингвистической реальности.

Яркость проявления народного менталитета в пословицах и поговорках, возможность реконструировать законченные пословичные картины мира делают интересным их сопоставительное изучение. В настоящее время безусловный интерес представляет сопоставительный анализ пословиц и поговорок двух или нескольких языков, ставящий своей задачей не традиционное выявление генетических и типологических черт пословиц, а сопоставление их в плане обнаружения общего и различного в представлении о мире, отраженном в паремиологических фондах. Однако мы согласно с мнением, что нельзя говорить о равенстве фольклорных данных и этнографических при построении картины мира того или иного этноса [Никитина 2004: 63]. В любом случае данные, полученные в результате исследований фольклора, помогают дополнить, оживить и даже объяснить этнографические данные.

В данной работе рассматривается вопрос о сходстве пословиц английских, русских, татарских. Ведь, несмотря на то, что эти народы относятся к разным языковым группам, общее в их пословицах можно найти.

В чём же пословицы совпадают и чем отличаются? Есть ли абсолютные эквиваленты в разных языках? Татарская пословица утверждает: «В поле и жук мясо», широко известна соответствующая русская: «На безрыбье и рак рыба». (A man can die but once.) — «Человек может умереть лишь один раз» — английская пословица, русский аналог: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Каждая из этих татарских и английских пословиц и соответствующие им русские имеют одно и то же логическое содержание. По выражению татар, «Язык до Ие-

русалима доведёт», — русских «Язык до Киева доведёт». «Не подыхай, осёл, придёт весна, зазеленеет трава» (татарская) — «Терпи, казак, атаманом будешь» (русская).

Приведенные примеры — это пословицы одного смысла и одной структуры, но разные по реалиям. Эти пословицы передают одни и те же смысловые ситуации, и на этом основывается их **сходство**. Но «строительный» материал, который использован для их создания у разных народов, отличен. В этом и проявляется их **специфика**.

Есть татарские и русские пословицы и поговорки, которые полностью совпадают или отличаются лишь несколькими словесными элементами. Например: «Не всё то золото, что блестит» (татарская и русская); «Где тонко, там и рвётся» (татарская и русская); «Доброе дело и в воде не тонет» (татарская и русская). Аналогичны по значению, употреблению и лексическому составу и английские пословицы. Например: «Яблоко от яблони недалеко падает», «Око за око, зуб за зуб».

Многие пословицы и поговорки легко переводятся на русский язык, другие же нуждаются в объяснении, так как наоборот, не имеют ничего общего с нашими русскими выражениями, хотя иногда можно догадаться о их смысле. В каждом языке существуют фразы и выражения, которые нельзя понимать буквально, даже если известно значение каждого слова и ясна грамматическая конструкция. Смысл такой фразы остается непонятным и странным. Попытки дословного перевода пословиц и поговорок могут привести к неожиданному, часто нелепому результату.

Например, английская фраза «not room to swing a cat» (дословно: «нет места, чтобы размахивать кошкой») соответствует русскому выражению «Яблоку негде упасть», или «The glass is always greener on the other side of the fence», дословный перевод этой пословицы звучит так: «Трава всегда зеленее по ту сторону забора», но в русском языке такой пословицы нет, зато есть другая: «Хорошо там, где нас нет».

В качестве исследовательского материала мы выбрали пословицы только по двум темам:

- ◆ труд и лень,
- ◆ ум и глупость.

Далее я попыталась применить все приобретенные мною в ходе работы над исследованием знания путем анализа и перевода английских и татарских пословиц на русский язык.

Сначала отобрали необходимые пословицы на русском языке, затем, используя ресурсы Интернет, соб-

Таблица 1. Английские и русские пословицы

Пословицы на английском языке	Дословный перевод	Русский аналог
Труд и лень		
A cat in gloves catches no mice	Кот в перчатках мышей не поймает.	Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.
Nothing ventured, nothing gained	Без риска ничего не получить.	
No pain, no gain	Нет стараний, нет заработка.	
The early bird catches the worm	Ранняя птица поймает червя.	Кто рано встает, тому Бог дает.
What goes around, comes around	Что уходило вокруг, то приходит вокруг	Что посеешь, то и пожнешь. Как аукнется, так и откликнется.
You reap what you sow.	Ты будешь жать, что ты засеешь.	Что посеешь, то и пожнешь
All work and no play makes Jack a dull boy	Вся работа, а не игра делают Джека скучным мальчиком	От работы кони дохнут
A good beginning makes a good ending	Хорошее начало делает хороший конец.	Хорошее начало делу середина.
Care killed the cat.	Забота убила кошку.	Не работа старит, а забота.
Practise what you preach	Поступай так, как проповедуешь	Слова не должны расходиться с делом
Deeds, not words	Дело не слово. Нужны дела, а не слова.	О человеке судят по его делам.
Actions speak louder than words	Поступки говорят громче слов.	Дела говорят сами за себя.
God gives the nuts, but he does not crack them	Бог дает орешки, но не разламывает их.	На бога надейся, а сам не плошай.
Ум и глупость		
A fool and his money are soon parted	Дурак и его деньги скоро разделятся	Не будет ума, не будет и рубля.
Two heads are better than one	Две головы лучше, чем одна.	Одна голова хорошо, а две — лучше.
Look before you leap.	Смотри перед своим прыжком	Семь раз отмерь, один отрежь. Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.
Be easier said than done	Легче сказать, чем сделать.	Проще сказать, чем сделать.
All that glitters is not gold	Все блестящее не золото.	Не все то золото, что блестит.

Таблица 2. Татарские и русские пословицы

Пословицы на татарском языке	Русский аналог
Эшкә вакыт, уенга сәгать	Делу время, потехе час.
Төтенә куп — уты аз, шау — шуы куп — эше аз.	Много дыма — мало огня, шуму много — дела мало.
Бугенге эшенең иртәгәгә калдырма.	Не оставляй сегодняшнюю работу на завтра.
Ике кеше эшләгәнне 10 ахмак карап тора.	Двое пашут, а семеро руками машут.
Куз-куркак, кул-батыр	Глаза страшатся, а руки делают.
Агач жимеше белән, Адәм эше белән.	Дерево плодами, Адам делами.
Суз кирәкми, эш кирәк.—	Не нужны слова, нужны дела.
Эш эш инде ул.	Не нужны слова, нужны дела.
Һәрбер эшнең үз вакыты бар.	Каждому делу свое время.
Кеше эшенә тотынма.	Не за свое дело не берись

ственные знания татарского языка, постарались найти пословицы на английском и татарском языке по данным темам, перевели их дословно. Получили следующие результаты (*Приложение № 2 и № 3*).

- ◆ Есть пословицы, которые полностью переводятся одинаково на русский язык, то есть английский и татарский вариант полностью соответствует русскому;
- ◆ пословицы, которые частично переводятся одинаково на русский язык, то есть английский вариант несколько отличается от русского;
- ◆ пословицы, которые полностью отличаются переводом на русский язык.

Проанализировав английские, русские и татарские пословицы, мы пришли к следующим выводам:

1. пословицы многозначны и яркие. Они находятся вне времени и вне классового деления, т.е. их произносят как богатые люди, так и люди низших слоев общества;
2. пословицы английского, русского и татарского языков довольно-таки трудны для перевода на другие языки и многие не переводятся дословно;

3. почти в любом языке можно подобрать эквиваленты английским, русским и татарским пословицам;
4. Пословицы как жанр устного народного творчества характерны и для русского, и для английского и для татарского языка. Они являются выражением народной мудрости, исторической памяти, затрагивают практически все сферы жизни и ситуации.

Из всего вышесказанного следует, что любой переводчик должен владеть навыками перевода единиц устного народного творчества, уметь не просто их дословно переводить, а складно и грамотно передавать их основное содержание. Пословицы нельзя переводить на другие языки дословно, потому что их значение не складывается из суммы значений тех слов, которые в них входят. Подавляющее большинство пословиц выражают те или иные мысли образно, эмоционально, неся при этом отпечаток неповторимого национального колорита.

Невозможно отобразить все богатство пословиц в одной работе, возможности образного осмысления окружающей действительности безграничны и у любого народа есть свои находки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гафиатуллина Н. Р. Вербализация бинарных концептов мудрость/акыл и глупость/юлэрлек в английском и татарском языках: дис. канд. филол. наук. — Казань, 2012. — С. 80–86.
2. Жданова В. В. Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания / В. В. Жданова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. — М., 2004. — С. 151–161.
3. Яхина Р. Р. К вопросу об исследовании терминологических систем: Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 33. С. 239–246.
4. A Common Ontology for Linguistic Concepts. — Режим доступа: <http://emeld.org/documents/KnowTech-CommonOntology.pdf>.
5. Cicourel A. V. The Role of Cognitive-Linguistic Concepts in Understanding Everyday Social Interactions / A. V. Cicourel // Annual Review of Sociology. — Vol. 7: 87–106. — 1981.

© Гафиатуллина Наиля Рамилевна (nailya.gafiatullina@inbox.ru), Артамонова Алина Альбертовна (a_artamonova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНОВ И.С. ТУРГЕНЕВА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНОВ «РУДИН» И «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

Дин Нин

Аспирант, МГУ имени М. В. Ломоносова
lynne_tin@mail.ru

**CULTURALLY CONDITIONED
DIFFICULTIES IN TRANSLATING
THE NOVELS BY IVAN S. TURGENEV
INTO CHINESE (BASED ON THE
TRANSLATIONS OF THE NOVELS
«RUDIN» AND «FATHERS AND SONS»)**

Ding Ning

Summary. The process of translating works of Russian classics has always been a topical issue in linguistics and translation theory, as well as in cultural studies, psychology, and even political rhetoric. More influence on the translation of texts had and continues to have the specifics of Chinese culture and world perception, reflected in the “linguistic picture of the world”, the grammatical structures of sentences and the selection of vocabulary. With examples of translations by different authors, this article discusses the specific methods and techniques used by Chinese translators in the process of translating the works of Ivan S. Turgenev from Russian to Chinese.

Keywords: translation, translation theory, Ivan S. Turgenev, «Rudin», «Fathers and Sons», Literature.

Аннотация. Процесс перевода произведений русских классиков всегда был актуальным вопросом как лингвистики и теории перевода, так и культурологии, психологии и даже политической риторики. Большое влияние на перевод текстов оказывала и продолжает оказывать специфика китайской культуры и мировосприятия, отражающиеся в «языковой картине мира», грамматических структурах предложений и подборе лексики. На примерах переводов разных авторов в данной статье рассматриваются конкретные методы и приёмы, которыми пользуются китайские переводчики в процессе перевода значимых для китайского народа и его культуры произведений И. С. Тургенева с русского на китайский язык.

Ключевые слова: перевод, теория перевода, И. С. Тургенев, «Рудин», «Отцы и дети», литература.

При переводе произведений русских писателей на любой язык, а тем более на такой непохожий на славянские языки, как китайский, важно учитывать целый ряд факторов, применять целый набор приёмов. Как справедливо отмечает Р.К. Миньяр-Белоручев, «перевод будет полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует» (Миньяр-Белоручев, 2001). Если говорить о культуре Китая или России в данном контексте, то переводчику полезно знать как можно больше об истории, традициях, литературе, искусстве, нравах и обычаях народа, особенностях восприятия китайцами окружающего мира и т.д. (Щичко, 2004).

Лингвистические причины преобразований оригинального текста на русском языке при переводе на китайский язык продиктованы различиями языковых систем, норм и узусов языков. Экстралингвистические причины преобразований, в свою очередь, определя-

ются различиями в культурном опыте автора оригинала и реципиентов перевода. Как устный, так и письменный языки отражают характер народа, его обычаи, а также особенности культурно-исторического развития, формирующие «картину мира», специфичную для людей, говорящих на одном языке. Несовпадение «картин мира» становится источником трудностей при переводе.

Н.К. Гарбовский (Гарбовский, 1998, с. 375) отмечал, что контакт и, скорее, столкновение культур при переводе — это столкновение «культуры как объективного способа жизнедеятельности одного народа, субъективно воспринятой и описанной автором оригинала, с субъективными представлениями переводчика об этой культуре», а также понимание переводчиком интерпретации культуры самим автором.

Кроме того, в рамках сравнительно-исторического литературоведения, или в рамках концепции «межли-

тературных общностей», о которой пишет Д. Дюришин (Дюришин, 1993, с. 28), перевод является одной из форм интерпретации текста, которая крайне важна и необходима для читателя, не знающего иностранный язык. Таким образом, перевод — это показатель восприятия другой культурой текста-источника. Впрочем, это восприятие может несколько исказиться в процессе адаптации текста-источника к реалиям другого языка, другой культуры.

Необходимость таких изменений существует всегда, но не всегда ярко и однозначно проявляется. В этом случае переводчик берет на себя функции эксперта по культуре страны, с языка которой выполняется перевод. Именно поэтому для правильного перевода важен не только лингвистический, но и ситуативный контекст перевода. В случае с переводом произведений И. С. Тургенева на китайский язык, специалистам, осуществляющим перевод, необходимо не только прекрасно знать и понимать русский язык образца начала прошлого века со всеми его реалиями и контекстами, но и ориентироваться в базовых понятиях христианства в целом и православия в частности.

Учитывая все перечисленные аспекты, нельзя считать переводную литературу, даже максимально качественно переведённую, абсолютным источником знания об иноязычной культуре. Сопоставление текстов оригинала и перевода может предоставить важную информацию, не только о различии языковых и понятийных картин мира, но и о том, как автор интерпретирует общие понятия, которые подчас крайне трудно перевести и донести в целостности до иноязычного читателя. Иногда для облегчения восприятия переводного текста переводчики могут вовсе отказаться от перевода сложных для понимания реципиентов, принадлежащих к другой культуре, прибегают к приемам генерализации и конкретизации. Такие приёмы, с одной стороны, помогают избежать включения слов-реалий в текст перевода, с другой стороны, обеспечивают семантическое соответствие лексики, связанной с реалиями, при переводе.

Кроме всего прочего, наличие синонимии даёт переводчику возможность достичь относительной адекватности при переводе. Как будет видно из примеров, в произведениях И. С. Тургенева встречается множество слов с ситуативным оттенком, схожим с общераспространённым и современным значением, но не полностью совпадающим. К тому же, образность, характерная для тургеневского стиля, которой так восхищаются читатели и на русском и на китайском языке, представляет собой сложную задачу для переводчиков, которым приходится из-за недостаточного внимания к контексту, неполного проникновения в культурную картину той эпохи и того народа, или даже осознания проработан-

ности образа, прибегать к упрощению и синонимичным лексическим рядам.

Сравним переводы отрывков из произведений И. С. Тургенева, выполненные различными китайскими переводчиками и рассмотрим на примерах, какими средствами и приёмами они воспользовались, столкнувшись с трудностями. Для примеров взяты 8 выдержек из различных произведений И. С. Тургенева, популярных в Китае, а также на каждый кусочек оригинала текста приведены по два примера от китайских переводчиков, сопровождаемых подстрочным дословным переводом на русский язык для удобства сравнения. Примеры выбраны случайно, их выполнили шесть переводчиков — Ба Цзинь (巴金), Ши Чжэньчуан (石枕川), Сюй Чжэнья (徐振亚) и Лу Ли (陆蠡).

Пример 1

Оригинал: лицо его, **желчное**, но без морщин (текст «Отцы и дети»)

Перевод 1: 在他那血色不好, 但没有一条皱纹的脸上 (Ба Цзинь)

[цвет его лица **ненормальный, нездоровый**, но без морщин]

Перевод 2: 面容虽说是黄黄的, 但没有一丝皱褶 (Ши Чжэньчуан)

[лицо его, **жёлтое**, но без морщин]

Здесь можно видеть, что перевод Ба Цзиня неточен, а именно в нём допущена ошибка, так как слово «желчный» не обязательно означает в русском языке, что человек болен, что цвет этот свидетельствует о ненормальности и проблемах со здоровьем, хотя и имеет такой ситуативный подтекст. В Толковом словаре Ожегова даётся такое определение слова «желчный» — раздражительный, злой. Также и перевод Ши Чжэньчуана не передаёт этого значения, указывая лишь на цвет кожи лица — жёлтый. Так, в переводе стирается эта особенность характера героя, которая изначально имеет определённую ценность для построения образа героя самим автором. Возможно, такой вариант был выбран из-за невозможности подобрать короткий и ёмкой эквивалент слову «желчный» в данном контексте на китайском языке, и переводчики посчитали эту деталь незначительной, употребив синонимы.

Пример 2

Оригинал: Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большею частью **исчезает после двадцатых годов**. (текст романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»)

Перевод 1: Алрка季的伯父的整个外貌, 在贵族的高傲和优雅之外, 还保留着青春的和谐, 以及一般过了二十岁的人所少有的那种超脱世俗的憧憬。(Ба Цзинь)

[Вся его внешность, кроме высокомерного, породистого и изящного, сохранил гармонию юношескую, и ту мечту (стремление), не светская (прочь от земли), которое большею частью исчезает **после двадцати лет.**]

Перевод 2: Алрка季伯父的雅致容貌还保留着年轻时的健美和一种超凡脱俗的气派, 一般说来, 人过三十, 这种风度和气派便大半消失的了。(Ши Чжэньчуан)

[Его изящная и красивая внешность и фигура, сохранила юношескую стройность и не светской стиль. В общем, такой стиль и такие прекрасные манеры, большая часть **исчезает после 30 лет.**]

В данном примере оба переводчика допускают грубую ошибку. В тексте Тургенева речь идёт об определённом историческом периоде, а не о возрасте человека. Дело в том, что 20-е годы XIX века — знаковый период русской истории, связанный с прогрессивными идеями их жестоким подавлением в 30-е годы. Переводчики упускают важную характеристику персонажа как представителя определённой эпохи, заменяя её на возрастную. Этот пример показывает пример ошибки в отсутствии полного понимания исторического контекста написания произведения, такой культурно обусловленный недочёт может сыграть важную роль при передаче смысла и контекста всего произведения, а также создания атмосферы и сюжета.

Пример 3

Оригинал: По лицу Анны Сергеевны трудно было догадаться, какие она испытывала впечатления: оно сохраняло одно и то же выражение, **приветливое, тонкое;** (текст «Отцы и дети»)

Перевод 1: 从安娜·谢尔盖耶夫娜的脸上, 他很难看出巴扎罗夫给了她什么样的印象: 她脸上仍旧保持着亲切的、优雅的表情。(Ба Цзинь)

[оно сохраняло одно и то же выражение, **приветливое, изысканное.**]

Перевод 2: 从安娜·谢尔盖耶夫娜的脸部表情看, 是难于知道她所得到的印象的, 她一直保持着亲切而关注的神情。(Ши Чжэньчуан)

[оно сохраняло одно и то же выражение, **приветливое и внимательное.**]

В данном примере оба переводчика в целом верно передают портретные особенности героини. Однако в переводе Ши Чжэньчуана в описании выражения лица мы находим слово «внимательное», которое обычно применяется к взгляду. Хотя в тексте Тургенева именно

этой характеристики в данном фрагменте нет, такая черта характера, как внимательность, очень характерна для героини в целом. Поэтому подобное добавление, может быть уместно, так как дословный перевод слова «тонкое» может смутить китайского читателя, имя прямой смысл — лицо героини узкое, тонкое. В первом случае выбор слова «изысканное» также является хорошим решением. Здесь становится очевидной проработанность образа и принятие его переводчиками, глубина погружения в атмосферу произведения, что отражается и на качестве перевода.

Пример 4

Оригинал: Басистов был рослый малый, **с простым лицом,** большим носом, крупными губами и свиными глазками, **некрасивый и неловкий,** но добрый, честный и прямой. (текст «Рудин»)

Перевод 1: 巴西斯托夫身材魁梧, 一脸憨厚相, 大鼻子, 厚嘴唇, 猪一般的小眼睛, 模样难看, 动作拙笨, 可是他善良, 诚实, 正直。(Сюй Чжэнь)

[Басистов был рослый, **с простым и честным выражением на лице,** с большим носом, крупными губами и свиными глазками, **лицо некрасивое и неловкий в движении,** но добрый, честный и прямой.]

Перевод 2: 巴西斯托夫是个魁梧的小伙子, 平板的脸, 大鼻子, 厚嘴唇, 猪似的小眼睛, 总之, 其貌不扬, 有些笨, 但是善良, 诚实, 正直。(Лу Ли)

[Басистов был рослый малый, **с плоским лицом,** большим носом, крупными губами и свиными глазками, **в общем он некрасивый и немного глупый,** но добрый, честный и прямой.]

В первом переводе видно, что переводчик снова добавляет детали к описанию героя по собственному усмотрению. Возможно, это связано с тем, что в китайском языке слово «простой», также имеет слегка негативный оттенок, поэтому дословный перевод изменил бы атмосферу повествования. Далее видно, что оба переводчика добавляют грамматические «костыли» тому описанию, которое даёт И. С. Тургенев. Необходимости в этом нет, но при взгляде на китайский текст видно, что соблюдена краткость изложения: в китайском языке нередко четыре знака обозначают целый комплекс понятий, передающихся на русский язык с дополнительными словами и конструкциями. Эту разницу нужно учитывать при соблюдении стилистических особенностей текста оригинала.

Пример 5

Оригинал: — Здравствуйте,— проговорил он с ленивой **усмешкой,** — что это вы тут такое делаете, позвольте узнать? (текст «Рудин»)

Перевод 1: “您好!”他脸上挂着懒洋洋的微笑。“您在这儿干什么呀?能告诉我吗?”(Сюй Чжэнья)

[— Здравствуйте,— на него лице с ленивой **улыбкой**,— что это вы тут такое делаете, позвольте узнать?]

Перевод 2: “您好!”他开口道,带着懒散的微笑,“请问,您到这儿干什么来了?”(Лу Ли)

[— Здравствуйте,— проговорил он с ленивой **улыбкой**,— что это вы тут такое делаете, позвольте узнать?]

В обоих случаях переводчики допустили ошибку. Лексические средства китайского языка позволяют донести именно смысл «усмешки» читателю, однако оба переводчика выбрали именно нейтральный вариант слова, возможно, из-за боязни перегрузить текст.

Пример 6

Оригинал: Он одевался небрежно, **не стриг волос**,— не из щегольства, а от лени; (текст «Рудин»)

Перевод 1: 他衣着随便,不修边幅 — 倒不是为了追逐时髦,而是由于懒散。(Сюй Чжэнья)

[Он одевался небрежно, **не обращал внимания на внешний вид**,— не из щегольства, а от лени;]

Перевод 2: 他衣服穿得很随便,头发蓄得很长—这倒不是故意学时髦,而只是有些懒散。(Лу Ли)

[Он одевался небрежно, и **волосы длинные**,— не из щегольства, а от лени;]

Уход за собой, в частности, стрижка волос, является в русской культуре неотъемлемым описанием аккуратного и ответственного человека, каким не был герой. Это отражено во втором переводе, хотя в нём и не подчёркивается пассивность этого действия, просто уточняется, что волосы были длинные. В первом же переводе присутствует объяснение, пересказ своими словами с целью наиболее полно донести китайскому читателю, в культуре которого отказ стричь волосы не несёт такого значения, характер персонажа.

Пример 7

Оригинал: Александра Павловна с **живостью** обратилась к нему. (текст «Рудин»)

Перевод 1: 亚历山德拉·巴甫洛夫娜敏捷地转过身对他说(Сюй Чжэнья)

[Александра Павловна **быстро** (ловкие движения) обратилась к нему.]

Перевод 2: 阿列克山德拉·巴甫洛夫娜兴高采烈地转向他(Лу Ли)

[Александра Павловна с **радостью** обратилась к нему.]

В данном случае слово «живость» в русском языке передаёт целый спектр описаний и эмоций, от живости, радости во взгляде, блеска в глазах и до проворности, лёгкости, непосредственности, быстроты движений. При переложении этого описания на китайскую «картину мира» требуется конкретизация, потому как слово это слишком образное и абстрактное для дословного его перевода. Так, в одном случае видно, что переводчик сконцентрировал внимание на физическом плане, выбрав «быстро», а второй — на душевном, выбрав «с радостью». Такая замена допустима и в обоих случаях адекватно служит описанию образа действия.

Пример 8

Оригинал: Рудин казался полным огня, смелости, жизни, а в душе был холоден и чуть ли не робок, пока не задевалось его самолюбие: **тут он на стены лез**. (текст «Рудин»)

Перевод 1: 罗亭看上去浑身是火,充满了勇气和活力,可是内心冷若冰霜,自尊心受了伤害也可以忍气吞声。(Сюй Чжэнья)

[Рудин казался полным огня, смелости, жизни, а в душе был холоден, задевалось его самолюбие, и **он мог молча сносить обиды и оскорбления**.]

Перевод 2: 罗亭看来就像一团火,充满了勇敢和生命,但内心却是冷的,几乎是怯懦的,除非损伤了他的自尊心;只有在这种时候,他才会勃然大怒的。(Лу Ли)

[Рудин казался полным огня, смелости, жизни, а в душе был холоден и робок, кроме если задевалось его самолюбие: только в это время, **он вскипел гневом**.]

Этот пример показывает, как оба переводчика справились с задачей перевода на китайский язык русского иносказательного выражения, которое понятно носителям русской культуры или, по крайней мере, глубоко в неё погружённым людям. В оригинале «на стены лез» также имеет оттенок безысходности, нетерпения, иступления, чего не прослеживается в обоих переводах. Тем не менее, нельзя считать такой приём перевода в корне ошибочным, потому как цель переводчика — максимально доступным образом донести до читателя атмосферу повествования и культурный фон описываемых событий, точно передать психологический портрет главных действующих лиц, что, в конечном итоге, было достигнуто.

Из рассмотренных теоретических выкладок и описаний практических примеров, можно заключить, что из-за высокой образности и обширного вовлечения

изобразительных средств в описание быта и природы, а также событий в произведениях И. С. Тургенева, перевод их представляет собой определённую трудность. В то же время популярность И. С. Тургенева в Китае и интерес китайского читателя к русской литературе в целом позволяет говорить о том, что исследования в этой области ещё долгое время не потеряют своей актуальности. На примере блестяще выполненных переводов, спорные моменты которых рассмотрены в данной статье, можно выявить основные трудности, с которыми сталкиваются переводчики русского и китайского языков, на примере художественных произведений рус-

ской классики, так популярной в Китае. Эти трудности и ошибки следует своевременно выявлять и работать над последующим их устранением. В то же время, количество уже имеющихся переводов и объём проделанной работы в этом направлении показывает поле для последующих исследований и даёт необходимый материал не только для проведения лингвистических, психологических и литературоведческих исследований, но и для глубокого исследования проблем перевода, а в частности, для расширения области изучения культурно обусловленных аспектов перевода с русского на китайский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И. С. Отцы и дети. — М.: Детская литература. — 2002. — 302 с.
2. Ба Цзинь Тургенев И. С. Соч.: В 6 т. Т. 3: Отцы и дети / Перевод. Пекин, 2001.
3. Ши Чжэнь Чуан Тургенев И. С. Отцы и дети / Перевод. Цзянсу, 2003.
4. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. М.: «Наука», 1980.
5. Сюй Чжэнь. Линь На. Тургенев И. С. Полное Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2: Рудин. Дворянское гнездо/ Перевод. Хэбэй, 2000.
6. Лу Ли. Ли Ни. Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо / Перевод. Пекин, 2006.
7. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Учебное пособие. — М.: Академия, 2004.
8. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. — М.: КДУ, 2006.
9. Гарбовский Н. К. Перевод столкновение культур // В кн.: Россия и Запад: диалог культур. 1998. Выпуск 5.
10. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком [Текст] / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М., 2001.
11. Проблемы особых межлитературных общностей. Под общей редакцией Д. Дюришина. — М., 1993, с. 28.
12. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Изд-во Азбуковник, 1999.
13. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и Практика Перевода, М: Восток-Запад, 2004. — 223.

© Дин Нин (lynne_tin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ имени М.В. Ломоносова

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО «ДОБРО — ЗЛО» В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

COGNITIVE SPACE "GOOD — EVIL" IN THE PROVERBS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

M. Dolgoplova

Summary. This article is devoted to the study of Russian proverbs about good and evil, reflecting the peculiarities of the world perception of the Russian people. The main cognitive models of good and evil, their connection with values and archetypes are revealed. It is concluded that in the Russian language consciousness can be traced optimistic views of the world and faith in justice and goodness.

Keywords: good, evil, values, archetype, proverb.

Долгополова Мария Владимировна
Аспирант, Башкирский государственный
университет (Уфа)
plum_rain@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию русских пословиц о добре и зле, отражающих особенности мировосприятия русского народа. Выявляются основные когнитивные модели добра и зла, их связь с ценностями и архетипами. Делается вывод, что в русском языковом сознании прослеживаются оптимистичные взгляды на мир и вера в справедливость и добро.

Ключевые слова: добро, зло, ценности, архетип, пословица.

Добро и зло образуют одну из базовых оппозиций культуры, которые «обуславливают не только поведение человека и его деятельность, но и предопределяют оценки, даваемые им себе и окружающему миру» [1, с. 145]. Понимание различий между добром и злом и необходимости их четкого разграничения является одним из главных условий устойчивости общества и человеческого существования, поэтому данная оппозиция является архетипической и передается из поколения в поколение. Архетипы — это врожденные образы, скрытые в коллективном бессознательном и «передающиеся по наследству через мозговые структуры, подобно тому, как наследуется строение тела» [2, с. 135], они составляют основу культуры, её первотекст, формирующий ценностное ядро языкового сознания и в конечном итоге мировоззрение народа [3 и др.]. Ценностное ядро языкового сознания народа образует система ценностей — «составной элемент культуры, выступающий основой идеологии, ценностно-нормативного механизма социальной регуляции» [4, с. 167] и включающий «социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением» [5, с. 108]. В русской истории они формировались под влиянием православия. Центральные этические концепты Добро и Зло принадлежат к числу религиозных концептов, которые «мыслятся и переживаются в христианстве не только соборно, во вселенском опыте Церкви, но и глубоко индивидуально — в духовном опыте отдельных народов, вносящих в общехристианский образ соответствующего концепта свои неповторимые смысловые оттенки» [6, с. 140]. Для православного человека добро — это «система абсолютных принципов, совершенно чуждых

полезности, инструментальности <...> Здесь сосредоточены душа, истина, благо, красота. Они никогда не становятся средством достижения каких-либо целей и представляют собой архетипы бытия [7, с. 158–162; 8]. Зло в христианстве считается результатом грехопадения первого человека, совершенного в силу его свободного выбора, и в дальнейшем «...очень много зла, страдания, муки человеческой происходит от греха» [9]. Ареной борьбы добра и зла является внутренний мир человека, и зло начинается именно здесь. Поэтому никакие внешние поступки и действия человека отдельно от его души, внутреннего мира не могут быть ни добрыми, ни злыми — они лишь отражения внутреннего добра и зла [10; 11].

Православные представления о добре и зле отражаются в языке — в этимологии корней *добр-* и *зл-*, в значениях слов с данными корнями (особенно в древнерусский период), во фразеологии и т.п., а также в фольклорных текстах, особенно в пословицах, «в которых в образно-символьной форме кодируются и передаются от поколения к поколению в неизменном виде национально и культурно маркированные оценки и главные для русского этноса нравственно-этические, моральные нормы и стереотипы» [12, с. 60–62; 13 и др.]. Не каждое «изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей — такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают — они утверждают что-либо в уверенности, что все ими сказанное — твердая истина» [14, с. 6].

Пословицы помогают человеку расставить нравственные приоритеты: они относят добро прежде всего к человеку, его делам, поступкам, намерениям, желаниям, которые определяются как добрые и оцениваются положительно, при этом человек должен стремиться к добру, учиться добру, прилагать усилия, чтобы приблизиться к нему: *Добра желаешь — добро и делай; Торопись на доброе дело, а худое само приспеет; Доброго держись, а от худого удались.*

Вместе с тем, поскольку в своей деятельности человек вынужден также руководствоваться стремлением удовлетворять свои личные потребности, в народном сознании существует представление об утилитарном добре как средстве, приводящем к определенным положительным для человека результатам. Утилитарная когнитивная модель добра представлена в языке значениями имени прилагательного *добрый* 'хороший', 'годный', 'качественный', 'такой, какой должен быть': *Добрый мужик без хомута не бывает; Добрый жернов всё смелет, плохой сам смелется; Доброе семя — добрый и всход; и существительного добро* 'имущество, пожитки': *Такого добра и даром не надо; Живи-поживай да добра наживай; Приехала в дом со всем добром*; [15, с. 113]. Однако следует отметить, что со временем русское слово *добро* практически перестает выражать идею относительного добра, «передав» эту функцию лексеме *хороший*, которая не имеет субстантивного коррелята именно в силу аксиоматичности, относительности своей семантики.

Сложное переплетение разных форм добра в жизни человека обуславливает некоторую противоречивость утверждений, содержащихся в пословицах. Так, в одних мы находим идею вечности добра, в других — идею его временности. Это происходит потому, что в одних говорится об этическом, нравственном добре, которое вечно, так как живёт в памяти людей: *Доброму добрая память; Добро не умрёт, а зло пропадёт; Добрые дела и после смерти живут*; а в других — об утилитарном: *Было добро, да давно; Будет добро, да горе берёт; Было добро — миновалось, будет добро, да ждать долго*. Люди осознавали кратковременность благополучия, понимали, что хорошая пора может закончиться и наступит тяжёлое время: может быть засуха, неурожай, смерть близких и т.п.

В пословицах также высказывается мысль о том, что бывают ситуации, когда этическое и утилитарное добро могут вступать в противоречие друг с другом. Например, чтобы достичь пользы, выгоды для себя, человек может изменить своим нравственным принципам или наоборот — упустить свою выгоду или даже навредить себе: *Всё добро, да не всё на пользу; И добро худом бывает.*

Относительный характер добра проявляется и во взаимоотношениях между людьми: *Всяк добр, да не для всякого* [15, с. 112], но при этом пословицы свидетельствуют, что доброе дело обязательно вознаградится, поэтому *Делай добро и жди добра*, а зло породит новое зло: *На лихо лихо, на добро добро.*

Тот, кто совершает зло, в свою очередь, не остаётся безнаказанным: *Делая зло, на добро не надейся; Зло злом губится; Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились*. Сам человек не может осуществлять наказание, ему не следует отвечать зло на зло: наказание придет обидчику свыше. Человек должен забыть о причиненном ему зле, но помнить добро и быть за него благодарным: *Дружбу помни, а зло забывай; Тому тяжёло, кто помнит зло.*

В отличие от добра зло всегда конкретно и относительно, оно в поступках, словах и мыслях человека. Злом считается не только совершение зла, но и бездействие, потворство злу: *Кто злым попускает, сам зло творит*. Разновидностью зла является злоба («внутреннее зло»): *Злой плачет от зависти, а добрый от радости; Злость тело, как лыко, сушит; Козла спереди бойся, коня сзади, а злого человека со всех сторон; У злой Натальи все люди канальи*. Зло активно: *Зло тихо лежать не может; Лихое споро: не умрет скоро*; может «надевать маски», принимать разные «обличья», при этом оно часто персонифицируется, что говорит о мифологическом мышлении древнерусского народа. Так, зло может выступать в образах чёрта: *Глядит как черт на попа; Черт не возьмет его, а богу не надо; Дай черту волю — живьем проглотит*; волка: *Он волком глядит; Как волка ни корми, он все в лес глядит; Ловит волк, да ловят и волка; С волками жить — по-волчьи выть; Волк по-волчьи и рвет*; змеи: *Глядит — как змея из-за пазухи; Змея кусает не для сытости, а ради лихости*. Зло измеримо, имеет градацию: *Из двух зол выбирай меньшее*; корень *зл-* используется в значении интенсификации отрицательного свойства или действия: *Осенняя муха злее кусает*.

Таким образом, зло может принимать различные формы — оно многолико [16, с. 205; 17, с. 445]. Не случайно в пословицах о добре встречаются только три слова с корнем *добр-* (*добрый, доброта и добро*), с корнем *зл-* их гораздо больше: *зло, злоба, злыдни, злой* в знач. сущ. *злее, назло, злодей*, например: *Назло да наперекор, да людям в укор; Злыдни скачут, неволя учит, чужие хлебы спать не дают; Осенняя муха злее кусает; Не всяк злодей, кто часом лих.*

Символика цветowych метафор отражает связь добра и зла а архетипической оценочной оппозиции «свет / тьма»: добро ассоциируется с белым цветом, светом, чи-

стотой, зло — с черным цветом, темной: *Тьма света не любит, злой доброго не терпит; Как душа черна, так и мылом не смоешь; Не называй дурное хорошим, а черное — белым; Черной души ни живой, ни мертвой водой не отмыть.*

Пословицы утверждают, что зла (худа) в мире больше: *Добра что клада ищут, а худо под рукой; За добрым делом находишься, худое само навяжется.* Несмотря на это, по-настоящему доброму человеку всегда и везде будет комфортно и хорошо, поскольку он будет в мире с самим собой: *В добре жить хорошо; Доброму везде (или: всегда, всюду) добро; Доброму добро, а худому пополам ребро; Добро и во сне хорошо; Добрый человек в добре проживет век.* Когда человек сходит с прямого истинного пути добродетели, он попадает в неблагоприятные для него обстоятельства: *Во зле жить — по миру ходить; С любовью везде простор, со злом везде теснота; Жарко печь натопишь — угоришь, много зла накопишь — уморишь.* Тогда обратного пути нет, из зла не получается добро:

Из зла добро не родится; За худым пойдешь, худое найдешь; За недобрым пойдешь, на беду набредешь. С другой стороны, в любой ситуации можно найти что-то хорошее: *Во всяком хude не без добра; Нет худа без добра.* Таким образом, интересующий нас архетип добра, заключающийся в вере победы добра над злом, последовательно представлен в пословицах и поговорках русского языка.

Подведем итоги. Пословицы о добре и зле отражают ценности и установки, характерные для русского народа. Добро представлено как духовная и материальная ценность, оно может быть как абсолютным, так и относительным, утилитарным, иметь как вечный, так и временный характер. Зло многолико (принимает различные формы), только временно (само предположение о возможной вечности зла противоречит архетипу «Добро всегда побеждает зло»), конкретно и часто персонифицировано. Пословицы свидетельствуют, что в русском языковом сознании прослеживаются оптимистичные взгляды на мир и вера в справедливость и добро.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры / Т. И. Вендина. — М., 2007. — 336 с.
2. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К. Г. Юнг // Вопросы философии. — 1988. — № 1. — С. 135.
3. Перунова Н. В. Введение понятия ценностно-архетипического комплекса на материале русской и германской культур / Н. В. Перунова // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 352. — С. 66–69.
4. Покровский Н. Е. Основные элементы культуры / Н. Е. Покровский // Основы социологии. — М., 1993. — С. 161–180.
5. Стерин И. А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры / И. А. Стерин // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996. — С. 97–112.
6. Постовалова В. И. Религиозные концепты в православном мирозерцании / В. И. Постовалова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2013, № 4 (12). С. 107–216.
7. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. — Минск: Книжный Дом, 2001. — 1280 с.
8. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. — М.: Айрис — Пресс, 2007. — 574 с.
9. Сурожский Антоний. — режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/63246.html>
10. Бердяев Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. — М.: Республика, 1994. — 480 с.
11. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. — М., 1990. — 624 с.
12. Буянова Л. Ю. Русские пословицы и поговорки как этнокультурные константы: ментально-аксиологический аспект / Л. Ю. Буянова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. — 2014. — С. 60–62.
13. Савенкова Л. Б. Русская паремиялогия: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та, 2002. — 240 с.
14. Аникин В. Н. Искусство слова в пословицах и поговорках / В. Н. Аникин // Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М.: Русск. яз., 2002. — С. 6–8.
15. Долгополова М. В. Русские пословицы и поговорки как суждения о добре / М. В. Долгополова // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. — Уфа, 2015. — С. 110–114.
16. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
17. Долгополова М. В. Этическая оппозиция Добро/Зло в русском православии и её отражение в древнерусском языке / М. В. Долгополова // Вестник Башкирского университета. — 2018. — № 2. — С. 442–446.

© Долгополова Мария Владимировна (plum_rain@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕМА В АКАДЕМИЧЕСКОМ РОМАНЕ «НАСТАВНИКИ» Ч.П. СНОУ

POLITICAL THEME IN C.P. SNOW'S ACADEMIC NOVEL THE MASTERS

Yu. Kim

Summary. This article considers genesis of academic novel and its thematic properties shared with political novel which are represented C. P. Snow's *The Masters*, first specimen of the genre. As study shows, academic novel has much in common with the tradition of political novel established in Victorian literature. British and American authors of the first academic novels appear to be engaged in political issues introduced by post-war years.

Keywords: Academic novel of 1950s, C. P. Snow, political novel.

Ким Юлия Витальевна

Аспирант, Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
yulia2808@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросу генезиса академического романа и его тематической связи с жанровой модификацией политический роман на примере первого образца жанра, «Наставники» Ч. П. Сноу. История замысла «Наставников» и его художественное своеобразие позволяет увидеть связь нового послевоенного жанра с традицией политического романа, уходящей в викторианство. Особая чувствительность академического романа к политической повестке объясняется временем его появления — проблемные послевоенные годы — и обеспечивает социополитическую актуальность жанра на протяжении всего его развития.

Ключевые слова: Академический роман 1950-х гг., политический роман, Ч. П. Сноу.

Академический роман как отдельный жанр «выломался» из потока самых разнородных произведений об университете, научной жизни, профессорах и студентах, который формировался на протяжении нескольких веков, в начале 1950-х гг.

Первый академический роман, «Наставники» (*The Masters*, 1951), входит в серию политических романов Ч. Сноу «Чужие и братья» (*Strangers and Brothers*, 1947–1970), объединенных «сквозным» персонажем — юристом и чиновником Элиотом, что само по себе указывает на генетическую связь академического романа с традицией политического романа. В частности, Дорис Лессинг объединила такие жанровые модификации как политический роман, академический роман и шпионский роман в широкий литературный поток «институционального романа» [5, pp.10–11]. Политический роман как самостоятельный поджанр британского романа выделился в XIX в. в творчестве Бенджамин Дизраэли и Энтони Троллопа. Примечательно, что запечатленный викторианскими писателями политическая климат страны остался актуальным и в послевоенные годы. Как заметил Гарольд Макмиллан, премьер-министр Великобритании с 1957 по 1963, в 1950-е гг. романы Троллопа по-прежнему отражали принципы парламентской системы правительства [2, p.161].

Одно из самых известных определений политического романа принадлежит Герберту Алберту Лоренсу Фишеру (Herbert Albert Laurens Fisher, 1865–1940), английскому историку и государственному деятелю, министру образования Великобритании с 1916 по 1922. По мне-

нию Фишера, «политический роман — это такой роман, который главным образом посвящен мужчинам и женщинам, участвующим в современной политической жизни и выражающим современные политические идеи» [3, p.25]. Кристофер Харви, почетный профессор английской литературы, уточняет это определение, добавляя, что «политический роман — это такой литературный артефакт, который освещает исторические события и связанные с ними этические проблемы» [4, p.2]. Феномен политического романа — это не просто комментирование Дизраэли и Троллопом расцвета политической жизни Великобритании, но важная составляющая политического климата страны [4, p.2]. Действительно, с 1851 г. по 1880 г. политическая обстановка и культурная жизнь грозили Соединенному Королевству коренными изменениями: Крымская война, распространение теории естественного отбора, забастовки шахтеров, дело Гарибальди, упадок сельского хозяйства, сепаратистские настроения в Ирландии — все эти события, как отмечает Харви, были тем многоголосым историческим фоном, который зафиксировал политический интеллект Троллопа [4, p.80]. Даже в «Барчестерских башнях» (*Barchester Towers*, 1857) Троллопа интересуют не столько теологические споры или древняя история собора, сколько политическое устройство самоуправной верхушки среднего класса [4, p.88], которую в романе представляет светское духовенство. В своей «Автобиографии» писатель объясняет, откуда к нему пришла эта идея. Находясь в предместье Солсберийского собора в 1851 г., Троллоп задумался о том, как спокойный и величественный мир англиканской церкви, придерживающийся политики высокого торизма, вынужден выживать в эпоху Хрусталь-

ного дворца и реформ пилитов. Одна из угроз, нависших над религиозным миром в то время, была связана с ликвидацией англиканской церкви Ирландии, поскольку церковь Ирландии пользовалась поддержкой меньшинства населения. Репрезентация элитарного, замкнутого на себе, традиционно закрытого от внешних потрясений мира на пороге коренных изменений, продиктованных сменой социополитического климата — метод Троллопа, который Сноу берет за образец в своем политическом романе. Последовательно изучая механизмы власти британского эстеблишмента на фоне масштабных исторических событий, он помещает своего героя в гендерно закрытый элитарный мир политических, социальных и семейных интриг Кембриджа. Можно выделить следующие причины, почему мужской элитарный колледж оказался одним из мест действия политической серии Сноу.

В первую очередь, старинный британский университет, наравне с такими известными литературе институтами власти, как парламент, церковь и министерство, имеет несомненные черты *locus politicus*. Тому подтверждение — строгая иерархия колледжа, его закрытый элитарный статус, гендерная и этническая сегрегация, беспрекословное следование регламентам и протоколам. Но не только формальные политические признаки выдают в университете институт власти. Следуя генеалогическому методу Фуко, можно представить Оксбридж как исторически сложившийся социальный институт, властным образом определяющий истину. Оксбридж не просто опирался на научное знание, но его генерировал, трактуя норму и то, что ею не является. Концентрируя в своих стенах политическую, финансовую и интеллектуальную элиту, Оксбридж, безусловно, определял образец, которому должно было следовать в обществе. Опираясь термином Фуко, можно утверждать, что Оксфорд стал одним из первичных проводником власти в британском обществе [1]. Коридоры власти Кембриджа, по которым веками проходили студенты и доны, становятся для Сноу очевидным политически осознанным местом, где вершится будущее страны.

Во-вторых, назревший в обществе конфликт двух культур, которому Сноу позднее посвятит свою лекцию «Две культуры и техническая революция» (*The Two Cultures and the Scientific Revolution*, 1959), проблематизирует само пространство университета. Несомненно, в послевоенные годы университет из храма науки, традиционно позволявшего ученым разного сектора уживаться вместе, превращается в территорию политических противоречий представителей разных академических дисциплин. Желая показать эти антагонистические отношения, Сноу разделил колледж «Наставников» на два противоборствующих лагеря в соответствии с научными интересами и исповедуемыми политическими

взглядами: либерально-консервативные гуманитарии и представители точных и естественных наук с более радикальными взглядами. Выборы ректора в романе несомненно становятся метафорой выборов в британский парламент, от которых зависит курс страны во внешней и внутренней политике. Сноу обостряет градус политической осознанности колледжа, ведя свое повествование из 1937 г. Примечательно, что из тринадцати человек совета физики, химии и биологии занимают численное меньшинство, уступая историкам и филологам. Тем не менее, по сюжету, консервативно настроенная интеллигенция оказывается неспособна выступить единым фронтом и удержать свое численное преимущество на фоне военных событий в Европе. Несмотря на свои либеральные политические взгляды, претендент на ректорство от клики физиков и химиков, биолог Томас Кроуфорд неоднократно выступает с критическими замечаниями о политике невмешательства, которую заняло правительство в отношении Гражданской войны в Испании. По мнению ученого, британские «вершители истории ведут себя чрезвычайно неблагоприятно» [7, p.85]. В разговоре с юристом Элиотом Кроуфорд недвусмысленно намекает на то, что люди с гуманитарным образованием неспособны адекватно отвечать на политические вызовы: «Говоря с вами как либерал с либералом, без всякой предубежденности против вашей профессии, я должен признаться, что чувствовал бы себя гораздо спокойнее, если бы в парламенте и Министерстве иностранных дел нашлось хоть несколько человек с естественнонаучным, а не гуманитарным образованием» [7, p.85]. Несомненно в этом высказывании кроется сравнение колледжа и министерства. Кроуфорд предупреждает Элиота о возможных внешнеполитических последствиях для колледжа, если в ходе выборов ректором будет выбран историк религии Пол Джего. XX в. стал временем масштабных изменений, и политический фактор начал играть роль в некогда закрытом от внешних раздражителей замкнутом мире академии. Как говорит рассказчик «Наставников», «университет был местом, где люди проживали наименее тревожную, наиболее комфортную и свободную жизнь» [7, p.345]. В самом деле, обособленность Оксбриджа, его закрытость от внешнего мира, экономических сложностей и проблем большой политики позволяла донам вести спокойную и размеренную жизнь. Ситуация радикальным образом изменилась в межвоенное время, когда университет из «башни слоновой кости» превратился в арену политической борьбы. Университет стоял на пороге вынужденных изменений, продиктованных глобальными переменами в общественной и политической жизни Великобритании накануне Второй мировой войны. Элитарному Кембриджу Сноу предстоит не только решить внутривнутриполитическую проблему выборов ректора, но и противостоять внешнему миру. Антифашизм, актуальный в Европе конца 1930-х гг., прослеживается

в романе на уровне споров, которые ведут наставники, обсуждая предстоящие выборы ректора. В главе «Спор с приятелем» физик Фрэнсис Гетлиф выражает мнение, что консервативные политические взгляды главного претендента Джего могут помешать ему стать популярным среди наставников. По мнению Гетлифа, «консерватизм всегда зло, особенно если им заражен влиятельный человек. <...> Мир стал таким неустойчивым, что любая мелочь имеет теперь огромное значение. <...> Благоразумная основательность консерваторов чревата бесповоротным союзом с фашистами или войной, в которой нас могут так расколотить, что только мокрое место останется» [7, p.69].

Сравнение колледжа с министерством оказывается верным в том смысле, что решение поддерживать Джего, принятое большинством наставников, в итоге оказывается опрометчивым. В ходе предвыборной борьбы клика профессоров гуманитарных наук быстро теряет популярность и по голосам уступает блоку биолога Томаса Кроуфорда. Готовый проявить радикальную политическую позицию и твердо отстаивать интересы колледжа в военное время, Кроуфорд олицетворяет собой успех, силу и защиту для наставников накануне Второй мировой войны в противовес консервативно настроенным сторонникам историка Джего. Университет, таким образом, может быть понят как метонимия традиционной гуманитарной культуры, столкнувшейся с новой культурой научно-технического прогресса и уступившей ей, в обстоятельствах обостренной внешнеполитической ситуации.

Еще одна причина, по которой университет стал политически осознанным местом в XX в. заключалась в том, что развитые государства взяли вектор развития внешней политики на гонку вооружений и научно-техническое соревнование. Пристальное правительственное внимание к делам университета может быть проиллю-

стрировано сюжетной коллизией, связанной с молодым физиком Люком. Пока большинство наставников, забросив свои ученые штудии, решают политическую судьбу колледжа, одаренный ученый совершает важное открытие, которое может повлиять на военный потенциал Великобритании. Однако он не единственный ученый в романе, который работает над крупным техническим проектом. Фрэнсис Гетлиф выполняет секретное задание Министерства авиации, разрабатывая теоретические основы радиолокации. Напомним, что сам Сноу работал в лаборатории Резерфорда. По сюжету, колледж получает крупную финансовую помощь от частного лица, сэра Хораса Тимберлейка, председателя правления влиятельной финансовой компании, для начисления шести стипендий, четыре из которых предназначены ученым инженерных и естественных наук. Очевидно, что в конце 1930-х гг., в преддверие войны с Германией, от британской науки ждали прорывов в первую очередь в области военных технологий. Однако лекция Сноу «Наука и государство» (*Science and Government*, 1960), прочитанная в 1960 году, показала, что государственный заказ на исследования в области точных наук не утратил своей актуальности и после войны. Новая политическая ситуация кардинально меняет жизнь колледжа и дифференцирует статус его преподавателей в зависимости от научных интересов.

Таким образом, возникновение самой потребности бытописания университетской жизни в свете политической повестки глазами профессоров гуманитарных наук было обусловлено специфической социально-политической ситуацией послевоенных лет, связанной как с политикой образования, так и с общим климатом общественной жизни как в Великобритании, так и США. Политическая тема прослеживается практически во всех ранних академических романах в силу их высокой чувствительности к послевоенным изменениям не только в университете, но и в мире в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
2. Cockshut, A.O.J. Anthony Trollope: A Critical Study. St. James Press, 1955. 256 p.
3. Fisher, H.A.L. The Political novel // Cornhill Magazine., 1928. Vol. 64. № 1. P. 25–38.
4. Harvie, C. The Centre of Things: Political Fiction in Britain from Disraeli to the Present. Routledge, 1992. 256 p.
5. Lessing, D. The Golden Notebook. London: Granada, 1972. 638 p.
6. Snow, C. P. Science and Government — The Godkin Lectures at Harvard University 1960. Oxford University Press, 1961. 88 p.
7. Snow, C. P. The Masters. House of Stratus. 2008. 358 p.

© Ким Юлия Витальевна (yulia2808@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ СВОБОДЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ З. Н. ГИППИУС 1924–1938 ГГ.

THE TRANSFORMATION OF AN EXISTENTIAL KIND OF FREEDOM IN LITERARY AND POLITICAL JOURNALISM, Z. N. GIPPIUS 1924–1938 GG.

D. Kostenko

Summary. The creativity of writers and publicists belonging to the first migratory Russian wave is still a phenomenon that has not been sufficiently studied in the Russian literary sphere. One of the most brilliant representatives figures of the Russian diaspora was the poet, novelist, memoirist, literary critic and public figure — Zinaida Nikolaevna Gippius. Her literary and political journalism style, as well as her critical articles are of great interest to philologists, historians, linguists and philosophers.

Since her attention is focused on acute social issues, the texts chosen for analysis allow us to significantly expand our understanding on the two Russian migratory generations and its world value through its relevant period. The understanding of problems with civil responsibility, creativity and one's own role on the "canvas era" is inextricably linked with the issue of freedom in various contexts. The study of this subject is of literary, philosophical and general interest.

Keywords: White Russian emigration, Zinaida Gippius, idea of freedom, the first migratory Russian wave.

Свободу и саму идею свободы, а также степень воплощения этой идеи можно назвать центральной темой философии 21 века. Категории свободы также разнообразны: свобода слова, свобода общества, внутренняя свобода индивида, границы свободы. Также сама свобода выступает одной из категорий в экзистенциализме. Несмотря на популярность данной темы, единого мнения среди ученых-философов хотя бы по одной из этих категорий нет и, мы полагаем, быть не может. Например, существует понятие о свободе как абсолюте и, в то же самое время, ведутся бесконечные рассуждения о «степени свободы».

Обозначив индивидуальные особенности личности самой З. Гиппиус, можно получить ответ на вопрос: какой предстает свобода для радикально настроенного представителя Русского зарубежья, и как эта категория

Костенко Диана Евгеньевна
Соискатель, Северо-Кавказский федеральный
университет (г. Ставрополь)
gurmandiza@mail.ru

Аннотация. Творчество литераторов и публицистов первой волны русской эмиграции по-прежнему представляет собой недостаточно изученное в отечественном литературоведении явление. Одна из ярчайших представительниц Русского зарубежья того времени — поэт, прозаик, мемуарист, литературный критик и общественный деятель — Зинаида Николаевна Гиппиус. Ее литературная и политическая публицистика, а также критические статьи представляют большой интерес для филологов, историков, лингвистов и ученых-философов. Поскольку ее внимание сосредоточено на острых социальных вопросах, избранные для нашего анализа тексты позволяют существенно расширить представления о ценностной картине мира двух поколений русской эмиграции в соответствующий период.

Осмысление проблем гражданской ответственности, творчества и собственной роли на «полотне эпохи» неразрывно связано с проблематикой свободы в различных контекстах. Изучение данной темы представляет собой общекультурный, литературный и философский интерес.

Ключевые слова: Белая русская эмиграция, Зинаида Гиппиус, идея свободы, эмигранты первой волны.

мышления поэта-философа трансформируется под влиянием изменений в общественно-политической, а, значит, и во внутренней, духовной жизни художника?

Интересным с этой точки зрения видится анализ именно публицистических текстов, которые охватывают период с 1924 по 1938 гг., так как они наполнены оценочными суждениями различного характера, исходящими из изменяющихся взглядов автора.

Система мышления, отличавшаяся метафизичностью, сложилась у З. Гиппиус еще до эмиграции. Главным образом, она базировалась на идеях свободы и верности, «вознесенной до Бога». Можно предположить, что на их становление, прежде всего, повлияло участие З. Гиппиус в Религиозно-философском собрании (позже — Религиозно-философском обществе).

При изучении публицистических текстов данного периода невозможно не выделить ту умозрительность и метафизичность, о которой говорилось ранее. В статьях часто используются отрицательные конструкции — «не имеющие», «не живущие...» Все подобные высказывания несут оценочный характер и крайне категоричны. Однако к теме свободы автор подходит с некоторой неопределенностью, и характер высказываний на эту тему меняется с течением времени даже в публикациях на синонимичную тематику.

Позицию Гиппиус необходимо рассматривать в первую очередь в аксиологическом смысле, ведь система ценностей неразрывна связана с политическими идеями, где главной идеей является — непримиримость.

Социальные и общественные ценности З. Гиппиус воспринимает как истинные достоинства человеческой личности и гражданские добродетели. Нравственность, моральные принципы и приверженность идеям нового религиозного сознания она переносит в жизнь общественную и требует неукоснительно им следовать. Разумеется, из этого следует, что идейная позиция З. Гиппиус отличается бескомпромиссностью. Главный враг, по её мнению, «ограничитель» и объект, продуцирующий зло, — большевизм и большевик, забывший о христианских ценностях и общественной морали, и такого врага необходимо уничтожить.

Понимание свободы как философской единицы формируется у каждого автора, художника и любого деятеля искусства под действием множества обстоятельств. В случае с Зинаидой Гиппиус можно выделить несколько ключевых, на наш взгляд, факторов: образование (в т.ч. внутри семьи) и исключительный, незаурядный интеллект (как природная характеристика), принадлежность к символистам, приверженность идеям религиозного сознания (пусть и специфического, не отвечающего, по факту, догматам ни одной известной религии, хотя Гиппиус в своих работах и провозглашает его христианским) и состояние экзистенциального конфликта, характерное для представителей творческой среды Русского зарубежья, в частности.

Старшие символисты, одним из идеологов и «мэтров» которых является З. Гиппиус, стремились проложить дорогу сквозь повседневность и торжество буржуазного мещанства в предшествующем их искусстве к «запредельной сущности бытия». Символизм провозгласил свободу творческой воли и фантазии и отказался от ограничений, налагаемых на художника действительностью. *Свобода творчества*, по сути, и стала краеугольным камнем философии символистов. В это понятие включались также отрицание собственнической формы общества, своеобразный траур по свободе духа и признание

вековых культурных ценностей как единственно верных. Символисты выступили против натурализма и позитивизма в искусстве и, тем самым, воплотили в своих суждениях стремление к самовыражению «без границ» и предчувствие будущих социальных переломов.

Экзистенциальный характер всего творчества Зинаиды Гиппиус определяется характерными раздумьями о греховности человека и его одиночестве перед лицом смерти (экзистенциальном несовершенстве этого мира), душевной раздвоенности личности (в том числе между женским и мужским началом) и измученностью внутренней НЕ-свободой.

По мнению философов-экзистенциалистов, свобода провозглашается как данная любому человеческому существу основополагающая ценность. Этот постулат построен на идее первичности свободы перед самим бытием, ведь индивид, «заброшенный» в этот мир, по мнению экзистенциалистов, априори свободен. Он свободен в процессе становления и самосозидания и лишается своей свободы, лишь когда останавливается в этом процессе. С этой точки зрения, рассуждения Зинаиды Гиппиус о личной свободе созвучны экзистенциальной точке зрения, ведь в своих текстах она призывает к «движению» в борьбе против режима и несправедливости.

В эмигрантский период новое религиозное сознание и приход к триединой церкви становится центральной темой публицистических статей Зинаиды Гиппиус. Всё это соседствует со свойственной ей рассудительностью, расчетливостью и категоричностью суждений.

Разумеется, идеологический кризис, связанный с революцией 1917-го года, не мог не отразиться на личности писательницы и не способствовать кризису внутреннему. Этот кризис сформулировал идею непримиримости. Изначально она выступила как религиозно-духовный идеал, и лишь потом — как идея политического сопротивления. Среди всех интеллектуально-литературных, политических, идейных и религиозных вопросов, идея непримиримости в итоге стала главенствующей в публицистике поэтессы. Она сопровождает размышления на тему русской интеллигенции и религиозного сознания, будущего России и идей новой, «высшей» революции, а также глобальной катастрофы, как называла З. Гиппиус Октябрьскую революцию 1917 года.

Идея непримиримости развивалась и эволюционировала в творчестве З. Гиппиус с особым энтузиазмом в 20-е гг. и, прежде всего, проявлялась в публицистических работах, где эмигрант — априори непримиримый, а свобода возможна лишь в случае полного уничтожения существующего режима «совдепии».

Так, в статье «Мертвый дух» (1926 г.) Зинаида Гиппиус развивает суждения о делении всех эмигрантов по степени непримиримости. Она утверждает, что для воцарения свободы и победы над врагом необходимо полное отрицание возможности каких-либо контактов с большевистской Россией. Она призывает к борьбе с течениями, которые пытались наладить сотрудничество с коммунистическим режимом. Прежде всего, под таких «идейных предателей» попадали представители «сменовеховства», которым не чужды, по мнению Гиппиус, «возвращенческие» настроения и «ложный патриотизм». Она критикует молодежь, которая не оставила идею возможного возвращенчества, ведь неё эти молодые люди перестали быть настоящими изгнанниками и «сыновьями России».

Здесь Зинаида Гиппиус называет свободу обиходным словом и не поддерживает свободу слова инакомыслящих представителей эмигрантской среды. По мнению Гиппиус, таким поведением эмигранты поддерживают «ложный патриотизм», ведь «той» России уже не существует, и говорить об «этой» стране как о России вообще — непростительная ошибка.

Таким образом, сторонники непримиримости во главе с Зинаидой Гиппиус (в основном, правые круги — представители наиболее «консервативной» интеллигенции) лишают свободы как возможности высказывать иную точку зрения и следовать иному курсу определенный круг эмиграции.

Наиболее ярко эти идеи отразились в деятельности «Союза непримиримых», который был создан в Париже в 1922 г. Зинаидой Гиппиус. Объединение имело характер как религиозный, так и идейно-политический.

Ключевые лозунги «Союза непримиримых» звучали в контексте безоговорочного противостояния большевистскому режиму и атеизму. Задачей членов объединения Зинаида Гиппиус видела отстаивание и внедрение в общество таких идеалов, как «истинный патриотизм», христианская любовь, свобода, братство и жертвенность во имя «великой цели» [1].

Неудивительно, что такое идейное противостояние способствовало началу новой вехи творческого самоопределения в эмиграции. При этом, признавая нереальность возврата на родину и осознавая, что «парижский угол» станет для Гиппиус местом пребывания до конца жизни, она не меняет резкий характер своих суждений, чем вызывает широкий резонанс своих критических статей и политических публикаций.

В статье «Оправдание свободы» (1924 г.) Зинаида Гиппиус говорит о вопросах общественных с точки зрения

религиозной и о том, что будущая общественная идеология будет построена лишь на религиозном сознании, и ни на чем ином. Заметим, что при этом она не разделяет понятия веры и религии. Здесь мы наблюдаем, как Зинаида Гиппиус рассуждает о свободе в свете религиозного сознания, замечая: «Иррациональное до такой степени объемлет нас, до такой степени пропитывает действия, понятия и язык человечества, что из него, по свидетельствам разума, выхода нет» [2, с. 167]. Нельзя не заметить также проблемы отношения Гиппиус к свободе выбора (как к свободе взглядов и вероисповедания). Считает ли она возможной такую свободу, дает ли ее своим оппонентам?

«Я о духе не забываю; и, мне кажется, не только формально сближаю два царства — действующее, большевицкое, и мечтаемое, бердяевское, — когда говорю, что оба они отрицают *дух* равенства-разноценности, *дух* революции... Этим, в связи с отрицанием идеи демократической, они оба отрицают *дух свободы*. Дух Господен, ибо, напоминаю Бердяеву, «где дух Господен — там свобода» [2, с. 178–179].

Характер высказываний Гиппиус метафизичен и все больше здесь приобретает характер проповеди. Она, разумеется, не отрицает свободы, но трактует ее в угоду своим убеждениям, отрицая какую-либо вариативность понимания религиозного сознания современниками. Свобода, по Гиппиус, возможна лишь в условиях Несвободы — единственно верного, по ее мнению, выбора в пользу принятия Бога и триединой церкви.

При этом стоит обратить внимание, что свобода никогда не предстает для Гиппиус абсолют: «Да, совершенное царство Божие возможно лишь в бытие, а не в жизни, где нет совершенной свободы и совершенной любви» [2, с. 172]. При этом амбивалентность трактовки свободы подкрепляется словами «Дух свободы такой же Божий, как и дух любви» [2, с. 172].

Это означает, что свобода здесь мыслится как экзистенциальная категория, как самоощущение созидющего индивида, пришедшего в этот мир свободным. И тут же «...где Дух Господен — там свобода» [2, с. 179], значит, свобода повсюду? И, тем не менее, Гиппиус призывала «измерять» степень свободы, при этом по отношению к «врагу» возможно быть лишь непримиримым, здесь «полумер» быть не может. Проблема лишь в том, что самосовершенствование индивида возможно лишь в условиях свободного духа, а право выбора ему не предоставляется. В итоге мы имеем замкнутый круг и невозможность прийти к свободе как таковой.

Мы не исключаем и даже склоняемся к тому, что, несмотря на характер публицистических текстов, в них

у Гиппиус имеет место быть некое художественное изображение действительности. Современники нередко приписывали ей «литературность» даже там, где она не всегда оправдана. Но общий, необходимый запас трезвой наблюдательности и критического мышления, которым Зинаида Гиппиус, несомненно, обладала, ставит перед нами вопрос: могут ли при всей ответственности и долге, который возлагает на себя творческая личность, такие категории, как свобода, любовь, вера, трактоваться различным образом и в разной степени возможности принадлежности человеку?

Однако мы не преследуем цели «уличить» автора в несостоятельности его теорий или непоследовательности в высказываниях на тему, но пытаемся проследить с онтологической точки зрения вариативность суждений и определений им свободы как необходимого компонента (в понимании автора) нового, усовершенствованного мира и будущего в частности.

Отдельная категория свободы в публицистике Гиппиус — свобода и НЕ-свобода слова.

В статье «Новь» (1925 г.) она рассуждает о проблеме «отцов и детей» и условиях жизни — физических и духовных — молодежи «там» и «здесь». В то время, когда политические и гражданские права в СССР считались формальными и бессмысленными (правовой идеализм), тема несвободы поднималась многими эмигрантскими критиками и публицистами.

Зинаида Гиппиус пишет: «...здешние студенты — не учатся; ни учиться, ни говорить, ни думать им некогда: они только работают... ..живут (т.е. спят) буквально в клоаках, в ночлежных домах, и с пяти часов уже на ногах...» [2, с. 191]. «Молодежь воистину «подспудная»... ..мы знаем лишь отрывочные факты, и ни одного не подспудного, *свободного*, слова к нам не долетает (да его там и не произносится). Лишь чутье и догадка остаются у нас для «тамошней» молодежи» [2, с. 190].

Об одушевлении стремлением к реальной работе, к возможности такого будущего заграничные студенты (в частности, говорится о пражских студентах) считают, что эта работа и стремление объединяют их с советской молодежью. Гиппиус рассказывает о том, как пражские студенты в подтверждение своих гипотез приводят письмо одной курсистки: «Письмо убедительное; но кончается оно коротенькой фразой, маленьким дополнением — потрясающе значительным: «... только бы хоть немножко свободы...». Ужаса и реализма этих слов не увидели «здешние»... ..и отвечают они на робкие слова — «хоть немножко бы свободы» — поверх этих слов: «надо работать (строить мосты) *вопреки* невозможности, несмотря на невозможность»...» [2, с. 198].

Тотальную несвободу слова Гиппиус отождествляет с несвободой личности, не связывая ее при этом с напрямую с религиозным сознанием, хотя подспудно его отсутствие, по Гиппиус, у «людей советов» уже определяет их в обособленную категорию людей безнравственных, не созидających, а, значит, не свободных.

В это время Зинаида Гиппиус наряду с многими старшими эмигрантами, уже осознает свою судьбу «невозвращенцев», и некоторым образом сочувственно смягчается в сторону молодежи, «...которая откровенно идет дальше, к идее России прибавляет идею о *новой* России, а близкую действительно воспринимает более реалистично. Она тоже хочет мостов, но знает, что начнет эту работу лишь тогда, когда на месте постройки будет... «немножко свободы». [2, с. 200]

Тема свободы оставалась ключевой для Гиппиус на протяжении всех 22-х лет собраний «Зеленой лампы», заседания которой закончились лишь с началом Второй мировой войны в 1939 году.

В 1927 году в своем докладе «Русская литература в изгнании» Зинаида Гиппиус с сожалением говорила: «Некогда хозяин земли русской, Петр посылал молодых недорослей в Европу — на людей посмотреть, поучиться «наукам». А что, если и нас какой-то хозяин послал туда же, тоже поучиться — между прочим и науке мало знакомой — Свободе? И недоросли плакались. И недорослям путь назад был заказан, пока своего не исполнят. Мы тут стонем с утра до вечера: Россия, Россия,— к ней тянемся да еще гордимся — мы стоим лицом к России. А что, если отдавая все время на это стояние, мы так осуждены стоять и никакой России не получим?» [3]

В статье «Опыт свободы» (1938 г.), которая вышла спустя много лет, в 1938 году в сборнике «Литературный смотр», Зинаида Гиппиус снова подробно рассматривает тему свободы слова среди эмигрантов и в прежней, «той» России, а также говорит о значении свободы в контексте истории.

«Пусть не говорят мне, что в России, мол, никогда не было свободы слова, а какой высоты достигла наша литература! Нужно ли в сотый раз повторять, что дело не в абсолютной свободе (абсолюта вообще и нигде не может быть, ибо все относительно); мы говорим о той мере свободы, при которой возможна постоянная борьба за ее расширение... ..атмосфера свободы дается лишь тому или тем, кто сам свою свободу,— свою собственную — умеет ограничивать; и сам за это и за себя отвечает» [4]

Будучи в пограничной ситуации как в смысле физическом (изгнанники-«невозвращенцы»), а, в случае с Гиппиус,

ещё и культурно-физиологическом (сопоставление мужского и женского начал в бытии и личности), так и в смысле внутреннем — человеку, живущему на стыке веков, ставшему свидетелем и участником идеологического кризиса и, вследствие этого, оказавшемуся в состоянии экзистенциального конфликта; при этом имеющему столь исключительный ум и богатый внутренний мир, невозможно примириться с исторической несправедливостью. (Пусть ее и нельзя объективно оценить, ведь любые мнения по поводу исторических событий найдут оппонентов и останутся лишь гипотезами). Такому человеку не просто логично, но и необходимо рассматривать вопросы свободы с различных точек зрения и иметь возможность трансформировать своё видение вследствие изменяющегося политического, общественного строя, а также культурных событий и в соответствии со своими религиозными установками.

Проблема свободы с точки зрения возможности выбора, то есть свободы этого выбора, в известной мере для Зинаиды Гиппиус характеризуется её вошедшим в историю, диалогом с мужем — Д. Мережковским:

« — Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России? »

*Она думала минуту.
— Свобода без России, — отвечала она, — и поэтому я здесь, а не там.*

— Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... — и она задумывался, ни на кого не глядя, — на что мне собственно нужна свобода, если нет России. Что мне без России делать с этой свободой?» [5]

То есть выбор всё-таки был и, теоретически, он означал и свободу. Но такая свобода З.Н. Гиппиус была не нужна, ведь выбор чего-либо, даже России, без свободы — для нее был невозможен. И литературное кредо Зинаиды Гиппиус «Я ничего не боюсь!» не выдерживает того факта, что страх, что «Россия без свободы» такой и останется, сквозит буквально в каждой ее статье, в мемуарах, дневниках.

Испытание веры и патриотизма свободой выбора стало для эмигрантов тем самым мерилем их внутренней свободы, о которой говорила в своих статьях Зинаида Гиппиус. И такое мерило в полной мере отражает экзистенциальный характер не только ее прозы, но и ее литературной и политической публицистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. З.Н. Гиппиус, О «Союзе Непримиримости», [в:] Т. Пахмусс, Из архивов Зинаиды Николаевны Гиппиус. Ранние годы эмиграции, «Записки Русской академической группы в США». 1990, т. 23, с. 218; А. А. Алексеева, З. Н. Гиппиус, [в:] Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940), т. 4, А-Л, ИНИОН РАН Москва 2011, с. 188.
2. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 12. Там и здесь: Литературная и политическая публицистика 1920–1927 гг. Сост., подг. текста А. Н. Николюкина и Т. Ф. Прокопова. Комментарий А. Н. Николюкина / Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2011. — 528 с.
3. Юрий Терапиано. Литературная жизнь русского Пардиза за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. Издательства Альбатрос — Третья волна, Париж — Нью — Йорк, 1987–352 стр. С. 69.
4. Литературный смотр: Свободный сборник / Ред. З. Гиппиус и Д. Мережковский. Париж, 1939. С. 9–10.
5. Русское зарубежье. Великие соотечественники. 100 судеб русской эмиграции в XX веке. Издательство Яуза-Каталог, 2018 г. 664 стр. Стр. 347.

© Костенко Диана Евгеньевна (gurmandiza@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

TO THE QUESTION OF THE WORDS OF THE CATEGORY OF STATE IN THE RUSSIAN PUBLICISTIC TEXT

**M. Kunovski
I. Dinevich
G. Myers**

Summary. One of the modern linguistics topical issues is the problem of the parts of speech in the Russian publicistic texts and, in particular, the problem of the author's modality expression.

The markers of the author's modality expression are the words of the category of state, as the semantics of them incorporate the expression of the feelings, state and emotions of the speaker as well as the reflection of the information aimed at influencing the recipient.

The words of the category of state are independent parts of speech in the Russian language. They have certain semantic, morphological and syntactic features as the markers of the speech influence upon the recipient and the way of expressing the author's modality in the publicistic texts.

Studying the peculiarities of the category of state words in the Russian publicistic texts and giving the correct definition to the "state" in this respect are the main tasks of the modern Russian grammar.

Keywords: publicistic texts, the words of the category of state, emotionality, modality, expressiveness, evaluation.

Куновски Марина Николаевна

*К.филол.н., Российский университет дружбы народов
kunovski_mn@rudn.university*

Диневи́ч Ирина Александровна

*К.филол.н., доцент, Российский университет дружбы народов
dinevich_irina@mail.ru*

Майерс Галина Николаевна

*Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов
galinamyers@yandex.ru*

Аннотация. Одним из актуальных вопросов современной лингвистики является вопрос о частях речи в пределах определенного корпуса текстов публицистического стиля речи русского языка и, в частности, о способах выражения авторской модальности в публицистическом тексте современного русского языка.

Яркими маркерами выражения авторской модальности являются слова категории состояния, в семантике которых заложено обозначение чувств / состояний /эмоций говорящего и отражение психоформирующей информации с целью воздействия на адресата.

Слова категории состояния выступают в русском языке как самостоятельная часть речи современного русского языка, имеющая ряд семантических, морфологических и синтаксических признаков, как яркие маркеры речевого воздействия на реципиента и как способ выражения авторской модальности в рамках публицистического текста.

Таким образом, исследование особенностей функционирования слов категории состояния на материале публицистических текстов русского языка, предоставление правильных определений для понятия «состояние» является важной задачей современной грамматики, от удачной реализации которой зависит успех научного познания.

Ключевые слова: публицистический текст, слова категории состояния, эмоциональность, модальность, экспрессивность, оценочность.

Публицистический текст называют «летописью современности» [8], поскольку он, являясь популярным массовым текстом, отражает актуальные общественно-политические процессы, происходящие в политической, социальной, бытовой, философской и религиозной сферах жизни общества.

Основными функциями публицистического текста являются информационная и экспрессивная функция, характеризующаяся, прежде всего, оценочностью текста и направленностью на побуждение людей к действию, на активизацию их мыслей. Основная задача публици-

стики — формировать общественное мнение, поэтому любой публицистический текст выражает оценочное отношение к излагаемым фактам, тем самым оказывая воздействие на читателя. Функция воздействия обуславливает потребность в выборе оценочных средств выражения авторской мысли, поэтому в публицистике частотны употребимы оценочно-экспрессивные лексемы.

Изучение публицистического текста способствует воссозданию картины мира эмоций, поскольку эмоциональность является антропоцентрической категорией и наиболее полно выражается именно через эмотивный

портрет автора, рассказчика и адресата. Эмотивность в публицистике проявляется с помощью выражения чувств / состояний, различных эмоций. Для представления эмотивных ситуаций в публицистических текстах используются выразительные средства, подчеркивающие авторскую индивидуальность.

Многие исследователи отмечают, что в настоящее время наблюдается активный процесс включения эмотивной лексики, разговорных и просторечных элементов в публицистику, что связано с тенденцией «демократизации языка» и пополнением лексического фонда публицистического стиля эмоционально-окрашенными словами, репрезентующими состояние личности, которые, с точки зрения Е. А. Земской, «позволяют увеличить экспрессивность текста» [6, с. 201].

Языковое воплощение экспрессивной функции может выражаться как в различных лексических и стилистических приёмах, так и в грамматическом оформлении публицистического текста. Особенно интересным представляется авторское употребление слов категории состояния, придающих дополнительную экспрессивную окраску публицистическому тексту и служащих важным средством выражения различных состояний и настроений героев, состояний окружающей среды / обстановки и т.д.

На материале примеров из журнала Русского географического общества «Вокруг света» рассмотрим особенности функционирования слов категории состояния в публицистическом тексте. Журнал «Вокруг света» — это один из первых журналов в России, публикующий новые взгляды на известные исторические события, рассказы о знаменитых людях, информацию о новых научных открытиях и технических достижениях, репортажи, тематически связанные с географией, путешествиями, этнографией, биологией, астрономией, медициной, культурой, историей, биографией, кулинарией. В информационно-развлекательном журнале «Вокруг света» ярко выражены основные функции публицистического стиля речи: информативная функция и функция воздействия на читателя, яркими маркерами которой выступают слова категории состояния, обладающие эмоциональной и экспрессивной семантикой.

Количественный анализ публицистических текстов журнала «Вокруг света» выявил, что для данного периодического издания характерно частотное употребление слов категории состояния, имеющих модальное значение, значение душевного/ психического состояния, значение физического состояния и значение состояния окружающей среды, обстановки.

Слова категории состояния, имеющие *модальное значение*, наиболее употребимы в текстах журнала «Во-

круг света», поскольку слова данной семантики являются яркими маркерами выражения авторской модальности, средством речевого воздействия и способом передачи отношения говорящего к действительности, к происходящим событиям. Модальные слова — это разряд слов, при помощи которых «говорящий оценивает свое высказывание в целом или отдельные его части с точки зрения их отношения к объективной действительности» [5]. Слова данной группы отличает их способность добавить эмоциональный компонент в высказывание, усилить экспрессивную функцию других языковых средств воздействия и сформировать модальный план письменных текстов публицистической тематики.

Слова категории состояния с модальным значением в публицистических текстах могут выражать:

1) значение необходимости (*нужно, необходимо, надо*):

*Еще недавно считалось, что отведать правильный стейк в нашей стране невозможно, за ним **нужно** ехать в Америку, Францию или Италию* (Вокруг света, 2016, с. 86).

2) значение возможности — невозможности (*возможно, можно, невозможно, нельзя*):

*На вопрос, как же **можно** тут выжить в холода, его хозяин Томас просто отвечает: «Я тамплиер. Быть здесь всегда — моя миссия»* (Вокруг света, 2016, с. 45). *Духов гор злить **нельзя**, иначе они жестоко отомстят тебе* (Вокруг света, 2016, с. 66).

В приведенных примерах слова категории состояния с модальным значением используются без каких-либо семантических ограничений и, являясь предикативным членом, сочетаются с глаголами-связками, передающими значение сохранения состояния, становления, в составе модального сказуемого. Употребление личных и безличных модальных предикативов при инфинитиве есть особая «модальность, включённая в форму предиката» [2, с. 67].

Слова категории состояния, имеющие *значение душевного/ психического состояния*, используемые авторами в журнале «Вокруг света», представлены следующими лексемами: *скучно, грустно, весело, страшно, обидно, жаль, приятно, стыдно*. Активное употребление публицистами лексем данной группы во многом обусловлено идиоэтническими особенностями русского народа, которому в высшей степени присуще использование эмоционально-экспрессивной лексики в качестве способа передачи внутреннего состояния, настроения.

Душевное/психическое состояние человека или другого живого существа обычно связано с морально-эти-

ческой характеристикой внутреннего мира лирического героя, с его эмоциональными переживаниями. Такие лексемы, как *грустно, весело, нерадостно, стыдно, скучно, комфортно*, имеют значение состояний — переживаний, окрашенных отрицательными или положительными эмоциями:

Жить стало весело, и было весело еще 20 километров (Вокруг света, 2016, с. 38). *Но мне почему-то нерадостно: жаль, что осталось так мало* (Вокруг света, 2016, с. 48). *Иногда даже грустно прощаться после долгой и трудной экспедиции* (Вокруг света, 2016, с. 64).

Интересен тот факт, что в публицистическом стиле речи наблюдается тенденция приоритетного изображения негативных эмоций: беспокойства, страха, одиночества, причем больше всего представлена лексика тоски (*грустно, скучно* и др.) и горя (*горестно, горько, плохо* и др.). Наименее частотны эмотивные слова категории состояния, обозначающие положительные чувства, чаще всего чувства радости (*весело, радостно* и др.) и спокойствия (*спокойно, тихо, хорошо* и др.).

Особую лексико-семантическую группу слов категории состояния составляют лексемы со значением оценки (*хорошо, приятно, весело, лестно, плохо, скверно, мерзко* и пр.). Они обладают основными признаками предикатива, как и модальные, и потому не могут претендовать на особый «статус категории оценки» [1]. Значение оценки, как и значение состояния, является «синтаксически обусловленным» [3].

Слова категории состояния, имеющие значение физического состояния, в публицистических текстах встречаются реже: *больно, тесно, трудно, плохо, тяжело, хорошо, тяжело, комфортно: Вот несметное стадо сельдей плывет к югу, и будто море им тесно* (Вокруг света, 2016, с. 6130). — *Но мне не так трудно, как иностранцам* (Вокруг света, 2016, с. 62).

Употребляясь в публицистических текстах, слова категории состояния *больно, тошно*, как правило, обозначают физическое состояние субъекта, связанное с его здоровьем, а лексемы *трудно, тяжело* могут обозначать физическое состояние живых существ, которое возникает как результат внешних восприятий или ощущений. Сравним:

Ранней весной 2016-го, когда я сюда прибыл, от мороза даже дышать было больно (Вокруг света, март 2017, с. 68). *Многим ли такое под силу? Ведь даже без груза на высоте находится трудно, у человека начинается кислородное голодание* (Вокруг света, 2016, с. 62).

Группа слов со значением физического состояния включает в себя лексемы, обозначающие состояние организма человека и частей человеческого организма. В качестве носителя физического состояния могут использоваться лексемы *тело, лицо, глаза, руки, сердце: Моему сердцу сегодня тяжело* (Вокруг света, 2016, с. 24). *Рукам моим больно*, они уже ничего не чувствуют (Вокруг света, 2016, с. 32).

Широко употребителен в публицистической речи семантический синкретизм слов категории состояния: способность обозначать одновременно и психическое, и физическое состояние человека. «Состояния двух типов — физического и психического — ориентированы на ощущения и чувства человека: первый элемент структуры состояния — это чувствующий субъект» [7, с. 324].

Так, некоторые слова категории состояния, обозначающие физическое состояние частей человеческого организма, употребляются в переносном значении, выражая тем самым психическое состояние, что является показателем семантического синкретизма лексем данной части речи. «Предикативы, выражающие физические состояния, как правило, в порядке семантического переноса, основывающегося на связях физических состояний с эмоциями, выражают и эмоциональные состояния — переживания: (сердцу) *больно, тепло* (на душе), *легко* (на сердце) и т.п.» [4, с. 102].

Слова категории состояния, имеющие значение состояния окружающей среды, обстановки, в различных текстах представлены лексемами: *грязно, бедно, дымно, мокро, опасно, прекрасно, пыльно, сыро, темно, тепло, тесно, тихо, чисто*.

С лепестками роз, которые традиционно используют в подобных шоу, в стране в те годы было не просто (Вокруг света, март 2017, с. 28).

По характеру описываемого состояния лексемы со значением состояния окружающей среды делятся на описывающие явления естественной природы (*тепло, ветрено, морозно* и пр.) и артефактные состояния среды (*уютно, чисто, опрятно* и др.). О состоянии природы в некотором смысле можно говорить лишь условно, поскольку состояние природы не может быть внутренним, оно всегда приписывается природе или среде человеком. Состояние окружающей среды проецируется в язык через призму восприятия одушевленным субъектом, предполагает наличие наблюдателя, а семантическая структура предикатов данной группы включает перцептивную сему (*душно, темно, тихо, прохладно, жарко* и т.п.).

В дубайском метро прохладно (Вокруг света, март 2017, с. 38).

Описания артефактных состояний наиболее близки к оценкам, поскольку эти состояния описывает человек, руководствуясь своими вкусами и привычками. В семантику таких лексем включена не перцептивная, а оценочная сема, например: **Красиво** *это все, конечно, но дорого*, — *подытожила я* (Вокруг света, март 2017, с. 60).

Наиболее частотны в текстовых единицах лексемы со значением состояния лица (*мне весело*) и состояния окружающей среды (*на улице / в доме душно*). Подобный синкретизм объясняется лексической многозначностью этих слов, многие из которых имеют значение оценки действия и окружающей среды и физического или психического состояния лица. В публицистическом тексте такие характеристики могут совмещаться, проявляться одновременно, что чаще всего бывает результатом взаимодействия человека с природой: либо состояние окружающей среды влияет на состояние человека, либо состояние человека является причиной того или иного восприятия им окружающего его мира. В таких случаях слова категории состояния, своеобразно обо-

значая единство человека с природой, позволяют выразить сложное психологическое состояние лица.

Таким образом, лексико-семантический и грамматический анализ особенностей употребления слов категории состояния, употребляющихся в журнале «Вокруг света», выявил, что в публицистических текстах наиболее употребительны слова категории состояния с модальным значением, способствующие выражению авторской модальности и передающие отношение говорящего к действительности, к происходящим событиям. Частотное употребление лексем со значением состояния человека, являющихся яркой эмоционально-экспрессивной лексикой, помогает публицисту передать душевное состояние, настроение или физическое состояние субъекта, связанное с его здоровьем и внешними ощущениями. Слова категории состояния, имеющие значение окружающей среды / обстановки, описывают явления естественной природы и артефактные состояния среды.

Лексическое многообразие и многозначность слов категории состояния обуславливают семантический синкретизм и, как следствие, переплетение модальных и оценочных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева, В. В. Переходные конструкции в синтаксисе/ В. В. Бабайцева. — Воронеж: «Центр. Чернозем. кн. изд-во», 1967. — 391 с.
2. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке/ В. В. Виноградов. //Избранные труды: Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 55–67.
3. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике/ А. А. Зализняк. — М., 2010. — 240 с.
4. Павлов, В. М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке/ В. М. Павлов. — СПб: Наука, 1998. — 186 с.
5. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя/ Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
6. Русский язык конца XX столетия. 1985–1995: коллективная монография/ Воронцова В. Л., Гловинская М. Я., Голанова Е. И. и др.; под ред. Е. А. Земской — М.: Языки русской культуры, 2000. — 480 с.
7. Семантические типы предикативов/ Под ред. О. Н. Селиверстовой. — М: Наука, 1982. — 365 с.
8. Солганик, Г. Я. Стилистика текста: учебное пособие/ Г. Я. Солганик. — М.: Флинта: Наука, 1997. — 256 с.

© Куновски Марина Николаевна (kunovski_mn@rudn.university),

Диневиц Ирина Александровна (dinevich_irina@mail.ru), Майерс Галина Николаевна (galinamyers@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТРАЖЕНИЕ СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ В НОВОСТНЫХ ЗАМЕТКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ СМИ

Курченкова Мария Владимировна

Волгоградский государственный университет,

г. Волгоград

kurchenkov@mail.ru

THE REFLECTION OF SPORT EVENTS IN THE NEWS ARTICLES OF EUROPEAN MEDIA

M. Kurchenkova

Summary. This article analyzes various ways of depiction of the most important sport events having taken place in Russia on the material of European and Russian media. The author considers the basic principles of journalism. The material of the article allows following the sequence of submission of news materials, their features, distribution of accents in the texts of news notes and news programs. The analysis of the main factors of similarities and differences in the Russian and European media describing the Winter Olympiad and the Football Championship carried out in this article.

Keywords: news article, news program, global news, European media, Russian media.

Аннотация. В данной статье проводится анализ способов освещения важнейших спортивных событий, происходивших в России на материале европейских и российских СМИ. На основании рассмотрения основных принципов журналистики описывается последовательность подачи новостных материалов, их особенности, распределение акцентов в текстах новостных заметок и программ. Проводится анализ основных факторов сходства и различия освещения в российских и европейских СМИ событий, связанных с 22 Зимней Олимпиадой и Чемпионатом мира по футболу.

Ключевые слова: Новостная заметка, новостная программа, глобальные новости, европейские СМИ, российские СМИ.

В настоящее время развитие цифровых технологий существенным образом повлияло на характер работы средств массовой информации в мире. С появлением онлайн-СМИ расширились горизонты распространения релевантной информации для различных групп ее потребителей, сократилось время для формирования и ее передачи. Вместе с этим, вне зависимости от национального источника и способа передачи новостной информации, принципы ее формирования и структура по-прежнему остается неизменной

В журналистике вопрос «что такое новость?» представляется как метафизический и трудный для ответа. Определенный положительный результат дают попытки ответить на него путем анализа средств массовой информации. У. Липпман сосредоточился на процессе сбора новостей, который он представлял как поиск важных сигналов. «Новости являются не зеркалом социальных условий и обстоятельств, а сообщением о как-то обозначившемся событии. Из новостей вы не узнаете, как в семечке, помещенном во влажную почву, просыпается жизнь, но журналисты сообщат вам, когда первый росток пробьется на поверхность земли. Из новостей вы

даже можете узнать, что сказал какой-нибудь человек о процессе зарождения этой жизни. Из них вы можете также узнать, если росток не появился над землей вовремя» [1, с.3]. Таким образом, аудитории предлагается описание явления или феномена в виде информационного сообщения. По этой причине средства массовой информации поддерживают тесные контакты с правоохранительными органами, судами, больницами, где могут появиться первые признаки сенсационного события.

Новости — это релевантная информация, отражающая реальное положение дел в стране: в политике, в экономике, и представляющая интерес для граждан. Это сообщения о событиях, которые произошли недавно или происходят на данный момент. Это программы (сборник нескольких новостей) на телевидении и радио, в печатной прессе или на сайтах — онлайн-версиях СМИ, в новостных бюллетенях, в специальной рубрике в газете. Среди новостей существует деление на обычные и сенсационные [2, р. 224–243; 3, с. 109].

Сенсационные новости (breaking news) — это новости, имеющие первостепенное значение, с них начина-

ются новостные передачи и прерывается традиционная сетка телевизионного вещания. Тексты сенсационных новостей могут содержать неполную информацию, фактические ошибки или плохое редактирование, которое часто происходит по причине чрезмерной спешки с публикацией материала.

Новостная заметка информирует о происходящих событиях, о том, как люди решают свои проблемы. 6 основных вопросов, на которые должны отвечать новости: Кто? Что? Где? Когда? Зачем? Как? Иногда этот список дополняется вопросами «Что это значит?» («Что?»), «Кому это выгодно (не полезно)?» и «Что будет дальше?», но первые шесть по-прежнему остаются главными: кто сделал что-то, в какое время, в каком месте, как и почему. В новостном сообщении обязательно указывается источник информации — ответ на вопрос «Как мы узнали?». Выбор новостей для публикации происходит в соответствии с двумя критериями — значимость события и наличие в нем элементов интереса для читателя.

Значение произошедшего события определяется его масштабами, цифрами (сумма сделки, количество участников мероприятия, количество жертв катастрофы), а также указанием на возможные последствия для всего населения страны или некоторых групп населения. Последствия события могут быть либо прямыми (например, решением Конституционного суда о выплате дополнительных пособий женщинам, ушедшим в отпуск по беременности и родам), так и косвенными (например, прогноз роста цен на жилье в связи с новым порядком распределения земли для строительства). Упоминание в материале и прямых, и косвенных последствий события теоретически позволяет сделать значительную и достойную публикацию. Интерес читателя зависит от близости события к реальным читателям, от участия в событии знаменитостей и от наличия «человеческих факторов» события.

Новостной текст формируется по схеме «перевернутой пирамиды». Эта схема подразумевает нарушение хронологии события, сигнальное предложение не является началом изложения события, но представляет собой самый важный элемент события, его суть. Затем размещается менее важная информация, и статья заканчивается еще менее важной, которая может быть отброшена.

Новостные заметки могут быть короткими и расширенными. Краткая новость состоит из 10–20 строк и содержит ответы на основные шесть вопросов («Кто? Что? Где? Когда?» Почему? Как?). Расширенное новостное сообщение состоит из ядра, деталей и фона [3, с. 17].

Ядро находится в начале заметки и содержит основную информацию о событии. Детали новостей включают

в себя отчет о событии и описание обстоятельств, связанных с ним. Например, если основная часть новостного текста сообщает о крушении самолета, детали будут содержать информацию о том, как проходил рейс, о том, что стало известно о проблемах, о том, как пилоты пытались спасти самолет, как работали наземные службы и т.д. Или, если ядро новостей расскажет о выступлении политика, то детали будут цитатами из речи и реакции слушателей.

Фон — это дополнительная информация, которая напрямую не связана с событием, но позволяет глубже понять ее смысл. Как правило, в качестве фона используются сообщения о подобных событиях и статистике. Например, для статьи об авиакатастрофе фон будет информацией о том, как часто разбивались самолеты этой модели и соответствующей авиакомпании, как часто это происходило в той же области и по той же причине, какие платежи производятся семьям погибших в результате крушения, что будут предпринимать авиастроители для повышения безопасности.

Разберем более детально сферу новостных программ. Наша задача — узнать, как различные европейские СМИ предоставляют информацию об актуальных событиях, происходящих в мире. Следует отметить, что у каждого СМИ есть своя редакционная политика, которая влияет на повестку дня новостей. Для анализа мы возьмем несколько российских и европейских каналов и изданий, для того, чтобы сравнить, как они показывают новости о событиях, происходящих в мире.

Приведем пример анализа одного новостного события — о зимних Олимпийских играх в Сочи в 2014 году.

На примере этой новости видно, что «Первый канал» и «Россия 24» наиболее четко транслируют свою позицию, используя многочисленные средства художественной выразительности, подчеркивая идеологическое значение Олимпийских Игр. «Россия сегодня» и «EuropeNews» немного менее активны в представлении такой позиции. Портал «Дождь» в этом примере наименее пользуется художественной выразительностью средств массовой информации для представления информации [4].

Распределение семантических ролей на «Первом канале» говорит об активной, уверенной и сильной роли России (*Россия как спортивная команда и организатор игр*). На канале «Россия 24» роли распределяются таким же образом, что также иллюстрирует активные действия сборной России (в синтезе используются такие слова, как «страна», «мы»), а также сборных других стран [5]. «Россия сегодня» фокусируется не только на активных действиях России, но и на активных действиях (реакциях) зрителей и очевидцев событий. Канал

«Дождь» отражает активные действия различных спортсменов, делая дополнительный акцент на том, что Россия и Российские спортсмены не являются одним целым.

Распределение ролей на канале «Euronews» также отражает активность обеих сторон, деятельность представителей СМИ в связи с событиями Олимпиады и в органах власти Российской Федерации.

«Первый канал» использует фразы: «... не скрывают своего восхищения», «... это отличные игры», что подчеркивает грандиозность игр, ощущаемая многими людьми. Канал «Россия 24» применяет следующие словосочетания: «Национальная сборная впервые ... на вершине медали», «Самое зрелищное ... в истории», которые подчеркивают триумф сборной России и уникальность Олимпийских Игр [6].

Английская газета Daily Telegraph назвала Олимпиаду в Сочи самой яркой и фотогеничной из всех Олимпиад. «Хозяева организовали событие невероятных масштабов, их стадионы были достойны XXI века, болельщики полны энтузиазма», — пишет газета. Издание признает: российские атлеты оказались сильнее всех. Портал «Россия сегодня», а также радиостанция Вести FM указывают: «... у России отличное чувство юмора», «Мы чувствовали Россию, другую Россию» [7]. Авторы новостей здесь положительно оценили самоиронию и единство России, единение российского народа. Канал «Дождь» подчеркивает, что «Россия завоевала золото в командном зачете, благодаря усердию ...». Здесь подчеркивается не активная работа в целом всей России, а хорошая форма спортсменов, их слаженная работа в команде и получение заслуженных наград [8].

Канал «Euronews» указал в своем новостном тексте: «we see on the streets of the city — it's just the tip of the iceberg», «Nevertheless, so far the Games are running smoothly without any particular glitches» — то, что «мы видим на улицах города — это всего лишь верхушка айсберга», «Тем не менее, Олимпиада все равно идет без проблем», где выражается сомнение в надежности того, что могут увидеть обычные люди на Олимпиаде (сомнение в безопасности), несмотря на то, что пока все «хорошо», ожидается, что что-то может пойти не так [9].

Подводя итог, можно сказать, что в новостных сообщениях «Первого канала» и «России 24» самое пристальное внимание уделяется формированию единого мнения, наиболее показательно и настойчиво передающего позицию данных каналов. «Россия сегодня» и «Euronews» также активно участвуют в демонстрации своих позиции, хотя их идеи сильно отличаются друг от друга. Телеканал «Дождь» косвенно иллюстрирует свои идеи.

Летом 2018 года в России проходил чемпионат мира по футболу. Многие СМИ писали об этом. Мы проанализируем некоторые материалы и новости об этом событии и рассмотрим приоритетность подачи новостных материалов в различных европейских СМИ.

Выступление сборной России на чемпионате мира по футболу привлекло внимание многих мировых СМИ. Наблюдатели по-разному оценивают неожиданный успех команды и выход из турнира, в результате проигрыша в четвертьфинале сборной Хорватии.

Все публикации на английском языке говорят о том, что российская команда сыграла неожиданно хорошо: они даже не ожидали, что она выйдет из группы, не говоря уже о том, чтобы попасть в четвертьфинал.

«Шоу будет продолжаться без хозяев, — пишет глобальное издание The Guardian, — слезы текли на трибунах, когда Иван Ракитич забил победное пенальти, точно так же, как он сделал в борьбе с Данией в прошлое воскресенье, продвигая Хорватию вперед и заканчивая российскую сказку» — «The show will go on without the hosts,» writes the Guardian, «There were tears on the pitch and in the stands after Ivan Rakitic converted the winning penalty kick, just as he did in a shootout against Denmark last Sunday, to send Croatia through and bring an end to the Russian fairytale» [10].

«For a moment it felt as though time stood still as sadness fell over this cavernous arena, where Russia had played with such spirit and courage to stretch Croatia to the limit», — «На секунду показалось, что наступил момент печали на этой огромной арене, где Россия играла с такой искрой и мужеством, чтобы победить Хорватию», — пишет обозреватель Стюарт Джеймс [10]. Особенно он отмечает игру Артема Дзюбы, который «сражался за мяч так, как будто его жизнь зависела от него» — «he fought for every ball as if his life depended on it». В конце концов, российские игроки покидают чемпионат мира с поднятыми головами и «хвалой президенту в своих головах» — «leave the World Cup with their heads high and with the president's praise ringing in their ears» — пишет газета.

Газета «Телеграф» пишет, что Россия показала себя вихрем энергии, и хотя она выглядела усталой после второго гола Хорватии, она нашла силу, чтобы сравнять счет. «Russia were a whirlwind of energy and, even when they looked spent after Vida rose ... to head Croatia in front, they found it within themselves to summon the strength to equalise» [11]. Английская команда может быть благодарна за то, что Хорватия не позволила ей встретиться в полуфинале с Россией, — пишет газета, по-

тому что отношения между странами обострились после отравления бывшего российского шпиона Сергея Скрипаля и его дочери в Солсбери. С другой стороны, играть с Хорватией, безусловно, будет сложнее для Англии, отмечает Телеграф [11].

Большинство хорватских изданий не уделяют большого внимания игре со сборной России. Радостные сообщения о выходе сборной в полуфинал постепенно сменяются обсуждением акта футболиста Домагоя Виды, который после матча снялся в видео, крича «Слава Украине!».

Например, местное издание «Sportarena» вышло с заголовком «Нам это не нужно»: в статье поведение такого рода называется неприемлемым. «Отношения между Россией и Украиной сегодня не самые лучшие, и это можно интерпретировать как прямую провокацию», — отмечает газета (<https://sportarena.com/>).

Еще одно хорватское издание — «Дневно» — отмечает, что после такого акта в матче с Россией Вуда «went over the edge» — переступил черту. Сам футболист — бывший игрок «Динамо Киев» — утверждает, что его заявление было просто шуткой.

Пресса Австрии также проявляет интерес к матчу Россия-Хорватия. Левоцентристская газета «Der Standard» отмечает, что россияне покидают турнир с высоко поднятой головой. В статье «Печаль и гордость после ухода сборной» издание сообщает, что после матча в Москве начался ливень, словно небеса оплакивали сборную России вместе с болельщиками. По словам газеты, теперь интерес россиян к турниру будет охлажден, но они будут гордиться своей командой. «Россия показала себя не только как гостеприимная нация, но и как хорошая команда, у нее нет звезд, но она прошла дальше, чем Месси, Роналду, Иньеста и Кроос», пишет газета.

Немецкий журнал «Spiegel» называет игроков сборной России «чудесные бегуны», намекая на значительное превосходство над другими командами на дистанции, которую футболисты преодолели для игры, а также отмечает, что этим летом обычно сдержанные россияне улыбаются необычайно. Левая газета «Tageszeitung» считает, что среди всех участников четвертьфинала Россия потеряла больше, чем все остальные, немного не дойдя до полуфинала. Публикация заверяет, что русские запомнят это на много лет.

Левоцентристская газета «Sueddeutsche Zeitung» отмечает, что, хотя Россия вылетела из чемпионата, она гордится своими игроками и сама по себе, и вместо грусти из-за поражения россияне отмечают исторический успех своей команды на чемпионате.

В то же время центрально-правосторонняя газета «Frankfurter Allgemeine» больше интересуется политическим аспектом и называет чемпионат попыткой президента России Владимира Путина отвлечь внимание от скандалов в российском спорте — и заявляет, что ему это удалось.

Испанское спортивное издание «La Marka» в статье «Футбол был честным, Россия — на улице» писала, что другого результата для матча не может быть, а сборная России названа «одним из ощущений чемпионата с очень ограниченной моделью игры». «Игра России не была такой же летаргической, как с Испанией, но в игре с Хорватией они (российские футболисты) все еще отказывались проводить атаки, думая, что у них все еще будет такая возможность», — говорится в газете. Автор статьи также критикует судейство в матче, утверждая, что на этот раз судьи были мягче, чем в игре с Испанией, и не давали желтых карточек за очевидные нарушения.

Одна из крупнейших французских газет «Le Monde» называет выступления России на чемпионате «футбольным чудом», но в то же время напоминает, что россияне не могли повторить успех южнокорейской сборной, которая в 2002 году сенсационно достигла полуфинала в домашнем мундиале. Выступление россиян превзошло все прогнозы экспертов и букмекеров, и в какой-то момент у болельщиков появилась настоящая надежда, что команда выйдет в полуфинал, еще раз спасенный голкипером Игорем Акинфеевым, которого публикация называет «наследником легендарного Льва Яшина». Однако Акинфеев не смог повторить «испанский подвиг». По словам обозревателя «Le Monde», капитан сборной России после этого матча не войдет в историю и не будет увековечен в виде фресок в натуральную величину.

Таким образом, в результате анализа европейских новостных источников, выделены особенности и различия отражения спортивных событий в России в период Зимней олимпиады 2014 г. и Чемпионата по футболу 2018 г. В каждом рассматриваемом источнике отражается собственное специфичное представление о событии, что опосредуется на наш взгляд, общим направлением деятельности конкретного издания и его редакционной политикой, а также общей политической ситуацией на европейском континенте и отношением конкретной страны к России. Вместе с этим, все новостные материалы, несмотря на свое различие по стилю, интерпретации освящаемых событий, имеют глобальный характер и ориентированы на широкую международную аудиторию. Любая рассматриваемая новостная информация не ограничивается границами страны происхождения, что является усиливающей тенденцией информационной глобализации.

Список СМИ

1. Россия 24.— [Электронный ресурс] — https://live.russia.tv/index/index/channel_id/3
2. Первый канал.— [Электронный ресурс] — <https://www.1tv.ru/>
3. Россия сегодня.— [Электронный ресурс] — <https://russian.rt.com/>
4. Дождь.— [Электронный ресурс] — <https://tvrain.ru/news/>
5. Euronews.— [Электронный ресурс] — <https://ru.euronews.com/>
6. Standard. — [Электронный ресурс] — <https://derstandard.at/>
7. Spiegel. — [Электронный ресурс] — <http://www.spiegel.de/>
8. Sportarena.— [Электронный ресурс] — <https://sportarena.com/>
9. Le Monde.— [Электронный ресурс] — <https://www.lemonde.fr/>
10. Dnevno.— [Электронный ресурс] — <http://www.dnevno.hr/>
11. La Marka.— [Электронный ресурс] — <https://www.marca.com/en/>
12. Tageszeitung.— [Электронный ресурс] — <http://www.taz.de/>
13. Sueddeutsche Zeitung.— [Электронный ресурс] — <https://www.sueddeutsche.de/>
14. Frankfurter Allgemeine.— [Электронный ресурс] — <http://www.faz.net/aktuell/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Липпман, У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
2. Mencher M. News Reporting and Writing. — Dubuque: WCB, 2011. P. 224–243.
3. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. Учебное пособие. — М.: Изд-во Московского университета, 2008, — 229 с.
4. Коньков С. «Россия приятно удивила»: что думают зарубежные болельщики о ЧМ-2018. Чемпионат мира по футболу // ТАСС. — [Электронный ресурс] — <https://worldcup2018.tass.ru/articles/5310955> (Дата обращения: 10.11.2018).
5. Нераскрывшаяся снежинка — неофициальный бренд Игр в Сочи // RT на русском. 2014. — [Электронный ресурс] — <https://russian.rt.com/article/22918> (Дата обращения: 11.10.2018).
6. Литовко Н. 17 мгновений Олимпиады: что останется в истории?// Вести. — [Электронный ресурс] — <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1318606> (Дата обращения: 15.11.2018).
7. Саралидзе Г., Подолян О. У русских отличное чувство юмора. США о закрытии Олимпиады // Вести FM. — [Электронный ресурс] — <https://radiovesti.ru/brand/60958/episode/1361731/> (Дата обращения: 15.11.2018).
8. Россия вернется на первое место медального зачета Олимпиады в Сочи // Дождь. 2018. — [Электронный ресурс] — https://tvrain.ru/news/rossija_vernetsja-456580/ (Дата обращения: 11.10.2018).
9. Sochi Winter Olympics: “There is a festive atmosphere everywhere” // Euronews. — [Электронный ресурс] — <https://www.euronews.com/2014/02/08/sochi-winter-olympics-there-is-a-festive-atmosphere-everywher> (Дата обращения: 20.09.2018).
10. James S. Russia ‘demobilised’ early from World Cup but with nation won over // The Gardian. — [Электронный ресурс] — <https://www.theguardian.com/football/blog/2018/jul/07/russia-demobilised-early-from-world-cup-but-with-nation-won-over> (Дата обращения: 25.08.2018).
11. Ducker J. Croatia beat World Cup hosts Russia on penalties to set up England date // The Telegraph. Sport/World Cup. 2018. — [Электронный ресурс] — <https://www.telegraph.co.uk/world-cup/2018/07/07/russia-vs-croatia-world-cup-2018-live-score-latest-updates/> (Дата обращения: 15.11.2018).

© Курченко Мария Владимировна (kurchenkov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ПОЭТА И ДРАМАТУРГА М.Ф. АХУНДОВА И ОСНОВОПОЛОЖНИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ Г.М. ЗАРДАБИ В РАЗВИТИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ

Рустамханлы Танзила

*Д.философии по филологии, Институт литературы
им. Низами Гянджеви Национальной Академии наук*

Азербайджана

abuzar-bat@mail.ru

**THE ROLE OF THE POET
AND PLAYWRIGHT M. F. AKHUNDOV
AND THE FOUNDER
OF THE NATIONAL PRESS
G. M. ZARDABI IN THE DEVELOPMENT
OF AZERBAIJAN LITERATURE
AND JOURNALISME**

T. Rustamkhanli

Summary. This article examines in detail the role of two great personalities — Mirza Fatali Akhundov and Hasan Bay Zardabi — in the development of Azerbaijani literature and journalism. The author analyzes the key aspects of literary and philosophical creativity of M. F. Akhundov (in particular, its treatises), as well as editorial policy, rubrication and composition of publications of the newspaper "Ekinchi", published in 1875–1877 in Baku. Issues related to the Azerbaijani language and literature and the national alphabet were very important for the newspaper.

Keywords: Azerbaijani literature, education, newspaper "Ekinchi", reform of the alphabet, literary philosophical treatises of M. Akhundov.

Аннотация. В данной статье подробно рассматривается роль двух великих личностей — Мирзы Фатали Ахундова и Гасан бек Зардаби — в развитии азербайджанской литературы и публицистики. Анализируются ключевые аспекты литературно-философского творчества М. Ф. Ахундова (в частности, его трактаты), а также редакционная политика, рубрикация и состав публикаций газеты Г. Зардаби «Экинчи», издававшейся в 1875–1877 гг. в Баку. Очень важное значение для газеты имели вопросы, связанные с азербайджанским языком и литературой, с национальным алфавитом.

Ключевые слова: азербайджанская литература, просвещение, газета «Экинчи», реформа алфавита, литературно-философские трактаты М. Ф. Ахундова.

Мирза Фатали Ахундов (1812–1878) и Гасан бек Меликов Зардаби (1837–1907) по праву считаются корифеями азербайджанской литературы, прессы и публицистики. В комедиях, повестях и сборниках, в «Письмах Кемаль — уд — Довле», М. Ф. Ахундов отстаивал идеи свободы и справедливости, верховенства права и закона, важности роли личности в истории. В отличие от Гасан бека Зардаби, который свои основные идеи скрывал за завесой «международных» или «свежих новостей», М. Ф. Ахундов писал о достаточно напряженных отношениях между Ираном и Российской империей, о кавказской политике России. Критикуя режим падишаха, Ахундов свободно и открыто высказывал своё мнение, обращался к лучшим представителям своего народа, к интеллектуалам.

М. Ф. Ахундов в «Кемаль — уд — Довле» писал о том, что падишах должен считать себя адвокатом народа и «при общественном вмешательстве принимать законы и создавать парламенты» [1, с. 45]. 1870-е гг. внесли серьёзные изменения в общественно-политические взгляды

Ахундова. Политические идеи, выдвинутые в «Обманутых звёздах», были развиты в «Письмах Кемаль — уд — Довле». Философские и политические идеи литератора нашли свое отражение в написанных в эти годы произведениях: «Редактору газеты «Миллет» Ирана, «Спор с Молла Акбером», «Йек Кельме», «О Моллайи-Руми и его произведении», «О Джоне Стюарте» и др. В 1870-е гг. завершается философская и политическая эволюция Ахундова, поднявшегося до уровня революционера-демократа. В своих литературных произведениях М. Ф. Ахундов становится «вестником идей свободы» [2, с. 352].

Таким образом, период расцвета творчества М. Ф. Ахундова совпадает со временем создания газеты «Экинчи». В 1870-е гг. одной из целей борьбы М. Ф. Ахундова было изменение азербайджанского алфавита. В связи с этим М. Ф. Ахундов подготовил три проекта алфавита и представил их мусульманским лидерам. Однако, как писал Ахундов: «К сожалению, не в Иране, не в Османской империи главы исламских народов ради

прогресса нации не приняли изменение исламского алфавита, чтобы население страны, женщины и мужчины стали образованными...» [3, с. 254].

Ахундов в первом и во втором проектах азербайджанского алфавита хотел сокращения точек и запятых, написания гласных, поскольку чтение и написание, в бытовавшей его форме, создавали большие трудности. В статье «*Daxiliyü*» — («Внутренние») — газеты «Экинчи» от 21 августа 1875 г. Гасан бек Зардаби с душевной болью писал о проблемах, связанных с национальным алфавитом: «Дело в том, что у нас есть такие труды, о которых другие газетчики даже и не знают. Этот алфавит был получен в Стамбуле. Поэтому на нашем языке некоторые буквы, например, *q, k, r, l* уже используются, по этой причине газете не хватает этих букв. Мы изучаем содержание сути этих букв и других событий, но для меньшего использования вышеупомянутых букв заменяем некоторые слова другими, чтобы в этих словах не были вышеупомянутые буквы. Конечно, в таком случае суть не бывает ясным и лица, обращающие на это внимание, считают нас виновными» [4].

21 апреля 1875 г., в своём письме, адресованном Гасан беку Зардаби, Ахундов писал: «Одним из преимуществ вашей газеты является красота стиля, утончённость и ясность интерпретации информации, точность написания орфографии. Поэтому ваша газета должна быть примером и попытаться очистить татарский язык от недостатков. Пусть ваш будущий редактор за основу орфографии возьмёт правила написания моих комедий» [4].

Алимардан бек Топчибашев в статье «Маяк Азербайджана» высказал интересные мысли о Гасан беке Зардаби и языке газеты «Экинчи». Он писал о том, как Гасан бек Зардаби пытался избежать персидских и арабских слов в «Экинчи», старался писать на тюркском и азербайджанском языках, по возможности использовал самые простые и легко понимаемые народные слова. А. Топчибашев также отмечал, что противники Гасан бека, из-за незнания арабского и персидского языков, делали ему замечания, состоявшие в том, что в газете используется крестьянский жаргон, советовали писать высоким стилем. Ещё одна мысль Алимардана Топчибашева вызывает интерес: Гасан бек, выбирая корреспондентов из числа представителей народа, затем отправлял их обратно в массы. Поэтому газета «Экинчи» справедливо считалась летописью народа.

Спутница жизни Гасан бека Ханифе ханум в своей «Биографии Гасан бека Меликова Зардаби» писала, что Гасан бек до конца своей жизни был сторонником чистого тюркского языка. Язык его газеты «Экинчи» был понятен всем кавказским мусульманам.

Ханифе ханум в своей статье затронула ряд конкретных лингвистических вопросов. Например, Ханифе ханум сообщала, что когда Гасан бек от крымских татар, татар Поволжья и жителей Сибири получал статьи на арабском, то отправлял их к мулле для перевода, возвращал тексты авторам и просил их писать на родном языке. Далее эти корреспонденты писали уже на родном языке. Гасан бек гордился тем, что побудил их к этому.

Действительно, в газете «Экинчи» вопросам, связанным с азербайджанским языком, придавалось огромное значение. Прежде всего следует упомянуть, что публикации редактора и активных корреспондентов газеты являлись образцом для подражания. Однако, в некоторых случаях «Экинчи» давал слово представителям «противоположного фронта», заставлял их говорить «на своих языках» [5].

Одним из главных преимуществ газеты «Экинчи» было то, что она собрала вокруг себя публицистов и литераторов-интеллектуалов, публиковала их произведения, знакомила читательскую аудиторию с ценностями прогрессивного мира. Многие представители литературных меджлисов XIX века регулярно выступали на страницах «Экинчи», пытались опубликовать свои произведения, называли газету «светом» и «озарением». Сам Сейид Азим Ширвани и члены меджлиса «*Beütüs-səfa*», возглавляемого им, высоко оценивали научную и просветительскую деятельность газеты.

«Экинчи» — первая азербайджанская газета, распространявшаяся среди читательской аудитории идеи свободы и образования женщин. «Экинчи» была известна за пределами Азербайджана, в Грузии, Дагестане, Узбекистане. Из этих мест в газету приходили материалы.

Только после трёхлетнего напряжённого труда, посещения государственных органов, переписок с ними Гасан бек получил разрешение правительства на выпуск газеты. В 129-м номере газеты «*Həyat*» — («Жизнь») — от 28 декабря 1905 года, Гасан бек, вспоминая те дни, писал: «Как выпускать газету? Нет денег, нет соратника писателя, алфавита, типографии, рабочего, не будет более одного-двух сотен читателей. Получение разрешения со стороны государства также является большим бедствием» [5].

Гасан бек Зардаби призывал мусульман брать пример с русских и европейских просветителей-демократов. В одной из статей он говорил: «... владельцы наук христиан пытаются путём вина расположить вас к себе. А наши люди, принявшие опий, съевшие белену, выпивающие вино, то, к чему вы привыкли, является ядом, они, пытаясь уничтожить ваш мозг и тело, предрешают вашу судьбу. В таком случае, не забыв *nəfyül-xəmr vəl meysər*

min əmlüſ-ſeytan, («отрешиться от вина, а также от тысяч соблазнов шайтана») надо просить прощения у Бога» [8].

Обращение Г. Зардаби к интеллектуалам, ведущим писателям и культурным деятелям страны, привело к серьёзному общественному резонансу. В шестом номере газеты «Экинчи» под заголовком «Məktubat» — («Корреспонденция») — мы уже видим материалы, поступившие из разных провинций. В этих письмах говорится о необходимости борьбы за просвещение нации, освобождении от фанатизма, формировании европейских ценностей. Газета призывала мусульман воспользоваться достижениями европейской культуры.

Один автор под псевдонимом «Heydəri» — («Хайдари») — в 6-м номере газеты писал о важности получения образования. В этом номере газеты были опубликованы письма Мухаммед Рагим бека, Мухаммедали бека Рагинова, газель Сейида Азима, где выражалась благодарность Гасан беку, как мудрому, просвещённому человеку. В то время выпуск газеты на азербайджанском языке считался большим культурным событием.

Одной из главных целей Гасан бека было превратить тюркский язык в язык науки и образования, пробудить народ от спячки, избавить его от невежества. Из стихотворения Сейида Азима Ширвани становится ясно, что за короткий срок газета «Экинчи» стала известной не только в Азербайджане, но и по всему Кавказу. В результате, начиная с последующих номеров, мы знакомимся с Аскером Мирза Адыгёзелзаде Горани и с другими личностями, ставшими творцами азербайджанского просвещения. А. Горани в том номере газеты выступает с научной информацией о коконе [9].

В восьмом номере газеты [10], в разделе «Daxiliyuz», полностью посвящённом науке и образованию, Гасан бек Зардаби с душевной болью отмечал прогресс очень многих народов в сфере образования и просвещения, в то время как мусульмане не ходят в школы, открывшись за счёт государства. В статье рассказывается об отношении русских, армянских, европейских детей, детей нового мира, к образованию. Говорится, что мусульмане в будущем могут оказаться в беде, если не уделят должного значения проблемам образования и культуры.

Г. Зардаби, обращаясь к мусульманской интеллигенции, призывал её к диалогу: «Эй, национальные фанатики мусульман, откройте глаза и посмотрите на мир!» [10]. Эти обращения Г. Зардаби не остались без внимания. Интеллектуалы, сторонники образовательных реформ в Азербайджане начали объединяться вокруг «Экинчи», поддерживать газету, выступать на её страницах с различными материалами. В числе таких авторов мы можем

назвать имена Аскера Адыгёзелзаде Горани из Санкт-Петербурга, Мирза Гасана Аль-Гадари из «Tabasaranül-cənubiyyədən» («Южного Табасарана»), Мухаммед бек Велиева из Иравана, Гейдара из Петровска, Ахсануль Гаваида, Шейхульислама — Закавказского ахунда Ахмеда Гусейнзаде, Султанова, Алекбера Элчизаде, Алимамеда Абдуллазаде, Махбуза Дербенди, Мемнуна Аль-Гадари, Наджафа, Мухаммедтаги Ализаде Ширвани, членов Şüərayiərbəeyi-Şirvan (литературное собрание Ширванских «Сорок поэтов») и др.

«Намерение газеты — открыть глаза людям» [10], — любил говорить Гасан бек Зардаби. В 1874 г., в апрельском номере, читатель, обращаясь к редактору, отмечал, что если газета и в будущем будет также пропагандировать науку и просвещение, то может потерять читателей. Г. Зардаби своим тезисом «Намерение газеты — открыть глаза людям» ответил этому читателю. А в 11-м номере [11] стихотворением, адресованным к сыну Сейида Азима, Г. Зардаби ещё раз обосновал просветительскую позицию газеты:

*«Cəhd elə neməti-təmə yetiş,
Elm təhsil qıl, məqamə yetiş.
Starıysə — səvərişməvə döstigay,*

Получи образование, до высокого сана поднимайся». [Подстрочный перевод автора статьи — Т.Р.]

Создатель газеты «Экинчи» в 13-м номере, выпущенном 11 июля 1876 г., жаловался, что газете исполнился год, но число её читателей, увы, сократилось с 600 до 283. Он отмечал, что основная часть читателей газеты была из Губы, Дербента, Дагестана и других провинций (из Карабаха — всего 3, Ширвана — 3, Шеки — 3, Ленкорани — 1, Гянджи — 1 подписчиков).

Таким образом, 29 сентября 1877 г. вышел последний номер газеты, где Г. Зардаби дал следующее объявление: «Из-за болезни в конце года газета вовремя не выйдет» [13]. После этой даты газета не выходила. Внутреннее и внешнее давление не дало возможности «Экинчи» просуществовать более двух лет, но газета смогла успешно завершить свою историческую миссию.

Идеи, выдвинутые газетой «Экинчи», основывались на темах и мотивах тысячелетней азербайджанской поэзии, присутствующих также в «Письмах Кемаль — уд — Довле» М.Ф. Ахундова. М.Ф. Ахундов «В письмах Кемаль — уд — Довле» говорил о необходимости достижения правовых, демократических и светских ценностей, о важности соблюдения прав и свобод человека.

Одним из наиболее важных вопросов в «Письмах Кемал — уд — довле» были следующие: роль личности в истории, взаимодействие государства и общества, пра-

ва и свободы человека и т.д. В своём трактате М.Ф. Ахундов писал о том, что в мире всё изменится, что деспотические, жестокие правительства рано или поздно уйдут с исторической сцены, что против правителя-тирана выйдет храбрец, похожий на Мухаммеда Аль Баби (лидер движения бабидов в Иране), который за короткое время привлечёт народ на свою сторону.

М.Ф. Ахундов говорил: «Откуда можно знать, что бабиды, восставшие против падишаха, не повторят это заново» [15, с. 74]. Этот великий мыслитель, обращаясь к народу, писал: «... если бы ты знал об удовольствии свободы и правах человека, ты бы не согласился с такой подлостью, получив образование, открывал бы *«fəramuṣḫanə»* (место встречи дервишей), устраивал бы собрания, получал бы доказательства единства. Ты в численности и власти больше, чем деспот. Тебе необходимы односторонность и единодушие, чтобы совершить революцию и избавиться от рабства. Если бы ты мог объединиться, ты бы подумал о себе и избавил бы себя от деспотизма» [15, с. 68].

Гасан бек Зардаби, как самый верный, храбрый и мудрый продолжатель традиций М.Ф. Ахундова, прекрасно усвоил, что свобода народа, реализация прав человека возможны лишь путём просвещения, науки, культуры, освобождения от религиозного фанатизма, сектанства. Интеллектуалы XIX века отмечали, что основным условием существования и прогресса нации является изучение национальной истории.

Газета «Экинчи», увы, поздно пришла в жизнь азербайджанского народа. Свою прессу Европа создала в XVI веке, Россия в XVIII веке, а Азербайджан — только лишь в 1875 г. Однако, начиная с середины XIX века, в общественном сознании азербайджанцев мы видим начало нового этапа, подразумевавшего замену иранского и азербайджанского мышления азербайджанским.

До «Экинчи» в сфере газетного дела были предприняты некоторые шаги. В 1828–1832-е гг. под редакторством Аббасгулу ага Бакиханова была выпущена газета «Тифлиссские ведомости», а между 1838–1845-е годами — азербайджанское приложение газеты «Закавказский вестник» под названием «Новости по эту сторону Кавказа». Однако, они официально носили характер бюллетеня, поэтому не могли называться газетами. Гасан бек Зардаби, когда ставил перед собой цель создать именно газету, прекрасно понимал, что это будет нелегко.

Гасан бек Зардаби хорошо знал, что пресса — важнейший элемент дела народного просвещения. Поставив перед собой цель — таять как свеча ради высокого дела народного просвещения, он эту цель реализовал. Все материалы газеты, относившиеся к рубрикам «Новости посева и земледелия», «Научные новости», «Новые новости», «Международные новости» и т.д., а также приходившие в редакцию литературные и публицистические тексты, были частью великой миссии просвещения азербайджанского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. М.Ф. Ахундов. Труды, том II.
2. Ф. Гасымзаде. «История азербайджанской литературы XIX века», Баку, Маариф, 1974, 489 с.
3. М.Ф. Ахундов, Труды, том III.
4. Газета «Экинчи», 21 августа 1875 г., № 4.
5. Иззат Рустамов. «Экинчи» была настоящей крестьянской газетой. //www.xalqgazeti.com/en/news/culture/
6. «Экинчи», 20 сентября 1875 г., № 4.
7. Азиз Мирахмедов. Первая азербайджанская газета «Экинчи» 1875–1877. Полный текст. Баку, Eurasia Press, 2005, 496 с.
8. «Экинчи», 5 октября 1875 г., № 6.
9. «Экинчи», 20 октября 1875 г., А. Горани, № 7.
10. «Экинчи», 4 ноября 1875 г., Г. Зардаби, «Дахилия», № 8.
11. «Экинчи», 11 июня 1876 г., Г. Зардаби, № 11.
12. «Экинчи», 11 июля 1876 г., Г. Зардаби, № 13.
13. «Экинчи», 29 сентября 1877 г., Г. Зардаби, № 15.
14. «Экинчи», 22 июля 1875 г., № 1.
15. М.Ф. Ахундов. «Обманутые звёзды». Баку, «Маариф», 1985, 177 с.
16. <http://coolreferat.com/>
17. Яшар Гараев. Национальное сознание «Я» и этническая память — азербайджанизм. Баку, Газета «Азербайджан», 14–16 февраля 2002 г.
18. Мирзабала Мамедзаде. «Национальная хартия Азербайджана». Баку, Журнал «Азербайджан», 1991, № 4.
19. «Экинчи», 1876 г., № 11.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ И ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ПОЛЯРНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

NEGATIVE AND POSITIVE POLARITY IN THE INFORMATION FIELD OF AN ENGLISH SENTENCE

V. Sakhrokov

Summary. The article focuses on certain provisions related to the construction of English sentences with the perspective of determining their logical semiotic and semantic outputs which, in turn, are subdivided into two types: positive and/or negative. As a rule, the semantic output is in line with the semiotic one, however there are some phrases in the English language the semiotic layout of which is in contrast to the semantic output. This peculiarity influences in no small degree the correct choice of negative or positive polarity in further extension of the information field.

Keywords: semantics, semiotics, explicit, implicit, juxtaposition, apposition.

Сахроков Владимир Асланукович

К.ф.н., доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
sakhrokov@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные положения, связанные с построением предложений на английском языке с точки зрения определения их логических семиотических и семантических выходов, которые, в свою очередь, подразделяются на два типа: положительный и/или отрицательный. Как правило, семантический выход отражает и семиотический, однако в английском языке существуют обороты, семиотическое проявление которых не совпадает с семантическим выходом. А это, в свою очередь, влияет не в малой степени на правильный выбор отрицательной или положительной полярности при дальнейшем расширении информационного поля.

Ключевые слова: семантика, семиотика, эксплицитный, имплицитный, противопоставление, примыкание.

Данная статья представляет собой, возможно, первую попытку взглянуть в микролингвистический мир взаимосвязей и отношений между синтагмами отдельного английского предложения, в чем и заключается новизна данного исследования. Автор конкретно предлагает рассмотреть отрицательные и/или положительные полярности семиотического и семантического уровней для определения логического выхода каждого английского предложения.

Актуальность исследования само собой коренится в его новизне и тем самым обосновывается не только потребностью углубиться в макро- и микромир синтагматических связей, но и необходимостью уловить правильные отношения в этих связях, что, в свою очередь, и способствует четкому разделению функциональных особенностей отдельных синтагм английского предложения для построения вариантов правильного логического выхода в соответствии с требованиями лексико-грамматических формул.

Целью исследования является выявление функциональных возможностей грамматических формул отдельных английских оборотов и конструкций, от которых в немалой степени зависят дальнейшие построения как для подтверждения фактора того или иного действия, так и расширения информационного поля с учетом семиотических и семантических факторов.

В лингвистическом мире известно, что под семиотикой прежде всего понимается область знания о знаках или символах, или конфигурациях. Попытки рассмотреть взаимосвязь между символом и его понятийной сущностью были предприняты в начале 20 века русским религиозным философом П.А. Флоренским, согласно которому «Символ это нечто являющее собою то, что не есть он сам, большее его и, однако, существенно чрез него объявляющееся, он есть такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю» [5, с. 720].

С другой стороны, немецкий философ Э. Кассирер считал, что «реальность помимо характеризующего ее символа является философски неуместным и мистическим вопросом, а решение проблем культуры и человеческого бытия всего лишь сводится к отысканию формообразующего принципа, а не к раскрытию содержания, могущего скрываться за символическими формами» [1, с. 7].

По мнению одного из современных исследователей, Н.Б. Мечковской, «*Знаковая теория языка (лингвосомиотика) позволяет увидеть наиболее существенные черты языка — как в содержательно-функциональном плане, так и в строении языка. Язык является семиотикой по преимуществу, «чистой»*

семиотикой, как бы общесемиотической моделью разных «устройств», предназначенных для сообщения информации» [2, с. 21]. Однако в широком смысле предусмотрено, что семиотика, о чем весьма подробно описано крупным ученым-лингвистом Ю. С. Степановым в его труде «В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства», являет собой «науку о знаках, которая подразделяется на три основные области: синтактику (или синтаксис), семантику и прагматику. Синтактика изучает отношения между знаками и их составляющими. Прагматика изучает отношение между знаком и его пользователями. Семантика же изучает отношение между означающим и означаемым» [4, с. 3].

Иными словами, под семантикой мы понимаем непосредственное значение того или иного слова, сочетания слов, отдельного сегмента сочинения или всего сочинения (предложения). Семиотика же предполагает отражение того же слова, сочетания слов, отдельного сегмента сочинения или всего сочинения (предложения), но уже с точки зрения их знаковых характеристик (конфигураций или символов), так как одну и ту же семантику можно отразить словоформами разных знаков, например, **nemyx** — **rooster** и **cock**, где две морфемы (словоформы) одного языка (английского) **rooster** и **cock** состоят из последовательностей абсолютно разных знаков, но имеют одно и то же значение (семантику) **петуха**. Или, наоборот, одно и то же семиотическое отражение может иметь несколько семантических характеристик (значений), например **man** имеет три основных значения: **мужчина**, **человек** и **вести себя должным образом**.

Если взять, к примеру, английские прилагательные **tasty** и **delicious**, то в них тоже можно наблюдать отражение перекрестной семантики, зависящей от контекстной коннотации, так как при «осуществлении своего коммуникативного намерения говорящий решает проблему выбора того или иного языкового средства».

Несмотря на очевидную синонимичность семантики этих прилагательных, их отличает друг от друга признак оценки. Другими словами, прилагательное «tasty» передает нейтральное восприятие вкуса, в то время как «delicious» несет информацию о высокой степени вкусовых качеств (приносящих удовольствие)» [6, с 196].

Особое место в семантическом поле занимают и многочисленные концептуальные характеристики метафорических рефлексий, довольно часто используемых в оригинальной поэзии и отдельных прозаических дискурсах, что не может не отражать определенные ощущения, подпитываемые модальностью значения.

Например, слово **sharp** имеет (в зависимости от семиотического окружения) различные оценочные характеристики — **острый** (не тупой), **острый** (резкий), **острый** (едкий), **острый** (приятный) и **острый** (умный).

Как и правильно отраженное значение тех или иных лексических сочетаний, имеющих только определенное логическое осмысление, так и любое правильно построенное английское предложение, имеющее смысл и повествовательную завершенность, должно иметь четко положительный или явно отрицательный логический выход.

В частности, рассмотрим семиотические и семантические характеристики через призму отрицательной или положительной полярности в семиотике и семантике отдельных оборотов (в особенности с имплицитной отрицательностью), возможности усилительных конструкций для расширения информационного поля как положительной, так и отрицательной полярности и возможности выбора той или иной полярности для подтверждения фактора действия в случае наложения элементов разной полярности одна на другую.

При этом необходимо проявлять осторожность как в отношении эксплицитных вариантов отражения действительности, так и имплицитных, тем более в случае перехлеста открытого (**overt**) типа с сокрытым (**covert**), характерным для виртуального отрицания, детально описанного в одной из статей монографии автора «Английский язык сквозь призму микро- и макролингвистики» [3, с. 59–66].

В качестве примеров рассмотрим такие обороты эксплицитного отрицания, как — **can't help doing smth**, — **lest one should do smth**, — **be unlikely to do smth** и сочетания имплицитного отрицания, например, — **fail to do smth**, — **be reluctant to do smth**, — **be recognized as void**.

Наиболее упрощенный пример разной семиотической и одинаковой семантической полярности виден в следующих параллелях:

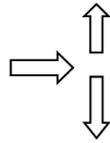
1. **He didn't do it.** ↔ 2. **He failed to do it.**

В первом примере наблюдается совмещение семиотической отрицательной полярности с семантической (**Он не делал этого**). Однако при подтверждении фактора действия мы наблюдаем следующие противоположные семиотические полярности, по первому варианту — **No, he didn't**, а по второму — **Yes, he did**, причем второй вариант, будучи сложным по своей композиции, раскладывается на две глагольные части, требующие разные семиотические полярности: по первой части — положительную, по второй — отрицательную.

a) **Yes, he did.**

He (a) failed to (b) do it.

b) **No, he didn't.**

Вторая отрицательная семиотическая полярность (**No, he didn't**) возникает как результат семантической тоже отрицательной полярности, в основе которой лежит отрицание (по значению) любого дальнейшего действия (**fail**), несмотря на семиотическую положительную полярность данного сегмента, оговоренную выше.

По первому примеру (1) не возникает никаких вопросов относительно правомерности реплик по подтверждению фактора действия (**"No, he didn't"**). Что касается второго примера (2), где по подтверждению фактора действия наблюдается наложение двух противоречащих друг другу реплик разной семиотической полярности (**"Yes, he did"** versus **"No, he didn't"**), то здесь должно действовать правило основной идеи (**kernel idea**), заложенной во всем высказывании или предложении (**He failed to do it**). И эта идея заложена именно во второй глагольной части (b), естественно подпитываемая несущей основную мысль своей собственной семантикой, но находящейся под семантическим и семиотическим контролем со стороны первой глагольной части (a). Поэтому необходимо выбрать реплику (**"No, he didn't"**), как отражающую основную идею высказывания и не находящуюся в противоречии с репликой по подтверждению фактора действия первого примера (2).

Для сравнения возьмем примеры с более конкретной семантикой:

1. **He didn't speak good English.** → (—,—) **No, he didn't.**
2. **He failed to speak good English.** → (+,—) **No, he didn't.**

Несмотря на разную семиотическую полярность (в первом примере отрицательную, а во втором — положительную), оба примера представляют одну и ту же семантическую отрицательную полярность, тем более отражаемую не противоречащими друг другу репликами по подтверждению фактора действия. Разница лишь в том, что отрицательная семантика на логическом выходе первого предложения (1) подтверждается семиотической и одновременно семантической отрицательной полярностью, а второго предложения — только семантической, поскольку семиотическая полярность сохраняется положительной.

Рассмотрим варианты разнополярных семиотических и семантических выходов на более сложных примерах с переходами на параллельные обороты для

расширения (при отсутствии опровержения) семантического поля, в которых должна прослеживаться преемственность специальных усилительных элементов для выражения экспрессии и соблюдения стиля английского языка.

I. **This student can't help making mistakes in his pronunciation** → (—, +).

II. **Every student has to make the most of his English lest he should ruin his career** → a) (+, +); b) (—, +).

III. **Fancy the tourist being unlikely to travel to Paris** → (—, +).

IV. **This Agreement is likely to be recognized as void** → (+, —).

В первой глагольной части первого предложения (**can't help**) наблюдаются отрицательная семиотическая и положительная семантическая полярности, причем последняя продиктована элементом (**help**), что по-русски означает (— **нельзя не** —) и где само слово **help** является как бы переходным мостиком также отрицательной полярности, что в конечном итоге и предопределяет положительную семиотическую и семантическую полярность, выпадающую на вторую глагольную часть (**making**). Поэтому возможными репликами по подтверждению фактора действия могут быть только по первой глагольной части **"No, he can't"**, а по второй — **"Yes, he does"**.

При расширении информационного поля (если нет опровержения действия) необходимо соблюдать ту полярность для сохранения тематического единства, которая заложена в глагольной части, например, по первой глагольной части,; **"He can't help making errors in his essays either"**, а по второй — **"He also makes errors in his essays"**. Поскольку эти два высказывания имеют разную семиотическую полярность, сохраняя при этом одну и ту же положительную семантическую полярность (а именно последняя связана с общим логическим выходом, описанным в предыдущей статье), мы вправе выбрать только одно предложение — второе, так как оно более компактное и не нарушает общий положительный семантический логический выход высказывания: **"He also makes errors in his essays"** или **"He makes errors in his essays too"**.

Но даже и здесь должно соблюдаться правило выбора наибольшей компактности для усиления фактора действия и сохранения английского стиля в образовании подобных оборотов, по сравнению с другими языками. А это возможно только при помощи двух морфем **"So"** и **"Neither"** (**"Nor"**), причем каждая отражает свою полярную направленность (первая — положительную, вторая — отрицательную). В данном случае мы выбираем первую, не нарушающую общий семантический логический выход и делающую все выска-

зывание более компактным. При этом следует отметить, что усиление фактора действия, диктуемого исходным предложением, выполняется при помощи инверсии. В конечном итоге получаем следующее типа расширенной реплики высказывание: **"So does he make errors in his essays"** вместо **"Neither can he help making errors in his essays"**.

Второе предложение (II) представляет собой сложное высказывание с придаточным предложением цели, и каждое имеет свои собственные варианты, как по подтверждению фактора действия, так и по расширению семантического поля. Как главное предложение (**"Every student has to make the most of his English."**), так и придаточное (**"lest he should ruin his career"**) довольно интересны по своим возможностям образовывать различные варианты конструкций при расширении информационного семантического поля, в том числе с перекрестной полярностью.

Главное предложение характерно своей положительной как семиотической, так и семантической полярностью, однако при расширении семантического поля возможны оба варианта высказывания, начинающиеся или с **"So"**, или с **"Neither"** (**"Nor"**), например:

- a) **"So does he have to make the most of his French"** → (+, +),
- b) **"So should he make the most of his French"** → (+, +),
- c) **"Neither should he relate his French off the record"** → (-, +),
- d) **"Nor should he dislodge his French from his consideration"** → (-, +).

Первые две реплики [a) и b)] повторяют характерную для исходного главного предложения положительную семиотическую и семантическую полярность, третья и четвертая реплики [c) и d)] отражают отрицательную семиотическую полярность (**Neither**.или **Nor**), но представляют положительную семантическую полярность. Данная полярность предопределяет общий положительный логический выход, необходимый для сохранения соответствия логическому выходу главного предложения для обеспечения тематического единства, поскольку оборот **relate smth off the record** отражает имплицитное (виртуальное) отрицание, а конструкция **dislodge smth from one's consideration** — эксплицитное (знаковое). Вот почему эти семантические отрицания вкуче с семиотическим отрицанием в морфеме **Neither (Nor)** и выявляют путем сокращения (минус на минус дает плюс) общую положительную направленность всего конкретного высказывания.

Следовательно, как правило, первые две реплики [a) и b)] имеют наибольшую популярность, так как сохраняют ту же положительную семиотическую и семантиче-

скую полярность, что в значительной степени упрощает их использование, как в разговорной речи, так и в письменном изложении, в то время как реплики [c) и d)] требуют углубленных знаний семантики соответствующих оборотов и конструкций, тем более содержащих отрицательные семиотические и семантические характеристики.

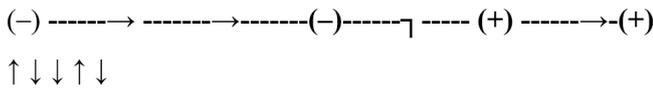
Варианты реплик при расширении семантического поля придаточного предложения (**"lest he should ruin his career"**.) значительно сокращены по двум причинам. Во-первых, сам оборот **lest one should do smth (чтобы кто-то чего-то не делал)** представляет собой специфичное устойчивое неизменяемое выражение, во-вторых, он отражает одну отрицательную семиотическую и одновременно семантическую полярность, в связи с чем реплики по расширению информационного поля, как правило, должны начинаться с морфемы **Neither (Nor)**, естественно сохраняя инверсию и формулу самого оборота, в котором всегда присутствует слово **should**, например: **"Neither should he ruin his destiny"** **"Nor should he dislodge his work from his consideration"**. С учетом отрицательной семиотической полярности данных высказываний необходимо обратить внимание на их общий положительный семантический логический выход, который диктуется виртуальной «отрицательностью», заложенной в семантике слова **ruin**, и эксплицитной отрицательной полярностью, заложенной в отрицательном префиксе слова **dislodge**.

Однако следует иметь в виду, что оборот **lest one should do smth** может нередко предопределять четкую положительность на логическом выходе путем использования морфем непосредственно семиотической отрицательной полярности, каковыми являются морфема **not** и морфемы с отрицательными префиксами, какими являются как глаголы действия (например, **dislike, distrust, disinterest**), так и именная часть составного именного или глагольного сказуемого (прилагательное или причастие прошедшего времени) с отрицательным префиксом, которой всегда предшествует вспомогательный глагол **be**, например:

1. **One has to be susceptible to spicy food, lest he should not relish venison** → (+).
2. **He is to be fastidious in choosing food, lest he should dislike spicy food** → (+).
3. **You have to man yourself, lest you should be distrusted** → (+).
4. **She had to make the most of her life, lest she should be unhappy** → (+).

Третье предложение (III) представлено двумя глагольными частями — **being unlikely** и **travel**, первая из которых отражает отрицательную семиотическую и семантическую полярность, а вторая — положительную, причем

обе части подвержены влиянию некой «отрицательной» характеристики, отражаемой семантикой слова **Fancy**, которая меняет полярность непосредственно следующей за этим словом глагольной части. Эта измененная полярность, в свою очередь, воздействует на полярность второй глагольной части, делая ее отрицательной или положительной:

Fancy the tourist being unlikely to travel to Paris → (+).

Данное эмфатическое предложение, не имеющее дословного поступательного перевода, на русском языке выглядит следующим образом:

(Разве можно представить, что этот турист не собирается отправиться в Париж).

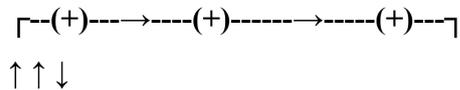
На основании представленной выше схемы полярной направленности видно, что отрицательная полярность от **Fancy** переходит на **unlikely**, но все грамматические видоизменения претерпевает, естественно, морфема **being**, будучи вспомогательным глаголом составного именного сказуемого (или первой глагольной части) **being unlikely**. Далее данная отрицательная полярность проходит через **unlikely** и, наталкиваясь на вторую отрицательную семиотическую полярность, отраженную отрицательным префиксом **un-**, взаимно сокращаясь, переходит в положительную, которая как определяет положительную полярность второй глагольной части **travel**, так и в конечном итоге общий положительный исход (логический выход) всего предложения. В данной связи единственно возможными репликами по подтверждению фактора действия (при отсутствии опровержения) являются по первой глагольной части —

“No, he isn’t”, а по второй — **“Yes, he will”;** (в случае пожелания — **“Yes, he should”;** в случае неуверенности — **“Yes, he may”;** а в случае необходимости — **“Yes, he must”** или **“Yes, he needs to”**).

При расширении семантического поля всего предложения предпочтение дается второй глагольной части, как несущей основное ядро всего высказывания, например: **“So will he travel to London”** или **“So may he travel to London”,** но не первой, так как предложение **“Neither is he unlikely to travel to London”** с точки зрения стиля английского языка рассматривается хоть и грамматически верным, но довольно неуклюжим.

Четвертое предложение (IV) представляет собой полную противоположность третьему (III), так как един-

ственная семантическая отрицательная полярность заложена в самом последнем слове всего высказывания, что делает невозможным любые переходы той или иной полярности. Однако именно эта полярность определяет общий отрицательный логический выход высказывания:

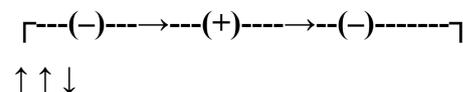
This Agreement is likely to be recognized as void → (-).

При переводе на русский язык мы наблюдаем несоответствие, проявляемое нарушением порядка слов и наличием обратной семантики: *Вероятно, данное соглашение не имеет юридической силы.*

Характерная особенность данного предложения заключается в том, что при подтверждении фактора действия сохраняется абсолютная положительность как по первой глагольной части (**is likely**) — **“Yes, it is”,** так и по второй (**be recognized as void**) — **“Yes, it is”.** В данном случае подразумевается именно вторая глагольная часть, которая определяет основную идею всего высказывания. Вторая особенность состоит в том, что, если мы расширяем информационное поле, сохраняя ту же отрицательную выходную полярность, мы должны начать морфемой **So** но не **Neither** во избежание противоречия, так как обе глагольные части представлены положительно, например: **“So is the Supplement thereto”** (*И дополнение к нему (соглашению) тоже не имеет юридической силы.*)

Естественно, при наличии опровержения в рамках расширения информационного поля мы должны поменять знак полярности глагольной части на отрицательный, что в конечном итоге обеспечит положительный логический выход всего высказывания, например: **“But the Supplement thereto isn’t”** (*А дополнение к нему имеет юридическую силу.*) В данном случае мы отрицаем отрицательность, тем самым обретая положительность.

Однако, если изменить полярность в сказуемом конструкции, например, сложного подлежащего (Complex Subject), характерного английскому языку, то можно наблюдать обратную картину:

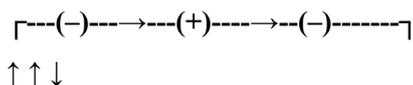

This Agreement can’t be said to be recognized as void → (+).

Данное предложение переводится на русский язык следующим образом: (*Нельзя сказать, что данное соглашение не имеет юридической силы*). Иными словами, данное соглашение имеет юридическую силу.

Реплики по подтверждению фактора действия в конструкциях сложного подлежащего выпадают только на констатирующую глагольную часть, всегда выполненную инфинитивом, чем, кстати, и «осложнено» само подлежащее, то есть в данном случае на **be recognized as void**, но не на сказуемое **can't be said**, что является специфической особенностью конструкций сложного подлежащего. Поэтому в данном случае возможна только одна реплика: **"No, it isn't"**, которая, преломляясь через виртуальное второе отрицание в слове **void**, и дает истинную положительность на логическом выходе, что можно проверить в полном предложении по данной реплике: **"This Agreement isn't recognized as void"** → (+).

То же самое содержание можно передать через другой оборот, содержащий отрицательную семиотическую полярность и предопределяющий на логическом выходе всего высказывания ту же положительность:

This Agreement is unlikely to be recognized as void → (+).

В этом случае сегмент **is unlikely** также рассматривается как сказуемое при конструкции сложного подлежащего, как и сегмент **can't be said** и освобождается

от реплик по подтверждению фактора действия. Следовательно, реплика по подтверждению фактора действия сохраняет отрицательную семиотическую полярность, диктуемую отрицательным префиксом морфемы **unlikely**: **"No, it isn't"**.

Не следует, тем не менее, забывать, что юридический оборот **be recognized as void** можно упростить, исключив из него сегмент **recognized as**, тем самым доводя всю конструкцию до двух элементов (**be void**) с той же самой семантической отрицательной полярностью.

Итак, в данной статье были рассмотрены возможности использования тех или иных конструкций и оборотов как положительной, так и отрицательной семиотической и семантической полярности. Особую осторожность, о чем было сказано выше, следует проявлять, имея дело не только с оборотами, содержащими семиотическую отрицательную полярность, то есть отраженную непосредственно характерными знаками отрицания (**no, not, never, neither, nor, lest, unhappy, dislike, impossible** и т.п.), но и с конструкциями, в состав которых входят элементы, виртуально (семантически) содержащие эту же отрицательную полярность, но отражающие семиотическую положительную полярность (**void, be reluctant, be aloof, relate off the record, fail, ruin** и некоторые другие).

Именно от верного выбора той или иной полярности зависит правильное построение английского предложения, в особенности в тех случаях, когда необходимо разворачивать информационное поле, сохраняя определенное тематическое единство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Эрнст. Философия символических форм. М.; СПб.: «Университетская книга». Т. 1. 2002. 270 с.
2. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. Москва, изд. АCADEMA, 2004. 432 с.
3. Сахроков В. А. Английский язык сквозь призму микро- и макролингвистики. Москва, изд. Российского государственного социального университета, 2010. 100 с.
4. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Москва, изд. ЛЕНАНД, 2016. 334 с.
5. Философский словарь. Москва, изд. «Республика». 2009. 846 с.
6. Чалей О. В. Лингвистические и когнитивные подходы в изучении синонимии (на примере английских прилагательных вкусообразования *tasty, delicious* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–1 (43). С. 193–197.

© Сахроков Владимир Асланукович (sakhrokov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ТЕКУЩЕМ СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ “СОБОРНОСТИ” В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В КИТАЕ¹

Сяо Цзинъюй

Д.ф.н., профессор, Гуандунский университет
иностранных языков (КНР, Гуанчжу)
Najia0802@163.com

ON THE CURRENT RESEARCH STATUS OF THE CONCEPT “COBORNOST” IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN CHINA

Xiao Jingyu

Summary. This paper aims at studying the current research status of the concept “Cobornost” in Russian classical literature in China and the rethinking on it. In the article the author gives a generalized description of the study of the relations of Russian classical literature with Orthodoxy, noting that Chinese scholars’ research in this area is mainly focused on the influence of “Cobornost” on the creative consciousness of writers and creative themes of works. According to Chinese scholars, the influence of “Cobornost” on Russian classical literature is also manifested in the fact that “Cobornost” has an impact on the structure of literary works, and the development of Russian literature in a sense enriches the concept of “Cobornost”. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that Chinese scholars should pay more attention to how Russian literature solves the problem of human nature and care about the fate of the Russian nation and all mankind, at the same time make clear the mechanism of spiritual self-purification and the desire for truth, goodness and beauty.

Keywords: Cobornost; Russian classical literature; creative consciousness; creative themes; structure of literary works.

Аннотация. Статья посвящена обзору текущего состояния исследований концепта “соборности” в русской классической литературе в Китае и размышлению о нём. В статье автор даёт обобщённую характеристику изучения связей русской классической литературы с православием, отмечая, что исследования китайских учёных по этим направлениям сосредоточены в основном на влиянии соборности на творческое сознание писателей и творческие темы произведений. По мнению китайских учёных влияние соборности на русскую классическую литературу проявляется также в том, что соборность оказывает влияние и на структуру художественных произведений, а развитие русской литературы в некотором смысле обогащает концепцию “Соборность”. На основании анализа автор подходит к выводу, что китайские учёные должны больше обращать внимание на то, как российская литература решает проблему человеческой природы и заботы о судьбе русской нации и всего человечества, одновременно профилирует механизм духовного самоочищения и стремления к истинному, доброму и прекрасному.

Ключевые слова: соборность; русская классическая литература; творческое сознание; творческие темы; структура художественного произведения.

Введение

Как известно, русская литература как художественное отражение исторического и культурного процесса русской нации и его национального духа, глубоко связана с русской православной традицией. В течение многих веков Православие оказывало решающее влияние на формирование и развитие русской литературы. Русская литературная классика, особенно 19-го века, как яркая жемчужина в сокровищнице русской литературы, играет важную роль в духовной жизни русского народа. Нельзя не признать, что произведения многих знаменитых писателей России этого времени освещены православным светом.

О влиянии Православной Церкви на русскую литературу уже много написано как в России, так и за рубежом. А “Соборность” как одна из характерных черт русской культуры и важнейшая черта русского православия в контексте перспектив его развития [7, с.436] привлекает внимание многих учёных мира.

Понятие “Соборность” было введено русским философом Алексеем Хомяковым (1804–1860) и развито в XIX веке славянофилами. Впоследствии понятие стало трактоваться значительно шире, охватывая весь уклад жизни, комплекс морально-этических норм внутри сообщества. [6] “Соборность” имеет глубокий религиозно-философский смысл. По мнению А. С. Хо-

¹ Выполнена при поддержке гранта Фонда государственных общественных наук КНР No.15ZDB092.

мякова, понятие “Соборность” подчёркивает не только внешнее, видимое соединение людей в каком-либо месте, но и постоянную возможность такого соединения, иными словами, это “единство во множестве”. [8, с.312] Эта идея, как ядро православной церкви, во многом отражается в русской классической литературе. В этом смысле нельзя не принимать во внимание понятие соборности в русской литературе. И неудивительно, что в России и за рубежом появились работы, посвящённые отношениям между русской литературой и “Соборностью”. Вот, к примеру, в России вышли в свет такие монографии, как «Категория соборности в русской литературе» (Есаулов И. А., Петрозаводск, 1995), «Русская классика: новое понимание» (Есаулов И. А., СПб.: Алетейя, 2012), «Православные аспекты этнопоэтики русской литературы» (В. Н. Захаров, Петрозаводский государственный университет, 1998) и «Христианство и русская литература. Сборники 1–7» (Институт русской литературы <Дом Пушкина>, Издательство: “Наука” (СПб) Год: 1994–2012), а в Америке изданы следующие монографии: «Orthodoxy and Ethnopoetics of Russian Literature // Cultural Discontinuity and Reconstruction: the Byzanto-Slav heritage and the creation of a Russian national literature in the nineteenth century» (Jostein Bortnes & Ingunn Lunde, Oslo: Solum forlag A/S, 1997).

Краткий обзор исследований в современном Китае

С возрождением Православной Церкви и подъёмом изучения православия в России в 1990-х годах 20 века в Китае наблюдается рост интереса к изучению связей русской литературы с православием, вслед за изучением русских учёных. В том числе профессор института иностранных языков пекинского университета Жэнь Гуансюань был первым, кто обратил внимание на эту область. Он в 1995 году опубликовал свою монографию «Русская литература и религия» (Пекин: Издательство «Мир книги»). В ней уделяется большое внимание влиянию религии на русскую литературу от древней Руси до 19-го века с подробной информацией; включая наличие православного духа в творчестве русских писателей 19-го века. Таких, как Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский, исследуется сложное и противоречивое отношение Л. Н. Толстого к религии и влияние религии на его творчество, что привлекло внимание других учёных в Китае. И впоследствии китайскими учеными углубляется и расширяется исследовательская работа над этими проблемами. С середины 90-х годов 20 века и по сей день опубликовано немало научных работ, связанных с ними. Особенно известны такие монографии, как «Наполненная пустота: религиозное сознание в русской литературе» (Ким Яна, Лю Кунь, Чжан Хэ и т.д., Пекин: Народное Издательство 2003), «Поэтика Досто-

евского в контексте религиозной культуры» (Ван Чжигэнь, Пекин: Издательство пекинского педагогического университета, 2003), «Художественный анализ романов Ф. М. Достоевского» (Пэн Кэсюнь, Пекин: Издательство пекинского университета, 2006), «Православный дух и русская литература» (Лю Кунь, Пекин: Издательство пекинского университета, 2009), «Богословские традиции русской литературы — Русская литература 20 века и христианство» («Жэнь Гуансюань, Пекин: Издательство пекинского университета, 2010»), «С позиции Святых дураков: культурная интерпретация классиков русской литературы» (Ван Чжигэнь, Пекин: Издательство пекинского университета, 2013), «Поиск истины — теория русской религиозной и культурной критики в серебряную эпоху» (Чжан Цзе, Пекин: Издательство пекинского педагогического университета, 2012), и такие статьи как Соборность и Полифония в романах Ф. М. Достоевского // «Зарубежные литературные обзоры» (2003, № .2, Ван Чжигэнь), Анализ религиозного сознания Ф. М. Достоевского // «Хунаньские социальные науки» (1997, № .2, Шэнь Мин), Соборность в творчестве Ф. М. Достоевского // «Зарубежные литературные исследования» (2010, № .5, Чжан Цзе), “Соборность” и Философия творчества Н. В. Гоголя // «Вестник Шэньчжэньского университета» (2016, № .6, Сяо Цзинъюй), “Соборность” и полифонические романы и теория структурной поэтики // «Зарубежные литературные исследования» (2018, № .2, Гуань Юеэ). Кроме того, появились некоторые магистерские и докторские диссертации, такие как «Драматизация художественного творчества Ф. М. Достоевского — с точки зрения <Братья Карамазовы>» (Чжоу Ли, Чжэцзянский университет, 2007), «О нравственной теме и религиозного сознания романа <Братья Карамазовы>» (Ли Цзин, чанчуньский педагогический университет, 2007), « “Соборность” в творчестве А. Н. Толстого» (Яо Цзыхань, нанькинский педагогический университет, 2012) и «“Соборность” в романе <Братья Карамазовы>» (Чжу Шэнпин, нанькинский педагогический университет, 2016).

А с 10-го по 13-е июля 2018 года в даляньском университете иностранных языков (г. Далянь) прошла международная конференция на тему «Православие и русская литература», на которой присутствовал знаменитый российский филолог и литературовед Иван Андреевич Есаулов, молодая российская поэтесса и доцент московского государственного областного университета Юлия Николаевна Сытина, а так же китайские специалисты, которые изучают эту тему. На конференции выступили не только российские учёные, но и ректор даляньского университета иностранных языков профессор Лю Хун, главный специалист основного проекта Национального фонда социальных наук — Православие и изучение русской литературы — профессор Чжан Цзе и все заведующие подпроектами. Все остальные учёные участвовали

в обсуждении. Каждый выразил своё мнение. Многие из присутствующих на международной конференции интересуются проблемой соборности в русской классической литературе.

В целом из опубликованных работ и выступлений на данной конференции видно, что ученые Китая уделяют большое внимание трактовке термина «Соборность», излагая влияние «Соборности» на русскую литературу и на её воплощение в русской литературе; причём некоторые из них акцентировали внимание на том, что развитие русской литературы в данном аспекте в свою очередь обогащает концепцию «Соборность».

Аспекты исследований китайскими русистами

Соборность можно рассматривать с разных точек зрения и на разных уровнях. Проанализировав различные концепции авторов научных трудов и докладчиков конференции, мы пришли к заключению, что исследования китайских учёных сосредоточены в основном на следующих аспектах:

1) Влияние соборности на творческое сознание писателей

Говоря о соборности, китайские специалисты большое внимание уделяют Ф. М. Достоевскому, Н. В. Гоголю, Л. Н. Толстому, А. С. Пушкину, И. С. Тургеневу и А. П. Чехову. Все согласны с тем, что влияние Православной соборности на творческое сознание данных писателей проявляется не только в их самосознании, но и в их художественном мышлении. Творчество Ф. М. Достоевского с тех пор, как в Китае стала известна русская литература, стало предметом бесконечных обсуждений учёных. Профессор Чжан Цзе отметил, что М. М. Бахтин определил роман Ф. М. Достоевского как полифоническую художественную структуру, но сознательно избежал её мировоззренческие источники, а в действительности путём исследования русского национального православия и собственного религиозного сознания Ф. М. Достоевского и их влияния на его творчество, можно заметить, что глубинная причина формирования художественной структуры полифонического романа заключается именно в сознании соборности писателя. [10, с.73] А профессор Ван Чжигэнь писал, что в основе соборности лежит свобода и единство в множестве, и поэтому в искусстве полифонического романа Достоевского существует как взаимное, так и единое пространство, основанное на «любви», что делает возможным свободу личности, а свобода может быть основана только на соблюдении заповедей, и только такая свобода значима. [8, с.13] Это и мнения многих китайских исследователей.

2) Влияние соборности на творческие темы художественных произведений

Согласно мнению исследователей, какие бы перемены не были в России, какой бы режим не устанавливался в российском государстве, русская литература никогда не прекращала диалог с великими национальными традициями, которые она унаследовала, и идея соборности, в основном, оказывает влияние на следующие темы:

2.1) Тема «Святого дурака»

На тему «Святого дурака» учёные чаще всего анализируют такие образы юродивых, как Князь Лев Николаевич Мышкин в романе «Идиот» Ф. М. Достоевского и образ алкоголика Венички в поэме «Москва–Петушки» Вен. Ерофеева. Так, к примеру, профессор Ван Чжигэнь тщательно проанализировал это явление в своей монографии «С позиции Святых дураков: культурная интерпретация классиков русской литературы». По его мнению, русская религиозная культура многообразна, а юродство как феномен русской культуры в каком-то смысле отражает особенность культуры русского народа. Он считает, что в России юродство как феномен русской культуры не только проявляется как практика культурной жизни, но и проникает в ментальность простых людей. Тем более он разделил данный феномен на реально-культурный и духовно-культурный. И таким образом он вышел за пределы предыдущих исследований. Мэй Ин в своей докторской диссертации «Образ Святого дурака и юродивых в русской литературе» также детально разработает над этой проблемой. Она классифицировала образ Святого дурака по категориям характера, скрупулезно проанализировала каждую, но в целом автор докторской диссертации не выходит за рамки исследования Ван Чжигэнь.

2.2) Преступление и наказание, страдание и искупление

Эти темы хорошо изучены, по ним опубликовано достаточное количество трудов. Наиболее представительным является исследование профессора Чжан Цзе. В его взглядах соборность как основная характеристика Русской православной культуры, с одной стороны, значительно обогащает значение русской литературной классики, а с другой стороны, оказывает глубокое влияние на художественное творчество русских писателей. Он отметил, что судьба «лишних людей» и «маленьких людей» в русской литературе 19-го века, хотя и схожа с судьбой подобных людей в европейской литературе того же периода, но по сути неодинаковая, т.е. образ таких людей в русской литературе — это образ тех, кто с чувством миссии и искупления исследуют путь для спасения себя и других, и именно они олицетворяют «мессианское» со-

знание русского народа, которое тесно связано с идеей соборности. [9, с.192] Некоторые учёные считают, что творчество писателей с православными чувствами, как у Н. В. Гоголя, воплощает три этапа испытания спасительной миссии Христианства: Ад-чистилище-рай, это и процесс преступления -распятия-воскресения в русском православии. Существует ещё одно мнение, которое сводится к тому, что “несчастный человек « в произведениях Достоевского объединил в себе идентичность с православием, что позволяет интерпретировать понятие соборности с уникальной точки зрения. [4, с.32]

2.3) Образ женщины

Изучение образов женщин также становится одной из наиболее популярных тем для исследования влияния соборности на русскую литературу. Касаясь этой темы, учёные предпочитают анализировать ряд таких женских образов, как Богоматерь, а также олицетворение Святой Софии в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, Лару в романе «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, Анну в романе «Анна Каренина» А. Н. Толстого и Наташу Ростову в его романе «Война и мир». По мнению исследователей, эти женщины — Благочестивые и добродетельные люди, в которых можно увидеть доброту и космическую мудрость.

2.4) Понимание зла

Китайские исследователи так же много работают над образами «демона» и демонизмом в творчестве М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и М. А. Булгаков. В концепциях исследователей дьяволы уродливы и гротескны, но являются проявлением и наказанием всех человеческих пороков, а всё зло в мире — от дьявола, который привел к раздвоению личности. Такая точка зрения совпадает с мнением учёных других стран.

3) Влияние соборности на структуру произведения

Некоторые китайские учёные уже отметили, что влияние соборности на русскую литературу, проявляясь в глубинном творческом сознании, не ограничивается только доминантным мышлением, оно оказывает влияние и на структуру художественных произведений. К тому же, развитие русской литературы в свою очередь обогащает поэтическую теорию М. М. Бахтина и Э. Н. Успенского. [5, с.63]

В процессе изучения проблем о влиянии соборности на структуру произведения не может быть отделен от греха, страданий и спасения. Во всём процессе самая важная проблема — это «спасение». В этом воплощает-

ся осознание миссии авторов. В своём “иллюзорном” пространстве, построенном им для русского народа, и даже всё человечество ищет путь избавиться от злых клеток к миру доброты и красоты. В то время внимание китайских учёных к этим темам и их изучение этих тем также отражает широкий кругозор и новое понимание русской классической литературы китайскими учёными нашего времени. А в изучении видны размышления китайских учёных о таких проблемах, как категории добра, зла и духовного спасения и стремления к правильным диагнозам при стремительном экономическом росте и глубоком духовном кризисе.

Размышление об исследованиях

Долгое время исследования китайских учёных по проблеме соборности в русской классической литературе в целом синхронизированы с исследованиями по этому вопросу в России. Это в основном связано с тем, что материалы из первоисточников прежде всего взяты из учёных кругов России. К тому же, концепция “соборность” имеет сходство с командным духом и коллективизмом, исторически сложившиеся в традиционных ценностях китайского народа, и потому легко принята китайцами. С другой стороны, исследования китайских учёных более объективны, чем исследования российских учёных по причине того, что китайские учёные, будучи не православными, могут изучать с более объективной позиции и в связи с этим могут избежать чрезмерной склонности некоторых российских учёных, особенно православных, к этой проблеме.

Однако, различия культурной жизни между народами России и Китая в разных социально-исторических контекстах привели к некоторым ошибкам китайских учёных в их понимании и интерпретации соборности в русской классической литературе, что мешает китайским учёным делать научное суждение и правильные выводы.

В настоящее время в Китае особое внимание уделяется марксизму как руководящей идеологии. При этом перед китайскими учёными возникает новый вопрос: как надо рассматривать соборность в русской классической литературе с марксистской позиции?

В самом деле, как отмечает М. М. Бахтин, взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур (сложное единство человеческой культуры), сложное единство человеческой литературы. Всё это раскрывается только на уровне большого времени. Каждый образ нужно понять и оценить большого времени. [1, с. 370]

Прав М. М. Бахтин, рассматривая творчество великого писателя и отмечая, что великие произведения литературы готовятся веками, в эпоху же их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания. Пытаясь понять и объяснить произведение только в контексте его эпохи, только соотнося с ближайшим временем, мы никогда не проникнем в его смысловые глубины. Замыкание в эпохе не позволяет понять и будущей жизни произведения в последующих веках, эта жизнь представляется каким-то парадоксом. [2, с.238] По Бахтину, произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения — всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности.

Таким образом, вполне разумно полагать, что великие произведения глобальны потому, что их идеи не ограничиваются какими-то рамками. Они имеют универсальное значение для изучения смысла жизни и человеческой природы. Однако изучение соборности в русской классической литературе является лишь одним из важных аспектов изучения русской литературы, и поэтому мы должны побольше обращать внимание на то, как российская литература решает проблему человеческой природы и заботы о судьбе русской нации и даже всего человечества, одновременно профилируя механизм духовного самоочищения и стремления к истинному, доброму и прекрасному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук, (фрагмент книги М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. — М.: «Искусство», 1979. С. 361–373)
2. Бахтин М.М. «Ответ на вопрос редакции «Нового Мира»», опубликовано в журнале «Новый мир», 1970, № 11, С. 237–240.
3. Ван Чжигэнь Соборность и полифоническое искусство Ф. М. Достоевского// «Критика литературной литературы», 2003, № .1, С. 110–113.
4. Вань Хайсон Отождествление “Несчастливого человека « в «Записки из мертвого дома» с православием// Журнал «Цзянхай», 2018, № .2, С.31–42.
5. Гуань Юэ “Соборность” и полифонические романы, и теория структурной поэтики// «Зарубежные литературные исследования», 2010, № .5, С.55–63.
6. Соборность: Википедия [Электронный ресурс]: URL: <https://studfiles.net/preview/3652876/> от 11.05.2015.
7. Стельмашук Г.В., Николаева О. В. Человек постсоветского пространства. Выпуск 3 / Сборник материалов конференции. Под ред. В. В. Парцвания Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. 478 с.
8. Хомяков А. С. Соч. в 2т. Т. 2. -М.: Медиум, 1994. 479 с.
9. Чжан Цзе Литьё национального духа: Православие и русская литература//Журнал «Цзянхай», 2016–04, С. 191–197.
10. Чжан Цзе Соборность в творчестве романов Ф. М. Достоевского// «Зарубежные литературные исследования», 2010, № .5, С. 73–78.

© Сяо Цзиньюй (Najia0802@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЦЕПЦИЯ КНИГИ «ФЕДОР СОЛОГУБ» МАРИИ САВЕЛЬЕВЫ

THE RECEPTION OF THE BOOK
"FEDOR SOLOGUB"
BY MARIA SAVELIEVA

Tang Jing

Summary. Fyodor Sologub is one of the brightest, most mysterious and enigmatic representatives of Russian symbolism. Writer chose the craving for death as the main theme in his works. Many contemporaries called Sologub "sadist", "maniac" or "psychopath", as if ignoring the fact that all his texts were written in search of another beautiful reality for consolation. This article aims to explore the book of candidate of philological Sciences, literary critic Maria Savelieva, which considers the theme of death in the works of the poet as an abstract image, which is designed to comfort and take frightening, not to build death into a cult.

Keywords: Fyodor Sologub, Maria Savelyeva, reception, Russian symbolism.

Тан Цзин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com

Аннотация. Федор Сологуб является одним из ярчайших, наиболее таинственных и загадочных представителей русского символизма. Основной темой своего творчества писатель выбрал тягу к смерти. Многие современники называли Сологуба «садистом», «маньяком» или «психопатом», как будто игнорируя то, что все его тексты были написаны в поисках иной прекрасной реальности для утешения. Данная статья ставит целью исследовать книгу кандидата филологических наук, литературного критика Марии Савельевы, которая рассматривает тему смерти в произведениях поэта как абстрактный образ, который призванный утешить и отвести пугающие, а не возвести смерть в культ.

Ключевые слова: Федор Сологуб, Мария Савельева, рецепция, русский символизм.

Одним из известных представителей русского символизма стал писатель, драматург, публицист Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников). Он относится к числу самых необычных и загадочных деятелей Серебряного века. Ключевой темой его творчества выступала тяга к смерти, а также мрачный и пессимистичный взгляд на окружающую среду. Современные писатели критики очень часто в своих трудах называли Сологуба «маньяком» или «психопатом», не обращая внимания на то, что все его работы этого автора были написаны с целью поиска утешения, в другой, прекрасной реальности. По мнению Марии Савельевой, которая в свою очередь является литературным критиком, кандидатом филологических наук, на протяжении многих лет «смерть-утешительница» была для Федора Сологуба только абстрактным образом, отгоняющий от писателя разные пугающие мысли. Как отмечала А. Блок, главный роман, написанный Ф. Сологубом «Мелкий бес», привлек внимание «всей читающей России». Немного позже, в советские годы, к сожалению, творчество этого писателя было забыто. Биография Ф. Сологуба позволяет понять, насколько увлекательными и нетипичными для русской литературы были его темные сказки.

Федора Сологуба не следует относить к числу забытых авторов. Даже в советские годы публикации о нем проникали в академическую печать (см. работы Л. Долгополова, И. Ямпольского, А. Лаврова, И. Смирнова, Н. Пустыгиной, Л. Силард, М. Любимовой), не говоря уже о десятках фундаментальных исследований двух послед-

них десятилетий. Отдавая должное предшественникам и коллегам, М. Савельева видит свою задачу в том, чтобы «бережно и тактично осмыслить» известные факты, «дополнив их новыми архивными изысканиями, которые касаются не только творческой биографии Ф. Сологуба, но и его быта, эпохи и окружающих его людей» [2, 8].

После того как писатель умер в 1927 г. в Ленинграде, к большому сожалению его имя было очень быстро забыто любителями русского литературного творчества. В советские годы были предприняты попытки лишь единичного переиздания его произведений. И лишь в годы перестройки некоторые произведения Ф. Сологуба были возвращены в читательский обиход. Однако в наше время творчество этого автора воспринимается читательской аудиторией в качестве дополнения к известным книгам определенных современников и учеников Федора Сологуба. В связи с этим, по мнению Марии Савельевой, ее ключевая задача заключается в том, чтобы отметить реальное место этого писателя в контексте литературы его времени.

Намного страшнее отслеживать развитие ключевой темы Ф. Сологуба, рассматривая биографию этого автора. Он стал известным литературным деятелем в достаточно зрелом возрасте, и его современники очень часто упоминают о том, что Сологуб, словно никогда не был молодым и выступает олицетворением вечного седого колдовства. Скорее всего другое: в душе он на протяжении длительного периода времени оставался ребенком,

который воспринимал страшные сказки о смерти в качестве метода подстегнуть личное воображение.

Еще ни одному человеку не удавалось жить рядом со смертью. Такое восприятие смерти как у нас может быть наилучшим примером для иллюстрации «остранения» по Шкловскому [4]. Являясь одним из самых распространенных и обыденных явлений, она в некоторых случаях может поражать человека своей близостью. Смерть нельзя «узнать», с ней невозможно свыкнуться — можно только каждый раз при встрече с ней, удивляться ей.

Ф. Сологубу, казалось бы, удалось затереть свою Смерть до дыр. Однако здесь и выявляется сильный разрыв между фантазией и фактической реальностью, по мнению писателя — «творимой легендой» и «дебелой бабищей» — жизнью. И в тот момент как Федор Сологуб столкнулся со своей смертью лицом к лицу, писатель не смог встретить ее так легко, как готовился к ее приходу на протяжении многих лет своей жизни.

Отметим, что это совсем не обесценивает его произведения и творчество в целом. Любой из творческих актов данного автора был замечательным сном, который забирал поэта из оков жизни. Однако одновременно он был и обманом себя, как и безответная любовь мещанской девушки Шани в его книге «Слаще яда». Творчество Федора Сологуба имело совершенно необычную форму для степенной и благообразной литературы, создаваемой русскими писателями. Жизнь автора оказалась по данной причине драматичной. Это путь человека, который на протяжении многих лет призывал смерть. Это полужизнь, которая породила плоды, выходящие за рамки реальности, литературу других миров. Как отмечал Г. Адамович, стихотворные произведения Ф. Сологуба — будто «не человеком написаны, а каким-то неведомым, существом, случайно к нам залетевшим».

Появление данной книги — лучшее опровержение слов ее главного героя: «Вот уж биографии моей никто не напишет» [2, 6]. Взаимосвязь жизни и творчества писателя, раскрываемая исследователем, выглядит полной и убедительной. Это проявляется в истории с изнасилованием служанки, вошедшей в роман «Тяжелые сны»; в разговор об основном прототипе учителя-садиста Передонова из произведения «Мелкий бес»; в характеристике поэтического сборника «Одна любовь», посвященного чувству писателя к Анастасии Чеботаревской. Безусловно, следует обратить внимание на то, что Савельевой не принадлежит открытие многих биографических фактов Сологуба, однако проделанная ею систематизация и выводы будут интересны читателю.

Может возникнуть ощущение, что книга ориентирована не столько на специалиста в области литературы,

сколько на обывателя. Так, в сноске на стр. 131 читаем: «Фамусов и Загорецкий — персонажи комедии А. Грибоедова “Горе от ума”». По меньшей мере, неполной представляется характеристика Федора Батюшкова, крупного историка литературы и ближайшего ученика Александра Веселовского, только как «критика и театрального деятеля» [2, 150]. Помимо этого в книге можно найти малоизвестные факты биографии Сологуба, что привлекло внимание молодого Сергея Эйзенштейна, нарисовавшего эскизы декораций и костюмов к пьесе «Ванька Ключник и паж Жеан» в 1920 году. Упоминается имя поэта Александра Кондратьева и даже сообщаются стиховедческие заслуги Сологуба, возобновившего на сложную поэтическую форму триолета в русском литературном мире. Таким образом можно сделать однозначный вывод что, книга Савельевой в полной мере соответствует жанру научно-популярной биографии. Образовательно-просветительские задачи не препятствуют ее концептуальности, что проявилось в освещении ключевых вопросов жизни и творчества Сологуба.

Обращение к главной теме творчества Сологуба — стремлению к смерти позволило Марии Савельевой раскрыть личность писателя и избежать крайностей биографизма: «Сколько бы критика ни упрекала Сологуба-писателя в любовании смертью бесчисленных мальчиков и девочек, в том, что он описал целое “кладбище несуществующих детей-самоубийц”, одной из основных нот его публицистики были жалость и любовь к детям» [2, 71].

Тема детства составляет значимый тематический пласт в жизни и судьбе Федора Сологуба, который уделял ей большое внимание. Анализируя его, Савельева затрагивает педагогические взгляды писателя, критиковавшего устаревшую систему образования и мечтавшего о всеобщем обучении. Федор Сологуб считал, что воспитание детей должно быть делом родителей, а не учителей, и удивлялся, «почему в школе воспитанникам запрещают курить, если сами педагоги курят» [2, 16].

На протяжении своей жизни Ф. Сологуб был очень тесно связан с детьми. Он некоторое время был учителем, а после инспектором училища. Сологуб много писал о детях, некоторое время занимал должность председателя детской секции, которая не была признана советской властью Всероссийского союза писателей. Судя по многим воспоминаниям современников, Ф. Сологуб чутким и замечательным педагогом. Однако в связи с этим появляется вопрос: как в подобном случае могла выйти в свет садистская статья Ф. Сологуба получившая название «О телесных наказаниях»? Эта статья была написана Сологубом еще в 1890-е г., но публиковалась она только после того, как автор ушел из жизни [3]. Как считал Сологуб, «детей нужно пороть — и учи-

телям, и родителям, и нянькам, гувернерам, сторожам, товарищам — старшим и младшим, и в гостях их надо пороть, даже городовым на улицах следует иметь при себе розги». Однако подобный эпатирующий взгляд на предметы, который был высказан автором в финале его статьи, является противоречивым ее общему духу. Автор утверждал, что воспитатель, который наказывает ребенка, не должен быть злым, он, в первую очередь должен, обязан давать ребенку указания, утешая его тем самым, что посредство наказания можно искупить свою вину. Следовательно, человек с розгами должен быть хорошим педагогом. Согласно принципам христианства, как Ф. Сологуб понимал его при жизни, телесные страдания должны способствовать закалке души ребенка и физической выносливости.

В описании отношений Сологуба с женщинами отчетливо проявилась этическая позиция биографа, которому не всегда удобно цитировать интимные письма и подглядывать за их авторами (с. 100). Стоит отметить, что патриотические выступления и труды Сологуба получили слабое распространение, в первую очередь потому, что их нельзя объективно отнести к вершинам его творчества. Однако каждый раз, в случае накала политической ситуации в государстве, Ф. Сологуб не оставался в стороне, и автору каждый раз приходилось дистанцироваться от сложившегося образа отшельника-декадента. С началом войны между Россией и Японией и в период революции 1905–1907 гг. Федор Сологуб смог удивить всех своим патриотизмом, который им понимался только как любовь к своему родному краю. Но такие настроения не помешали ему критически относиться к действующей власти.

Вопреки сложившемуся мнению о чуждости Сологуба социальной проблематике Савельева показывает,

что общественно-политические вопросы занимали писателя, который стал ярким патриотом с начала Русско-японской войны и во время революции 1905–1907 годов, не мог приветствовать большевиков, но, чтобы выжить, «пытался подладиться под стиль новой власти» [2, 204], однако в творчестве не был способен на то, чтобы всемирное сделать интимным [2, 185].

Ф. Сологуб являлся истинным символистом, который видел в войне между Россией и Японией не только политическое событие. Он видел и знак — борьбу нескольких миров и 2-х моральных форм, христианства и буддизма. Как считал Сологуб, «жизнь является осмысленным существованием во имя благой цели». Буддизм представляет ее в качестве цепи страданий, в которую лучше всего не вступать, а родившись, самое верное будет, умереть поскорей.

Усилиями биографа, пытавшегося понять, какие поступки Сологуб «совершал из позерства, а что было органически заложено в особенном строе его души» [2, 6], создан довольно цельный и вместе с тем многомерный образ писателя. С одной стороны, он напрочь лишен глянца (Сологуб предстает человеком подозрительным, склочным и обидчивым, с садомазохистскими наклонностями, привитыми еще в детстве, неуверенным и одиноким), а с другой — книга написана если не с любовью, то с уважением к герою и не имеет ничего общего с его автобиографией. В настоящее время Сологуб, некогда популярный во всех слоях общества, забыт массовым читателем, а его тексты не входят в обязательную школьную программу, труд Савельевой способен пробудить интерес к автору, в чем-то «предвосхитившему русский постмодернизм» [2, 231] и мечтавшему о том, что «когда-нибудь российский читатель еще станет духовно, политически и культурно свободным» [2, 233].

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 512 с.
2. Савельева М. С. Федор Сологуб. М.: Молодая гвардия. 2014.
3. Смиренский В. В. <Воспоминания о Федоре Сологубе и записи его высказывай> // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое
4. Шкловский В. Б. Тетива: О несходстве сходного. — М.: Советский писатель, 1970. — С. 230.

© Тан Цзин (anfisa.tan@me.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА СИМВОЛОВ В РАССКАЗАХ Ф. СОЛОГУБА

Тан Цзин

*Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com*

THE SYSTEM OF CHARACTERS IN THE STORIES OF F. SOLOGUB

Tang Jing

Summary. The article considers the system of symbols of Fyodor Sologub, genre and stylistic features of his prose on the example of the most famous works. The paper focuses on the origin of the symbols of Sologub and analyzes various forms of their expression. An attempt is made to establish a connection between ancient and ordinary symbols in the context of his works.

Keywords: Fedor Sologub, symbolism, system of symbols, antique symbols, subject symbols, non-objective symbols, Russian literature.

Аннотация. Статья рассматривает систему символов Федора Сологуба, жанровые и стилистические особенности его прозы на примере самых известных произведений. В работе уделено внимание происхождению символов Сологуба, проанализированы различные формы их выражения. Дана попытка установить связь между античными и обыденными символами в контексте его произведений.

Ключевые слова: Федор Сологуб, символизм, система символов, античные символы, предметные символы, внепредметные символы, русская литература.

В рассказах Сологуба широко используется система символов, происходит семиотизация действительности, т.е. каждая вещь есть знак. При этом означаемое, предмет или явление, имеет ослабленный смысл, почти не имеет значение.

Сологуб в своем творчестве использует ряд символов, многие из них создаются на основе поговорок, пословиц. Прослеживается процесс превращения вещи в символ.

Так, например, в рассказе «Червяк» червяк становится символом. Он возникает из идиоматического выражения «заморить червяка», наесться. Рубоносов мечтал «заморить червяка», а Ванда ему помешала. Червяк становится знаком, это означает, что последует наказание для Ванды, в сознании девочки этот знак расчленяется на части знака — морфемы, каждая часть имеет свое символическое значение: «Червяк, повторяла она и вдумывалась в это слово. Самый звук ей казался странным, и каким-то грубым. Она расчленяла слово на слоги и звуки; гнусное шипение вначале (так все время шипит Рубоносова), потом рокот угрозы, потом скользкое противное окончание (в этом скользком есть ассоциативная связь с зеленой, скользкой и противной, как лягушка, Рубоносовой).

Затем знак-червяк становится образом: «и не могла она никак забыть, что в ней сидит червяк, тоненький, еле

заметный, и щекочет, словно пробираясь куда-то». Превращение знака в образ в литературе обычно происходит как следствие метафоры. В рассказе Сологуба образ червяка является не просто намеком, он существует и преображается: вначале он маленький и тоненький, затем «Ванда ясно представляла своего мучителя. Прежде он был маленький, серенький со слабыми челюстями; он едва двигался и не умел присасываться. Но вот он отогрелся, окреп — теперь он красный, тучный, он беспрерывно жует и неутомимо движется...»

Образ червяка пронизывает весь окружающий мир Ванды, пересекается с ее отрицательной реакцией на людей, природу, обстановку, и постепенно становится абсолютно отрицательным символом, уничтожающим, «загрызающим» девочку. «Червяк грыз ее сердце». Стены оказывают такое же влияние на ее сердце: «А потом знакомою тоскою глянули на нее стены, знакомою тоскою защемило ее сердце». То же ощущение вызывают в ней и люди: «Предчувствие обиды больно зашевелилось в ее сердце». Поведение червяка похоже на ветер: «... червяк... то притихнет, то начнет снова, как и этот беспощадный ветер».

Символ также создан Сологубом в рассказе «Прятки», за основу взята выдуманная примета. Вместо противопоставления жизнь/смерть здесь дано противопоставление игра/прятки — смерть. Это противопоставление

построено на пересечении понятия игры с обликом и характером мужа героини, т.е. с озаглаваемым. Облик мужа, его поведение и влияние на окружающих людей автор обозначает словом «холодный». Это знак повторяется на многих примерах: «С мужем ей холодно. Может быть, это потому, что он и сам любит холод — холодную воду, холодный воздух. Он всегда свежий и холодный, с холодной улыбкою, — и где он проходит, там словно пробегают в воздухе холодные струйки». «Холодно улыбаясь...вошел он в детскую... распространяя вокруг себя веяние... холода». Он утешал жену «пустыми холодными словами». Холодными становились и другие под его воздействием: «Он... всех смутил своим ясным холодом... Серафима Александровна сразу сделалась холодной». Сологуб использует приметку «Прячется, прячется, да и спрячется, ангельская душенька в сырую могилку», эта приметка становится символом прятанья от жизни, когда пересекается с другим символом холода — Неслетаевым, он же становится символом смерти: «Серафима Александровна старалась победить ощущение холода и ужаса, охватившее ее при мысли о возможной Леличкиной смерти». Символически причиной трагедии является Неслетаев, знаковым становится противостояние двух характеров.

Выбор сюжета и, главное, центрального образа в рассказе «Свет и тени» позволяет наполнить образ тени символическим значением. Взаимоотношение предмет/тень делает тень знаком. В начале рассказа тени создаются при помощи движения пальцев (игра), мир оказывается совсем дематериализованным, знаки замещают собой действительность, создается вторичная отраженная действительность. В своем выступлении на литературном диспуте в 1914 году Сологуб следующим образом определил взаимоотношение предметного мира и мира искусства: «...моделями... являются для него (искусства) все предметы предметного мира» Но речь не идет ни об их точном копировании, ни об их искажении. Важно создание мира, «подобного миру внешних предметов, но мира действительного, созданного».

В рассказе Сологуб создает мир теней с двойственной противоречивой символикой (веселое-грустное с огромным преобладанием второго), представляет оппозицию идеальное/материальное: образы ангела (идеальное) и быка (материальное). Наиболее часто повторяющимся элементом теневых образов рассказа является человек в движении: это странник, пешеход, старик-прохожий, путницы. Путь, путник — символы жизни. Все время подчеркивается насилие ноши и ее непосильность — трудности жизни. «Он понимал на что ропщет этот унылый пешеход, бредущий по большой дороге в осеннюю слякоть с клюкою в дрожащих руках, с котомкою на понурой спине». Создается впечатление страдания. Все это тени, но представлены они как люди, они яв-

ляются строительным материалом для образа, картины, сцены. Далее автором представлена обратимость схемы. Тени похожи на людей, люди похожи на теней: «Угрюмые фигуры людей двигались... как зловещие неприветливые тени». Таким образом, вся жизнь превращается в мир теней, приобретает свойства чего-то кажущегося, зыбкого, меняющегося. Преобладание отрицательного в символе тени показывает жизнь бессмысленной, пустой, ненужной.

Во многих рассказах Сологуба герои обращаются за помощью к церкви и в большинстве случаев не получают ее. Мать Сережи в церкви молит о помощи, а в ответ «тени от свеч падают на черное платье Евгении Степановны и на пол, и отрицательно колышатся». Тени от свеч приобретают здесь значимость символа отрицания жизни, смысла во всем.

В рассказе «Жало смерти» производится перекодировка знаков, смысл рассказа — в победе смерти. Знаковой природы «змеиный» образ в характеристике Ваниных глаз: «Он смотрел на ребяташек ясными, словно змеиными, глазами». Злое, опасное, демоническое в Ване усиливается поверьем: «Еще сглазит проклятый... глаз у него нехороший»

Сологуб противопоставляет образы Саши и смерти в рассказе «Земле земное». Они эквивалентны в том, что и смерть, и Саша смотрят, Саша глазами, а смерть — она безглазая, но смотрит и видит. «Безглазая заглядывается», эта поговорка и созданный ею абсурдный образ переводит все как бы в непредметную, более глубинную область. Саша в рассказе заглядывает в смерть, в загробный мир, видит образ умершей матери. Поговорка придает безглазому видению смерти значение символа, взгляд Саши и безглазое видение смерти становятся эквивалентами. Саша «...широкими черными глазами смотрел перед собой, мимо померкнувшего для него мира»

Еще один пример того, как из знака рождается образ — это рассказ «Утешение». Процесс падения девочки передан следующим образом: она «упала... как сброшенный с чердака узел с бельем». Знак «чердака» затем превращается в настоящий чердак, куда пять раз приходит Митя и который является как бы ступенькой на его пути к освобождению, остановкой по дороге в рай, где он найдет утешение. Образ Мити определяется во многом образом погибшей Раи. Образ Раи — озаглаваемое, он проходит ряд трансформаций, появляется несколько раз в рассказе. Вначале подчеркивается роль Митинового воображения и — роль искусства (творящего жизнь): «Все отчетливее становился в Митином воображении Раечкин образ, как будто кто-то дорисовывал его медленно и тщательно тусклым свинцовым карандашом». Затем Митя видит во сне Раечку такой, какой он видел ее до па-

дения, радостной и смеющейся. Следующее видение Раи на кладбище, образ здесь «оживает», переводится в динамику. Живость образу придают ее светлые волосы, рассыпанные по спине. Мир и Рая — это две разные сущности: «Все проходило сзади ее призрачного тела, и она оставалась не заслоняя мира, не смешиваясь с ним, совсем особая.» «Пыльные вихри, дымовые столбы и облака слагались для него в Раечкин образ. Но рассыпалась пыль, рассеивался дым, убежали облака, — безобразная обычность снова представала и томила Митю». Возникает оппозиция Раечкин образ/безобразная обычность. Раин образ отмечается малой материальностью, непрочностью, нестабильностью, постепенно этот образ из означаемого становится означающим, становясь Раей, т.е. живущей в раю, превращается в символ настроения. Потом образ Раи определяется белым цветом: она в белом платье и белых башмаках, опоясанная белой лентой, украшенная белыми цветами, но это «Мите казалось». Итак, образ Раи из означаемого превратился в означающее, в символ бело-чистого, смерти, рая, радостного.

Для Сологуба характерна модель мира с противопоставлениями земного/небесного; райского и так далее. «Низ» в значении подземного является оппозицией того, что на Земле, на поверхности и обладает значимостью, сближающей его со значением «верха», служит эквивалентом истинному, настоящему, не кажущемуся. Так, в рассказе «Земле земное» как звуки природы, так и голос близкого к природе мальчика даны как бы снизу: «... чистый, как *подснежный* ручей, голос его звенел нежно и сладко»; «Какие-то струйки тихо звенели *под землей*».

И голос Лепестиньи — в своем фонетическом звучании являющийся знаком, тоже дан в связи с природой: «Ее голос звучал подобно печальному шелесту в камышах над водою». Мальчик стремится понять жизнь, он еще не примирился с ней — его голос сравнивается с подземными звуками, а голос мудрой, знающей жизнь Лепестиньи — *над* водой.

В рассказе «Утешение» также есть оппозиция верх/низ:

а) в подвале Митю истязают, там не люди, а звери (нора), там домовые, злая земная сила: «домовой не тронет... нам дворников надо бояться, да хозяина *домового*». Произошла перекодировка знака домовой (это человек, злой дух в виде человека, а не потусторонней силы).

б) лестница двойственна. Вначале эта лестница — означающее, внепредметное — ведущая в пространство, в космос. Она белая и широкая, с красными и багряными ступенями, по ней Рая идет в рай, туда, где «огни и звезды». Лестница, по которой поднимется Митя, чтобы бро-

сится вниз, описывается и как черная лестница, и как лестница, ведущая в рай.

в) чердак дан как оппозиция подвалу, в подвале люди-домовые, а на чердаке тоже люди, похожие на привидения, но на добрые привидения. На чердаке Митя как бы приобщается к новому миру, где все тихо и спокойно.

С чердака Митя видит пустынное, близкое небо. Оно предметное, реальное. «Небо-то как близко!», восклицает Митя. Постепенно небо замещается на новое непредметное небо. Происходит перекодировка, вначале небо словно ветхое, подчеркивается его слабая материальность. Затем Митя видит новое небо, оно непредметное, символическое, говорящее об иной жизни иных мирах. Новое небо как новая светлая жизнь противопоставляется бедной, земной, узкой жизни. Рая показана как ангел с белыми крыльями, поэтому небо превращается в знак ангельской обители.

Митя, бросаясь с чердака вниз, попадает в рай, на новые небеса, наверх. Эта пространственная перекодировка происходит путем замещения логических пространственных связей «идеальными». Подобную же перекодировку можно видеть и в рассказе «К звездам». В момент перехода Сережи в идеальный мир звезд они как бы перемещаются, оказываются внизу, а он смотрит на них сверху: «Сережа смотрел *вниз* на их сияющую бездну *со своей высоты*, и ему не было страшно, что теперь все эти *звезды... не вверху, а внизу, под ним*».

Путь снизу, из гнетущей действительности — вверх, в рай, на свободу герои Сологуба часто проделывают во сне — они летят: «потом Коле снилось, что он... летит под потолком... Наконец, из высокого темного окна... вылетел он на свободу, поднялся высоко под небо... У Мити, видящего во сне Раю, появляются крылья, «он летит и тонет в воздухе... вдруг раздается грубый материн голос... Толчки, пробуждение, испуг и тоска. Желтые стены...»

Наряду с оппозицией верх/низ текст в рассказах Сологуба построен по принципу замкнутый/разомкнутый. Знаки «улица, переулок, проходной дом» — это пространственные символы. Рая, а потом Митя — «Утешение» — падают с четвертого этажа *проходного* дома, как бы символа проходящей жизни, где оба они не задерживаются надолго. «В сторону от сквозных улиц уходили безнадежные тупики...» Тупик — это знак, указывающий на безнадежность. Из тупика выводит Митю вид слобод за рекой Снов, т.е. сны, миражи: «Слободы за рекой нежные и молчаливые, почивали в золотисто-лиловых грезах»; «...усталый мальчик ... любил каких-то добрых людей, которые там за рекою в золотисто-лиловых

грезях». Золотисто-лиловые грезы здесь являются оппозицией к тупику.

Двойственность всего, единство противоположностей — отношение Сологуба к миру. В своих рассказах Сологуб характеризует стихии воды, огня, раскрывает их двойственность. Они тихие, но тревожные, ищущие направление, находящиеся в дисгармонии как и души его героев. Также Сологуб выстраивает оппозиции темный/светлый. В рассказе «Утешение» разбившаяся насмерть девочка Рая говорит, что обитатели рая — белые, и видится Мите вся в белом. Но глаза у нее темные, и путь в рай, к светлому лежит через темное. «Радостно, что будет все *темно*, как в Раиных глазах, и успокоится все; муки, томления, страх, *темные* нежити стерегут». Можно видеть проявление двойственности этого цветового знака. Звуковая оппозиция является также одной из ведущих в сологубовских рассказах. Героям Сологуба неприятны звуки, которые характеризуют земную жизнь, они грубые, отрицательно окрашенные и являются частью той отрицательной реальности, от которой бежит герой. Звуки, находящиеся в оппозиции с земными, это тонкие, еле улавливаемые человеческим ухом, нежные, приятные звуки, похожие на звучание флейты, шелест природы. Но тихие вначале, находящиеся в очень сильной оппозиции шуму, звуки постепенно наполняются большим драматизмом. И, наоборот, страшный шум в результате перекодировок, становится дружественным, отождествляется с любимым образом, который объединился с космосом и туда же ведет героя.

В рассказах Сологубом также используется оппозиция предметный мир/мир мечты. На симпозиуме о символизме, происходившем в 1914 году, Сологуб сказал: «Самая образность, присущая созданиям высокого искусства, обуславливается тем, что для искусства на его высоких степенях образы предметного мира только пробивают окно в бесконечность...» С самого начала своего творчества Сологуб был верен этой заповеди.

Символом предметного мира для Сологуба является камень [5]. Герой «Утешения» испытывает чувство страха перед камнями: «Митя почувствовал как бы в самих своих костях, как легонько вздрагивали камни, и это дрожание страшило его». Камень здесь — символ всего злого, давящего, уничтожающего. В рассказе «Утешение» главной оппозицией является отчаяние/утешение. Важную роль в нарастании отчаяния в рассказе играет предметный мир, символом которого являются камни. Далее в процессе перекодировок камни, дома, стены, вообще предметы распредмечиваются и утрачивают силу воздействия на героя, превратившись в призраки. И, наоборот — призрак убившейся девочки оживает и зовет в смерть, которая живет жизни, понятия жизни и смерти поменялись местами. Это происходит внутри

героя — отчаяние нарастает, а утешение приходит изнутри, герой начинает жить «внутренними событиями». Появляется оппозиция камни/чувства Мити. Дрожание камней, вначале пугающее Митю, становится его собственным состоянием. Далее Сологуб упрощает происходящее к простой схеме: «Раечка упала и умерла так просто, как разбивается ламповое стекло, если его бросишь на *камни*». «...Раздался треск от разбитых *о камни* Митиных костей». И тянуло тогда вниз, голову к этим *жестким камням*, чтобы разбить жестокую боль». Знак камней превращается в образ, охарактеризованный как жесткий, жестокий. В результате камни — источник уничтожения в оппозиции камни/источник смерти, избавляют героя от боли, уничтожая боль. Это прием автора, когда герой не думает о смерти, а старается избавиться от боли.

Таким образом, в символике Сологуба роль предмета ослаблена, в основе многих символов лежит знак предмета, а не предмет. Символы возникают с использованием игрового момента, поверий, поговорок, что приводит к возникновению кодов.

Творчество Сологуба считается критикой типичнейшим выражением декадентского мировоззрения [2]. В русской традиции (и частично в западной) термин «декадентство» является отрицательным. В Краткой Литературной Энциклопедии декадентство было охарактеризовано как «общее наименование кризисных явлений буржуазной гуманистической культуры конца XIX — начала XX веков, отмеченное настроениями упадничества, безнадежности, отвращения к жизни, индивидуализма... эстетические взгляды символистов (в данном контексте символисты и декаденты — синонимы) вели к субъективизму, к культивированию поэтической неясности, к отрыву идеи от смысла слова».

Героям Сологуба присуще недовольство жизнью, но также они ведут поиск выхода из ситуации, стремятся к познанию мира, их индивидуализм проявляется в общении к идеалам любви, истины, гармонии. Интенсивная жизнь героев Сологуба — это путь к пониманию не только себя, но и окружающих, природы. Внутренние переживания помогают героям выйти из замкнутого собственного существования, познать Истину-Любовь, приобщиться к Идеалу, к Единому, т.е. к «нездешним мирам», через различные внешне бессмысленные случайные происшествия. Для декадента такие понятия как Добро и Зло, относительны. Путем зла герой Сологуба может выйти на дорогу добра. Символы в творчестве Сологуба обогащены использованием поговорок, пословиц, поверий, наделенных более широким смыслом, поэтому существует связь слов с идеей, что способствует глубокому пониманию характера героев в произведениях писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гершензон М. Федор Сологуб. Истлевающие личины — Вестник Европы. 1907. № 7.
2. И. Гофштедтер Роман Сологуба «Тяжелые сны». Критические беседы. «Русская беседа». 1896, стр. 171–180.
3. Павлова М. М. Федор Сологуб в 1890-е — начале 1990-ч годов. Жизнь. Прозаическое творчество: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, СПб., 2005.
4. Павлова М. М. Федор Сологуб: биография, творчество, интерпретации / материалы IV Международной научной конференции / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; Составитель М. М. Павлова. 2010.
5. Клейман Л. Ранняя проза Федора Сологуба. Эрмитаж. 1983.
6. Сологуб Ф. Свет и тени: Избр. проза. / Сост. и коммент. Б. И. Саченко; Предисл. О. Н. Михайлова. — Минск.: Мастацкая літаратура, 1988. — 383 с. 1 л. портр.
7. Сологуб Ф. «Северный вестник» (1896, №6)
8. Сологуб Ф. Жало смерти. Истлевающие личины. СПб.: Навьи чары, 2001. — 464 с.

© Тан Цзин (anfisa.tan@me.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ ИДИОМЫ И ИДИОМАТИЧНОСТИ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF THE IDIOM AND IDIOMATICITY IN WORKS DOMESTIC AND FOREIGN RESEARCHERS

Sh. Khusikhanov

Summary. in this work the track of the concept «idiom» and «idiomaticity» of researches of the Russian and foreign scientists is presented. Separate provisions of works of V. Vinogradov, F. Fortunatov, A. Shakhmatov, A. Reformatsky, V. Flyaysher, H. Burger are considered. The community and a variety of scientific views on this problem are marked out.

Keywords: idiom, idiomaticity, super-word educations, ethnolanguage word formations, linguistics, effective theory, interlingual idiomaticity.

Хусиханов Шамиль Ахмедович

Аспирант,

Ингушский государственный университет, г. Магас

kh.akhmed@mail.ru

Аннотация. в данной работе рассматриваются понятия «идиома» и «идиоматичность» в исследованиях русских и зарубежных ученых. Рассматриваются отдельные положения трудов В. Виноградова, Ф. Фортунатова, А. Шахматова, А. Реформатского, В. Фляйшера, Х. Бургера. Отмечены общность и разнообразие научных взглядов на данную проблему.

Ключевые слова: идиома, идиоматичность, сверхсловные образования, этноязыковое словообразование, лингвистика, эффективная теория, межъязыковая идиоматичность.

В течение длительного времени понятию идиомы был присущ полемический характер. Очевидность того факта, что идиомы являются ядром идиоматической системы языка, то есть системой сверхсловных образований, который запоминаются говорящими на этом языке как единого целого, была аксиомой. А ученый мир лингвистов никак не приходил к единому мнению, из каких именно единиц формируется идиоматика. Помимо того, в современной идиоматике есть множество терминов, описывающих этот феномен, например, идиома (Х. Бургер, А. Кунин, В. Мокиенко, Д. Добровольский, В. Телия), или устойчивая синтагма (А. Роткегель), или фразеолексема (А. Пилц, В. Флейшер), или фразеологизм (И. Чернышева), или идиоматическое выражение (Шлегель Фридрих) и так далее.

Невзирая на несогласованность в классификационных подходах, ученые все же опираются на общую точку зрения: идиомы представляют собой сверхсловные семантические единства, значение которых не может быть выведено за пределы значения их компонентов.

В ряде современных работ по фразеологии, авторы которых являются последователями Х. Бургера, В. Флейшера, идиомы трактуются в качестве сверхсловных образований, не являющихся законченными предложениями, и обладающих рядом характерных признаков: идиоматичность и стабильность.

Лингвистика прошлого столетия сформировала две ветви изучения языковой идиоматики: англо-американ-

скую и европейскую континентальную. Эти ветви связаны друг с другом, они обладают рядом общих характеристик, но их характеризуют и важные различия [4].

Источниками европейской континентальной традиции исследования языковой идиоматики являются ранние работы как отечественных ученых-лингвистов (Ф. Фортунатова, А. Шахматова, В. Поржезинского), так и зарубежных (Ш. Балли). Приняв за основу их научные изыскания, французские, немецкие и советские языковеды прорабатывали их далее. Отечественные ученые (В. Архангельский, А. Кунин, В. Телия, В. Виноградов, И. Чернышева) сформировали отдельное направление лингвистических исследований — фразеологию. Ученые сконцентрировали внимание изучении фразеологических единиц, в то время как научная разработанность проблематики идиоматичных языковых была достаточно слабой. Однако нерешенной остается проблема выработки единых критериев, которые свойственны исследуемым сочетаниям. Поэтому существует необходимость включения разноплановых единиц в предметное поле исследования. С этой точки зрения, фразеология опирается на связанность значения, идиоматичность сочетания, стиль направления и автора, клишированность речи, цитатность, афористичность речи [4].

Вторая ветвь исследования в идиоматике представлена англо-русской традицией — берёт свое начало в работах Г. Суита и основывается на знаниях из различных сфер лингвистики — трансформационно-гене-

ративная теория, грамматика, лексикография, лексическая семантика. В рамках данного исследовательского подхода также значительное внимание уделяется идиоматике, которая является объектом изучения в работах Ф. Палмера, Й. Бар-Хиллела, У. Чейфа, Ч. Фриза, Д. Катца, М. Пея, Ю. Найды, и Ч. Хоккета. Следует отметить, что англо-американская традиция имеет в качестве основы широкую выборку языкового материала: устойчивые переосмысленные и не переосмысленные сочетания слов, составные союзы, модальные и междометные и обороты, пословицы и поговорки, звукоподражательные слова.

Все перечисленные выше единицы можно отнести к идиомам, учитывая так называемое «этноязыковое своеобразие» [4].

Фрагментарным теоретическим исследованиям в области идиоматики в англо-американской традиции не удалось сформировать единую теорию, но в пределах данного направления было издано большое количество различных идиоматических справочников и словарей.

Кажется недостаточно исследованной область идиоматики уже потому, что нет единых заключений ученых даже в обосновании самого понятия — идиома. А свобода выбора между идиомой и фразеологизмом делает этот вопрос довольно размытым. Видимо, неуловимые пока нюансы всплывут на поверхность и откроют новые горизонты в решении этой проблемы.

История русской лингвистики знает многократные попытки сформировать альтернативные подходы к проблематике идиоматических языковых единиц, трактовке понятий идиомы и идиоматики. Так, А. Реформатский разработал концепцию, в соответствии с которой «идиомами могут быть не только лексикализованные сочетания, но и отдельные слова, употребляемые в переносных значениях» [7].

Другая эффективная теория о языковой идиоматичности была сформулирована коллективом российских ученых-лингвистов З. Поповой, М. Копыленко, Л. Гиззатовой, З. Беректовой. Данная теория основана на понятии особенностей лексической сочетаемости. Эти исследования, к сожалению, тоже не стали единой теорией идиоматики.

Такое широкое понимание идиоматики, в целом, соответствует современной трактовке данной дисциплины.

Отечественная лингвистика трактует идиому как невозможность вывести общее значение устойчивого сочетания слов из совокупности значений его лексических компонентов. Следовательно, идиому характеризует семантическая целостность, слитность значения лексем. Этим и похожа идиома на слово. В русской лингвистике термин «идиома» является или синонимом термина «фразеологизм», или обозначением одного из подклассов фразеологизма (В. Виноградов, О. Ахманова, В. Мокиенко, В. Телия). Подобное утверждение можно отыскать и в работах французских (Ш. Бали, П. Гиро) и немецких (В. Фляйшер, Х. Бургер).

Англо-американская лингвистика также трактует идиому в качестве определенной невыводимости значения целого из значений его компонентов (Ф. Палмер, Г. Смит). Впрочем, английский термин «idiom» подразумевает более широкий круг значений, чем отечественная лингвистика: под идиомой понимается любая языковая единица, такая как словосочетание, устойчивое сочетание слов или даже одно слово, а основной фактор идиоматичности — есть специфика данного выражения для языка.

Допустим, что идиоматичная единица языка — это единица, характеризующая невыводимость значения целого из совокупности значений компонентов, тогда получается, что в европейской континентальной традиции понятие «идиома» (под которым понимается фразеологическая единица либо разряд фразеологических единиц) более узкое, чем в англо-американской традиции, где идиома выступает в качестве формы выражения, специфичной для каждого языка.

Основополагающие вопросы теории идиоматики наиболее глубоко проработали отечественные ученые-лингвисты (например, В. Виноградовым и В. Телия), потому в далее целесообразно опираться на их научные изыскания и пользоваться их терминологией. Необходимо провести четкую границу между понятиями внутриязыковой идиоматичности и межъязыковой идиоматичности, и выявить, какие еще единицы языка, кроме идиом, обладают невозможностью определить значение всего выражения из значений его элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луколина Е. К. Идиоматическая фразеология в языке и речи: (на материале совр. англ. яз.): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10. 02. 04 «Германские языки» / Е. К. Луколина. — М., 1986. — с. 25.
2. Немецко-русский Фразеологический словарь / Сост. Л. Э. Бинович. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. — 768с.

3. Реформатский А. А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. М., 1947. 544 с.
4. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. Учебное пособие. М., Гнозис, 2006. 208 с.
5. Смит Л. П. Фразеология английского языка. М., 1959.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.— 288 с.
7. Теоретические основы словообразования в немецком языке: для филолог.фак.ун-тов и ин-тов иностр.яз. / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. М.: Высшая школа, 1984.

© Хусиханов Шамиль Ахмедович (kh.akhmed@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ингушский государственный университет

КОЛОНИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РАССКАЗОВ У.С. МОЭМА

COLONIAL MOTIVES IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF STORIES BY W. S. MAUGHAM

Ju. Chalaya

Summary. the article deals with culturally marked signs that Express colonial motives in Russian translations of “exotic” stories by W.S. Maugham. Attention is also paid to the transfer of behavioral patterns of the British. Colonial theme was, and still remains significant in the life and literature of the British. It also attracted the attention of researchers of the works of English authors, primarily Victorian-CH. Dickens, D. Conrad, R. Kipling. After all, it was in the XIX century that Britain reached its apogee in the conquest of the colonies, the largest of which was India. Creative work of W.S. Maugham and images of colonists in his works were analyzed in the dissertation of I.V. Tricozenko.

Keywords: W. C. Maugham, colonial motives, translation, culturally marked signs, behavioral patterns.

Чалая Юлия Петровна

*К.филол.н., доцент, Севастопольский
государственный университет, (г. Севастополь, Крым)
j@chalaya.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются культурно маркированные знаки, выражающие колониальные мотивы в русских переводах «экзотических» рассказов У.С. Моэма. Также внимание уделено передаче поведенческих моделей англичан. Колониальная тема была, и до сих пор остается значимой в жизни и литературе англичан. Она также привлекала внимание исследователей творчества английских авторов, в первую очередь, викторианских — Ч. Диккенса, Д. Конрада, А. К. Дойла, Р. Кипплинга. Ведь именно в XIX веке Великобритания достигла апогея в завоевании колоний, самой большой из которых была Индия. Творчество У.С. Моэма и образы колонистов в его произведениях рассматривались в диссертации И. В. Трикозенко.

Ключевые слова: У.С. Моэм, колониальные мотивы, перевод, культурно маркированные знаки, поведенческие модели.

Исследовательница Н.Л. Потанина пишет: «В первой трети девятнадцатого века колонии были для английских авторов местом, в которое люди отправлялись по разным причинам, но откуда неизменно возвращались при драматических обстоятельствах. Характерная подробность: обретая благосостояние или потерпев неудачу, персонажи, по сути, оставались неизменными, так как авторов не интересовали изменения этого рода» [2, с. 2]. В отличие от других авторов С. Моэм, наоборот, детально рассматривал в своих произведениях характеры и душевные переживания героев — “an empire builders” [7, с. 214] — «строителей империи» [6, с. 263], как они сами себя называли. Достаточно вспомнить Уорбертона из рассказа “The Outstation” — «На окраине империи», Макинтоша из одноименного рассказа (“Mackintosh”), Лоусона из рассказа “The Pool” — «Завод», Нейлсона из рассказа “Red” — «Рыжий», Гая из “The Force of Circumstance” — «Сила обстоятельств», Олбена Торела из “The Door of Opportunity” — «Открытая возможность» и Миллисент из рассказа “Before the Party” — «За час до файф-о-клока».

Колониальные мотивы в произведениях английских авторов, и, в частности, С. Моэма, выражены с помощью культурно и темпорально маркированных знаков. Эти знаки и сейчас вызывают у англичан четкий ассоциативный шлейф, который необходимо передать в переводе. Ассоциативный шлейф — это вся совокупность

социокультурных и исторических ассоциаций, которые связаны с определенным понятием или концептом у реципиентов определенной культуры на конкретном историческом этапе [4, с. 30]. Культурно маркированные знаки не всегда равноценны по степени своей значимости в произведении, и в целом ряде случаев читателю достаточно самого общего представления о предмете, так как отсутствие исчерпывающей информации не мешает должной мере восприятия. В других же случаях отсутствие такой информации приводит к достаточно досадным потерям культурного, литературного и психологического порядка в целевой аудитории.

В «экзотических» рассказах С. Моэма преобладают культурно маркированные знаки «не-предметного мира», определяющие поведенческие модели англичан, которые оказывались в колониях английской империи в связи с различными обстоятельствами. Поведение англичан отмечено высокой семиотичностью и имеет жесткую иерархию — нарушение стереотипа становится культурно маркированным, наполненным содержанием. Необходимо также заметить, что важной чертой британского общества является наследственность поколений. Поведенческие нормы (коды) общества складываются исторически и существуют в виде писанных и неписанных законов. «Писанные законы» поведения составляют область права и в современном мире регламентируются законодательством. Для британцев большое значе-

ние имеют «неписанные законы» — обычаи и традиции, в большей мере условные. Нормы поведения переходили к следующим поколениям британцев, трансформируясь в соответствии с современными «писанными законами», но все-таки они оставались основанием современной британской поведенческой и культурной традиции [17, с. 5].

Все герои «экзотических» рассказов У.С. Моэма пытались сохранить образ жизни, который вели у себя на родине. В высших классах британского общества существовал жизненный уклад, нарушение которого угрожало потерей репутации в глазах света. Даже люди, которые занимали исключительное положение, испытывали презрительное осуждение за игнорирование тех или других условностей. Рядом с туземцами островов Самоа и Малайи (Борнео) жизненный уклад, внешний вид и привычки англичан выглядели необычными.

Мистер Уорбертон — типичный англичанин, отчаянно стремившийся придерживаться мельчайших деталей в соблюдении традиций. Свою привычку переодеваться к обеду он объяснял своему помощнику так: “When I lived in London I moved in circles in which it would have been just as eccentric not to dress for dinner every night as not to have a bath every morning. When I came to Borneo I saw no reason to discontinue so good a habit. For three years during the war I never saw a white man. I never omitted to dress on a single occasion on which I was well enough to come in to dinner.” [8, с. 121]. — « В бытность мою в Лондоне я вращался в кругах, где переодеваться к обеду так же естественно, как принимать ванну каждое утро, иначе вас сочтут просто чудачком. И, приехав на Борнео, я не видел причины изменить этому прекрасному обычаю. Во время войны я три года не видел ни одного белого. Но не было случая, чтобы я не переоделся к обеду, — разве что был болен и вообще не обедал.» [6, с. 137].

Чтение газет на Борнео было для него целым ритуалом: “...and it was Mr. Warburton’s especial delight to break the wrapper as he sipped his tea, and reap the morning paper. It gave him the illusion of living at home. Every Monday morning he read the Monday Times of six weeks back, and so went through the week. On Sunday he read The Observer. Like his habit of dressing for dinner it was a tie to civilization.” [8, с. 133]. — «...для мистера Уорбертона это было ни с чем не сравнимое удовольствие: вскрыть обертку и за чашкой чаю просмотреть утреннюю газету. В эти минуты ему казалось, что он дома, в Англии. Каждый понедельник он читал понедельничную «Таймс» полуторамесячной давности, каждый вторник — номер от вторника, и так всю неделю. По воскресеньям он читал «Обсервер». Так же, как и привычка переодеваться к обеду, это было нитью, связующей его с цивилизацией.» [6, с. 151].

Олбен Торел, герой рассказа «Открытая возможность», как только у него появилась возможность добыть свежие газеты, с радостью занялся чтением: “He began to look at the papers, starting with the publishers’ advertisements, and she was conscious of the intense satisfaction it was to him to feel himself through them once more in the middle of things.” [7, с. 393]. — «Олбен стал проглядывать газеты, начав с объявлений. Энн понимала, что ему доставляет огромное удовольствие снова быть в курсе текущих событий.» [6, с. 4]. Для героев рассказа «Сила обстоятельств» Дорис и Гая «Прибытие почты было главным развлечением в их бедной жизнью жизни.» [6, с. 348]. — “...it brought mail, which Guy sent a boat down to fetch. Its arrival was the excitement of their uneventful lives.” [7, с. 290]. Все колонисты из «экзотических» рассказов С. Моэма стремились вернуться на Родину, кроме разве что, Гая. Но и он предпочел жениться на образованной англичанке, хотя родился и вырос в провинции Сембулу.

Тоска колониста по дому — характерная черта английского колониального рассказа [3]. “When, their long journey over, they were settled in the little Scots town with its granite houses Lawson realised how much it meant to him to live once more among his own people. He looked back on the three years he had spent in Apia as exile, and returned to the life that seemed the only normal one with a sigh of relief. ...and it was good to see a paper every day with that day’s news, and to meet men and women of your own sort, people you could talk to; and it was good to eat meat that was not frozen and to drink milk that was not canned.” [7, с. 91]. — «Когда длинное путешествие осталось позади и они поселились в Шотландии, в маленьком гранитном городке, Лоусон понял, как много значит для него снова очутиться среди своих. Три года, проведенные в Апии, вспоминались ему как изгнание, и он со вздохом облегчения возвращался к нормальной человеческой жизни. Приятно ежедневно читать газету со свежими новостями, встречаться с мужчинами и женщинами своего круга — с людьми, с которыми можно поговорить; приятно есть свежее, не мороженое мясо и пить свежее, не консервированное молоко.» [6, с. 111].

Даже в наши дни англичане не избавились полностью от жестких, сформировавшихся в эпоху Викторианства, рамок, касающихся внешнего вида. Писатели-викторианцы и современные стилизаторы уделяют много внимания описанию одежды своих героев, которая выступает их дополнительной характеристикой. Такие описания включают достаточно элементов, которые требуют старательного воспроизведения в переводе, хотя далеко не всегда удается осуществить его без потерь. Базовые предметы одежды англичан, живущих в начале XX века, не изменили своего названия,

но фасоны очень отличаются, и не всегда возможно передать такие названия с помощью простых словарных соответствий. Изменилась мода и переводчику приходится искать варианты, которые могут создать зрительный образ того или иного предмета туалета: "The only concession he made to the climate was to wear a white dinner-jacket; but otherwise, in a boiled shirt and a high collar, silk socks and patent-leather shoes, he dressed as formally as though he were dining at his club in Pall Mall". [8, с. 106]. — «Климату мистер Уорбертон делал одну-единственную уступку — надевал к обеду белый смокинг, в остальном же он одевался так, словно обедал в своем клубе на Пэл-Мэл: крахмальная сорочка, стоячий воротничок, шелковые носки, лакированные туфли.» [6, с. 136].

Правила выбора одежды, головных уборов и аксессуаров были четко определены еще в XIX веке. Учитывать в переводе такие особенности британской культуры — задача переводчика, это позволит донести читателю все уровни художественного произведения. Принадлежность к высшему классу общества требовала сурового исполнения правил этикета. В английском обществе женская шляпка служила показателем не только социального, финансового, но и культурного уровня. Появление женщины на людях без головного убора воспринималось как вызов условностям, что и подчеркивает С. Моэм, создавая образ миссис Скиннер в рассказе "Before the Party" — «За час до фэйф-о-клока». "She was already dressed, in black silk as befitted her age and the mourning she wore for her son-in-law, and now she put on her toque. She was a little uncertain about it, since the egrets' feathers which adorned it might very well arouse in some of the friends she would certainly meet at the party acid expostulations; ...Mrs. Skinner, standing at her

dressing-table, placed the toque on her head, it was after all the only nice hat she had, and put in a pin with a large jet knob. If anybody spoke to her about the ospreys she had her answer." [7, с. 214] — «Миссис Скиннер не любила опаздывать. Она была уже одета — вся в черном шелку, как того требовали ее возраст и траур по недавно скончавшемуся зятю; осталось лишь надеть ток. Ее немного смущала эгретка из перьев цапли, которая могла вызвать резкое осуждение кое-каких знакомых, наверняка тоже приглашенных на фэйф-о-клок; Миссис Скиннер решительно водрузила ток на голову (в конце концов это ее единственная приличная шляпа) и, стоя перед зеркалом, приколотла его булавкой с большим агатовым наконечником. Если кто-нибудь упрекнет ее за эти перья, у нее готов ответ.» [6, с. 246–247]. Женщины не могли появиться на приеме в шляпе, украшенной перьями, если еще носили траур.

Взаимодействие английской и чуждых ей экзотических культур было настолько значительным, что оказало влияние на различные сферы жизни как англичан, так и островитян. Колониальная тема проникла, и прочно закрепилась в различные слои английской культуры. Элементы так называемого «колониального стиля» мы до сих пор видим и в дизайне интерьера, и в одежде, и в литературе. Уникальность английской литературы, насыщенной колониальными мотивами, представляет интересный «вызов» для переводчиков. Таким блестящим переводчикам как Мэри Иосифовна Беккер, Инна Максимовна Бернштейн, Нора Галь, Евгения Давыдовна Калашникова, Мария Федоровна Лорие удалось без потерь передать в русское культурное сознание английские темпорально и культурно маркированные знаки, которыми пестрят «экзотические» рассказы У.С. Моэма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мешкова Т. Н. Колониальный дискурс в романах Ч. Диккенса 1840-х годов. Кандидат филологических наук: 10.01.03. — г. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Державина, 2006, с. 209.
2. Потанина Н. Л. Колонии и колонисты в викторианской прозе (на материале текстов Диккенса) // Сборник научных статей. — Тамбовский государственный университет имени Державина, 2004, с. 186–192.
3. Трикозенко И. В. Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX — начала XX века: Кандидат филологических наук: ВАК 10.01.03 — М., 2003, с. 33.
4. Чалая Ю. П. Ассоциативный шлейф при переводе культурно маркированных знаков // Science and Education a New Dimension. Philology. IV (17), Issue: 78, Budapest, 2016, с. 29–32.
5. Чалая Ю. П. Поведенческие модели и речевой этикет викторианцев: переводческий аспект // Science and Education a New Dimension. Philology. V (29), Issue: 116, Budapest, 2017, с. 17–20.
6. Моэм С. Нечто человеческое. Рассказы: Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. Н. П. Михальской. — М.: Правда, 1989, с. 528
7. Maugham W. S., Sixty-five short stories. L.: Heinemann / Octopus, 1988. — с. 937.
8. Maugham W. S., The favourite short stories. Garden City, New York: Doubleday, Doran & Company, INC., 1937, с. 528.

© Чалая Юлия Петровна (j@chalaya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦВЕТОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА: СТРАХ И БЕССТРАШИЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

COLOUR CONCEPTUALISATION: FEAR AND COURAGE IN THE ENGLISH LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Ch. Natalya

Summary. Colour is an objective phenomenon of the world around us which has the ability to influence human emotions. Linguistic science offers to investigate the issue of color perception of the world in the light of linguistic facts. This article is devoted to the analysis of the colour characteristics of emotional concepts «fear» and «courage» found in the English linguistic consciousness and the identification of associative links between the colour and the emotions reflecting the mental reality of the nation.

Keywords: colour, concept, emotions, linguistic consciousness, fear and courage.

Чезыбаева Наталья Владимировна

К.филол.н., доцент, Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета (город Абакан)
Natti81@mail.ru

Аннотация. Цвет является объективным явлением окружающего мира, влияющим на эмоции человека. Лингвистическая наука предлагает исследовать вопрос цветового восприятия мира сквозь призму языковых фактов. Настоящая статья посвящена анализу колоративных характеристик эмоциональных концептов «страх» и «бесстрашие» в английском языковом сознании и выявлению ассоциативных связей цвета и данных эмоций, отражающих ментальную действительность народа.

Ключевые слова: цвет, концепт, эмоции, языковое сознание, страх и бесстрашие.

«**Ц**вет — это первое, с чем сталкивается наше зрение при восприятии мира» [Исаев, 2011, с. 5]. Цвет считается одной из базовых универсалий в самобытных языковых картинах мира, сквозь призму которого выражается мировосприятие и мироощущение этноса. Цвет «окрашивает» все стороны жизни человека, формирует его интерактивный опыт с внешней средой и неповторимое видение мира: «физическая способность восприятия цветового спектра отражена в естественном языке» [Мусатаева, 2014, с. 251].

Лингвисты классифицируют цветонаименования на основные (ядерные, абсолютные) и оттеночные (периферийные) [Брагина, 1972, с. 101]. В английском языке базовыми категориями цвета являются: *white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange* и *grey* [Berlin, Kay, 1969, p. 2].

Существует взаимосвязь колоративов и эмоций: цветообозначения используются для вербализации человеческих переживаний и эмоциональных состояний, то есть происходит направление переноса значения от конкретной семантики к абстрактной [Шелепова, 2005, с. 117].

Эмоции страх и бесстрашие, и их корреляции с колоративами английского языка исследованы в рамках лингвокультурного подхода. В его основе лежит единение трех базовых элементов: язык, культура, сознание.

Сознание определяется как важнейшая составляющая ментальности, культура — ее часть, а язык — средство, благодаря которому ментальность порождает в своих недрах культурные феномены [Алефиренко, 2009, с. 271–277]. Эти культурные феномены воплощаются в концептосфере индивида.

Исследование компонентов цветообозначений, репрезентирующих эмоциональные концепты «fear» и «courage», обусловлено планом актуализации потенциальных семантических возможностей, которые они приобретают в составе фразеологических единиц, а также в метафорических высказываниях. Это дает возможность обнаружить наиболее яркие образы, явные или скрытые, и понять первопричины «окрашивания» страха и бесстрашия в тот или иной цвет.

Колоративные характеристики концептов «fear» и «courage» в английском языковом сознании представлены посредством анализа основных (ядерных, абсолютных) элементов цветового диапазона.

Blue («синий») означает «цвет чистого неба». Это слово восходит к протогерманскому *blawaz*, протоиндоевропейскому *bhle-was*, что означало «светлый, синий, белокурый, желтый» от корня *bhel-* «светить, мигать, гореть», а также «сияющий, белый». Тот же протоиндоевропейский корень лежит в основе латинского слова *flavus* «огненного цвета, огненно-желтый», древнеиспанского *blavo* «желтовато-серый», греческого *phalos* «белый»,

уэльского *blawr* «серый». Это показывает «скользкость» определения в индоевропейских словах, обозначающих данный цвет [OED].

К той же основе восходит современное слово **black** «черный»: древнеанглийский *blæc*, древневерхненемецкий *blah* «черный». Оно также соотносится с индоевропейским корнем *bhleg-* «сиять, блестеть, гореть». Французское *blanc* «белый» и русское «бледный» соотносятся с этим же корнем [ИЭССАЯ, 2000, с. 63].

В этой связи размытое различие цвета на начальных этапах эволюции языков обусловило тот факт, что в современном английском языке *blue* «синий» может пониматься как нечто светлое и чистое. Оно есть «бесконечность, вечность, истина, преданность, вера, чистота, целомудрие, духовная и интеллектуальная жизнь» [СС 1999]. Такие ассоциации характерны для большинства древних культур и объединены единой концепцией: синий цвет неба наиболее спокойный и в наименьшей степени «материальный» из всех цветов [СС 1999]. С другой стороны, *blue* «синий» есть нечто мрачное и пугающее. Это связано с сакральностью синего цвета. Синий цвет связывался древними с бесконечностью, с миром богов или душами умерших; символизировал недостижимую высоту, небо, холод, зло, смерть [ИЭССАЯ, 2000, с. 65].

Исходя из размытости первоначального разграничения черного и синего (голубого) в индоевропейском праязыке, лексема *blue* приобрела значение нечто темного и страшного. Это подтверждают фразеологизмы английского языка: *blue fear* (или *funk*) — «паническое состояние, испуг, жуткий страх» [АРФС, 1956, с. 111]; *to cry blue murder* — «кричать караул, вопить истощенным голосом» [LERPh]; *blue blazes* — «ад, суд Божий» [DASCE].

In fact, the idea scared him silly, but his was the kind of courage that shows itself best when its owner is about to collapse from blue funk [de Kamp].

Наряду с синим цветом, символом потустороннего мира, в котором обитают боги и души умерших, служил и серый цвет. Английское слово *sky* «небо» можно соотносить с корнем *kei-* «*grau, blau*» [ИЭССАЯ, 2000, с. 98], который в современном английском языке выражается лексемами **gray** «серый» и **blue** «синий» соответственно. Серый цвет служил как бы перегородкой между смертными и божествами [ИЭССАЯ, 2000, с. 98]. Как цвет праха, он ассоциируется со смертью, трауром и душой [СС 1999].

Серый цвет символизирует отречение, смирение, меланхолию, безразличие, и это цвет, который означает

бесцветность [СС 1999]. Таким образом, серый цвет страха — есть страх, который парализует, лишает жизненных сил, заставляет смириться: *Farrel went into the kitchen, and a fog of gray discouragement crept into Micky as she watched him through the open door* [Koontz 1].

Black («черный») почти во всех культурах символизирует тьму, смерть, невежество, отчаяние, горе, желание, скорбь и зло (сатану называют князем тьмы), низшие ступени мироздания (загробный мир, первичный хаос) и зловещие предсказания. Согласно поверьям, которые закрепились и в современной английской идиоматике, черный цвет — синоним несчастья: черные кошки, черные дни, черные метки, черный шар [СС 1999].

Слово *black* восходит к древнеанглийскому *blæc* «абсолютно темный, поглощающий свет, цвет сажи и угля», что с протогерманского *blakaz* означало «сжигать». Оно также соотносится с индоевропейским корнем *bhleg-* «сиять, блестеть, гореть», что привело к образованию древнеанглийского *blac* «яркий, сияющий, блестящий, бледный» [OED]. Возможно, так появилось двойственно связующее понимание этого слова: понятие «огонь» (яркий) и понятие «сжигать» (темный) [OED].

Лексема *black* со значением «нечто темное», а значит, «опасное, жуткое, вызывающее тревогу», репрезентирована во фразеологизме: *as black as one is painted* — «страшный, опасный» [EID, 2000, р. 3].

A black fear stole over her heart and closed her throat [King 1].

The view did not refresh him, but it did inspire a deep awe which had overtones of steadily darkening fear [King 2].

... the grim specters of fear, despair, and suspicion run increasingly rampant through the streets of that little town, and from there out into the farms and villages throughout French County... [King 3].

Лексема *black* со значением «нечто яркое», то есть кратковременное, словно вспышка, представлена в мере: *Following the pain and that brief bright fear, another new emotion had arisen...: anger* [King 1].

White («белый») означает абсолютный цвет света: символ чистоты, истины, невинности и жертвенности или божественности [СС 1999].

Лексема *white* происходит от древнеанглийского слова *hwit* «яркий, сияющий; ясный, чистый», восходящего к протогерманскому *hweit-* и протоиндоевропейскому корню *kweit-* «белый; сиять» [OED].

С другой стороны, белый цвет имеет и негативные значения — страх, трусость, капитуляция, холодность, пустота и бледность смерти [СС 1999].

В европейском фольклоре призраки, вампиры и другие злые духи имели мертвенно-белые лица. Смерть — Конь Бледный в Откровении [СС 1999]. Таким образом, белый цвет символизирует и жизнь, и смерть.

Противоречия символизма белого цвета объясняются контрастом между ослепительно-белым и мертвенно-бледным, то есть между жизнью и смертью. Ассоциативный образ страха со смертью репрезентирован в английских поговорках: *as pale as a ghost (as ashes, as death)* — «смертельно бледный; бледный как смерть; бледный как полотно» [АРФС, 1956, с. 792]; *be as white as a ghost* — «бледный как смерть» [2000P2000A, 2003, с. 173]; *be white as a sheet* — «бледный как полотно» [АРСНУФВ, 2001, с. 50].

Белый цвет — символ страха в значении «струсить, сдаться, капитулировать» представлен в идиоме *show white feather* — «оказаться трусом» [ОДИ, 2004, р. 311]. Происхождение данного высказывания связано с проведением петушиных поединков в Британии. Было замечено, что бойцовые петухи с красным и темным оперением агрессивнее белых петухов. Отсюда и появилось устойчивое словосочетание «белое перо» как символ слабости, малодушия и трусости [CERPh].

Во время Первой мировой войны британская армия комплектовалась из добровольцев. Адмирал Чарльз Фитцджеральд предложил вручать белое перо мужчинам, достигшим призывного возраста, не носившим военную форму. Женщины подходили к молодым людям в гражданской одежде и вручали им белое перо. Тех, кто отказывался, обвиняли в трусости: «In England on the outbreak of war civilized young women rush about handing white feathers to all young men who are not in uniform» (G. B. Shaw) [CERPh].

Другая английская поговорка с лексемой *white* также олицетворяет крайнюю трусость: *white-livered* — «малодушный человек, трус» [NCD]. Данное высказывание связано с поверьем о том, что темперамент вспыльчивого, раздражительного человека зависит от выработки организмом большого количества желчи [NCD]. Желчь отравляет организм человека, и он постепенно слабеет, бледнеет, увядает. В нем остается «мало души» или «духа», а потому такой человек становится малодушным, то есть душевно слабым, нестабильным, подверженным чужому влиянию, трусости и боязни поступать согласно своим убеждениям: *His face was calm, but beneath the calm was an odd sheeny look which Richards recognized*

immediately. The sheen of fear, white and waxy and glowing [King 4].

Yellow («желтый»). Лексема *yellow* происходит от древнеанглийского *geolu, geolwe* «желтый», протогерманского *gelwaz*, протоиндоевропейского корня *ghel-* «сиять» [OED].

Желтый цвет парадоксален по своему символическому значению: от положительного до отрицательного. Определенный контекст или оттенок порождают смысл. С одной стороны, теплые желтые тона разделяют солнечную символику золота [СС 1999]. С другой — связь между желтой кожей и страхом и болезнью объясняет, почему желтый стал цветом трусости и карантина: желтый крест ставили на чумных домах [СС 1999]. Более того, традиционно желтый — цвет, обозначающий ревность, зависть, предательство [OED].

Английские поговорки с колоративом *yellow*, репрезентирующие страх: *yellow dog* — «подлый, трусливый человек; презренное существо» [АРФС, 1956, с. 1225]; *yellow-bellied* — «боязливый, трусливый человек» [DEIIE, 2008, р. 49].

Идиома *yellow-bellied*, означающая буквально «желтобрюхий», появилась в 1867 году и употреблялась в отношении моряка-полукровка или метиса. А в 1842 году «желтобрюхими» называли мексиканских солдат (из-за цвета их униформы). *Yellow-bellied*, понимаемое как «трус», вошло в обиход с 1924 года [OED].

Идиома *yellow dog*, что значит «дворняга», засвидетельствована в 1770 году. С 1881 года выражение обозначало на сленге «презренный человек» [OED].

Отрицательный оттенок значения: желтый — цвет умирающих листьев и переспелых плодов, что объясняет, почему его повсеместно связывают с приближением срока смерти и с загробной жизнью [СС 1999].

Очевидно, что амбивалентность желтого цвета восходит к бинарной оппозиции жизни и смерти, где символом жизни служит «желтое сияние» солнца, а символом смерти — «желтый свет» луны: *A man got out of the car, a shadowy figure in the fearsome yellow moonlight* [Koontz 2]. Желтый лунный свет осознается индивидом как страх загробной жизни, терминации его жизненного пути.

Страх — это эмоция, задействующая целый ряд органов и систем в организме человека: «потеют ладони», «волосы встают дыбом», «учащается сердцебиение», «ноги становятся ватными». Желтый цвет здесь также имеет значение. Это цвет, естественный для продукта жизнедеятельности человека, с которым ассоциируется

страх: ... *had to take a little, because the other man's smell was inciting him, that **piss-yellow smell of fear and innate defenselessness*** [King 3]. В ситуации реальной или мнимой угрозы у человека может случиться непроизвольный физиологический процесс мочеиспускания. Таким образом, страх «окрашен» в желтый цвет — цвет биологической жидкости человека, вырабатываемой почками.

Red («красный»). Слово red восходит к древнеанглийскому слову *read* «красный», протогерманскому *rauthan*, протоиндоевропейскому корню *reudh-* «красный, окрашенный в красный цвет» [OED].

Данный цвет символизирует мужское начало, цвет жизни, огня, войны, энергии, агрессии, опасности, революции, импульса, эмоций, страсти, любви, радости, праздничности, жизненной силы, здоровья, физической силы и молодости [СС 1999].

Английские идиомы *red blood* — «физическая сила, мужество, смелость» [АРФС, 1956, с. 109] и *red alert* — «состояние готовности перед лицом опасности» [АРФС, 1984, с. 37] репрезентируют ассоциативную связь бесстрашия с красным — цветом мужского начала, огня и крови.

Огонь играл огромную роль в жизни первобытных людей; красный цвет непосредственно связан с понятием огня: индоевропейское *ar-* «гореть, огонь» [ИЭССАЯ, 2000, с. 299]. Огонь также считался источником рождения, началом жизни. Поскольку в древности считалось, что все во Вселенной рождается из Пустоты, следует учесть ирландское слово *reid* «пустота», тохарское *ritk-* «рожать». Красный цвет — это первый цветовой круг в горящем священном огне [ИЭССАЯ, 2000, с. 299]. С другой стороны, в кельтской традиции смерть выглядит как красный всадник [СС 1999].

*They watched, picturing it, heartened despite the knife of wind **by that lifted glow that meant courage and gallantry**, a play of light in heaven at the very door of the Dark* [Kay 1].

Лингвистический интерес представляет репрезентация периферийных оттеночных цветоименований, символизирующих страх и бесстрашие.

«Оттеночное» цветообозначение страха и бесстрашия репрезентируется в английском языковом сознании посредством терминологических прилагательных *coppery* «медный» и *thin-steel* «стальной».

Медь — металл жизни. Его много в организме человека, и он играет важную роль: более всего нуждаются

в меди сердце и мозг. Страх цвета меди может символизировать кровь, в которой содержится этот металл. Однако внезапный привкус меди может означать болезнь. Таким образом, «медный привкус страха во рту» символизирует смерть, гниение: *It certainly didn't change the throb in her eyes (and the stung places, now they were throbbing, too) or ease **the coppery fear-taste in her mouth*** [King 5].

Сталь характеризуется высокой степенью прочности. Ее трудно сломать. Стальной цвет бесстрашия символизирует негибкость воли человека, его упорность и силу духа: *That had taken courage, the kind of courage **Scarlett honestly knew she herself did not possess, the thin-steel, spun silk courage** which had characterized Melanie ...* [Mitchell].

Лексемы цветообозначения *coppery* «медный» и *thin-steel* «стальной» можно отнести к подсистеме 2-й степени — «слова с наиболее узким значением, наименьшей частотностью, ясной внутренней формой, двухкорневые слова и словосочетания, относящиеся большей частью к технической терминологии» [Москович, 1960, с. 87].

К этому же уровню можно отнести лексемы *shadowy, dark, light, pale, bright*. Однако они не называют цвет по сути, но обозначают его интенсивность, то есть выполняют функцию слов-интенсификаторов: *She was suddenly frightened by **the sick shadow of fear** on her husband's face* [King 6]; *She lay in **the silvery shadows with courage rising** and made the plans that a sixteen-year-old makes ...* [Mitchell]; *Daylight was coming outside, but it was not only that: **courage casts its own light*** [Kay 2].

Словосочетания *sick shadow* «мрачная тень», *silvery shadows* «серебристые оттенки», *cast its own light* «излучать яркий свет» придают дискурсивному пространству страха ощущение безнадежности, обреченности, подавленности, с одной стороны, и чувство безопасности, силу огня, блеск, сияние бесстрашия — с другой.

Еще древние греки говорили: «Человек — мера всех вещей», в том числе и эмоций. Человек, испытывая такие сильные эмоции, как страх и бесстрашие, проходит через ряд эмоциональных переживаний разной степени интенсивности: паника, ужас, испуг, уныние, благоговение, отчаянность, мужество, героизм, безрассудство и так далее. Ее силу можно отразить в цветовом соотношении и соизмерить со спектральным цветовым диапазоном и цветами ауры человека.

Традиционно выделяют семь цветов спектра. Однако «спектр представляет собой непрерывную гамму цве-

тов, сфера значения каждого слова из основной системы цветообозначений незаметно переходит в сферу соседнего» [Москович, 1960, с. 84] и, таким образом, цветовой спектральный диапазон значительно расширяется от наименований базовых цветов до вторичных (оттеночных) цветоименований.

Эмоция страха может проходить через весь цветовой спектральный диапазон, который варьируется от наиболее насыщенного и яркого цвета, символизирующего наивысшую степень эмоции страха, до бледного и тусклого цвета, представляющего слабость и увядание страха: *Not like a man who had mastered the entire spectrum of fear* [King 4].

Исследования ученых подтверждают древнюю философскую мысль об эманациях человека: «каждый человек окружен энергетическим полем или аурой — комплекс излучений всех физиологических и психических энергий тела или оболочек человека» [Головина, 2008, с. 445].

Каждый индивид обладает тонкой и мощной энергией, именуемой всеначалами или психической. Каждого отдельного человека отличает свойственная только ему «палитра» цветов в его ауре. «Чем больше цветов, тем богаче духовная сущность человека, а аура напоминает радугу» [Головина, 2008, с. 450]. И чем сильнее и ярче светится аура, тем разительней и впечатляющей становится сила бесстрашия: *There was an aura of courage about Donalla that Killa certainly respected and...* [McCaffrey]. Но если цвета блекнут, то и бесстрашие теряет свою мощь.

Таким образом, цвета «спектра» страха и «ауры» бесстрашия означают градацию данных эмоций: от наиболее сильных до слабейших и наоборот. Возможно, что на каком-то этапе перехода от одного цвета к другому происходит трансформация одной эмоции в другую, то есть страх оборачивается бесстрашием, а бесстрашие преобразуется в страх.

С течением становления языковой культуры цвет развивает ассоциативные связи и оценочное приращение смысла. Будучи одной из объективных реалий жизненного цикла древнего человека, вероятно, к моменту возникновения у него осмысленной речи цветообозначения могли быть и абстрактными (то есть тот или иной цвет имел неограниченную сочетаемость) [Фомина, 1992, с. 4].

Колоративные смыслы соотносятся с конкретными «универсальными элементами человеческого опыта», именуемые как «день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля» [Вежбицкая, 1996, с. 283].

Цветовая концептуализация и «fear», и «courage» непосредственно сопряжена с этими онтологическими категориями и с экзистенциальной универсалией — жизнь и смерть. Семантика каждого цвета обладает свойством амбивалентности и может демонстрировать двойственную символику: синий (вера, духовная и интеллектуальная жизнь, истина, чистота — болезнь, холод, смерть), белый (свет, чистота, радость — смерть, траур), желтый (солнце, золото, богатство, власть — болезнь, страх, ревность, зависть, предательство), черный (тьма, зло, смерть, траур — блеск, элегантность), серый (прах, смерть, безразличие, смирение — преклонный возраст, мудрость), красный (жизненное начало, любовь, мужество, сила, воля — угроза, агрессия, опасность, смерть). Противоречия символизма каждого цвета объясняются дуалистичным видением окружающего мира: небо и земля, день и ночь, солнце и луна, огонь и лед, добро и зло, жизнь и смерть, страх и бесстрашие.

Красный цвет — цвет бесстрашия. Черный, желтый, белый, синий цвета символизируют страх. Но, с другой стороны, все эти цвета объединены в сакральном огне, который обожествлялся древним человеком.

Огненная вертикаль сакрального костра по мере его вздымания ввысь подразделялась на различные цветные круги, или «цветовые чакры»: красный, черный, желтый, белый, синий [ИЭССАЯ, 2000, с. 44, 112]. Самый высокий участок (синий, голубой) символизировал Бессознательное, отрыв духа от тела [ИЭССАЯ, 2000, с. 64]. Различные цвета сакрального огня (чакры огня) олицетворяли различные уровни Мирового Разума (Боже-ства): именно поэтому многие слова со значением «цвет, краска» соотносятся со значением «разум» [ИЭССАЯ, 2000, с. 278].

Более того, красный, черный, желтый, белый, синий встречаются и в ауре человека. Они раскрывают энергетический показатель его духовного и физического здоровья.

Целый ряд сложных систем цветовой символики заполняют едва ли не все области знания — «от планет и первичных элементов до сторон света, металлов и веществ в алхимии, органов и частей тела» [СС 1999]. Таким образом, вербализация цветового восприятия окружающего мира основано на контрасте противоположностей. Возможно, эти связи основаны на произвольном выборе. Но, с другой стороны, происходит «слияние» этих противопоставлений: с каждым переходом одного цвета в другой, смешением разных цветов происходит и единение человеческих эмоций, «окрашенных» в различные цвета спектра, а значит, страх и бесстрашие «сливаются» в человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. — 2-е изд. — М.: Флинта; Наука, 2009. — 416 с.
2. Брагина А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. — М., 1972. — С. 73–104
3. Вежицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. — С. 231–291
4. Головина Н. М. Наука об излучении биологических объектов // Живая этика и наука. — М.: Международный центр Рерихов, 2008. — № 1. — С. 444–456
5. Исаев А.А., Теплых Д. А. Философия цвета: феномен цвета в мышлении и творчестве: монография. — 2-е изд. — Магнитогорск: МаГУ, 2011. — 180 с.
6. Москович В. А. Система цветообозначений в современном английском языке // Вопросы языкознания. — М.: Издательство Академии наук СССР. — 1960. — № 6. — С. 83–87
7. Мусатаева М.Ш., Ташдемир О. П. Цветообозначение как объект исследования в зарубежной лингвистике // Языки. Культуры. Перевод. — М.: Издательство «Высшая школа перевода». — 2014. — № 1. — С. 251–260
8. Фомина В. С. Формирование и развитие фразеологических единиц с названиями основных цветов спектра как их компонентами: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Минск: Минский гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1992. — 25 с.
9. Шелепова Н. В. Метафора как средство выражения эмоций в языке (на материале английских цветообозначений) // Вестник АГТУ. — Астрахань. — 2005. — № 5 (28). — С. 114–120
10. Berlin, V., Kay, P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. — Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1969. — Pp. xi+178
11. АРСНУФВ — Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений / сост. П. П. Литвинов. — М.: Яхонт, 2001. — 400 с.
12. АРФС — Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. — М.: Гос. издат-во иностранных и национальных словарей, 1956. — 1455 с.
13. АРФС — Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. — М.: Русский язык, 1984. — 944 с.
14. ИЭССАЯ — Историко-этимологический словарь современного английского языка: Слово в зеркале человеческой культуры / сост. М. М. Маковский. — М.: Диалог, 2000. — 419 с.
15. СС — Словарь символов / сост. Дж. Трессидер / пер. с англ. С. Палько. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. — 448 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru> (дата обращения: 14.09.2018).
16. 2000P2000A — 2000 русских и 2000 английских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний / сост. А. Амбражейчик. — Минск: Попурри, 2003. — 304 с.
17. CERPh — Concise English-Russian Phrasebook [Electronic resource]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 05.12.2018).
18. DASCE — Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions [Electronic resource]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 05.12.2018).
19. DEIE — Dictionary of English Idioms and Idiomatic Expressions, 2008. — 87 p. [Electronic resource]. URL: <https://studylib.net/doc/7677302/dictionary-of-english-idioms-and-idiomatic-expressions> (дата обращения: 05.12.2018).
20. EID — English Idioms Dictionary. — Chicago: NTC/Contemporary Publishing Group, Inc., 2000. — 278p.
21. LERPh — Large English-Russian phrasebook [Electronic resource]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 05.12.2018).
22. NCD — New Collegiate Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 05.12.2018).
23. ODI — Oxford Dictionary of Idioms / ed. by Judith Siefring. — Oxford University Press. — 2nd edition, 2004. — 340 p.
24. OED — Online Etymology Dictionary / ed. by Douglas Harper [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 05.12.2018).
25. De Kamp, L. Sprague. Lest Darkness Fall [Electronic resource] / L. Sprague de Kamp // Английская литература А — Z (CD-ROM).
26. Kay, G.G. 1 The Wandering Fire [Electronic resource] / G. G. Kay // Английская литература А — Z (CD-ROM).
27. Kay, G.G. 2 The Summer Tree [Electronic resource] / G. G. Kay // Английская литература А — Z (CD-ROM).
28. King, S. 1 It [Electronic resource] / S. King // Английская литература А — Z (CD-ROM).
29. King, S. 2 Tommyknockers [Electronic resource] / S. King // Английская литература А — Z (CD-ROM).
30. King, S. 3 Black House [Electronic resource] / S. King // Английская литература А — Z (CD-ROM).
31. King, S. 4 Running Man [Electronic resource] / S. King // Английская литература А — Z (CD-ROM).
32. King, S. 5 Girl Who Loved Tom Gordon [Electronic resource] / S. King // Английская литература А — Z (CD-ROM).
33. King, S. 6 Night Shift [Electronic resource] / S. King // Английская литература А — Z (CD-ROM).
34. Koontz, D. 1 One Door Away From Heaven [Electronic resource] / D. Koontz // Английская литература А — Z (CD-ROM).
35. Koontz, D. 2 From the Corner Of His Eye [Electronic resource] / D. Koontz // Английская литература А — Z (CD-ROM).
36. McCaffrey, A. Crystal Line [Electronic resource] / A. McCaffrey // Английская литература А — Z (CD-ROM).
37. Mitchell, M. Gone With the Wind [Electronic resource] / M. Mitchell // Английская литература А — Z (CD-ROM).

© Чезыбаева Наталья Владимировна (Natti81@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Artamonova A. — Kazan national research technical university named after A.N. Tupolev
a_artamonova@inbox.ru

Azizkhanova A. — Dagestan State Medical University Makhachkala, RD
anzhela.azizhanova@mail.ru

Bayramukov A. — Candidate of History, Associate Professor, Karachayevo-Cherkessk State University
rasulba@yandex.ru

Bikbaev V. — Candidate of political sciences, associate professor, Novosibirsk Higher Military Command School
vadim_bikbaev@mail.ru

Bykova G. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia
Bykova_gi@pfur.ru

Chalaya J. — Candidate of philological Sciences, associate Professor, Sevastopol state University, Sevastopol, Crimea
j@chalaya.ru

Dinevich I. — Peoples' Friendship University of Russia
dinevich_irina@mail.ru

Ding Ning — Postgraduate Student at the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
lynne_tin@mail.ru

Dolgoplova M. — Bashkir State University (Ufa)
plum_rain@mail.ru

Gafiatullina N. — Kazan national research technical university named after A.N. Tupolev
nailya.gafiatullina@inbox.ru

Gam V. — Multidisciplinary Academy of continuing Education (Omsk)
gam_v@mail.ru

OUR AUTHORS

Glotkina A. — Senior teacher of the Moscow Aviation Institute (National Research University)
glotkina@gmail.com

Kharsiyev B. — PhD in philosophy, Ch.Akhriyev Ingush Research and Development Institute of Human Sciences
Harsievfilial@mail.ru

Khusikhanov S. — Graduate student of the Ingush State University, Magas
kh.akhmed@mail.ru

Kim Y. — Postgraduate of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
yulia2808@gmail.com

Kirkina E. — PhD in Philology Sciences, Associate Professor of the Mordovian State Pedagogical Institute
kirkinaelena@yandex.ru

Kostenko D. — Candidate of philological Sciences, North Caucasus Federal University (Stavropol)
gurmandiza@mail.ru

Kovalev S. — St. Petersburg State University (St. Petersburg State University)
stas.covalev2014@yandex.ru

Krymova I. — Mordovian State Pedagogical Institute
inna.krymova.80@mail.ru

Kunovski M. — Peoples' Friendship University of Russia
kunovski_mn@rudn.university

Kurchenkova M. — Volgograd State University
kurchenkov@mail.ru

Lebedeva O. — Candidate of sociology, associate Professor, Moscow state Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation
o.lebedeva13@gmail.com

Li Mingshu — Post-graduate student, Pushkin State Russian Language Institute
mingshu1218@163.com

Lukmanova A. — Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University
alisa-lukmanova@yandex.ru

Mikhailova V. — Multidisciplinary Academy of continuing Education (Omsk)
msvomsk@mail.ru

Myers G. — Peoples' Friendship University of Russia
galinamyers@yandex.ru

Natalya C. — Khakas Technical Institute – branch of Siberian Federal University (Abakan)
Natti81@mail.ru

Nikulina E. — Senior lector, Peoples' Friendship University of Russia
Nikulina_ef@pfur.ru

Obukhova L. — The Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
lora.yur@mail.ru

Oshkina E. — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Mordovian State Pedagogical Institute
oshkina-elena@yandex.ru

Osipyan T. — Pyatigorsk state University
kritera@yandex.ru

Petrova E. — Senior lector, Peoples' Friendship University of Russia
Petrova_ee@pfur.ru

Pismennaya T. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Branch of Kuban state University in Slavyansk-on-Kuban
pismennayat@mail.ru

Pogorelov S. — Branch of Kuban state University in Slavyansk-on-Kuban
pogorelov.s.s@mail.ru

Pustovoit G. — North-Eastern State University, Magadan
g.pustovoit2009@yandex.ru

Rustamkhanli T. — PhD in Philology, doctoral candidate Institute of literature Nizami Ganjavi, Azerbaijan National Academy of Sciences
abuzar-bam@mail.ru

Ryabikov A. — Candidate of Historical Sciences, Branch of Kuban state University in Slavyansk-on-Kuban
riybicov@mail.ru

Sakhrokov V. — Candidate of philosophy, associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
sakhrokov@mail.ru

Shcheglov N. — Graduate student, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
oscen@ya.ru

Shkarubo S. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)
serge_philosof@mail.ru

Shlangman M. — Candidate of Pedagogics, Associate Professor, North-Eastern State University, Magadan
29353@mail.ru

Tang Jing — Graduate student, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
anfisa.tan@me.com

Taratorin E. — Candidate of pedagogics, associate Professor of the Orel state Institute of culture
etaratorin@mail.ru

Topal N. — Post-graduate student, Kazan national research technical University. A. N. Tupolev – KAI
topal2008@yandex.ru

Veduta O. — Tyumen Industrial University
o_veduta@mail.ru

Xiao Jingyu — Ph.D of philosophy, Guangdong University of Foreign Studies
Najia0802@163.com

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

